

М. И. Семевский

СЛОВО и ДЕЛО!
1700—1725

КНИЖНЫЕ
ПАМЯТНИКИ

КНИЖНЫЕ ПАМЯТНИКИ
из фондов Библиотеки академии наук

Серия основана в 2005 году

Редакционный совет серии:

Н. М. Баженова, канд. фил. наук
И. М. Беляева, канд. пед. наук
Н. В. Колпакова, канд. пед. наук
В. Т. Курнос
В. П. Леонов, д-р пед. наук, директор БАН
Е. А. Савельева, канд. ист. наук
С. В. Харитонов

Оформление серии:

О. В. Горсунов
В. А. Ноздрин

М. И. Семевский

СЛОВО И ДЕЛО!

1700—1725

Scan by Skorpion Professional

“РУССКАЯ СИМФОНИЯ”
БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК

Санкт-Петербург
2006

**ББК 84(2 Рос=Рус)1-44
С 301**

Семевский, Михаил Иванович

С 301 Слово и Дело! (1700—1725) /М. И. Семевский. — Перепеч. с изд. 1885 г. с испр. — СПб : Русская симфония, 2006. — 328 с., [2] с. ил. — (Серия «Книжные Памятники из фондов Библиотеки Академии наук»).

ISBN 5-91055-011-X

Изданная в 1885 году книга «Слово и Дело!» состоит из исторических очерков и рассказов, написанных М. Семевским в 1860—1862 годах и напечатанных в различных периодических изданиях. В основе очерков лежат переданные с большой точностью архивные материалы Тайной розыскных дел Канцелярии Петра Великого.

В период работы над темой автору не было и двадцати пяти лет. Молодость позволила ему писать о серьезных предметах с легкостью и живостью, делающими книгу доступной и полезной для широкого круга читателей. Такой подход впоследствии был использован многими авторами, работавшими в области исторической литературы.

Книга М. Семевского «Слово и Дело!» имела большой успех и выдержала несколько переизданий. Современному читателю он дает возможность не только познакомиться с практикой работы Тайной Канцелярии, но и почувствовать атмосферу жизни русского общества в те далекие годы.

ББК 84(2 Рос=Рус)1-44

ISBN 5-91055-011-X

© Издательство “Русская Симфония”, 2006
© Библиотека Российской академии наук, 2006

М. И. Семевскій. Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII в.

СЛОВО И ДѢЛО!

1700—1725.

Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ. — Самуилъ
Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста. — Камеръ-
фрейлина Гамильтонъ. — Петръ I-й какъ юмористъ.

Изданіе третье, вновь пересмотрѣнное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатер. кан., № 78.

1885.

Изданіе редакціи журнала „Русская Старина“.

Семевский Михаил Иванович (1837—1892) — русский общественный деятель и писатель.

Родился 4/16 января 1837 года в селе Федорцево Великолуцкого уезда Псковской губернии. Обучался в Полоцком кадетском корпусе и дворянском полку; служил офицером в лейб-гвардии Павловском полку. В 1857 году поступил репетитором в 1-й кадетский корпус, затем служил в государственной канцелярии по главному комитету об устройстве сельского состояния до самого закрытия комитета в 1882 году.

В 1855—1856 слушал лекции профессоров Московского университета, тогда же начал испытывать интерес к изучению русской истории и стремление к литературным занятиям. Первым печатным трудом М. И. Семевского была статья в «Москвитянине» (№ 12, 1856 г.) «О фамилии Грибоедовых»; в следующем году он издал историко-этнографическое исследование «Великие Луки и Великолуцкий уезд». В то же время Семевский помещал в журналах ряд статей по русской истории, главным образом XVIII века; наиболее значительные из них, составленные на основании архивных документов: «Царица Прасковья» («Время», №№ 2—5, 1861 г.), «Слово и дело» («Светоч», 1861 г.; «Иллюстрация», 1862 г.), «Императрица Екатерина I и семейство Монсов», «Сторонники царевича Алексея», биография царицы Е. Ф. Лопухиной, «Фрейлина Гамильтон».

В 1870—1877 годах М. И. Семевский выпускал исторический журнал «Русская Старина». Также в этот период он издал отдельно некоторые памятники новой русской истории, такие как «Записки Андрея Тимофеевича Болотова» (СПб., 1870), «Записки князя Я. Шаховского» (СПб., 1872), «Россия и русский двор в первой половине XVIII века. Записки и замечания графа Эрнста Миниха» (СПб., 1891), альбом «Русские деятели в портретах» (5 вып., СПб., 1882—1891), а также «Очерки и рассказы из русской истории XVIII века» (СПб., 1883—1884) и другие.

С 1877 года до самой смерти М. И. Семевский состоял гласным Санкт-Петербургской думы, а в 1883—1885 годах и товарищем городского головы.

Скончался 9/21 марта 1892 года в Кронштадте.

Предисловие

В настоящей книге собраны исторические очерки и рассказы из эпохи Петра Великого, составленные нами более двадцати четырех лет тому назад, именно, в 1860—1862 годах.

Все эти статьи тогда же были напечатаны в различных периодических изданиях, каковы: «Отечественные записки» изд. А. А. Краевского, «Время» изд. М. М. и Ф. М. Достоевских, «Светоч» изд. Д. И. Калиновского и А. П. Милюкова, «Век» изд. А. В. Дружинина, К. Д. Кавелина и П. И. Вейнберга, «С.-Петербургские Ведомости» изд. В. Ф. Корша, «Русская Речь» изд. Евгении Тур и «Иллюстрация» изд. господина Баумана.

Если настоящие очерки и рассказы не утратили, то, главным образом, потому, что все они составлены по подлинным, до того времени не изданным документам. Материалы эти, суть бумаги Тайной розыскных дел канцелярии времени Петра Великого, более ста лет хранившиеся в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, но при Императоре Николае Павловиче перенесенные, по его воле, в Государственный архив министерства иностранных дел, в здание главного штаба, и разобранные по картонам под ближайшим наблюдением графа Дмитрия Николаевича Блудова.

Взяв в основание наших очерков архивный материал, передавая его с наивозможно большей точностью, мы старались обставить его всеми данными, какие нашлись в печатной исторической литературе до 1860-х годов, русской и иностранной, относительно времени Императора Петра Великого.

Читатели, конечно, заметят легкое, живое изложение, быть может, не всегда соответствующее серьезности предмета, о котором мы повествуем в том или другом очерке. Это явление объясняется как молодостью автора (23 года) в то время, когда писались настоящие очерки, так и увлечением явить некоторый протест против той сухой и напыщенной фразировки, которой отличались покойные академик Николай Герасимович Устрялов и его предшественники И. И. Голиков, даже Н. А. Полевой и прочие лица во всех тех статьях и книгах, в которых трактовали они о Петре Великом, размалевывая этот исторический истинно величавый образ такими белилами и румянами, в которых он вовсе не нуждался, да никогда и не будет нуждаться.

Превосходный труд С. М. Соловьева о Петре I и эпохе преобразования России не существовал еще, когда мы углубились в изучение преимущественно бытовой истории времени царя Петра Алексеевича.

С тех пор, когда настоящие наши очерки были впервые напечатаны, явилась, кроме труда С. М. Соловьева, целая литература более или менее важных по значению и интересу книг, монографий, очерков, целых сборников материалов, посвященных изучению Петра Великого и его царствования.

Много данных, в этом отношении, представил, в ряду прочих изданий, и наш исторический журнал «Русская Старина» в пятнадцать лет его издания, с 1870 по 1884 год включительно.

Все это дало бы нам возможность восполнить настоящие наши очерки и рассказы, но мы воздержались от дополнений.

Мы удовольствовались только пересмотром и исправлением некоторых, впрочем, немногих, замеченных нами, погрешностей. Нам жаль было отнимать у наших рассказов именно тот особый колорит, которым они отличаются и который, быть может, и незаслуженно привлек к ним в свое время внимание многих читателей настолько, по крайней мере, что мы даже в последние годы получили много писем от подписчиков «Русской старины» с выражениями пожеланий видеть наши исторические очерки и рассказы 1860-х годов собранными в новом и отдельном издании.

В удовлетворение этих пожеланий мы выпустили в свет в 1863 году издание книги «Царица Прасковья, 1664—1722 годы», а затем представили сборник наших же исторических очерков и рассказов из эпохи Петра I под заглавием «Слово и дело».

Впоследствии времени надеемся представить и остальные наши исторические труды из области русской истории XVIII века, подготовившие нас к изданию «Русской старины», посвященной почти исключительно изучению отечественной истории последних трех столетий.

С. Мерекюль. 5 сентября 1883 года

Изданная нами в конце 1883 года, настоящая книга наших очерков и рассказов из русской истории XVIII века «Слово и дело» разошлась сполна, до последнего экземпляра, в течение нескольких месяцев. По требованию многих подписчиков «Русской старины» мы напечатали ныне эту книгу третьим изданием. Оно выходит в свет без всяких, против второго издания, перемен, с тем лишь, однако, что многие подлинные документы, в ней напечатанные, весьма тщательно вновь сверены с подлинниками; замеченные описки и типографские погрешности исправлены. Так, в особенности проверены с подлинниками письма, заметки и разные собственно-ручные наброски Петра Великого, см. стр. 298—320 и другие.

Михаил Семеновский. СПб. 1 февраля 1885 года

I.

**ТАЙНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ
ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ
В 1720—1725 ГОДАХ**

«Слово и дело!»

Введение

Вершенные дела розыскных дел Тайной канцелярии (полное развитие которой, бесспорно, принадлежит Петру Великому) представляют неисчерпаемый драгоценнейший материал для знакомства с духом времени, с законодательством его эпохи, с сподвижниками великого монарха, и главное — с обществом, с русским человеком того времени.

В самом деле, за громкими и славными победами Петра, за дивным основанием пышного города на тряских болотах, в пыли, поднявшейся при ломке всего старого, за пристройками и постройками нового здания, пышными декорациями всевозможных учреждений, пересаженных с иноземной почвы, мы решительно не видим того народа, ради которого делалось все это.

Где же он, со своим своеобразным взглядом на вещи? Что не слышать его толков и рассуждений по поводу преобразований? Как принимает он тот либо другой указ, что толкует он об этом нововведении, о начатой войне, о заключенном мире, о казнях стрельцов, о заточении царицы Авдотьи, о казни царевича Алексея, о лютых истязаниях сотен людей, его явных и тайных сторонников и согласников? Как принимает этот народ указы о перемене одежд, нравов и обычаев, освященных давностью и духовными властями? Как принимает этот народ вести о неудачах царских, о его немощи, насколько он понимает его великие идеи, насколько сочувствует им?

Находим ли мы ответы на нескончаемый ряд подобных вопросов хоть у кого-нибудь из длинной фаланги писателей о Петре и петровской эпохе? Заглянем в сочинения Крекшина, в дневники и записки Нащокина, Гордона, Гизена, Желябужского, Корба, Неплюева, в сочинения и записки Бергмана, Галема, Шотлея, Мовильона, Феофана Прокоповича, Рабенера, Туманского, Катифора, Феодози, Коха, Шелля, в достопамятные сказания Штелина, в толстые тома Голикова, Устрялова, в рассказы Вольтера, Леклерка, Левека, Полевого... Ну, да пересмотрите хотя все сочинения о Петре, какие только собраны (а их несколько шкафов) просвещенным начальством Императорской Публичной библиотеки. Что ж? Много ли вы найдете в них ответов на

наши вопросы? При вашем пересмотре вы найдете более или менее искусные рассказы о дипломатических сношениях дворов, о походах, битвах, осадах, о постройках крепостей, городов, о путешествиях, празднествах, увеселениях, нередко о всякого рода казнях, наконец, зачастую встретите длинные рассуждения авторов о нравах, об обществе того времени, о важности либо вреде того или другого указа. Большинство этих творцов записок, рассуждений, историй, обзоров, повествований, взглядов и тому подобных произведений падает во прах пред великим преобразователем, с умилением добывает его державную руку, дивится его гению, превозносит его величие... Меньшинство же пускается в насмешки, доходящие до брани, нередко ни на чем не основанной.

За всем тем вы почти нигде не видите русского человека петровского времени. Мало того, вы не видите даже главных деятелей эпохи иначе, как-либо поставленных на высокие ходули, так что шапка валится с головы при одном взгляде на «сии знатные персоны», либо персоны эти брошены в грязь, так что на них не видать лица человеческого...

Но оставимте великих людей. Для них есть историки искусные, патентованные... нет, мы хотим ограничиться людьми подлой породы; мы хотим сойтись сколь возможно ближе с мелким людом того времени. Ведь эта мелочь, эта забытая историками толпа — основание картины, ведь без нее она мертва, она не имеет смысла! Ради этого знакомства мы поспешим зайти в келейку тогдашнего затворника, пройдем путем-дорогой со странником да странницей в дальнюю пустынь, побеседуем с отцом-монахом о грозных небесных знамениях, о тайных видениях, смущающих его и наяву, и во сне... Пошепчемся без утайки, тем не менее за затворенной дверью, с боязливой оглядкой, со стариком-раскольником о немецком оборотне, о том, что пришел антихрист, что рушит и валит он все направо да налево и близится, близится падение матушки Руси, а с ней и всего грешного мира... А вот кабак-то царское кружало. На многих из них мы видим портрет великого монарха, мы не пройдем мимо приюта радости и горя русского человека. Не побрезгуем. Сядемте да выпьемте кружку хмельного пивца либо стаканчик винца... Не бойтесь, мы не потеряем время; вот этот мужичек сообщит нам под утайкой весьма важную новость: пришли-мол тучи тучей цесарские корабли, требуют-де они либо великого князя, либо изменников, погубивших царевича (смотри далее 2-й рассказ); а то вот и хохол, простодушный

малоросс, чокнемся с ним — он поговорит о новом титуле, принятом государем, об Императоре Всероссийском, досконально объяснит свой взгляд на этот предмет (4-й рассказ).

Вот ссорятся пьяный муж с женой (6-й рассказ), бранится «вельми шумный» подьячий (7-й рассказ), орет подгулявший старец, отче Антоний (9-й рассказ), кричит «слово и дело!» солдатская женка Ирина (5-й рассказ); в тиши ночной, на нарах, ведут зазорный разговор «школяры», представители тогдашней учащейся молодежи (смотри далее 16-й рассказ), и прочие, и прочие, и прочие. Остановимтесь, послушаем. Они пьяны, говорят «вне ума», но ведь недаром же сложилась на Руси пословица «что у пьяного на языке, то у трезвого на уме». Недаром же ведут их за те речи непотребные в вертепы Розыскных дел Тайной канцелярии... Если бы никто не находил в тех словах смысла и значения, зачем же вести болтунов на пытку, под кнут, на эшафот...

Кто же доставит нам знакомство со всем этим людом, до сих пор почти всегда забываемым исследователями петровской эпохи?

— Вершенные дела розыскных дел Тайной канцелярии.

Доносы, подметные письма, справки, отношения, промемории, частные письма, допросы, показания, очные ставки, застеночные документы, объявления, приговоры — что ни лист в них, что ни страница, то, будьте уверены, новая черта для обрисовки нашей картины. Здесь мы найдем целые биографии лиц самого разнообразного рода жизни, сословий, возрастов и пола; здесь мы отыщем рассказы об обычаях и поверьях этих людей, отсюда узнаем их задушевные мысли, их скорби о прошедшем, негодование на настоящее, затаенные надежды на лучшее будущее...

А это что за люди, по другую сторону? Перед кем стоят наши новые знакомые, наши рассказчики? Те люди — важные сановники, то подвижники Преобразователя. Они передовые люди, им выпала слава и честь вести вперед дорогую Отчизну. Но здесь не подходите к ним, не мешайте — они заняты делами, по тогдашнему воззрению, первой важности... В этих мрачных и затхлых застенках они допрашивают, они записывают показания, они грозят подсудимым, они весело болтают меж собой, они разыскивают о государственных противностях...

Тс... Тише... Слышите эти вопли? — Кого-то пытаются... Выйдем поскорей на чистый воздух, да и кстати поговорим о допросах с пристрастием.

Последнее время¹ в различных исторических розысканиях с легкой руки академика Устрялова и с его тяжеловесного VI тома «Истории царствования Петра» мало-помалу начали обнажаться темные углы, мрачные стороны великого царствования. До сих пор ослепленные блеском всего великого, гениального, смелого, героического в деяниях Петра Великого мы (говорю о некоторых) с отвращением стали приглядываться, испугались и закричали: «К чему это, для чего, что пользы в том, что нам стали рассказывать, да показывать! Вот, например, пытки — для чего нам знать, что они были, для чего рассказами об этих зверствах класть пятно на великое имя, на славное время? Разве в других государствах было лучше? Разве...» — и тому подобное.

О пользе исследований, не обходящих темные углы истории, мы не станем трактовать. Это увлекло бы нас слишком далеко, да и мы, по обыкновению обегая голословные рассуждения, спешим перейти к фактам, к цели и содержанию настоящих очерков, но не можем обойти последней заметки: мы не понимаем, почему именно в пытках находят какой-то упрек времени, лицам, обществу, а прежде всего — упрек Петру? Для чего отворачиваться от страшных подробностей и упрекать тех, кто по мере сил и возможности решается приподнять доселе опущенную над ними завесу? Ведь рано или поздно надо же будет узнать истину; ведь из того, что действительно было — ничего не выкинешь. Для чего же только внукам да правнукам нашим предоставить право знать историческую истину петровской эпохи во всей ее наготе, а самим закрыть глаза и наивно повторять высокопарные, надутые фразы историков? Неужели же полтораста протекших лет мало, чтобы дерзнуть, наконец, стряхнуть пыль с прошедшего?... Пытки... Пытки были неотъемлемою принадлежностью тогдашних судопроизводств; были они в России, и еще утонченнее, если хотите, еще ужаснее были в Европе. Осуждать за них Петра Великого — все равно, что осуждать его за то, что он не имел того гуманного взгляда на человеческое достоинство, какое явил Александр I, обнародовав 27 сентября 1801 года знаменитый указ против пыток.

Точно также негодовать на сподвижников Петра — все равно, что желать, чтобы князя Федор Юрьевич и Иван Федорович Ромодановские, Петр Андреевич Толстой, господа Скорняков-Писарев, Андрей

¹ Писано в 1860 году.

Иванович Ушаков со товарищи, деятели 1700-х годов походили бы на Мордвинова, Сперанского, Строгановых, Воронцовых (Семена Михайловича и Михаила Семеновича), Кочубея, Н. Румянцева, Новосильцева, Витгенштейна, А. Шишкова и других доблестных сподвижников Александра I. Притом, петровские пытки были игрушками против тех разнообразнейших истязаний, какие выработала цивилизованная Европа... Из следующего документа прошлого столетия совершенно ясно видно, как немногосложен был «обряд, како обвиненный пытается». Обряд этот был у нас во всей силе в продолжение всего XVIII века до времен Александра I.

ОБРЯД КАКО ОБВИНЕННЫЙ ПЫТАЕТСЯ¹

«Для пытки приличившихся в злодействах, сделано особое место, называемое застенок, огорожен палисадником и покрыт для того, что при пытках бывают судьи и секретарь, и для записки пыточных речей подьячий; и, в силу указа 742-го году, велено, записав пыточные речи, крепить судьям, не выходя из застенка.

В застенке же для пытки сделана дыба, состоящая в трех столбах, из которых два вкопаны в землю, а третий — сверху, поперек.

И когда назначенного будет для пытки время, то кат или палач явиться должен в застенок со своими инструментами, а оные есть: хомут шерстяной, к которому пришта веревка долгая; кнутья и ремень, которым пытанному ноги связывают.

По приходе судей в застенок и по рассуждении, в чем подлежащего к пытке спрашивать должно, приводится тот, которого пытать надлежит, и от караульного отдается палачу, который долгую веревку перекинет чрез поперечный в дыбе столб и, взяв подлежащего к пытке, руки назад заворотит, и, положа их в хомут, чрез приставленных для того людей встегивается, дабы пытанный на земле не стоял. У которого руки и выворотит совсем назад, и он на них висит; потом свяжет показанным выше ремнем ноги и привязывает к сделанному нарочно впереди дыбы столбу; и, растянувши сим образом, бьет кнутом, где и спрашивается о злодействах и все записывается, что таковой сказывать станет.

¹ Мы приводим этот документ буквально из дел Тайной канцелярии, 1785—1754 гг., карт. XVII, № 9.

Если ж из подлежащих к пытке такой случится, который изобличается во многом злодействе, а он запирается, и по делу обстоятельства доказывают его к подозрению, то для изыскания истины употребляются нарочно:

1-е тиски, сделанные из железа в трех полосах с винтами, в которые кладутся злодея персты сверху большие два из рук, а внизу ножные два и свинчиваются от палача до тех пор, пока или повинится, или не можно будет больше жать перстов, и винт не будет действовать.

2-е наложив на голову веревку и просунув кляп, вертят так, что онный изумленным бывает; потом простирают на голове волосы до тела и на то место льют холодную воду только что почти по капле, от чего также в изумление приходит.

3-е при пытке, во время такого ж запираательства и для изыскания истины пытанному, когда висит на дыбе, кладут между ног на ремень, которым они связаны, бревно и на оное палач становится за тем, чтоб на виске потянуть его, дабы более истязания чувствовал. Если же и потому истины показывать не будет, снимая пытанного с дыбы, правят руки, а потом опять на дыбу таким же образом поднимают для того, что и чрез то боли бывает больше.

Хотя по законам положено только три раза пытать, но когда случится пытаный на второй или на третьей пытке речи переменит, то еще трижды пытается.

И если переговаривать будет в трех пытках, то пытки употребляются до тех пор, пока с трех пыток одинаковое скажет, ибо сколькораз пытан ни был, а есть ли и чем-нибудь разнить в показаниях будет, то в утверждение должен еще три пытки вытерпеть; а потом и огонь таким образом: палач, отвязав привязанные ноги от столба, висячего на дыбе ростянет и, зажегши веник, с огнем водит по спине, на что употребляется веников три или больше, смотря по обстоятельству пытанного.

Когда пытки окончатся и пытаный подлежать будет по винам ссылке на каторгу, то при посылке от палача вырываются ноздри сделанными нарочно клещами. Если же которые подлежат смертной казни, то и таковых, в силу указов, до будущего о действительной казни определения, велено ссылать на каторгу ж, а при посылке также ноздри вырезаются. И сверх того, особливыми присланными стемпелями на лбу и на щеках кладутся знаки (:вор:), в тех же стемпелях набиты железные острые

спицы словами, и ими палач бьет в лоб и щеки, и натирает порохом, и от того слова видны бывают».

Нечего и говорить, что каждый порадуется тому, что ныне нет ни этих истязаний, ни вырывания ноздрей, ни татарского обычая брить головы, ни кнутов, ни нещадного сечения батогами, уменьшилось употребление клейм, плетей и шпицрутенцов...¹

Но следует ли из этого, чтобы, восхваляя настоящее, умалчивать о прошедшем? Только тогда и хорошо настоящее, только тогда и ценим мы его светлые стороны, когда знаем тот исторический процесс, каким они выработались, когда знаем темные стороны доброй старины...

Слово и дело! Обращаемся к нему. Мы не имеем в виду рассматривать юридически этот обычай обвинений в государственных преступлениях; в настоящих очерках мы только хотим познакомить наших читателей с фактами, возникшими из слова и дела! Из множества дел мы выбираем эпизоды небольшие по объему, но довольно интересные по содержанию и действующим в них лицам.

Цесарские корабли²

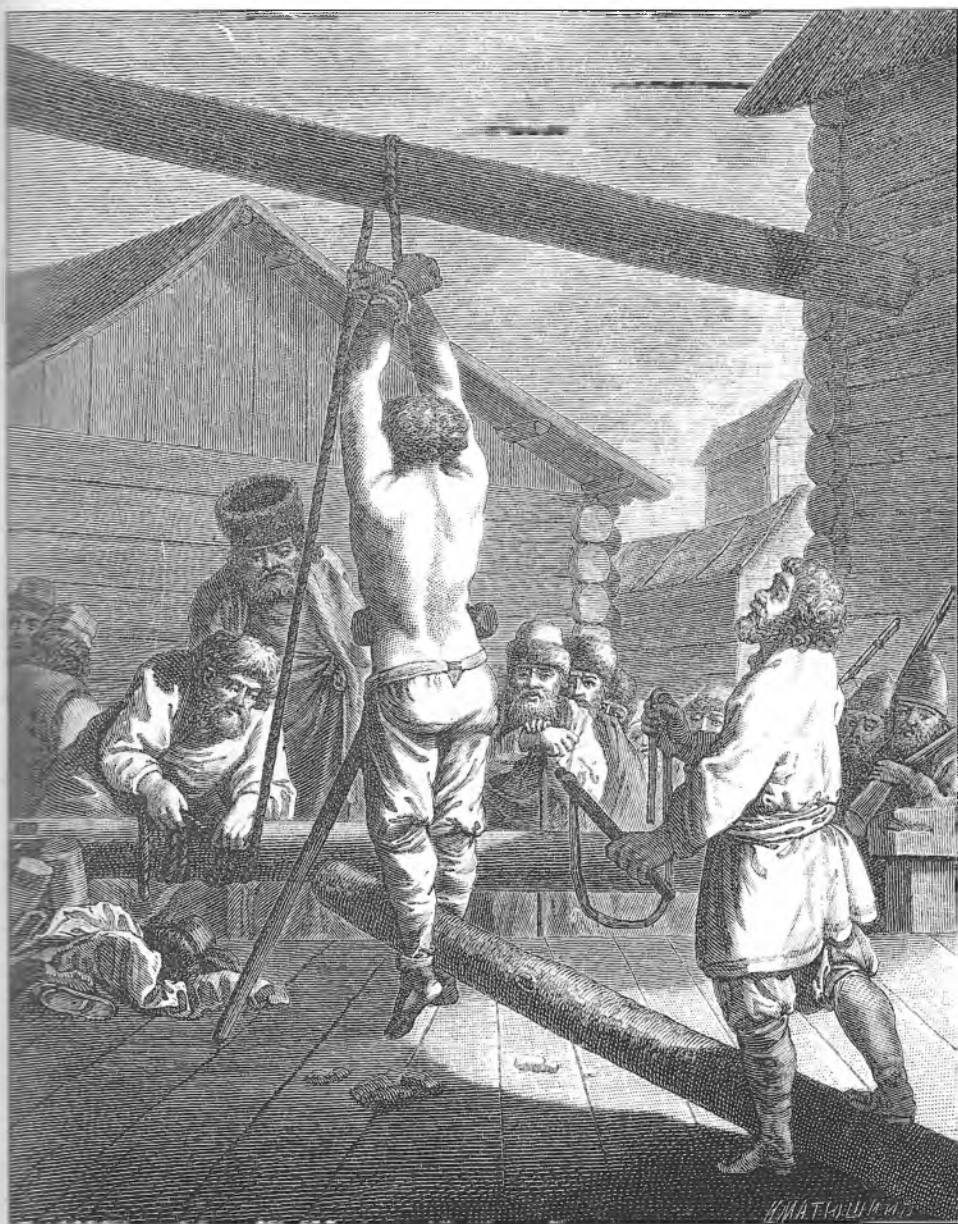
Продолжительная борьба со Швецией сильно утомила народ и войско; все с нетерпением ждали мира, и от Петербурга до дальних стран сибирских все толковали, каждый по-своему, о тягостях войны, о времени заключения мира, об условиях, на которых он может быть заключен, и прочее. Нечего и говорить, что на подобных толках и пересудах, совершенно, впрочем, невинных, отпечатывались воззрения простодушных и суеверных простолюдинов, тем не менее и они, проникая в Тайную канцелярию, вызывали аресты, допросы и штрафования говорунов: «не толкуй мол, не твое дело, жди да молчи; что повелят, то и будет; не тебе ведь рассуждать!»...

Как ни велика была острастка, а говоруны не унимались; жажда толков и новостей быстро распространялась.

Вот, например, два собеседника... О чем они толкуют с таким жаром? Подойдем, да послушаем.

¹ Писано в 1860 году, то есть до Высочайшего указа Императора Александра II, 1863 года, освободившего Россию от телесных наказаний.

² Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XX, д. № 43.

Виска, или дыба, в России в XVIII веке

Наказание батогами в России в XVIII веке

— ... Куда ж ты едешь? — спрашивает содержатель шинка Барышников, нагнав по дороге в Пошехонском уезде слугу ингерманландского полка офицера — солдата Малышникова.

— Послал меня барин к поручику нашего же полка, к Кольчугину, в село Погорелое.

— Зачем?

— А вот еду к Кольчугину для того, что нам по указу велено идти в Ревель...

— Вот что! Стало быть опять же война, да сражение будет? (Разговор происходил летом 1720 года).

— Ничего ведь не поделаешь, — отвечал денщик, — пришли к Кроншлоту цесарских и шведских девяносто кораблей и просят у его царского величества бою; а буде-де бою не отдадут, чтоб отдали изменников...

Между тем собеседники подъехали к селу Погорелому, далее ехать было не по дороге, и расстались. Барышников, жалеючи, что не успел расспросить, «каких изменников возжелал немецкий цесарь», проехал далее, в село Богоявленское, на реку Шекену, где имел свой откупной кабак.

Дня два спустя Барышников отправился в село Петровское, и по дороге остановился перекусить в подмонастырской Германовой слободке.

В тамошнем кабаке встретил он крестьянина Дмитрия Салтанова. Салтанов был послан в Галицкий уезд, от Берг-коллегии, разыскать медную руду. Лицо, следовательно, в некотором роде административное. Барышников весьма любезно предложил ему «выкушать» пивца и, не утерпев, стал расстабарывать о политике.

— Слышал ты, — говорил Барышников, — что цесарских сто кораблей пришли в Кроншлот и просят у царского величества великого князя, а потом и изменников? Поэтому самому, сказывают, и мир состоится?

— Слово и дело! — закричал в ответ Салтанов и, в качестве лица, доверенного у правительства, препроводил Барышникова в Пошехонь, где и просил воеводу взять его под караул и допросить о противных словах. Доноситель заметил при этом, что он не имел с Барышниковым никакой ссоры и до настоящей беседы не был с ним знаком.

Стольник и воевода Д. А. Бестужев-Рюмин принял челобитье и поспешил снять допрос в присутствии нескольких чиновников. Болтун сознался во всем, сослался на денщика, но отрекся от слов: «поэтому самому и мир состоится». Барышникову казалось, что вина его уменьшится,

если он отречется от этих слов; с этой же целью от стоял на том, что вместо 100 цесарских кораблей им было сказано 90.

Скинутый десяток не спас его от Тайной канцелярии: Барышникова заковали в ножные и ручные кандалы и, как тяжкого преступника, препроводили в столицу, под крепким караулом, с донесением воеводы на высочайшее имя. С арестантом послан был и доноситель.

Передопросив обоих, Тайная канцелярия не нашла нужным отыскивать неизвестного денщика, — первоначального передатчика новости о цесарских кораблях, но положила крестьянину Ивану Барышникову за предерзостные, непристойные слова учинить жестокое наказание: вместо кнута бить плетью и освободить с проездным листом до Пошехони.

В этом эпизоде батоги заменились плетью. Наказание было строже, как кажется, только потому, что говорун-мужичок дерзнул намекнуть о великом князе, вероятно, сыне злополучного царевича Алексея Петровича.

Любопытно, что Салтанов, столь бескорыстно донесший на Барышникова, обуреваемый страстью к доносам, стал деятельно подвизаться на этом поприще; но при успехах неминуемо были и неудачи: в 1723 году за ложный извет он был послан на каторгу и предоставлен в распоряжение адмиралтейского ведомства. Не унялся он и здесь, крикнул «слово и дело!» на матроса Мешкова и по изобличении в ложном, воровском извете, бит кнутом, потерял ноздри в клещах палача и в феврале 1724 года сослан в Сибирь, в дальние города, в государеву работу вечно.¹

Необычный поклон²

27 июня 1721 года Петр праздновал годовщину полтавского боя. Троицкая площадь на Петербургской стороне служила местом празднества. В обширной палатке с алтарем внутри собралось знатнейшее духовенство: литургия шла торжественно, вся площадь внимала ей в гробовом молчании, и стройное пенье большого хора далеко разносилось по улицам да пустырям Петербургской стороны.

Шагах в пятидесяти от церкви стоял мужчина громадного роста в старом зеленом кафтане, с небольшими красными отворотами, поверх

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XVIII, д. № 20.

² Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XXVIII, д. № 51

которых была надета кожаная португеза; на ногах у него были зеленые чулки и старые изношенные башмаки, в одной руке палка, в другой — старая поношенная шляпа. Гигант этот был полковник гвардии, Царь Петр Алексеевич, в том самом костюме, в котором разгромил Карла XII на полях Полтавы.

Его окружали главные военачальники и офицеры гвардии; далее в строю, парадом, вытянуты были гвардейские полки. Государыня Екатерина Алексеевна, а также вдовствующая царица Прасковья Федоровна, царевны и весь двор присутствовали на площади, а там, за рядами гвардейцев, толпился народ...

Этот день для Петра был вдвойне радостен: к приятным воспоминаниям о славной победе присоединилось удовольствие встречи с герцогом голштинским (будущим мужем старшей его дочери); государь давно ждал герцога, и тот, чтоб доставить ему удовольствие, приехал как раз в годовщину полтавского боя.

После молебна, отпетого с коленопреклоненной площадью при громе пушечной и ружейной пальбы, государь пожелал похвалиться гвардией пред дорогим гостем, стал в ее главе и с музыкой, блестящим строем, повел ее по площади...

Заезжий гость был в восторге, народ теснился со всех сторон полюбоваться на бравую гвардию великого преобразователя.

Особенно приятное впечатление парад произвел на мужичка-работника Максима Антонова. Еще перед литургией, ради полтавской победы, завернул он с братом в «австерию», выпил винца денег на шесть, а по крепости и дешевизне пенника выпитого было достаточно, чтоб «учиниться шумным».

«Шумным» явился мужичок и на площадь; солнышко припекло его обнаженную голову, пальба ошеломила, хмель стал бродить да туманить голову, и Максим пришел в восторженное состояние.

Заиграла музыка, двинулись полки. Мужик глядел на Петра, глядел на телохранителей и до того умилился, что возжелал лично засвидетельствовать монарху свое искреннее к нему расположение. С этой целью, не слушая никого, ни на что не обращая внимания, Максим приблизился к Петру, отвесил поклон самый необычный, тем не менее от полноты души, затем другой и третий...

Телохранители скоро заметили человека, так странно выделившегося из толпы, а еще скорее обратили внимание на небольшой ножик

с костяной ручкой, висевший у него на пояске. Человек с ножиком подходит к государю, кланяется необычно, что это — не умысел ли какой? Слово и дело!

— Схвати, возьми мужика под караул, — закричал один из адъютантов преображенскому солдату Аракчееву.

Детина здоровый, Аракчеев отволол Максима; но мужичок заспорил, закричал и от «шумства» ударил преображенца по уху до крови. Тот стал отымать нож, Максим и его отстаивал со всем пылом красноречия кулаков; их осилили гвардейцы. Максима связали и отдали под караул.

Два дня спустя мы его видим пред грозным судилищем Тайной канцелярии.

Судилище поспешило познакомиться с прошлым и настоящим преступника. Максим Антонов оказался крепостным гвардии прапорщика князя Черкасского; приехал в Петербург на барках работником, ходил по заработкам у купецких людей и, наконец, нанялся в адмиралтейство чистить пеньку. Он рассказал, с кем и когда приехал, где и у кого работал, назвал хозяина той избы, где в настоящее время с другими работниками нанимает угол, и затем с такой же определенностью отдал отчет в пропитых деньгах ради полтавского праздника.

— Необычным же образом подходил я к царскому величеству, — говорил Максим, — без всякого умысла, токмо от единого моего шумства. И дурно учинить персоне его царского величества меня никто не научал. Нож у меня, — каялся чистосердечно Максим, — давно висит на поясе для употребления к пище во время работной поры, а дрался ли с кем, как брали меня под караул, того за пьянством не помню.

Дело, кажется, было просто, но не для суровых членов тайного трибунала необычный поклон на площади, ножик на поясе, хоть бы и такой невинный, какой был у Максима, все-таки в некотором роде оружие опасное... все это были обстоятельства и противные... Не было ли тут умысла на персону? Не раскольник ли, не фанатик ли, не государственный ли это злодей? Для разрешения вопроса, действительно ли он был пьян, потребовали показания Аракчеева. Преображенец письменно засвидетельствовал, что пощечина Максима сокрушила его ухо до крови, а бил ли тот его спяна или трезвый, того он не признал.

Привели к допросу трех поденщиков, живших вместе с арестованным. Козьмин, Сергеев и Иванов, один за другим, поведали о местах

своей родины, роде занятий, времени переездов из города в город и прочих обстоятельствах, только по пустой формальности внесенных судьями в допросные листы. Что касается до Максима, то сожители его отозвались, что живут с ним около шести недель и в это время видели его весьма пьяным раза три; а в хмелю, свидетельствовали мужички, он «здоров, бранит кого прилучится, и нас бранивал; ножик при нем был постоянно и служил ему при употреблении пищи, но ни в каких других случаях тот ножик не бывал».

Показания работников, расспрашиваемых со всей осторожностью, порознь, не обличили, однако, ничего, что бы могло обвинять Максима в том, в чем подозревали его неумытные судьи. Делать нечего, Козьмина, Сергеева и Иванова на другой же день освободили.

— А ты, Максим, вновь, — вновь допрашивали судьи, — под опасением истязания и потери живота, покажи все, что знаешь за собой, без утайки: ходишь ли в церковь, православия крепок ли, как крестишься, кто был у тебя отец духовный, знаешь ли ты грамоту?

Эти вопросы были не пустой формальностью: затрагивалась религиозность Максима с целью изведать, не фанатик ли и не раскольник ли он?

Ожидания судей не оправдались.

— Я ушел от своего барина из Козельского уезда, — отвечал Максим, — тому лет восемь, вместе с отцом в Москву. Ходил с ним в бегах по заработкам. Крещусь я трехперстным сложением; в церковь хожу, расколу не имею; исповедовался и причащался в молодых летах, а после того лет с десять отца духовного не имел и грамоты не знаю.

Нет, все не то, не того нужно Петру Андреевичу Толстому со товарищи. Им непременно нужно открыть замысел, заговор, иначе для чего ж учреждена Тайная розыскных дел канцелярия?

Привели помещика. Князь Егупов-Черкасский признал своего беглого крестьянина, но объявил, что расколу за ним не ведает.

Нечего делать, коли никто не ведает, так разыщем!

Максим в застенке, его раздели пред орудиями пытки.

— А за что у тебя спина бита кнутом и жжена огнем и тобой розыскивано? — спрашивали судьи, рассматривая сине-багровые рубцы и почерневшие язвы на спине Максима.

В ожидании ответов мужика поднимают на дыбу: руки хрустят, вывертываются из суставов; кнут, по пословице: «кнут — не Архангел, души не вынет», — подновляет зажившие раны.

— Бит я в городе Почене... — показывает между криками и стонами Максим, — в бытность в Украине в бегах, бит кнутом и жжен с шестью бурлаками... разбил с ними попа Юскова... пытал нас комендант Павлов... А к царскому величеству подходил, конечно, спьяна, сам собой... без умыслу...

Дано 17 ударов.

Новые поиски и справки. Нужно спросить поченского коменданта: правду ли показал о первой пытке Максим? Кстати, комендант оказался в Петербурге — управляющим акцизной каморы.

Он объявил, что в бытность свою в Почене перепытал такое множество всякого рода людей, преступных и оговоренных по разным делам, что о Максиме Антонове положительно ничего не помнит.

Желание судей добраться до нити небывалого заговора было так сильно, что необычно поклонившегося поденщика выдержали в крепостном каземате пять месяцев.

В течение этого времени государь по случаю Ништадтского мира именным указом из Сената в Тайную канцелярию (13 сентября 1721 года) повелел составить ведомость всем государственным преступникам для того, чтоб положить решения более снисходительные.

Не ранее, как через месяц Тайной канцелярии удалось составить требуемую ведомость. За множеством номеров труд был нелегкий. Между прочим, был вписан сюда и Максим Антонов с экстрактом из его «важного и противного дела».

19 октября 1721 года государь, будучи в Сенате, толковал о необходимости составить милостивый манифест.

— Всевышний, — говорил Петр, — во время прошедшей тяжкой и долгой протяжной войны, так многократно победами благословлять изволили и напослед такой славный, и всему государству полезный мир даровал; чего ради, а по достоинству мыслили: как бы Ему в показание своей благодарности, за толикую Божью милость, какое милосердие к народу своему показать? Того ради, всемилостивейше рассудив, указал таким образом учинить: генеральное прощение и отпущение вин во всем государстве в наказание впали или к оным осуждены суть...

Генеральное прощение распространилось и на работника Максима. Правительствующий Сенат, обще с государем, рассматривая ведомость, отметил в нем: Максима Антонова в Сибирь.

На основании этой отметки Тайная канцелярия составила приговор: крестьянина Максима Антонова за то, что «27 июня 1721 года к высокой особе его царского величества подходил необычно и он же в Малой России, в городке Почене, был за разбой и пытан, в чем с розыску винился, послать в Сибирь и быть ему там при работах государевых до его смерти неотлучно».

Новый титул¹

22 октября 1721 года при торжественном праздновании Ништадтского мира Феофан Прокопович сказал хвалебную речь. Вычисляя необыкновенно мудрые распоряжения и благодеяния его величества в пользу его подданных, архиепископ объявил, что государь заслужил название отца Отечества и великого Императора. За речью духовного витии следовало длинное слово великого канцлера Гаврилы Ивановича Головкина. Он говорил во главе всего Сената, и от лица всех государственных сословий просил принять, в знак их верноподданнической благодарности, титул Петра Великого, отца Отечества и Императора Всероссийского.

Сначала государь из скромности отказывался от «подноса»; но на другой день светские и духовные сановники повторили свою просьбу с таким жаром, с такими горячими слезами умиления и благодарности, представляли такие доводы, что монарх решился, наконец, оказать им новую неизреченную милость — и принял титул: «Великий, отец Отечества и Император Всероссийский».

Иноземное слово «Император», сменившее привычное слово «царь», возбудило много толков в простом народе. Много уколов, много обвинений, много текстов из разных писаний подведено было против этого иноземного титула в раскольнических скитах в лесах, в глухих деревушках. Эти укоры и обвинения произносились, разумеется, шепотом, в ежеминутной опасности жестоко поплатиться за страшное преступление. Но были и такие простаки, которые выговаривали против нового титула слово противное только потому, что вовсе его не понимали и не соединяли с ним понятия о русском государе — царе-батюшке.

16 ноября 1722 года в местечко Конотоп, в Малороссии, приехал с дровами гетманский мужик, хохол Данило Белоконник. Продавал он

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XXXI, д. № 9.

небольшой свой возик дровец да на вырученные гроши пошел купить для семейки соли.

Повстречался с ним гренадер Спицын.

— Дядя, дядя, — молвил гренадер, — пойдем-ка в шинок да выпьем винца.

Простодушный хохол не устоял против соблазна, забыл, что бедная семья ждет вырученных грошей, что в хате нет ни крупинки соли...

Начал, впрочем, угощение солдат. Купил он винца на копеечку (вино было дешево) и налил Даниле. Между тем, подошли хохлы Игнат Михайлов да Тихон Антонов, и наш мужичок раскошелился для приятелей, да для царского солдатики. Купил он вина на два алтына... Пирушка закипела... Белоконник крепко угостился...

— Вот тебе еще стаканчик, — говорил гренадер, подливая, выпьем!... Я вот выпью про здоровье Императора!

— На... (крепкое, непечатное слово) де твоей.... с Императором, — болтнул в ответ пьяный, — таких Императоров много! Черт вас знает, кто такой ваш Император! Я знаю праведного государя, за кем я хлеб и соль ем!

— Слово и дело! — крикнул Спицын и поспешил с доносом к своему подпоручику. Тот препроводил его, Данилу Белоконника, и свидетелей происшествия при рапорте к командиру полка, высокородному господину и высокопочтенному полковнику.

Высокородный господин отослал их в Малороссийскую Коллегию. Малороссийская Коллегия сняла допросы и отправила Белоконника скованным, под конвоем, в Сенат. Правительствующий Сенат при указе отослал его для исследования в Тайную канцелярию.

В этих пересылках из тюрьмы в тюрьму прошло два месяца.

Канцелярия положила допросить колодника с пристрастием.

Но допрашивать нечего: ответ Белоконника был совершенно согласен с показаниями солдата и свидетелей; между прочим, простодушный хохол, казаясь в непристойных словах, объявил:

— Молвил я, Данило, такие слова, не ведаючи того, что гренадер про государево здоровье пьет. А мыслил я, что он пьет за какого боярина и называет его Императором, а не про государя. Не знал я, Данило, по простоте своей, что его царское величество соизволит зваться Императором.

Неумолимые судьи заглянули в воинский артикул и прочитали в IV главе пункт 43-й: «Когда кто пьян напьется и во пьянстве своем что злого учинит, тогда тот, не токмо чтоб в том извиненьем прощение получил,

но по вине вящею жестокостью наказан быть имеет. И особливо, ежели такое дело приключится, которое покаянием одним отпущено быть не может: яко смертное убийство и сему подобное. Ибо в таком случае, пьянство никого не извиняет, понеже он во пьянстве уже непристойное дело учинил».

Приговор состоялся четыре месяца спустя после преступления:

— Данило Белоконник, — писал Петр Андреевич Толстой, — расспросом показал, что непристойные слова говорил он от простоты своей, не зная, что его величество — Император; знает-де он — государя, а мыслил, что солдат пьет за какого-нибудь боярина и называет его Императором, а что у нас есть Император — того он, Данило, не знает. И хотя два свидетеля показали сходно простоте Данилы, однако ж, без наказания вину Белоконника отпустить невозможно, для того, что никакой персоны такими непотребными словами бранить не надлежит. Того ради бить его Белоконника батогами нещадно, а по битье освободить, и дать ему на проезд паспорт...

Расквитался Данило за незнание, да непонимание нового титула государева и спешит хохол на родину, в милую Украину. Там в Нежинском полку, в Конотопской сотне, в деревушке Гут, четвертый месяц ждет да поджидает Данилу горемычная семейка. В толк не возьмут ни парни, ни дивчаты, ни батько, ни матка — куда он запропастился? Его взяли по государеву делу! И эта весть — как громом поражает семью: не вернуть-ся уж Даниле, так думает она; не родное село в привольной Украине, а Сибирь да каторга — ждут его. Ведь не первый, не последний он: ведь сотни да тысячи чубатых казаков должны были сменить Малороссию на дальнюю и студеную страну Сибирскую. Но вот является Данило — жив, здоров и невредим... Постегали его маленько... дали острастку, и вся родня благодарит Бога, что так дешево поплатился он за государево дело!

Волокитство полицейского ¹

5 мая 1720 года в канцелярию Антона Мануиловича Девиера, с.-петербургского обер-полицеймейстера, один из подчиненных ему полицейских сотских представил солдатскую жену Ирину Иванову.

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XVIII, д. № 38.

— Вчерашнего числа вечером, — доносил сотский, — был я на Петербургской стороне, в Мокрушиной слободе, и проходил я вместе с десятским — для того, чтоб приказать жителям выставлять на ночь рогатки. Проходя мимо дома солдаты Ирины, услышали мы в том доме крик немалый. Вошли во двор и стали там крик запрещать, чтобы крику не было. А выбежали на ту пору из избы два бурлака и стали нас бить; того ради взяли мы под караул ту солдатку Ирину, да с нею ж взяли двух баб, что были у нее, и бурлаков. А как повели их на съезжую — солдатка и закричи за собой: «Слово и дело!»

— Неправда, не так, все неправда, не так было дело, — голосила в оправдание Ирина. — Был у меня крик, и шум великий, а чего ради? Того ради, что пришли на двор сотник с десятником. Вошли они в избу, а в избе сидели сестра моя родная да жена Преображенского солдата Устинья. Стал им говорить сотский непристойные слова к блуду, а я стала гнать его вон со двора; он не слушал, не шел. На то время вошли в избу два брата моих, родной да двоюродный, принесли кружку вина нас подчивать; а как увидали сотского с десятским и их со двора столкали. Те закричали на улице, собрали народу немало, взяли нас всех под караул и повели на съезжую. Ведучи дорогою, стал меня сотский бить смертным боем и я, не стерпя того бою, закричала государево «слово и дело!»

Разобрать было нетрудно, кто прав, кто виноват: виноваты были все. Но полиции надо было только поскорей узнать допряма: действительно ли есть за солдаткой какое-нибудь важное дело, чтоб доложить о том, куда следует, без умедления. Руководствуясь печатной формой допроса, полицеймейстер задал Ирине следующие вопросы:

— Как зовут и какого чину?

— Сего мая 5-го дня на дворе у тебя шум и крик великий был ли?

На эти вопросы Ирина отвечала рассказом о волокитстве сотского, о заступничестве за нее братьев, наконец, повинилась:

— Государева слова и дела за мной нет и ни за кем не знаю, и той моей вине волен великий государь.

— Пристанища вора, — продолжали допрашивать, — беглым солдатам и матросам не держала ли, и для непотребства, для блудного воровства баб и девок не держала ли?

Та, разумеется, отвечала отрицательно, причем нелишним сочла заметить:

— И сама я ни с кем блудно не живу.

- Живучи в Петербурге, какое пропитание имеешь?
- Получаю деньги от мужа солдата да мою на людей белье.
- Против вопросов все ли правду сказала?

Клятвы и уверения, что все сказанное — правда, а буде что ложно, указал бы государь за то казнить ее смертью; последние слова были обычным припевом всех ответов при допросах того времени.

Как ни ничтожно было происшествие, но так как здесь замешано было «слово и дело», то обер-полицеймейстер не решился сам учинить расправу, а препроводил виновную для подлинного розыска в Тайную канцелярию.

Последней очень часто доводилось иметь дело с такими, которые, сказав «слово и дело», отступались от него, за неимением, что сказать. Расправа с такого рода преступниками была коротка. В тот же день, как привели солдатку Ирину, побили ее вместо кнута батогами нещадно и отпустили с напутствием: ничего не зная, не сказывать за собой государевы слова.

Нежная укоризна¹

— За что, за что ты меня бьешь? Зачем бьешь напрасно? — голосила Авдотья Тарасьевна, тщетно сисясь защититься от побоев вельми шумного супруга своего, Петра Борисовича Раева.

— Я тебя... бивал... в Москве... ты ушла... Я тебя... сыскал здесь... а за то тебя я ныне бью, — приговаривал супруг то опуская, то подымая кулак, — что ты сказала противные слова... Зачем... сказывала... ты... мне... противные слова про его царское... величество... да для чего также молвила... худо о царевиче.

— Что ты, что ты, что с тобой? — вопила в ответ Авдотья: статное ли дело мне такие слова говорить? Когда ж я тебе это говорила?

— Помнишь... сверху, сверху-то ты пришедши говорила? А тогда ж сказывала, что те слова слышала от зятя, от Матвея Короткого, и от сестры своей Аграфены Тарасьевны?

Эта сценка из вседневной супружеской жизни тогдашнего общества происходила 7 октября 1721 года, после обеда, в субботу, в Петербурге, в доме купца Короткого, в людском подклете. К несчастью для вельми

¹ Вершинные дела Р. Д. Т. К., к. XXVIII, д. № 54.

шумного Раева, в избе было несколько свидетелей его нежных укоризн. Здесь были две бабы работницы, повивальная бабка и хозяйский батрак Карнаухов.

Последний, парень сметливый, познав, что то — дело государево, рассказал о нем хозяину.

Хозяин был родня Раеву; они были женаты на родных сестрах. Раев — сын боярский, человек грамотный, был служителем крутицкого архиерея и приехал в Петербург на побывку, за женой, для взятия ее с собой в Москву. Человек вечно пьяный и буйный, он никак не мог с ней ужиться, и она часто укрывалась от ласк супруга в доме сестры.

Но это свойство не спасло однако Раева. Тесть дал зятю проспать и на другое утро стал спрашивать обо всем случившемся. Петр Борисович помнил дело смутно; не только вчерашний хмель все еще сильно туманил голову, но и в это утро он успел уже сходить со двора и был очень шумен; вот почему отступить от своих слов при свойственнике, а главное, при жене ему казалось делом крайне обидным, и на вопрос Короткого:

— Для чего ты такие слова говорил?

Раев отвечал:

— Как для чего? Говорил я всю сущую правду!

Лгал он и теперь: ни Авдотья, ни сестра ее, Аграфена, ни муж последней никогда и не думали говорить того, что взбрело на ум вельми шумного архиерейского служителя.

Дело оставить без доноса было нельзя. Того и гляди Карнаухов, получивший от хозяина в год 6 рублей жалованья, захочет получить наградных за извет 10 рублей и явится со «словом и делом» в Тайную.

Хозяин предупредил батрака и в тот же день ударил следующим челобитьем:

«Живет у меня, — писал он в Тайную канцелярию, — из работы Крутицкого архиерея сын боярский Раев. И сего, 7 октября, пришел он в дом пьян и говорил слова непотребные. Отчего я имею опасение, чтоб не пришлось впредь мне в вину. А о вышеописанном мне сказывал работник мой Иван Иванов, который прибыл в Петербург за вином подрядным. О сем доносит петербургский житель, купецкой человек Матвей Иванов сын Короткой».

Доношение принято; по обыкновению записано в книгу и тут же положено: «Показанных людей сыскать и расспросить с обстоятельством, по указу».

Отыскивали виновного, его жену, доносчика-работника и вместе с тремя бабами свидетельницами всех привели к допросу.

Карнаухов и бабы передали подробности описанной сцены; причем одна из баб весьма наивно заметила: «А какого царевича Раев обзывал непристойными словами, того он не выговаривал». Шумный служитель трусил и присмирел, каялся во всем, старался оправдываться в важных непотребных словах большим шумством, за которым ничего не упомянул, что говорит и делает, и, наконец, объявил, что на него покажут работник и бабы, и он им в том верит.

— А ты почему слов Раева про царевича не показал в первом допросе? — спрашивали судьи Карнаухова.

— Не сказал я сущее от забвения, — отвечал тот.

Не обошлось дело и без очной ставки. Раев стоял на том, что непотребные слова говорил ли — то не помнит, понеже весьма был шумен, и утверждает в том, даже до смерти. С подтвердительными показаниями баб и работника не разладился рассказ жены виновного. Госпожа Раева добавила только одно, что супруг не только был вельми шумен в субботу, но напился и на другой день, с раннего утра.

— Слов непотребных ни от жены, ни от зятя я никогда не слыхал, — каялся Петр Борисович на очной ставке с Авдотьей Тарасьевой, — говорил я от себя, ничего не помня, от шумства.

Следствие продолжалось несколько дней. По истечении их всех свидетельниц и свидетеля выпустили на расписку, с подтверждением царского указа, под страхом смерти никому и ничего не сказывать, о чем их допрашивали. Что же касается до Раева, то его протомили в колодничьей палате более месяца, и только 1 декабря 1721 года, по определению Тайной канцелярии, учинено ему «жестокое наказание вместо кнута, бит батогами нещадно с напаметованием, чтоб впредь таких непристойных слов не говорил, опасаясь большего истязания и ссылки на каторгу».

Царев указ ¹

В канцелярии мирного городка Карачева 23 ноября 1720 года вспыхнула ссора между фискалом Веревкиным и поручиком Шишкиным.

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XXXI, д. № 10.

Озлобленные противники по поводу ношения русского платья осыпали друг друга самыми отборными, скаредными словами. Дело, однако, пока не дошло еще до государственных противностей.

Но вот в жару перебранки лукавый попутал фискала и он при свидетелях брякнул:

— Ты, Иван Шишкин, царем сшибаешь и царевым указом играешь!

Довольно: Веревкин государственный преступник — «слово и дело!»

Карачевский судья Коптев спешит доносом:

— У нас-де в канцелярии, такого-то числа, фискал — такой-то и прочее.

Донос послан в Курск, в надворный суд; оба противника отправлены туда же. Начинается дело; снимаются допросы.

— Я не говорил, — оправдывается Веревкин, — что он, Шишкин, царем сшибает, я просто сказал, что царевым ты указом играешь.

Проходит год. Фискал под арестом. Заключается Ништадтский мир, и на основании милостивого указа, объявлявшего генеральное прощение, Веревкин просит отпустить его продерзостные слова.

Сего ради, спустя еще год, курский надворный суд препроводил и дело, и Веревкина в государственную Юстиц-Коллегию.

Здесь обвиняемый просил допросить еще раз одного из свидетелей ссоры, поручика Ергольского.

Привезли ли поручика нарочно для допроса из Курска или он был в Петербурге по своим делам, как бы то ни было, но его допросили — и тот на Св. Евангелии присягнул, что донос судьи Коптева справедлив.

Коллегия, руководствуясь указом 18 января 1722 года, по которому дела о фискалах ведались у обер-прокурора, господина Скорнякова-Писарева, препроводила к нему Веревкина при промемории.

Писарев дал приют провинившемуся фискалу в колодничьей палате Тайной канцелярии.

На этот раз приговор состоялся скоро: 10 ноября 1722 года, то есть ровно два года спустя после ссоры в г. Карачеве фискалу Веревкину за продерзостные слова учинено наказание «вместо кнута бить батогами нещадно», но бит с сохранением чести, как сказано в приговоре, не снимая рубахи.

Холоп царевича Алексея¹

В году проживал в Воронеже Иван Михайлович Завесин. Сын пло-
щадного подьячего, Иван Михайлович, имел многочисленную родню,
жившую и служившую в Воронеже, и под ее покровом записался в го-
родскую службу, подьячим. Служба его шла плохо. Завесин рано при-
страстился к лютому ворогу русского человека — к вину, пил до беспя-
мятства, а в трезвые минуты, как истый подьячий, ябедничал да сутяжни-
чал, — по поводу закрепления крестьян. Он имел несколько крепостных
и, между прочим, не без выгоды, занимался скупкой и распродажей их
в розничную. С этими операциями неизбежно сопряжены были малень-
кие неприятности. Так, например, в 1718 году за одну из операций он
судился в Воронеже более года и содержался под караулом; четыре года
спустя попался опять в тюрьму, по делу подобного же рода: гулящего
человека Худякова, проживавшего у одного из его крестьян, Завесин
вздумал записать в крепостные и составил фальшивый документ. Гуля-
щий человек не захотел променять волю на неволю, начал дело и Иван
Михайлович угодил в тюрьму. Вино также не раз доводило его до беды;
одна из них была для него крайне неприятна. Приехал Завесин однажды
в Москву по делам поместного приказа. В какой-то праздник зашел он
со своим дядей, сыном боярским, в шинок, прикушали немало и отпра-
вились к обедне, к Воскресению Христову в Барашах. Обедня конча-
лась. Иван Михайлович стоял смирно; но вот хмель затуманил голову
и он преспокойно, с невозмутимой торжественностью, снял с чаши свя-
той воды крышку и покрыл ею свою голову; затем вылил воду на пол.
Миряне и церковные служители избили шалуна изрядно, связали руки
и отвели в Земский Приказ, по распоряжению которого Завесину учи-
нено наказание: бить кнутом нещадно...

Август и сентябрь 1722 года он провел под арестом при Воронеж-
ской губернской канцелярии, по делу фальшивых крепостей. 5-го числа
он отпросился с караулом к дяде; дядюшку не застал дома и Иван Ми-
хайлович зашел с конвойным в кабак. Двухалтынная выписка совер-
шенно его ошеломила и он нашел нужным зайти в Надворный Суд. Бы-
ло три часа пополудни; в Суде оставались дневальный подканцелярист
Есаулов, два его товарища да драгун на часах.

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XXXI, д. № 2.

— Кто-де ваш государь! — заорал пьяный, относясь непосредственно к дневальному.

— Наш государь, — отвечал дневальный, Петр Великий, Император и Самодержец Всероссийский.

— Ваш... государь... Петр... Великий... а... я... я... холоп государя своего Алексея Петровича... и за... него голову... свою положу... хотя... меня... распытай...

Слово и дело!

Подканцелярист настрочил донос, — воевода решился снять допрос и сам испугался своей дерзости. На расспросы по государеву делу о противностях предоставлено было в то время исключительное право Тайной и Преображенской канцеляриям. Нарушители ее подвергались большой ответственности, вот почему Измайлов, воронежский воевода, поспешил оправдаться.

— Я допрашивал Завесина, — писал воевода в Тайное судилище, — не в обстоятельстве показанного на него дела, а токмо для того, что не имеются ли в упомянутом же деле других ему единомышленников, которых немедля надо бы было арестовать. На вопросы Завесин отвечал, что за великим шумством, говорил ли какие слова, того не упомянуть, единомышленников же никаких у него нет. А свидетели все порознь подтвердили извет. Того ради я спешу исполнить указ: «Где в городах, селах и деревнях злодеи с злыми словами явятся и их в самой скорости провожать в город к правителям; а тем правителям заковывать их в ручные и ножные железа; не расспрашивая затем, вместе с изветчиками присылать либо в Тайную канцелярию, либо в Преображенский приказ» (указ 27 апреля 1722 года).

Строго выполняя повеление, воевода заковал политического преступника и препроводил его за крепким караулом в Москву, где была в то время Тайная канцелярия, туда же отправлен и доносчик Есаулов.

— Ничего не помню, — говорил Завесин, стоя раскованным пред господином Скорняковым-Писаревым. — Ничего не помню, говорил ли что-нибудь или нет, для того, что был весьма пьян. А в трезвом уме никогда и ни с кем государственных, противных слов не говаривал и от других не слышал. У присяги ж царевичу Петру Петровичу в 1718 году — на наследство престола — не был (об этом сделан был ему вопрос) для того, что держали меня в то время под караулом в Воронеже, по делу о закреплении крестьян. Со мной, — продолжал Завесин, — случается,

что болезнь находит: бываю я вне ума, и что в то время делаю, да говорю, того ничего не помню. Болезнь та со мной — лет шесть.

В подтверждение справедливости слов Завесин рассказал о надевании на себя крышки с церковной чаши и о неприятных последствиях этого головного убора.

Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев приказал сделать справку, и ответ Земского Приказа подтвердил рассказ Завесина.

— Ну, ты можешь ехать назад в Воронеж, — сказал судья, отпуская доносчика, — а с колодником мы разделаемся; его надо допросить с пристрастием, надо им разыскать. Хотя он и говорит, что будто те слова не помнит, говорил ли, нет ли, за великим пьянством, но его расспроса за истину причесть невозможно; может быть, он, отбывая вину свою, не покажет самой истины без розыску.

— А при розыске, положила канцелярия, спрашивает, с чего он такие слова говорил и не имеет ли он в них каких-нибудь согласников?

Ноги в ремень, руки вывернуты в хомут, тело вздернуто — кнуту работа...

Стоны, крик — показания те же: ничего не помню за безумством и опьянением. У трезвого же и мысли никакой противной царской персоне не было и согласников не имею...

Дано 10 ударов.

Иван Михайлович провел в тюрьмах по этому важному делу более полугода; во все это время он получал кормовых 4 деньги на день, — то было обычное содержание «тайных» колодников. Участь его разрешилась приговором 11 марта 1723 года. Приговору предшествовало следующее рассуждение: «... Изветчик и свидетели показали, что Завесин говорил непристойные слова пьяный; обвиняемый в расспросах и с пытки показал, что слов тех не помнит от пьянства; да к тому же с ним случается болезнь; бывает он ней без ума; Земский Приказ согласно с этим известил, что он, Завесин, от безумия пролил в 1718 году в церкви воду святую и надел на себя крышку; но так как в Уложении (гл. IV, ст. XIV) напечатано: «Которое всяких чинов люди учнут за собой сказывать государево дело или слово, а после того они же учнут говорить, что за ними государева дела или слова нет, а сказывали они его за собой, отбывая от кого побои или пьяным обычаем, и их за то бить кнутом... того ради, воронежцу Ивану Завесину учинить наказание: бить кнутом нещадно».

Каким образом вязалась выписка из Уложения с настоящим делом, когда и где Завесин говорил за собой «слово и дело» — обо всем этом некому было спросить Петра Андреевича Толстого; может быть, главный судья, в свой черед, «пьяным обычаем» подмахнул этот приговор.

Впрочем, выписки из законов приводились редко. «Инквизиторы», — так именовали членов Тайной канцелярии, — обыкновенно почти никем и ничем не связанные в своем произволе, зачастую судили да рядили по своему рассуждению. Вот почему пред многими их приговорами становишься в тупик: почему этому наказание было строже, а тому легче? А — наказан батогами нещадно, а Б — вырваны ноздри и бит кнутом, С — бит кнутом и освобожден, а Д — бит плетью и сослан в каторгу, в государеву работу вечно и тому подобное. И нельзя сказать, между тем, чтобы внимательный разбор всех обстоятельств дал ответ на наш вопрос. Будь известны обстоятельства, при которых судили и рядили инквизиторы, о, тогда другое дело! Мы бы знали сильные пружины, руководившие судьями в произнесении их приговоров...

Но мы заговорились, а Завесин — ждет экзекуции; проведемте его на Красную площадь. Здесь Ивана Михайловича привязали к столбам, прочли ему приговор и отсчитали нещадных 25 ударов кнутом.

Придя с площади, взволнованный Иван Михайлович дрожащей рукой дал расписку: «Ежели я впредь какие непристойные слова буду говорить, то по учинении жестокого наказания сослан буду на каторгу, в вечную работу, или учинена мне будет смертная казнь».

Расписавшись и запомнив смысл поучения, холоп царевича Алексея отправился восвояси.

Непристойное желание¹

Если бы в конце 1720 года мы отправились в мирную Хутынскую обитель, то приехали бы туда как раз кстати; вечером, 23 ноября, у уставщика отца иеромонаха Никона Харкова была маленькая пирушка. Настоятель, достопочтенный архимандрит Вениамин, дал ему с клирошанами пива, и отец Никон созвал в келейку несколько друзей. Мы бы увидели вокруг ведра головщика левого клироса монаха Антония,

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XV, д. № 35.

иеромонаха Киприана Лучанина и гостя из Спасской Старорусской обители, иеромонаха Ефимия. Отцы чокались друг с другом немало, пили еще более и стали шумны; пиво, развязав языки, оживило беседу.

— А вот что, — заговорил вдруг тихо Никон, — сказывал настоятель, что архимандрит Александроновской лавры Феодосий умер! Да вот молитесь Бога за государя: ныне-де слышат, что он немоществует. Сказывали мне то проезжие молебщики из Санкт-Петербурга.

— Да пускай себе немоществует, — возразил отец Антоний, — как кажется более других отведавший пива. — Пускай его... умрет. Государь ведь человек не бессмертен, воля божья придет — умрет; а уж тогда... царицу-то я за себя возьму!...

Почти три года прошло со времени этой беседы. Три года «противное» слово отца Антония не проникало в Тайную канцелярию; три года участники беседы вели жизнь спокойно, по-прежнему, в мирной Хутынской обители: пивцом да бражкой встречали празднички, стройным хором распевали псалмы и может быть не раз еще после этого либо отцом Антонием, либо кем-нибудь другим из его сотоварищей сказано было не одно противное слово против ненавистного им Преобразователя и его семейки. Все, что было после говорено, осталось в неизвестности; но «непристойное желание» отца Антония дошло, наконец, до чутких ушей светских инквизиторов — так, как мы уже заметили выше, называются во многих петровских бумагах члены Тайной канцелярии.

18 сентября 1723 явился к ним иеромонах Ефимий. Его прислали из Синода, куда по прошествии трех почти лет он обратился с доносом...

Что было причиной столь долгого молчания?

«В тогдашнее время, — объяснял Ефимий, — в Тайной, нигде я не доносил простотой своей, от убожества, и никому и нигде тех слов ни говаривал».

Невольно сомневаешься в простоте отца Ефимия. Почему же теперь простота эта исчезла, и именно тогда, когда и самые слова «непристойные», как кажется, должны были совершенно забыться? Нет, они не забыты. Но только не поладивши со старцами, или, вернее, — пожелав выслужиться и очистить для себя вакансию в настоятели какой-нибудь обители побогаче, он, наконец, решился на донос. Последнее предположение кажется тем вероятнее, что доносчик замешал в дело архимандрита Вениамина, объявив, что с ним говорил Антоний о немощи государя.

Впрочем, трехлетняя давность в глазах ревностных судей не имела значения: от доноса веяло свежестью дела «важного, противного, государственного».

Все четыре старца, мирно попившие настоятельское пиво, теперь вновь сошлись, — но уже в Тайной канцелярии. Из допросов узнали весь немногосложный состав преступления. Антоний покался в непристойных словах: «Молвил их я, — каялся головщик левого клироса, — от безумия, с простоты, а паче от большого шумства, — не для чего иного». При этом сознании, виновный тут же поспешил выгородить из дела архимандрита Вениамина, от которого, по его словам, никаких он, Антоний, слов о его Императорском величестве и ее Императорском величестве не слышал; да и сам никогда, кроме настоящего случая, ничего противного не говорил. Никон с Киприяном также поддерживали своего настоятеля.

Тайная канцелярия, довольствуясь тремя старцами, оставила настоятеля в покое и поспешила истребовать от Святейшего Синода достойного человека для расстрижения монаха Антония.

А по расстрижении определено: бить его кнутом и сослать в Сибирь на три года в каторжную работу.

Надежды Ефимия на награду должны были рассеяться. По закону, он имел на нее полное право: донос, поверенный следствием, оказался совершенно справедливым. Но судьи положили, что за долговременно необъявление о тех важных словах иеромонах Ефимий награды не достоин.

Никон с Киприяном за ведение и молчание о преступлении должны были быть также наказаны; но Тайная канцелярия смущалась в деле расправы их иеромонашеством, почему предоставила самому Синоду взыскать с обоих старцев, а потом донести ей, в чем состояло взыскание.

Как всегда, дело облеклось в покров гробовой тайны и все лица, наказанные и ненаказанные, обязались подпиской никому не сказывать о том, что происходило с ними в гостях у Толстого, Ушакова и Писарева.

23 октября 1723 года Антоний был «обнажен от монашества». Достойный для сего обряда человек сыскался в лице троицкого протопопа Семенова. Немедля за обнажением спина отшельника покрылась кровавыми полосами... Ему дано было определенное число ударов кнутом.

Отцы Никон и Киприян подверглись взысканию более умеренному, но не менее ощутительному: они биты плетью в Тиунской канцелярии, о чем члены Тайной были извещены своевременно.

За Антонием, как мы сказали, вероятно, было несколько подобных преступлений; по крайней мере, уже в бытность его на каторге, в конце 1724 года, Преображенская канцелярия (ведомства князя Ромодановского) в одном из своих дел нашла его замешанным и просила Тайную канцелярию дать ей знать, в чем состояло дело шумного отца Антония?

Таинственные литеры ¹

В начале 1719 года в Перновском уезде, в местечке Феминге, на посаде мирно проживал с женой Андрис Ланге, лифляндец, уроженец города Дерпта. Вдруг стряслась над ним беда и странная, и страшная. Странная потому, что вышла не более, не менее как из пивного чана, страшная — потому, что привела его в Тайную канцелярию и к преждевременной смерти.

Однажды осенью, по перевозимке, был он в гостях в вотчине генерала Шлиппенбаха, у генеральского приказчика, своего свояка Крея. Сытно и весело провел здесь Андрис четыре дня. Дома его встретила жена, озабоченная и встревоженная.

— Что случилось?

— А вот что, — стала рассказывать супруга, — в небытность твою здесь заглянула я в наш пивной чан, что стоит в сенях, и увидела внутри его, на стенке, у края, черной краской или чернилами, Бог весть, написаны вот такие литеры.

6 П Т 3 2°

Я списала их углем на окончину, а в чану стерла мокрой рукой. В какую силу литеры и кто их написал — не знаю. Ведомо ж тебе, что чан наш пивной лет шесть как стоит в сенях, на ночь сени запираются, войти значит некому, а днем они отперты; кто туда входил — не знаю. Рассмотрю хорошенько, что это за литеры, вот я их списала на бумагу.

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XX, д. №48.

Простодушный поселянин долго рассматривал таинственные буквы, наконец, откровенно заметил:

— Не знаю! Худые ли это литеры или хорошие, про то Бог знает, а я рассудить не могу.

Нужно было обратиться к человеку рассуждающему, и муж, по совету жены, перевел литеры на другую бумагу и отправил их к своей свояченице, бывшей замужем за шлиппенбаховским приказчиком. У Крея нанят был для обучения детей Гилтерман, муж ума ученого. «Что за литеры, в какой они силе писаны?» — вот вопрос, который задал педагогу Андрис Ланге.

Ответа не было. Андрис пошел сам к свояку.

— Не мог, никак не мог я рассудить твоих литер, — отвечал на расспросы Ланге Гилтерман.

Любопытный много говорил с учителем и хозяином, пили пиво, рассуждали всячески, но ни один из немцев после продолжительных бесед и обсуждений ничего не решил.

Дело в том, что в Лифляндии, в стране только что успокоившейся после продолжительных и упорных битв, набегов, осад, и опустошений; в стране, постоянно переходившей из рук в руки шведов, поляков, саксонцев, наконец, подпавшей во власть России — брожение умов было сильное. Лица беспокойные (а были и они между флегматическими лифляндцами) алкали перемен, смут, беспорядков и не переставали волновать умы простодушных. То вдруг облетала молва о каком-нибудь наступающем грозном событии, то начинались чудеса, появлялись таинственные необъяснимые литеры... и простолюдины беспокоились, сходились, толковали, кричали, рассуждали, каждый по-своему; затем расходились, чтобы снова сойтись и потолковать о том же.

Так, например, с весны того же года в рижской стороне, по Перновскому уезду, шла молва, что странные литеры являлись в разных местах, на стенах домов; писаны то чернилами, то красными красками, на стенах хором и на воротах; все обыватели ведали ту молву, некоторые уверяли, что даже видели такие литеры, но никто не мог растолковать их значение. Так, например, уверяла Анна Ланге, на мызе Гольст-Брер, на стене дома Гавика Михеля явилось над дверьми, написанное с улицы, красной краской, неизвестное слово. Михель говорил о том приказчику. А у приказчика мне в то время быть случилось, и я это слышала. По донесению мужика смотрел те литеры приказчик, но к добру или к худу они, того он рассудить не мог.

Болтали люди, что вот и на мельнице, при мызе капитанши Гове, в полмили от местечка Феминга, над дверьми жилища мельника также явились какие-то буквы; их видели, о них толковали...

Толки народные не могли не дойти до подозрительного местного начальства, зорко следившего за страной, столь недавно приобретенной. Весть ли о находке Анны Ланге, записка ли ее с литерами, чтобы то ни было, но слово и дело сказалось, и прямым следствием было то, что во двор Андриса прилетел царский курьер, арестовал его, жену и мальчика Юрья Андреева, жившего у них. Всех трех по высочайшему повелению помчали на исследование в Питер.

— Не доезжая Нарвы, — так рассказывал впоследствии Андрис Ланге, — на одной из станций, во время перемены лошадей, подошел ко мне высокого роста комиссар, иностранец.

— Чего ради везут вас? — спрашивал незнакомец.

— Явились у нас в доме, — отвечал Андрис, — литеры в пивном чану; а в какой силе, того мы и сами не знаем.

— А вот и здесь также сказывают, — заметил комиссар, — что в кирке Гевилбе были написаны неизвестные литеры...

Лошади были готовы, арестантов повезли далее. На одной из следующих станций, по словам мужа и жены, хозяин корчмы, узнав причину их ареста, не утерпел, чтоб не рассказать землякам (по-немецки) о собственной находке.

— У меня в каморе, — говорил он, — внутри, на дверях, красной краской явились ночью буквы. И диковинное дело, — камора была заперта, войти в нее было невозможно, да и посторонних людей у меня в то время не было. Из тех литер я некоторые уже стер, а вот, посмотрите, одно слово осталось.

Ланге с женой, как уверяли, видели таинственное слово.

Обо всем виденном и слышанном они должны были рассказать в Тайной канцелярии. Сюда их и препроводил, по воле Петра, Александр Иванович Румянцев при письме от 7 марта:

«Превосходительнейший господин тайный действительный советник! — писал Румянцев к Петру Андреевичу Толстому. — Царское величество указал в канцелярию розыскных дел, ведения вашего превосходительства, отослать иностранца Андриса Ланге с женой. О деле его, уповаю, что ваше превосходительство известны, однако ж сим моим покорно доношу: у Ланге в доме, в небытность его там, явились

вымышленные литеры, написаны в пивном чану. Дома кроме жены его да сожителя их Юрья никого не было; и по всему видно, что такие литеры вымыслила написать женка Ланге».

Румянцев приложил к письму записку с литерами; о них тут же было подано Анной на немецком языке следующее показание: «В субботу, по полудни, нашлись в пивном моем чану, как то пиво сливала, вверху, на краю, сии слова или литеры. Анна Елизавета Ланге».

Ни Анна, ни ее муж не говорили и не понимали по-русски; вопросы и ответы переводил переводчик из камер-коллегии.

При первых допросах (14 марта 1720 года) и муж, и жена передали свои разнообразные толки о таинственных явлениях в разных местах литер; что же до своей находки, то Анна показала, что первый приметил ее мальчик Юрий...

Петр Андреевич Толстой и его сотрудники по застенку были отчаянные скептики; ни во что сверхъестественное не верили, и, подозревая Анну в изобретении тайных шифров, пригласили немку на дыбу.

Руки в хомуте... Анна висит на веревках, спина оголена — кнут бороздит ее кровавыми рубцами...

— Осмотрела литеры в чану я сама, а не хлопец мой, я ему только показала их. Кто их написал, в какую силу — подлинно не знаю. Сама их не писала, а к учителю их послала, чтобы быть о них сведомой. Если же в первом показании записано, что литеры усмотрены хлопцем, то это верно от того, что тот переводчик переводил мои слова неисправно.

Дано 5 ударов.

Любопытно, что пытка была 14 июня 1720 года, то есть три месяца спустя после первого допроса. Что было причиной такой медленности в производстве следствия? Многотрудные и разнообразные ли занятия «инквизиторов», или справки, за которыми они, быть может, посылали в Лифляндию о других подобных случаях? Впрочем, при деле справок этих нет.

Дело вообще тянулось как-то вяло, но кончилось трагически.

22 сентября 1720 года, после шестимесячного, страшно томительного пребывания в тюрьме, Анна Елисавета Ланге умерла под караулом в каземате.

Спустя три недели отдал Богу душу и простодушный супруг ее Андрис...

Подобные случаи смерти под стражей были делом в то время весьма обыкновенным. Причины смертности понятны: мучительное ожидание

пытных истязаний, холод, голод, недостаток в одежде, крайняя скудость в пище, сырость и мерзость помещения, наконец, что всего хуже, продолжительность ареста и неизвестность времени освобождения — все это могло сокрушить самую крепкую, чуть не железную натуру.

У мальчика-иноземца спросили только его имя по-русски (вероятно он выучился русскому языку в казенках Тайной канцелярии) и затем в конце ноября 1720 года сдали его на расписку в дом генерала Шлиппенбаха для пересылки на место жительства. В 1860-х годах, при рытье земли близ одной из церквей на Петербургской стороне, в Колтовской улице, нашли несколько скелетов в оковах. Тут хоронили колодников из Тайной канцелярии — не было ли между ними скелетов Анны и Андриса Ланге?

Небесное видение ¹

Тайные видения, смущавшие лифляндцев, не менее смущали и простодушных малороссиян. Здесь только рассказы о них передавались еще с большей скоростью; необыкновенно быстро и письменно переходили они от хутора к хутору, от монастыря в монастырь. Изобретатели небывалых видений зачастую принадлежали к сословию лиц духовных: черницы, священники, странники, затворники и затворницы не переставали волновать умы всевозможными баснями. Они любопытны для нас, как порождения народного суеверия и невежества, на них лежит отпечаток времени. Все видения имели смысл предсказательный, всегда угрожающий на целый ряд бед: войну, мор, неурожаи, нашествие иноплемеников и прочее, всегда они облекались в религиозную, мистическую форму. Что они выдумывались большей частью лицами духовными — дело понятное: духовенство, в особенности низшее, ничуть не было выше уровня народного развития, а имея на него большее или меньшее влияние, пользуясь досугом, из желания прибытка, не задумывалось над изобретениями слухов и толков о всевозможных чудесах. Достаточно было одной вести, что в такой-де обители видели особое знамение на небесах — и народ толпами валили к старцам с расспросами, просил показать рисунок небесного видения, растолковать

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XXVII, д. № 13, также Кабинетские дела, II половина, т. XLVII, лл. 101 — 103.

его значение, и последний грошик клал хуторянин, чтобы послушать ловко сложенную басню.

Строгие меры правительства, ссылки, пытки и казни не останавливали лживых пророков; источники рассказам о тайных видениях и чудесах не прекращались, и нет ничего удивительного, что даже в конце царствования монарха, строгого карателя всякой неправды, мы находим лжецов-фанатиков в дальних монастырях.

27 января 1720 года в Спасском Новгороде-Северском монастыре, после заутрени, на рассвете, иеромонах Порфирий вошел в хлебню. Здесь был монастырский эконо́м, монах Иезекиил, служка Грицко и несколько других послушников.

— Братия! — вскричал Порфирий, — только что сподобил меня Господь видеть на небе видение! Пойдемте, я вам его покажу.

Иезекиил с братией поспешили на двор. Утро было морозное, начал брезжить свет, из-за облаков выглядывал месяц, но никакого видения не было видно.

— Должно быть, заволокло его облаками, — заметил старец, — вишь ты, сколько их нагнало.

— Как ты высмотрел то знамение, каким подобием его видел? — стали спрашивать чернецы, проводив рассказчика в его келью. Монастырь всполошился — в кельи стали собираться любопытные отцы-монахи.

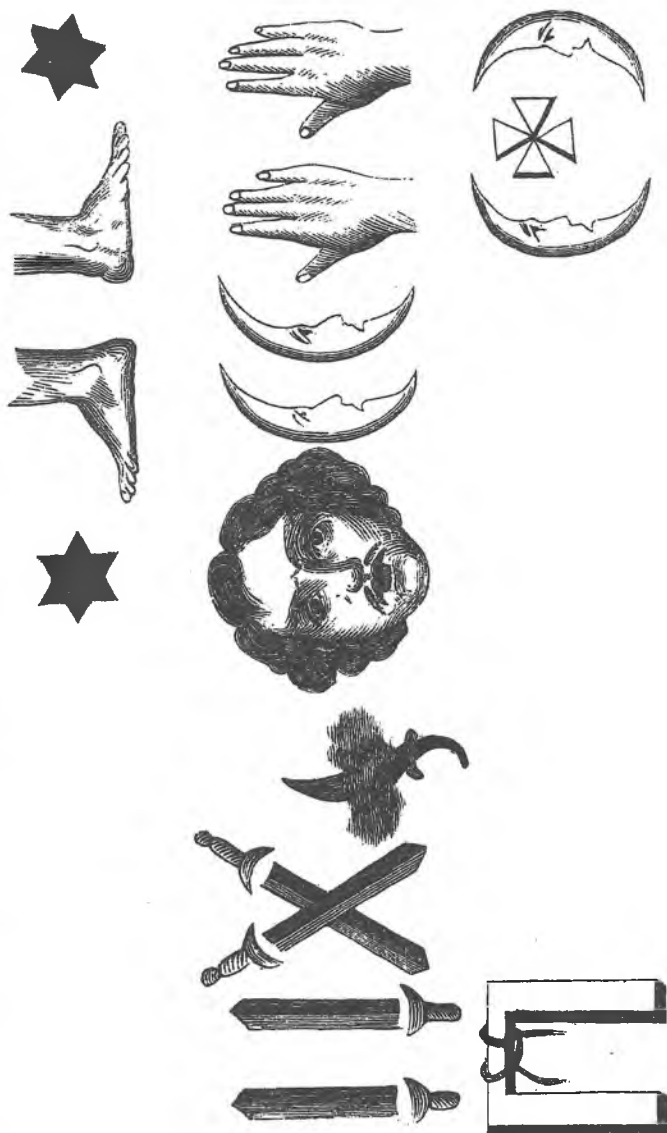
— А вот как я его приметил, — говорил между тем Порфирий, — пришед от заутрени и отправив келейное правило, вышел я из кельи, чтоб не спать, и вдруг узрел на западной стороне комету. Глядел я на нее с четверть четверти часа (минуты четыре). Виделась мне именно голова; по одну сторону той головы сабля и два палаша крыжом (крестом), а третий — стоймя; по другую сторону головы было две ноги и две руки, а над руками — два месяца; над месяцами виднелись мне две звезды; против же головы, пониже ее немного, литера покой (П); после литеры, с обеих сторон, по месяцу; далее крест, особо, без месяцев. А было то видение на синем небе — одними желтыми колерами порознь, а настоящего месяца в то время не видел.

— Сделай ты милость, нарисуй нам все, в каком ты подобии видел.

— Пожалуй, я вам то нарисую.

Все чернецы были рады последнему предложению; убедительно просили намалевать им все без утайки, как сподобил его Господь видеть.

Порфирий, иконописец по профессии, с удовольствием выполнил всеобщее желание и тут же в келье, на стене, весьма тщательно отделал мелом помещаемый здесь рисунок:

Между тем, в келью Порфирия вслед за монахами явился после литургии и трапезы наместник монастыря, отец Макарий. Наместник, видимо,

заинтересовался рассказом и тут же приказал нескольким монахам перевести рисунок чернилами на бумагу. Приказание было выполнено, кроме того, другие монахи спешили для себя снять копии — и в то же утро рисунок явился в нескольких десятках экземпляров, разумеется, не без вариантов, впрочем, незначительных, которые приделывали, каждый по своему вкусу, монастырские живописцы. Так, увеличилось число палашей; на букве «покой» явилась веревка, месяцы стали в одну линию с руками. Против лишнего палаша и веревки, которые и мы поместили в нашей копии, протестовал впоследствии отец Порфирий. Неизвестно, насколько справедлив был этот протест.

Художники пораспродавали жителям свои произведения. Они имели большой успех, как по загадочному содержанию, представляющему большую пищу для отгадок и рассуждений, так и по следующим надписям, явившимся на тех рисунках:

«Сия комета, — поведают, — видена была над Новградским монастырем, року сего 1720 года, ианнуария 27-го дня, в ночи, години или часа 6-го, и, — поведают же, — сам Новгородский архимандрит с братией ее видели».

Вследствие всего этого, говор о небесном видении так усилился, что архимандрит того монастыря Геннадий, лежа на смертном одре, при последнем издыхании, поспешил, однако, препроводить и рисунок, и его изобретателя к гетману, после чего архимандрит умер.

Гетман не стал держать у себя монаха, и как преступника сомнительного в государственной противности, вместе со свидетелями Иезекиилем и Грицко представил в Нежин к бывшему в то время там Меншикову.

Светлейший князь 3 и 4 апреля 1720 года сам занимался допросами Порфирия, Иезекииля и Грицко. Первый изложил пред ним все обстоятельства, сопровождавшие видение, а последние положительно объявили, что ничего на небе не видели.

Меншиков, не удовольствовавшись 4-мя доставленными ему копиями, заставил самого Порфирия сделать рисунок, и тот дрожащей рукой, под страхом пытки, набросал кой-как рисунок и скрепил его подписью.

Этот экземпляр, против приведенного нами, имел несколько вариантов: вместо одной кривой сабли Порфирий сделал две, вместо четырех палашей — три; месяцы — над руками, крест без месяцев и буква

«покой» без веревок, которые делают из мирной литеры изображение виселицы...

Несколько дней спустя, безграмотный Меншиков приказал написать к кабинет-секретарю Алексею Васильевичу Макарову следующее письмо, прекрасно характеризующее петровского любимца:

— Благородный господин секретарь! — диктовал Меншиков, — не мог я оставить, еже бы не объявить чинившейся здесь плевелы, которую, по прибытии в Малую Россию, по свидании с господином гетманом, сведал. Понеже Новгородского монастыря монах, самый плут, Порфирий издал изображение: будто он видел на небе... А каким образом оное его плута вымышленное, будто видение было, и которого числа, тому при сем прилагаю учиненный им плутом в подобии рисунок. А рисунков этих здесь, в Малороссии, зело размножилось у всякого чина людей. И не без великого есть здешним народом от того мнения. Чего для, я помянутого плута взял за арест; а о том, от кого он то будто видел виденье на небе был научен изобразить, распрашиван. Он же, аки бы в самой правде, стоит твердо и показал тому ж свидетелей; а они в допросе сказали, что того на небе не видали, а видели то у плута нарисованное в келье. С допросов их, для лучшего его царскому величеству доношение, при сем сообщаю копию. А им плутом Порфирием за сию вымышленную фальшь намерен был розыскивать (пытать) и о снятии с него сана к черниговскому архиерею, Антонию, за его царского величества указом, предлагал. Но понеже он того не учинил, вызволяя себя тем, что будто того, чтоб видимого плута без сем соборов сана лишить невозможно. Чего ради, да изволите, ваша милость, о всем о сем в благовременный час донести его царскому величеству, и что изволит повелеть, прошу нас уведомить.

При сем же особливо вашу милость прошу не оставить нас в своей корреспонденции, чрез которую о всех тамошних обращениях уведомлением сообщить, в чем я на вашу милость благонадежен есмь и остаюсь вашей милости доброжелательный Александр Меншиков. Из Батурина. 22 апреля 1720 года.

По царскому указу Порфирий был вытребован в Петербург, в Тайную канцелярию. «Оного чернца, — писал по этому случаю Макаров Толстому, — его царское величество послал вашему превосходительству о его ложном видении разыскать, для чего он то затеял?»

Арестант был принят в ведомство Петра Андреевича Толстого 21 октября, и в тот же день снят первый допрос, после которого Порфирий

немедленно лишен монашеского чина. Митрополит Стефан Яворский вовсе не находил удобным противоречить, подобно черниговскому архиерею, сильным мира сего, а по первому слову Толстого командировал иеромонаха для расстрижения. Отец Порфирий преобразовался в Потапа Матвеева, и теперь совершенно незазорно мог быть предан истязаниям.

Дело, однако, обошлось и без них. С расстриги сняли второй, затем третий допросы. Он упорно стоял на том, что действительно все видел так, как изобразил на рисунке, на келейной стене и пред светлейшим Меншиковым на бумаге.

— Больше того рисунков я не делал, — говорил Порфирий, — о видении ни с кем в рассуждении не говаривал, и своим мнением ни в какую силу не рассуждал, в чем утверждаюсь под смертной казнью.

Дней пять спустя, бывшего иеромонаха привели в застенки и на дыбе поставили в ремень, руки положили в хомут. Расстрига стоял на прежних показаниях:

— Комету я всеконечно видел на западной стороне облаками, желтыми колеры порознь; а не в одном месте, для того, что в то время в иных местах было ясно.

Петр Андреевич Толстой был, вероятно, в добром расположении духа — и достопочтенного отца не вздернули на виску, не обеспокоили кнутовым исследованием.

Вообще, судьба спасла его от телесного штрафования.

Четырнадцать месяцев ждал он в разных тюрьмах: в Нежине, в Стародубе, в Батурине, в Петербурге, решения своей участи — и она определилась 14 марта 1721 года следующим постановлением Толстого, Ушакова и Писарева: «Иеромонаха Порфирия, что ныне расстрига Потап, за то, что он показал ложно, будто видел на небе видение, чему и рисунок учинил, с которого в Малой России немало таковых от его плутовства размножилось, а его ложному плутовству верить немало не надлежит, и за то сослать его в Соловецкий монастырь и держать там до его смерти, отнюдь никуда не выпуская».

Арестанта сдали под расписку комиссару Савинову для доставления на место ссылки; но еще долго шла переписка: из каких сумм выдать ему прогоны? Она кончилась определением Тайной канцелярии выдать из ее сумм проводнику прогонных денег на одну ямскую подводку на 1040 верст до города Архангельска... сколько бы вы думали!... 3 рубля 23 алтына!

Поступок черниговского архиерея, дерзнувшего сослаться на церковные правила и не послушавшегося могущественного Меншикова, не остался безнаказанным. Владыку вытребовали, по высочайшему повелению, в Сенат, который и обратился с расспросом о нем в Розыскных дел Тайную канцелярию. В чем состоял приговор грозного судилища относительно епископа Антония — из дел не видно.

Кликуши¹

Кто бывал в наших дальних монастырях да пустынях, кто часто заходил в приходские церкви людных сел в праздничный день, когда в храме теснятся толпы народа, тому случалось, может быть, заметить иногда удверей съжившуюся женщину, нередко с передернутым, сильно ссившимся лицом, с бессмысленно мигающими глазами... Она охает, кричит, судорожно осеняет грудь крестным знаменiem и бьет земные поклоны. Ее не теснит, не душит толпа народа, напротив, на нее и ее проводницу обыкновенно смотрят с каким-то уважением и сторонятся со странным подобострастьем.

— Что это за женщина? — спрашиваете вы.

— Кликуша, батюшка, кликуша, — отвечает соседняя старуха, — кликает нелепым гласом, вот как понесут дары и ее станет бить...

Действительно, запоют ли «достойную» либо «херувимскую», либо вынесут дары — и вдруг церковь оглашается каким-то диким воплем: слышится то собачий лай, то лягушечье кваканье, то какой-то вой; что-то визжит, пищит и стонет.

Народ, привычный к этим явлениям, большей частью даже не оглядывается и, продолжая молиться, только сторонится, чтоб дать место кликуше.

Пойдем, посмотрим на нее. Зрелище действительно странное. Бабу колотит, дергает какая-то нечистая сила, поводит судорога; она кричит самыми нелепыми голосами; платок свалился, платье в беспорядке, волосы рассыпались безобразными космами — и баба мечется на полу. Над ней заботливо суетится проводница, неизменная спутница кликуши; она покрывает ее голову платком, придерживает на одном месте,

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XVII, д. № 45.

чтоб не металась, поправляет платье либо иной раз просит накрыть ее каким-нибудь церковным платом...

Минут двадцать спустя, много через полчаса, кликуша стихает, и только тяжкое, громкое дыхание показывает, что с ней был припадок...

Кончилась обедня. Народ валит из церкви, и многие мужики да бабы, проходя мимо кликуши, долгом считают подать ей грошик на ее «убожество болезное».

Что за причина подобных припадков? Действительная ли болезнь, желание ли прибýtка, корысть, особый ли род выпрашивать милостыни?

И то, и другое. Иногда это кликанье — действительная болезнь особаго рода (не один ли из видов падучей, или, как называет ее народ, родимчик?). Об этой болезни кликуш любопытные могут найти учено-медицинскую монографию, изданную на русском языке в 1860-х годах. Тем не менее, однако, не может быть сомнения, что между кликушами попадаются такие, которые из кликания сделали особаго рода выгодный для них промысел. Едучи на нижегородскую ярмарку (в 1860 году), мне случилось видеть на пароходе кликушу. Это была женщина лет сорока пяти, со сморщенной, желтой физиономией и бойким, осмысленным взглядом. Она была одета, как одеваются жены богатых фабричных, и я невольно удивился, заслышав, каким приторно-гнусливым голосом стала она рассказывать о своем кликании по церквам, о тех видениях, какие бывают с ней, и стала просить денег, будто бы собираемых ею для богомольного путешествия в Соловки! Но на пароходе большей частью были купцы да мещане, народ более или менее отрешившийся от некоторых верований простолюдина, и потому на гнусение кликуши ответили ругательствами, и та стихла...

В настоящее время правительство благоразумно представляет самому народу вести себя как он хочет относительно кликуш, юродивых, всякаго рода дураков... Каждый знает, что преследование в этом случае неуместно. Делая из этих жалких больных и небольших уродов каких-то мучеников, преследования еще более усиливают суеверие черни...

Но полтора ста лет тому назад не было, да и не могло быть такого взгляда на вещи. Достаточно было обличения двух, трех кликуш в притворстве, чтоб вызвать Петра на энергическое, постоянное и упорное преследование кликуш, зауряд со всеми чудодеями, странниками, странницами, предсказателями, затворниками, учителями раскола и прочими людьми, волновавшими народ и словом, и делом.

Кликуш хватали везде и, по высочайшему повелению, держали в тюрьмах; пытали, секли, наконец, рассылали в работу по прядильным дворам и фабрикам...

Вот партия кликуш — три бабы. Их прислал из Москвы 17 августа 1720 года вице-губернатор Воейков: дочь харчевника Авдотья Яковлева, Тихвинской Сущевской богадельни слепая девка Арина Иванова да мещанской слободы купецкая жена Авдотья Акимова. Все три кликали по разным московским церквям и монастырям, и в том кликании взяты под караул.

— В сем году, — показывала Акимова на допросе при губернской канцелярии в Москве, — была я точно в большом Успенском соборе и во время божественного пенья кричала нелепым голосом: лаяла собакой. Случилась со мной эта скорбь лет уж с сорок, еще младенцем. Находит она на меня в месяц по однажды, по дважды, по трижды и более, прилучается в церквях и дома. Ведают о той скорби многие посторонние люди, а также духовник мой, священник церкви Успения Пресвятой Богородицы, за Москвой-рекой. А буде я, Авдотья, сказала что ложно, и за то указал бы великий государь казнить меня смертью...

Невольно улыбаешься, слыша из уст бабы-старухи эту обычную, заключительную фразу. Здесь она как-то особенно неуместна и смешна...

Справились у духовника кликуши, ведает ли он за ней ту скорбь?

— Не ведаю, кликала ли она в церкви, — отвечал священник, — но, живучи у меня в дому, почасту лаяла собакой, кричала лягушкой, песни пела, смеялась, да приговаривала: «Ох, тошно мне, ох тошно!»

— Кричала и я нелепым голосом, — показывала Авдотья Яковлева, — в разных церквях и дома почасту: в храме Положения ризы Богородицы, идеже лежат мощи Иоанна блаженного на рву, да Козмы и Демьяна в нижних Садовниках, кричала во время божественного пения, а по-каковски — того не упомню. А та скорбь приключилась недавно и с чего — не знаю.

— А мне довелось часто кричать нелепым гласом, — каялась слепая Иванова, — во время слушания чтения св. Евангелия в Никитском девичьем монастыре да в Тихвинской церкви в Сущеве; что кричала — того не ведаю, и была та скорбь со мной в богадельне по дням и ночам; приключилась она от рождения матери моей, что-де слывет в народе тихая и родимец; мать и другие свойственники от той скорби меня не уберегли...

Как бы то ни было, скорбь ли, не скорбь, но кликуш подозревали в сообществе с расколом; все они являлись ослушницами царского указа «ни по церквам, ни по домам не кликать и народ тем не смущать», и потому они — государственные преступницы.

Слово и дело!

Что преступление их с точки зрения тогдашнего правительства было важно, можно уже видеть из того, что царское величество, получив кликуш из Москвы, немедленно отослал всю партию для розыска к его превосходительству Петру Андреевичу Толстому со товарищами.

Трибунал не мешкал: прочел копии с московских допросов и на другой же день пригласил кликуш в застенок, к дыбе.

Первую вздернули кверху Авдотью Акимову.

— С чего у тебя сделалась та скорбь, не притворяешься ли, кто научал тебя кричать?

— Кричала лягушкой и лаяла собакой без притвору в болезни своей, а та болезнь у меня лет сорок и как схватит — и в то время ничего не помню, кликать же меня не научали...

Дано 7 ударов.

Подняли на виску Авдотью Яковлеву.

— Говори без утайки: по чьему научению и с чего ты кликала?

— Кричала в беспамятстве, без всякого притвора, ничего не помня; с чего учинилась скорбь — не знаю, а научать, никто меня не научал.

Было ей 11 ударов.

Подвели слепую Арину Иванову: руки в хомут, ноги в ремень — веревку дернули, и она висит на дыбе.

— Говори правду: с чего кликаешь?

— Болезнь у меня падучая: как схватит — все запомняю, кричу без притвору и без стороннего научения.

Отсчитали 5 ударов.

Четыре дня спустя вся партия кликуш приведена в тот же застенок. Одну за другой ставили их по другому разу в ремень, вздергивали на дыбу и с подъему, без кнута, снимали новые показания.

Они ничем не рознились от прежних.

— Вот и вчерашнего числа, — говорила одна из кликуш, Авдотья Яковлева, болтаясь на веревках, — схватила меня скорбь та, кликанье, в тюрьме, при караульном солдате: вскричала и упала оземь в беспамятстве.

— Правда то или нет? — спрашивали судьи у часового, солдата лейб-гвардии Преображенского полка.

— Заподлинно правда, — отвечал часовой, — вчерашнего числа, во время святой литургии молилась эта баба в караульне, что в равелине, и вдруг вскочила, упала, затряслась, и стало ее гнуть. Лежала она от того на земле замертво часа полтора, и я пришел в страх немалый.

Тюремное кликанье спасло Яковлеву от дальнейшего штрафования. Судьи положили: так как та болезнь была с ней в крепости, в бытность ее за караулом, того ради ее освободить, но не иначе как с порукой и распиской ее мужа, что она впредь во святых храмах кричать, кликать и смещения чинить не будет, под страхом жестокого штрафования кнутом и ссылки на прядильный двор в работу вечно.

Последнее определение показывает, что инквизиторы остались при своем убеждении, что кликанье ее притворство; иначе бы они не стали требовать невозможного: не кликать тогда, когда скорбь от Яковлевой вовсе не зависела.

Что до остальных двух кликуш, то их препроводили к обер-полиций-мейстеру для определения на Санкт-Петербургский прядильный двор. Девиер возвратил их при письме: «прядильный-де двор состоит в ведомстве Берг-Коллегии, по мануфактурным делам».

Тайная канцелярия, приняв обратно кликуш, пристроила их, наконец, на одном из полотняных заводов, в ведомстве кабинет-секретаря Алексея Васильевича Макарова.

Прапорщик Скобеев ¹

Кто празднику рад, тот до свету пьян.

Поговорка

Весело и шумно проводит русский человек Рождество, Святую неделю и прочие годовые праздники: любит он и винца испить, и поговорить, да покричать, а зачастую — и подраться в те минуты, когда хмель сильно затуманит его голову... И на всем громадном пространстве ма-тешки-Руси: в светлых хоромах помещика, в тесной келейке затворника, на улице да на площади, наконец, в лачуге крестьянина, русский

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К.

человек одинаково любит в эти минуты, под шумок винца да пива, поболтать на распашку; за словом в карман не полезет, и путает, и кричит, берется толковать обо всем, ни над чем не задумываясь, ни на чем не останавливаясь.

Но было время, когда и в минуты «пьянственного веселья» надо было держать себя настороже, надо было говорить с оглядкой, страшась изветчиков. То было время царствования преобразователя России, Петра Алексеевича. Каждое неосторожное слово, сказанное о лицах высоких, о событиях важных; каждая мысль, выданная злодеем языком, слишком развязанным родным пенником — все влекло в канцелярию Тайных Розыскных Дел, нередко — в застенки, руки — в хомут, на дыбу, и, во всяком случае, пошла работа заплечному мастеру...

Послушаем же вольные речи, посмотрим на двух, на трех из этих страшных «политических преступников», прочитаем приговоры над их преступлениями. Тогда мы увидим, действительно ли были так опасны вольные речи, много ли зависела от них целостность российского государства, колебали ли они трон великого монарха, наконец, среди каких людей, в каких местах находил он недовольных.

Вот один из них: Тимофей Савельевич Скобеев, прапорщик раскованного ландомилицкого полка, отпущенный генерал-аудитором Иваном Кикиным в отпуск, проживал в 1721 году в Боровском уезде, в сельце Фроловском. В этом сельце жило несколько мелкопоместных помещиков; между домиками их было два двора Скобеева. Человек он был весьма небогатый, но двух дворов крестьян да землицы было достаточно настолько, чтобы частенько покупать вино да пить зачастую чашу горькую, не разбирая ни скоромных дней, ни постных, ни среды, ни пятницы. Спокойно бы текла жизнь Тимофея Савельевича, если бы провидение ни даровало ему в лице его благоверной Матрены Прокофьевны женщину своеобразную, крутую, которая с негодованием смотрела на поведение супруга. Она непрестанно удерживала Тимошу, не давала вина, не давала денег, бравилась, ссорилась, не брезгала и рукопашной схваткой — все было тщетно. У Скобеева было досугу много: раз в год являлся он на смотр в Москву, в столовую палату; на службу, за болезнью ли, или за старостью — его не записывали, и он совершенно свободно отдавался своей страсти.

Наступали праздники Рождества 1721 года. Тимофей Савельич с радости не мог их выждать и уже за неделю пил непомерно. В один из таких

ней, рано утром, после шумно проведенной ночи, Тимофей Савельич попросил у жены вина опохмелиться. Но тщетно представлял он ей на вид те обстоятельства, что он был весьма пьян, что голова его тяжела, во рту, Бог знает, что такое, — Матрена Прокофьевна не хотела ничего слушать и вина не дала.

Огорченный супруг осыпал жену сильными упреками, затем бранью, а от резких слов дело дошло до ручной схватки. По праву сильного Тимоша стал бить нещадно, Матрена Прокофьевна заголосила. Свидетельницей супружеского объяснения была служанка Авдотья Васильева. Не зная, как разнять господ, она побежала за Акимом Ивановым, дворовым человеком Скобеевых.

Когда Иванов вошел в горницу, бой стих; утомились ли бойцы, или совестно стало помещику и помещице, как бы то ни было, но они разошлись. Муж взлез на печь, жена уселась на лавке.

Но слабая женщина в пылу горячки никогда не может остановиться на первом объяснении; не взявши силой, она прибегает к слову. Матрена Прокофьевна и на этот раз, не успев еще оправиться от схватки, растрепанная, помятая, осыпала мужа самыми отборными выражениями.

— Для чего ты пьешь, для чего буянишь? — говорила она между прочим, — пьешь да безобразничаешь, а от того пьянства меня бьешь, в среду да в пятницу блудишь. Побойся Бога, у нас и челядинцы того не делают.

Больно обидной показалась Скобееву выходка жены. Схватка отрезвила его совершенно, и, не утерпев тех ее слов, он стал жену бранить, наконец, весьма положительно заметил:

— Что ты мне указываешь? Ведь так сам государь, Петр Алексеевич, делает!

— Ну, что ты про государя говоришь, — отвечала Матрена, — ведь государь Петр Алексеевич не наша персона. Ведь он — как изволит!

— Врешь, жена, я знаю, что говорю...

— Нет, не знаешь, — заключила супруга, — заврался ты с пьяна-то.

Беседа стихла. Аким Иванов вышел из горницы, его взяло раздумье. Мужик, как видно, был он толковый, читать не читал за безграмотностью, но слышал и знал про царские указы, в которых так щедро сулили награды изветчикам по делам до персоны царской либо до интересов его касающиеся; знал и угрозы тем, кто, сведав о чем-нибудь из таких дел, не доносили. С одной стороны соблазняла награда, даже надежда на

освобождение на волю, с другой пугала мысль: что, если Васильева, по бабьей натуре, болтнет кому-нибудь на селе, и вольные речи помещика дойдут до начальства?

Долго, однако, не решался Аким выдать барина; наконец, 17 апреля явился он на пикет к караульному офицеру и сказал за собой «слово и дело!» Обличителя препроводили в Преображенское. Его царское величество соизволили допустить к себе Акима на объяснение в кабинет. Передал служитель дело важное: записали его рассказ, и 21 апреля 1721 года вместе с запиской препроводил его кабинет-секретарь Алексей Васильевич Макаров в Тайную, к Андрею Ивановичу Ушакову.

«И хотя то дело, — приписывал секретарь в Р.С., — его Императорское Величество изволил ставить за неважное, однако по доношению помещика того надобно сыскать и допросить в том: к какому случаю он такие слова говорил?»

Андрей Иванович отобрал подробные показания от служителя, затем внимательно выслушал барина. Его схватили на месте жительства и привезли под стражей. Скобеев сознался; рассказал все происшествие, затем клялся, что «иных важных предерзостных и непристойных слов ни прежде, ни после, ни после того не было; про его величество с женой никогда не говаривал, а что было им сказано, то спроста, а ни в какую силу».

Сознание спасло от пытки, смягчало и наказание.

1 мая 1722 года Тайная канцелярия, по указу его Императорского Величества, решила:

«Прапорщика Тимофея Скобеева за глупые и непристойные слова бить батогами нещадно, затем освободить. А доносителю Акиму Иванову за его извет дать паспорт, в котором написать, что ему Акиму с женой и с детьми от Скобеева быть свободну и жить где хочет».

На дворянской пирушке

Послушав утреннюю беседу Тимофея Савельевича Скобеева с Матреной Прокофьевной, отправимтесь на вечерок к помещику Новгородского уезда, к Петру Ивановичу Баранову, в Николо-Дымской погост.

На второй день праздника, 26 декабря 1721 года, в усадьбе Петра Ивановича Гора-Чироля собралась большая компания. Здесь был гвардии

капитан Петр Наумович Мельгунов, он приехал для описи всех лиц мужского пола; гренадерского пехотного полка поручик И. Г. Телегин, комиссар Н. П. Арцыбашев, дворянин, призванный для подписки об опрошенных душах, Василий Семенович Харламов, подьячие Чекмарев и Збургской.

Беседа была шумная, угощение славное, вино да пиво хмельное развезало языки. За ужином гости просидели до четырех часов утра. Более всех опьянел помещик Харламов. По мере того, как более и более хмелел Василий Семенович, речи его делались шумней да шумней; слова непотребные, скверные да бранные чаще и чаще слетали с его уст. Толковал он о многом, добратся в речах его до смысла дело было нелегкое, более всего ругал он присутствующих.

— Дурак ты, дурак, — кротко заметил поручик Телегин, — будет тебе врать-то!

— А что за беда, — болтнул в ответ пьяный, — В Санкт-Петербурге государь Петр Алексеевич врет.

— Взять его под караул! — закричал Мельгунов.

Болтун проснулся под арестом, но слово — не воробей: вылетело — пропало, воротить его было нельзя.

Мельгунов отобрал у всех свидетелей подписку о виденном и слышанном и приложил ее к рапорту на имя командира своего, генерал-майора и гвардии майора М. Я. Волкова.

— Оного же Харламова, — писал между прочим капитан, — посылаю при сем с гвардейским солдатом Расторгуевым, понеже опасен, ежели оного не объявить, чтоб впредь какого худа не произошло.

16 января 1722 года мы находим уже Харламова в Тайной канцелярии. Стоит и трепещет пред неумытными судьями новгородский помещик и ведет речь повинную.

Он кается в том, что пировал 26 декабря у Баранова, видел там Мельгунова, но были ль там кто другие, того он не упомнит, да и из слов-то про его Величество не помнит, понеже был он, Василий, в то число весьма пьян.

Дело ли было слишком ясно, разбирать ли его не стоило труда, как бы то ни было, только в тот же день Тайная канцелярия по указу его Величества, определила: «Новгородцу Харламову за непристойные слова учинить наказание: бить батогами нещадно. Потому именно, — писали Толстой, Ушаков да Писарев, — что хотя он, Харламов, был весьма

пьян и слов своих не помнит, но Мельгунов и другие свидетели показали, что он в пьянстве бранился и означенные непристойные слова говорил. Того ради и учинить ему наказание, дабы он впредь, хотя и в пьянстве, никаких непристойных слов не говорил; а по наказании свободить».

Портной царевича Алексея

Не так легко отделался другой государственный преступник, не потому, чтобы его преступление было важнее, — нет, а потому, что к его делу примешивалось воспоминание о царевиче Алексее; а все дела, при совершении которых невольно подымалась пред судьями окровавленная тень наследника престола, решались не в пример суровее и грознее.

15 апреля 1722 года, вечером в 8-м часу, по Тверской улице в Москве ехал наш старинный знакомый, прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка Иван Михайлович Орлов, герой трагического романа и любовник фрейлины Марьи Даниловны Гамильтон (смотри о ней в этой книге далее). Орлов ехал в карете с капитан-лейтенантом Таневым. Против двора вдовы княгини Анны Долгоруковой наскочил на них какой-то пьяница и стал на лошадей «шататься».

— Что это за шалун? — закричали офицеры, хватая лошадь незнакомца.

— А я... я... не шалун, — говорил пьяный, размахивая тростью, — я не шалун... я служил при государе царевиче верно... да, верно... А судить того Бог... кто... нас обидел...

Уже одно упоминание о царевиче (разумеется, Алексей Петрович) в устах незнакомца, на улице, было преступление, и офицеры сочли долгом, во-первых, преизрядно поколотить пьяницу — не шатайся мол на лошадей, а затем за непристойные слова сдать его под караул близ Воскресенских ворот.

В тот же вечер Орлов, в качестве царского денщика, нашел удобную минуту и всеподданнейше донес о преступлении и преступнике.

Государь Петр Алексеевич повелел дело исследовать, и на другой день Орлов доставил арестанта в Тайную канцелярию.

Арестант, вполне уже трезвый, в ответ на расспросы судей, познакомил их со своей биографией:

— Родом я швед, — говорил обвиняемый, — родился в Финляндии, в городе Сердоболе. Отец мой, Еремей Силин, был шапочником, мое же немецкое имя было Габриель. В 1702 году граф Петр Матвеевич Апраксин напал с казаками на наш город. Я был взят в плен и привезен в Оло-
нец, где и выпущен за малолетством на волю. Попал я в Петербург,
жил в дом крон-принцессы и у портного Пипера прожил в учении три года; в это время узнал меня камердинер царевича Алексея Петровича, Иван Афанасьев, взял к себе и поручил убирать платье царевича. Тут я и жил до 1716 года; в этом году, 8 ноября, царевич мне отказал за уменьшением числа служителей. Я переехал в Москву, занимался портняжством, сначала в доме князя С. Голицына, потом у князя Ивана Юрьевича Трубецкого, наконец, поступил в услужение к княгине Анне Долгорукой. 15 апреля сего года был я в гостях у Синодского секретаря Семенова; поехал я от него пьяный. На Тверской, против дома своей госпожи, наехал я на карету неизвестных мне людей.

После этих предварительных объяснений Силин рассказал свою встречу, но объявил, что только тогда, когда офицеры стали его бить, он, не стерпев побоев, сказал Орлову: «Суди тебя Бог, что нас обидишь!».

Таких же слов, уверял Силин, «суди того Бог, кто нас обидел», я вовсе не говорил.

Все дело, лучше сказать, вся важность преступления состояла в том, какое именно местоимение употребил пьяный портной: тебя или того, и в каком времени поставил глагол обидеть, в настоящем или будущем. Если в его речи было тебя и обидишь, то эти слова относятся к денщику-прапорщику; если же того и обидел... тогда... тогда преступление слуш-
ком важно, оно имеет громадное значение!

Для решения столь серьезного грамматического вопроса Петр Андреевич Толстой да Андрей Иванович Ушаков 25 апреля 1722 года отправились в застенки: Силина спрашивали с пристрастием, вложили руки в комут и вздернули на дыбу.

Портной висел на дыбе в ожидании кнута довольно и во все это время продолжал стоять на местоимении «тебя» вместо «того» и спрягал глагол «обижать» не в прошедшем, а в будущем времени: вместо «обидел» — «обидишь»!

Такая, однако, стойкость Силина спасла его спину от кнута; тем не менее, приговор состоялся строгий: Тайная канцелярия, по указу царскому, повелела Сибирской канцелярии отправить Силина в ссылку в Сибирь.

4 сентября 1722 года Тайная канцелярия почему-то нашла нужным справиться, действительно ли выслан Силин, и ей ответили, что бывший портной и служитель царевича еще 21 июня отправлен в Тобольск под конвоем поручика Микулина.

Школяры¹

27 сентября 1722 года, в среду, поздно вечером, у Гаврилы Павлова, прозванием Лысого, старшего дьячка церкви Святого Ильи, что в городе Глухове, собралась веселая компания. Некоторые из собеседников только что пришли из шинка, где отведали винца, и разговор сделался живее и одушевленное.

Хмель одолел: собеседники разбрелись по углам, разлеглись по лавкам. Било два часа ночи. Свеча, догорая, мерцающим светом освещала спящих и засыпающих. Разговор стал стихать, и скоро храп да кряхтение переворачивающихся с боку на бок нарушали тишину.

Пользуясь этим временем, познакомимся с хлопцами, нашедшими приют в школе Лысого: вот на верхней лавке, у печки, улегся Лукьян Васильев Нечитайло, сын истого казака, хлопец дюжий, болтливый, родом он из города Галича; на десятом году от роду потерял отца, прибрел в Глухов и жил по разным школам «для обучения»; Лукьян изучил премудрость часослова, умел подписать свое имя, затем обучение шло плохо: шинки да дивчаты отбивали от него грамоту и он зачастую сознавался, что пора учения прошла для него невозвратно. На другой день Успенья 1722 года он перебрался в Ильинскую школу к дьячку Лысому, с тем, разумеется, чтоб, мало «помешкав», перейти в другую.

Под забулдыгой Нечитайло, на нижней лавке, спал уроженец села Сенча, города Лоховца — Игнатий Емельянов Кривецкий. Года три тому назад, отец его, «черкашенин», умер — и двадцатилетний парень стал бродить из одной школы в другую «для работы»; грамоту не уразумел, добрался до Глухова и почти в одно время с приятелем своим Нечитайло поступил к Лысому.

¹ Предлагаемый рассказ, показывая, до чего и до кого доходили в Петровское время обвинения в государственном преступлении, дает, в то же время, понятие о жизни школьников в южной России. См. вершенные дела. Р. Д. Т. К., к. XXXI, д. № 4.

Против печки, на лавке, спал хлопец Степан, а за столом в переднем углу, на парадном месте, улегся гость лет пятидесяти в рясе чернеца. Монах, как сам уверял школьников и гостеприимного Лысого, пробыл из дальних мест в Киев на богомолье, по обещанию.

В смежной горенке вместе с дьячком, директором школы, разлеглись по лавкам три школяра: Митрофанов, Салочников и Григорьев. Первый из них, Григорий Митрофанов из города Сурджи, остался после отца трех лет и, когда подрос, ходил по малороссийским хуторам, да городам, останавливаясь везде, где только находил школу.

В школах за пристанище да за пищу Митрофанов отправлял церковную службу. Лет пять тому назад он явился в Глухове, долго отчитывал псалтыри да часословы в разных школах, толкался по монастырям, наконец, приютился у Лысого.

Митрофанов был не столько школяром, сколько профессором: его лета, а главное — познания в церковной грамоте, давали ему место в ряду наставников в народных школах; таким же педагогом был Никита Григорьев, в настоящий вечер сильно захмелевший от приятельской попойки и крепко спавший в горенке Лысого. Родиной Никиты было село Красное близ города Батурина. Он долго жил при отце-казаче и только год тому назад пришел в Глухов с тем, чтобы учить в школах «малых хлопцев». У Лысого он начал лекции с августа месяца 1722 года. Около того же времени появился у Лысого — также один из членов настоящей компании — Киприян Максимов Салочников, «черкашенин из-под Чернигова», лет тринадцать тому назад потерявший отца и теперь посвящавший свои досуги на странствия из школы в школу, из монастыря в монастырь, как то делала большая часть его беззаботных товарищей.

Все названные хлопцы-школяры, за исключением Кривецкого, не столько уж владели грамотой, что могли подписывать свои имена, и все читали более или менее бойко, разумеется, книги церковной печати. Познакомившись с этой молодежью, подойдемте, пока свеча еще не погасла, к Нечинайло. Под влиянием крепкого вина он никак не мог угомониться, ворчал, болтал, кряхтел и, находя верхнюю лавку у печки ложом не совсем покойным, не переставая ворочаться с боку на бок. При одном из таких поворотов Нечитайло потерял равновесие и кувыркнулся вниз на ноги Кривецкого. Толчок разбудил безграмотного школяра.

— Чего ты не спишь? — заговорил он с сердцем. — Кажись время бы уж спать?

— Какое не спишь, бормотал полупьяный Лукьян, карабкаясь на прежнее место: я упал... Э, э, эх, — продолжал он «зажарты»¹, укладываясь на полатах: — полно мне валяться по школам! Или оженюсь, или в чернецы постригусь! Ей Богу.

— Куда-де в чернецы постригаться, — отвечал Кривецкий, — ныне есть указ государев. А по тому указу, кто хочет постригаться, тот послужи на монастыре годов с десятков, а тогда-де, пожалуй, и постригут. Да опричь того сперва-наперво явиться надо пред его Императорское Величество и объявить о себе для опросу: не беглый ли ты и какого чина; а буде кто не явится, того, по тому указу, рассылают.²

На упрек сотоварища пьяный Лукьян не нашел что сказать и скаредной бранью, как сказано в деле, «избрал его Величество».

Скаредная брань вырвалась у Нечитайло громко, свободно, внятно, так что, за исключением школяров Никиты и Киприяна да дьячка Лысого, вся остальная компания услышала крупную речь.

Первый отозвался на нее богомольный старец Иона. Вечерняя пирушка не вполне смежила его вежды...

— Какой там бездельник, — закричал чернец, — такие неистовые слова говорит?

Школьники стихли. Все молчали. Лукьян уже спал.

— Такой ты, да этакой, — бранился Иона, — как ты смеешь, враль ты этакой, и для чего такие безумные слова говорить про его Императорское Величество? Ведь за это и голова долой слетит, — положительно заключил старец.

Монах, действительно человек бывалый, опытный, на своем веку видел не одно штрафование и собственными ноздрями купил эту опытность. Он оставил ноздри в руках палача, и это неприятное событие совершилось при следующих обстоятельствах:

Отец его был священником близ Казани, в Сарайском уезде, в селе Черемшине, и умер в 1682 году, оставив восьмилетнего сына Ивана.

¹ В азарте.

² Незадолго до этой беседы, 21 мая 1722 года, Святейший Синод по воле государя воспретил монахам и монахиням переходить из монастыря в монастырь; власти не имели права без указа разрешать этот переход и не должны были принимать к себе приходящих под страхом жестокого штрафования. В скором времени повелено было переписать всех монахов и монахинь с тем, чтобы «отныне впредь никого не постригать, на убылые ж места принимать отставных солдат и на сторонние монастырское денег не давать».

Иван прожил несколько лет с матерью; а схоронив ее, ушел в пригород Манск к приятелю своего отца, старшему подьячему Василию Воронову. Иван начал здесь службу в качестве молодого подьячего; служил не без ловкости и сноровки, так что в скором времени обзавелся собственным двором и полным хозяйством. Счастье скоро, однако, отвернулось от него. В июне 1712 года поехал он для сбора «конских денег», то есть пошлин, в село Кандалы. Здесь, если верить его же рассказу, он погрешил немного: у крестьянина Ивана Самары купил платье, ведая, что то платье украдено им от разбойников.

Вор был уличен, через него перехватывали разбойников, и, наконец, добрались и до покупателя подьячего. Арестанты отправлены в Казань; долго содержались они при канцелярии; их допрашивали, пытали и, наконец, осудили на разные наказания. По тому осуждению подьячий Иван, вынесший пытку, был бит кнутом на площади, лишился ноздрей и назначен к ссылке на каторгу.

Штрафованный имел милостивцев и заступников: не спасши ноздрей от клещей и спины от кнута, он спас себя, однако, от каторги: побил он челом Тихону, митрополиту казанскому, моля его о спасении.

Тихон принял участие и просил губернатора Н. М. Апраксина. Иван был освобожден и поспешил с благодарностью в архиерейский дом, где и просил немедля постричь его в монахи. Владыка отправил его в Богородицкую пустынь, отстоящую в двадцати верстах от Казани с «памятью» (запиской) к «построителю» той пустыни, отцу Макарию, в «памяти» сделано было распоряжение о приеме и пострижении бывшего подьячего.

Иван вместе с рясой получил имя Иовы, но жил в обители не менее двух лет, после чего пустился странствовать по Руси; переходил из города в город, из монастыря в монастырь, кормясь от сборов на свою обитель, от милостыни добрых дателей, и везде находя радужный прием. В мае 1722 года по дороге в Киев он зашел в Глинский монастырь, Севского уезда, от Глухова в двадцати верстах. Монах и «инквизитор» Севско-Спасского монастыря Милетий беседовал со странником и вручил ему донос на строителя Глинского монастыря «в непослушании», прося передать его киевскому архиерею. Иона с удовольствием принял поручение, тем более что получил на это от Милетия подорожную или вид, который спасал от возможных встретиться задержек. В силу неоднократных повелений государя,

бродяг-монахов в это время хватали чаще и чаще, и тем труднее было чернецам скитаться. Придя в Глухов, Иона встретил толпу нам знакомых хлопцев, зазвал их в шинок; шумно и весело, за чарками, провел с ними вечер, а те, в благодарность, отвели ему ночлег в школе дьячка Лысого.

Так судьба привела Иону быть участником рассказанной нами сцены. Как человек, прошедший огонь и воду, не мудрено, что он прервал брань Нечитайло и еще раз напомнил: «За это-де и голова долой слетит!».

Слова Ионы подняли с лавки Григория Митрофанова.

— И впрямь, — заговорил он, выходя из соседней горенки, — для чего ты, злодей Лукьян, такие скарედные слова про его Императорское Величество говоришь?

Вмешательство товарища не понравилось Степану. Он нашел нужным пугнуть Гришку.

— Тебе-то что нужно? — заговорил он, поднявшись с лавки и замахиваясь. — Уж ты сейчас тут доносчик. Дадим мы тебе себя знать, как доносить.

Гришка притих, стихла и вся компания.

Наутро только один Митрофанов ясно помнил вчерашнюю беседу и уже обдумывал донос. Остальные вместе со старцем больше думали, как бы опохмелиться, чем о скаредных словах Нечитайло.

— Эх, братцы! Хочу я браги испить, — заговорил старец.

— Так чего ж, — отвечали Лукьян и Григорий Митрофанов, — пойдем в шинок, там и напьемся.

Сходили, испили браги и вернулись в школу.

— А что, братцы, — спрашивал Иона, — кто у вас «ночес» про его Императорское Величество бесчестные слова говорил?

— Вот он, что с тобой ходил опохмеляться, тот и говорил, — указывал на Лукьяна Григорий.

— Нет, и знать ничего не знаю, никаких слов я не говорил.

— Для чего ж ты запираешься, — уличал Григорий. — Вот как я пойду да на тебя о тех словах донесу, так всем беда будет! Ты, отче Иона, как станут тя спрашивать, и ты в тех словах не заприся?

— Ступай, донеси, — одобрял отче, — а я уж в тех словах не запрюсь.

— Что ж ты жить с нами не будешь, что ль? — вмешался Степан. — Коли ты жить с нами хочешь, так чего ж доносить идешь? — С этими

словами хлопец хватил раза три доносчика по шее, сбил с ног и выбил его в дверь. Ступай теперь, доноси!

— Постой, постой! — не унимался Григорий, вновь входя в школу. — Я тебя, Степан, лихо доведу!

Протест Степана поддерживали Киприян с Никитой; хотя они и не слышали вчерашней беседы, но, узнав о намерении Григория отправить с доносом, осыпали его самыми отборными выражениями.

— Ежели ты доносить идешь, — заключили школяры, — то похватаешь ты у нас кия сиречь палки.

Молодежь горячилась, кричала, и тем свободнее, что директор школы, дьячок Лысый, ушел куда-то по делам. Брань готова была перейти в кулаки, но вмешался отче Иона, и для успокоения страстей, предложил сходить в другой шинок и испытать винца.

Предложение было принято, за исключением Лукьяна, ушедшего разгуляться на рынок; отправились в шинок; протестующие Степан с Никитой не переставали осыпать Митрофанова бранью, насмешками, а Киприян приобщил несколько тумачков.

— Вот тебе две чарки, — сказал Иона, угощая Кривецкого, — ипей да ступай в школу припасать обедать, а мы тут посидим.

Брань да насмешки школяров не испугали Григория; он еще более на них озлобился.

— Ты-то доносчик! — говорили ему товарищи. — Погоди, уж мы тебя, доносчика, в школе розгами побьем и из школы вон выгоним.

Энергичнее всех говорил против доноса и доносчика Степан; находя слова не вполне убедительными, он подкреплял их частыми кулаками и несколько раз «выбивал» Гришку из шинка.

— Будет, будет вам не одному! — грозился тот каждый раз, возвращаясь.

Ему отвечали пряными выражениями: «Для чего ты нас, Гришка, такими словами угроживаешь, мы ничего вашего дела не знаем!». В это время мимо шинка проходил капрал. Григорий зазвал его и, чествуя вином, говорил:

— Хочу я тебе сказать слово, и то слово скажу после. Теперь уж вам нельзя уйти, — продолжал он, обращаясь к школьникам, — вот я пойду солдатам объявлю, чтоб караулили вас по дорогам; буде вы замыслите уйти, так за вами погоня будет.

— Что ты грозишься? Мы не боимся, да и не для чего нам уходить от погони.

Зазвонили к обедне, и школяры Киприян с Никитой пошли в церковь. На паперти встретили они Лукьяна и передали ему перебранку с Гришкой.

Между тем, Гришка уже спешил с доносом к бригадирскому двору; встретивши какого-то майора, он объявил ему «слово и дело!». Майор отрядил с ним солдата и послал на гауптвахту приказ капитану послать людей для поимки школяров. Команда из шести человек вслед за извetchиком направилась в школу...

Там стряпал в это время Кривецкий и только что пришел из шинка отче Иона.

— Нельзя ли, брат, чего поесть? — говорил старец.

— Ничего еще не поспело, отче.

При этих словах пришли солдаты и арестовали собеседников. Никиту взяли на мосту, он попался им навстречу. За Киприяном пошли в церковь Святого Ильи. Школьник пел на клиросе, его свели оттуда, и повели всех вместе в малороссийскую коллегию.

Лукьян в это время, по просьбе дьякона Протопопко, ходил в загородную церковь Рождества Богородицы (Верегино) за чернецом и пономарем. Приведя их к священнику, Лукьян завернул в школу. Здесь он нашел только малых хлопцев, они учились грамоте.

— Где Кривецкий? — спросил у них Лукьян.

— Приходили сюда солдаты с Григорием, Кривецкого и чернеца Иону взяли под караул и тебя солдаты спрашивали. Сказывали, что Степан побранился да подрался с Гришкой, так и Степана солдаты хотели взять, да он от них ушел.

Ответ мальчиков сильно смутил Нечитайло. Он поспешил проведать, за что именно взят Кривецкий. Не доходя до коллегии, Лукьян нагнал команду с арестантами. По указаниям Григория и Ионы его тотчас арестовали.

Доносчика, школяров и чернеца Иону — всех шестерых немедленно забили в колодки в гетманской караульне и рассажали по казенкам.

Григория спрашивали в коллегии, и тот отвечал, что имеет за собой и за взятыми людьми его Императорского Величества «слово и дело!» о его Величества высокой монаршеской чести.

Преступление было важное, секретное, политическое; ни коллегия, ни ее первенствующий член, бригадир Вельяминов, не смели задерживать преступников, и дней через пять всех шестерых в колодках, под конвоем,

отправили в Москву. Правительствующий Сенат на основании указа, повелевавшего решать дела, до чести его величества касающиеся, в Тайной канцелярии 18 октября 1722 года препроводил туда и колодни-ков, за крепким караулом, и бригадирское доношение.

На другой же день члены тайного судилища, или, как их называли в то время во многих бумагах, «инквизиторы», сняли с каждого «преступника» порознь самые подробные допросы.

Из показаний допрашиваемых, дополнявшихся одно другим, мы узнали те подробности, которые привели выше. Каждый из подсудимых рассказывал сперва о собственной жизни, затем объяснял, при каких обстоятельствах легли они спать за три дня до Покрова (27 сентября) в школе Лысого, как шла у них вечерняя беседа, потом утренняя перебранка и, наконец, кто и где был арестован.

Главный преступник Нечитайло покаялся во всем с первого же допроса, не выжидая пытки, которая грозила ему неминуемо, если бы он вздумал заператься.

— Что показали на меня расспросами Григорий Митрофанов, Кривецкий и старец Иона, — винился Лукьян, — и в том я перед его Императорским Величеством приношу вину свою, что его Императорское Величество я бранил скаредной бранью таким случаем, как они показывают... А отвечал ли я что на слова Ионы и Григория, того не помню, для того, что я был пьян. И слова те про его Императорское Величество говорил я сущее в пьянстве в беспамятстве. Мысли же у меня о его Императорском Величестве напредь сего никогда не бывало, и других таких, согласных себе в тех словах, никого не знаю.

Что касается до слушателей Лукьяновых слов, то Никита с Киприяном также сослались на то, что были весьма пьяны и ничего не слышали; затем утреннюю перебранку свою и драку с Григорием всячески старались представить в более смягченном виде. Таким образом, и тот и другой запирались в угрозах бить Григория розгами и кием и выгнать его из школы; также Киприян, вопреки доносу последнего, утверждал, что не бил его по щеке, а двинул в грудь да по шее, и то не ради того, чтоб тот не доносил на Лукьяна, но по следующему обстоятельству:

— Когда шли они со старцем Ионой в шинок, то я, Киприян, отстал от них немного. Остановился с человеком из г. Королевца; искал тот человек утерянных листов в лубке. На меня прикрикнул Григорий:

— Чего ты отстаешь?

— А тебе что за дело? — молвил я в ответ и толкнул его в грудь, а в щеку не бивал.

Столь важные противоречия требовали разъяснения. Извечнику Григорию и старцу Ионе со школярами Никитой и Киприяном в спорных речах дали очную ставку. Обвинения были те же; но школяры повинились, что из сожаления о Лукьяне грозили извечника бить и кием, и розгами, и из школы выбить. Затем Киприян все-таки остановился на том, что двинул доносчика не в щеку, а в грудь. Ему казалось, что это обстоятельство смягчит вину и степень наказания.

Обстоятельство осталось, однако, нерешенным, и все исследование окончено в три дня. 22 октября 1722 года Тайная канцелярия в лице Григория Скорнякова-Писарева и секретаря Казаринова¹ приговорила:

1) Доносчику Григорию Митрофанову за его правый извет дать жалованья десять рублей, также кормовые и прогонные деньги до Петербурга (?), по указу.

2) Школьника Игнатия Кривецкого отпустить, по-прежнему, в Глухов с паспортом, что он бран был только для обличения по сему делу.

3) Школьников Никиту Григорьева и Киприяна Максимова отослать при указе в малороссийскую коллегию и учинить на месте публичное наказание за то, что они заступились за плута Лукьяна и хотели бить Григория розгами; а Киприян и в щеку его ударил.

4) Школьника Степана, который бил и бранил Григория за то, что тот хотел донести на Лукьяна, сыскать в Глухове или где надлежит; а как сыщут, и его, Степана, публично наказать, так же, как наказан будут Никита и Киприян. А по штрафовании всех троих выгнать вон из школы и ведения отписать в тайную канцелярию.

5) Старца Иону для следования, за какие именно вины учинено было ему наказание и сослан на каторгу, беглый ли он с каторги или прощенный — обо всем этом следовать в Святейшем Синоде, а что по следовании явится, о том прислать известие.

6) Школьнику Лукьяну Васильеву Нечитайло за его непристойные слова учинить наказание: бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри, сослать в вечкую каторжную работу.

1 ноября 1722 года рано утром Нечитайло вывели на Красную площадь.

¹ Государь был в это время в Астрахани, а члены Тайной канцелярии — в разъездах по разным делам.

Его окружили конвойные солдаты; сбежалась толпа любопытных зрителей.

— Школьник Лукьян Васильев! — громко прочел секретарь, — в нынешнем 1722 году, в сентябре месяце, в г. Глухове, в Троицкой школе, в третьем часу ночи, говорил ты школьнику Игнатию Кривецкому про его Императорское Величество некоторые непристойные слова, о которых ты в Тайной канцелярии винулся, что те слова говорил ты будто в пьянстве. И сего октября 22-го дня, его Императорское Величество указал: за те твои непристойные слова учинить наказание: бить тебя кнутом нещадно, вырезать ноздри и сослать на каторгу, в вечную работу.

Преступника привязали близ лобного места к столбам, раз навсегда утвержденным для подобных случаев, и казнь началась...

Нечитайло отсчитали тридцать нещадных ударов кнутом и вынули клещами ноздри.

Таким образом, не довелось ему выполнить ни одного из своих задушевных желаний: ни ожениться на красавице-дивчине, ни постричься в чернецы. Одно неосторожное слово вывело Нечитайло из школы: и такая страшная казнь постигла его, как оскорбителя чести великого преобразователя России!

Двойни царицы Натальи¹

10 февраля 1725 года, два месяца спустя после отправки в Пустозеро двух старух, Федоры Ивановой и Авдотьи Журавкиной, которые мужественно вынесли восемь пыток со вспаркой горячими вениками за нескромно высказанное желание: «поубавили б-де у нас боярской толщи»² (то есть поуничтожили б бояр).

По той же дороге, на Пустозеро, провезли новую болтунью... Событие, доведшее престарелую Маримьяну до грустного путешествия в Архангелогородскую губернию, не лишено интереса; в нем, как и во всех почти эпизодах «слово и дело!», мы находим любопытные подробности для истории розыскных дел Тайной канцелярии петровского времени, новые черты для обрисовки тогдашних нравов, а главное — знакомимся с толками народа о преобразователе России...

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XXV, № 1, лл. 1—52.

² См. далее рассказ XXIII.

В последних числах декабря 1722 года в Кронштадте у писаря Козьмы Бунина, домашнего секретаря вице-адмирала Сиверса, жена его Варвара Екимовна родила дочь. Еще дня за два ради этого натурального случая призвана была в качестве акушерки вдова бывшего квартирмейстера матросов Маримьяна Андреевна Полозова. Это была словоохотливая старушка, давнишняя знакомая и приятельница хозяев, и Бунин почасту проводил с ней время в болтовне о разных разностях у одра родильницы... Однажды ночью хозяин особенно разговорился: ему сгрустилось при мысли о своей небогатой жизни и о том, что нужда-де растет по мере увеличения семейства.

— Что мне теперече чинить? — говорил Бунин. — Бог дал мне дочь, а чем сего младенца будет крестить? Денег нет! Мало хлеба ныне имею, нежели (не только) денег, а его величества денежного жалованья не да-но еще морским служителям за восемь месяцев...

Речь перешла на самую персону его царского величества:

— Говорят, — продолжал Бунин, — как царица Наталья Кирилловна родила царевну, и в то время сыскали из слободы (Немецкой) младенца мужского пола и объявили царю Алексею Михайловичу, что двойни-де родились; а тот подмененный младенец — не русский, но из слободы Немецкой. Вы люди старые, более знаете, правда ли все это?

— Ну, вы живете при начальных людях, — ответила уклончиво старушка, — вам более известно... А что государь лучше жалует иноземцев и добрее до них, нежели до русских — и то верно; а довелось мне об этом слышать у города Архангельского от немчина Матиса, что государь-де его Императорское Величество Петр Алексеевич — природы не русской. Слышала я все это таким образом: муж мой покойный был на службе в Архангельске, и жила я с ним в том городе, лет тому тринадцать назад (то есть в 1710 году); хаживала я для работы к англичанину Матису. Прихаживали к Матису иноземцы и разговаривали то по-немецки, то по-русски.

— Дурак-де русак! — говаривал агличанин, — не ваш-де государь, а наш! Вам (русским) нет до него дела!...

Болтовня какого-то Матиса из Архангельска, повторенная тринадцать лет спустя его работницей, даже и в петровское время не представляла ничего еще такого, чтоб подвергнуть ее розыску и прочим неприятностям допроса с пристрастием, но зато эта-то именно болтовня старухи и внушала Бунину мысль попытать счастья добыть деньжонок; заработать

их теперь дело, казалось, легкое, стоило только написать поискуснее извет в слове и деле!

И вот, по зрелом размышлении в продолжение целой недели, Бунин написал донос бойкий и размашистый. Он был составлен с замечательным искусством: быль с небылицей сведены и перепутаны в нем как нельзя лучше, все сочинение, (а извет Бунина, что можно заметить по внимательном рассмотрении дала, не что иное, как сочинение) написано языком бойким с ловким вступлением и красноречивыми замечаниями.

С этим фискальским произведением, после предварительного соглашения в показаниях с женой, Бунин явился к начальнику. Вице-адмирал препроводил в государственную Адмиральтейс-коллегию как Бунина, так и оговоренную им Маримьяну, — обоих «по важному делу, касающемуся ко многому поношению высочайшей персоны его величества». Адмиральтейс-коллегия была в этом случае не более как посредница между Сиверсом и Тайной канцелярией; в нее и отправлены в тот же день колодники по согласному определению всей коллегии — для подлинного о деле исследования и надлежащего о том указу».

Но прежде, нежели и обвинителя и обвиняемую привезли в Тайную и посадили в отдельные казенки «за особыми порознь часовыми, чтобы они ни с кем разговор не имели», Маримьяна нашла случай шепнуть несколько слов доносчику. Это было в то время, когда их обоих за караваном везли с Котлина острова.

— По какому делу меня взяли? — робко спрашивала Мариямьяна, сидя в светлице, на предшпективе, что на устье Невы реки, — по какому делу меня взяли, разве по попову?

— Не сведом я о том, — отделялся Бунин от пытливых расспросов.

Действительно, Маримьяна чувствовала за собой грех по попову делу. Дело состояло в том, что незадолго до болтовни с Буниным она как-то промолвилась одному из знакомых ей котлинских попов: «Как вам исповедоваться? Ведь вы нас (баб) браните к...», — да тут же к слову, как тогда же жаловался поп отцу протопопу, Маримьяна назвала всех попов «смердовичами»...

Но старуха напрасно опасалась. Бунин еще ничего не писал о ее поповом деле; в его красноречивом извете рассказ шел по преимуществу о двойнях царицы Натальи.

Вслед за Андреем Ивановичем Ушаковым пробежим и мы сочинение вице-адмиральского писаря:

— Хотя б в регламенте морском, — писал Бунин, — и в указах его Императорского Величества о предохранении чести и здоровья его Величества положено не было, то мною, что не стерпит человеческая совесть, ежели кто сущий христианин и не нарушитель присяги в себе заключить, слыша нижеписанные поношения против персоны его величества, яко же аз слыша, всенижайше, без всяких притворов, но самой сущей правдой при сем доношу, оставив все простоглаголивые страхи во все-милостивейшую волю его Императорского Величества.

Вслед за этим красноглаголивым вступлением доносчик повествует о родине жены, о ночной беседе с Маримьяной, причем начинает беседу со своей жалобы на бедность. На эту жалобу Маримьяна, по уверению Бунина, отвечала так:

— Когда война была, то вам (морским служивым) деньги всегда давались без задержания; а ныне войны нет, так и денег нет! Да, царя дал нам Бог воина: все б ему воевать! Уж и то вся чернь от войны разорилась; можно б уже ныне дать людям и покой.

«На слова эти, — пишет Бунин, — я отвечивал тако: что ты, баба, бредишь? Сие не от государя, но Богу тако бытии соизволившу». Но она вящее умножила рефлексии на персону его Императорского Величества, говоря тако: «Сей-де царь не царской крови и не нашего русского роду, но немецкого». «Что мя, — продолжает Бунин, — зело утрашило и удивило, и понудило немедленно от оной требовать ясного об том доказательства, видя такую велию причину: что како сему бытию можно?» Она же мне рекла: «Тако-де сие учинилось, когда-де блаженные памяти царь Алексей Михайлович изволил сказать царице Наталье Кирилловне, что уже-де ты родила осмь дщерей, а ежели-де ныне паки родишь дщерь, то-де велю тебя постричь. А в то-де время оная царица была чревата.¹ И когда-де случилось ей родить, то-де родила еще дщерь, и убоясь-де того гнева, велела немедленно сыскать младенца мужеска полу, который в те часы родился. И в то-де время посланные не могли нигде такого младенца русского сыскать, но сыскали-де у иноземца мальчика, нынешнего государя, и объявили-де, будто родились двойни: один мужеска и другой женска полу младенцы. Так-то-де его и подменили!».

¹ Народные толки, как и всегда, не могли быть точны, не говоря уже о мнимой угрозе царя Алексея царице Наталье, даже цифра детей государя не верна: Алексей был два раза женат: от царицы Марьи он имел четыре сына и восемь дочерей, но это от первой жены; вторая же Наталья родила ему двух дочерей, Наталью и Федосью, и одного только сына, этот сын был — Петр I.

«Что мя, — повествует далее извetchик, — еще более в страх и удивление привело». И спросил ее паки: «Какие случаи она ведает о сем?». Она же мне рекла тако: «Не только-де я ведаю, ведают-де и многие господа и другие, но не смеют о сем говорить. Еще ж-де, когда я была у города Архангельского, сказывал-де мне иноземец с клятвой, что сей-де царь подлинно наш (то есть иноземец) природный, и посмотри-де, какая от него к нам будет милость; к тому же-де (и мне сказал) и ты посмотри, кого он так жалует, что иноземцев!». На что я ей отвечал, что его величество жалует всех за верность и за заслуги, несмотря на персоны, кто б какого звания ни был. Она же мне сказала: «Нет-де, до русских не таков, как до иностранцев». На что я ей паки сказал: «Как вышеписанному случиться можно, ибо был у его величества блаженный и вечнодостохвальной памяти брат, государь царь Иоанн Алексеевич, то како б он о сем не мог уведомить, тако ж и министры умолчать! А более, что которых за преступления по указу его величества всенародно казнят, како бы и они не могли о сем изглаголить?». Она же, богомерзкая, еще сказала: «Брат-де (то есть Иван Алексеевич) был скорбен, и сего-де не для чего было ему произыскивать, ибо-де (он) не хотел владеть престолом и при животе-де ему (то есть Петру) власть свою всю сдал; а бояре-де за тем не смеют говорить, что лишь-де кто на него (Петра) какое зло подумает, то он-де тотчас и узнает; а коли б не то, то они (то есть бояре) давно б его уходили». Об чем я у оной еще спросил: «По чему его Величество может узнать мысль у человека, не видя явного дела?». — «Он-де сему научился!» — был ответ.

«И тако, — заключает доносчик, — от оной сии непотребные разговоры, яко от ехидны зло излиянный яд, слышать больше не мог за страхом и непотребностью спрашивать». И сказал ей тако (чтоб она больше сего не говорила мне): «Ведаешь ли ты, баба, что тебе за сие мало, что голову отсекут?». Она же мне сказала: «Здесь-де лишних никого нет и поносить-де некому». «Понеже в то время только было нас в светлице трое: я нижайший с женой, да она, Маримьяна. И сего ради, видя, что от оной сии вреды могут распространяться более, дабы прекратить, я, нижайший... (поспешил)... донести Государственной Тайной канцелярии, — ловко расписывался извetchик, — всенижайший слуга, обретающийся при господине вице-адмирале Сиверсе за секретаря, писарь Козьма Бунин. С.-Петербург, 8 января 1723 года».

Без всякого сомнения, в доносе была доля правды, но эта часть едва ли значительна; все остальное принадлежит фантазии и бойкому перу

вице-адмиральского писаря. Так, по крайней мере, можно думать, видя необыкновенную гладкость, последовательность рассказа, наконец, прислушиваясь к тем эпитетам, резким словцам насчет Маримьяны, которые как будто невольно срывались с уст Бунина; все это, вольное и ловкое на бумаге, не могло бы быть на деле. Обзови он старушку «богомерзкой» и другими скаредными словами, «богомерзкая», естественно, остановилась бы, и, таким образом, прекратила бы беседу прежде, нежели домашний секретарь вице-адмирала закричал: «Ведаешь ли ты, баба, что тебе за сие мало что голову отсекут!». Баба, как видно из дела, не так была глупа, чтоб самой расточать непотребные слова пред человеком, с первого же слова ставшим пред ней в положение изобличителя. С другой стороны, что изобличение во многом было ложно, можно догадываться и из того, что Бунин обошел устную, обычную форму тогдашних доносов; нет, он не ждет, пока речь его будет внесена в протокол Тайной канцелярии, он сам предъявляет ее обточенную, обчищенную, кудреватую, с патетическими обращениями насчет «богомерзкой» старухи. Солгать бойкому писарю-секретарю на бумаге было гораздо сподручнее... Итак, мы сомневаемся, чтоб все непристойные рассказы, отнесенные Буниным к Маримьяне, действительно принадлежали бы ей: но в таком случае, какой же имеют они интерес. Выдуманные Буниным, бродили ли эти нелепые толки в черни, принадлежали ли они тогдашнему серому народу? Принадлежали — и в этом нет сомнения; об этом свидетельствуют другие дела Тайной канцелярии, дела, именно возникшие по поводу сомнения народа: не выродок ли Петр из Немецкой слободы? Бунину стоило только прислушаться к подобным толкам, а они, так сказать, носились в воздухе, и свести весь этот бред, имевший, впрочем, основание в непонятности народу деяний Петра, свести эти толки в одно сочинение. Вице-адмиральский писарь в чаянии награды и выполнил эту задачу с немалым искусством.

Но наградные за извет деньги добывались не одним только ловким доносом; от доносчика требовалось, как известно, не меньшей ловкости закрепить донос на допросах с пристрастием. Подвергся ли этому пристрастию Бунин? Посмотрим в деле.

Выслушав прочитанный ей громогласно донос, Маримьяна рассказала об архангельском говоруне агличанине Матисе; отчество и прозвание его она забыла, но слово об иноземческом происхождении государя сохранила в своей памяти в течение тринадцати лет. «Бунин, — показывала

Маримьяна, — то не я, а он сам стал выпрашивать о двойнях царицы Натальи Кирилловны. Не от меня, а от него те слова сперва начались... А что государь лучше жалует иноземцев, нежели русских, говорила ль, не помню; прочих же всех слов, что в Козьмине доношении написаны, не говаривала, в чем подтверждаю себя лишением живота».

Очная ставка, данная немедленно, не обнаружила, кто прав, кто виноват: и тот, и та остались каждый при своем.

Теперь, по обычному вершению подобных дел, доносчика следовало бы под кнут; не напрасно и говорилось всегда в народе: «На доносчика первый кнут». Но хитрый и находчивый Бунин устраняет от себя подобную неприятность. На другой же день после подачи доноса он просит попа для исповеди. Вовсе не видно, чтобы Бунин страдал каким-либо другим недугом, кроме кнутаобоязни; несмотря на эту, не совсем важную в глазах инквизиторов, болезнь, отказу в священнике не было, да и в других случаях не бывало никогда, так как исповедь служила для судей одним из средств разведать истину.

Понятно, что Бунин очень хорошо знал о том, что все сказанное им на духу будет передано судьям; вот почему, с божбой и клятвами, заверял он отца протопопа: «Все-де написанное мной вчера на бабу Маримьяну самая истина; учинил же я доношение на нее без всякой страсти и злобы, прямой христианской совестью, в чем состою непременно, даже до смерти».

Трудно, однако, допустить, чтоб Ушаков только ради исповеди Бунина не повлек его в застенок; нет, тут без сомнения было и желание со стороны «инквизитора» угодить вице-адмиралу, по возможности щадя его секретаря. Вместо него повлекли в застенок Маримьяну. Старуха повторила то же, что говорила и прежде, что речь о царицыных двойнях начал сам Бунин, а она-де только говорила про слова Немчина Матиса, что сказывал он в Архангельске».

— И в этих словах, — стонет старуха с дыбы, — утверждаюсь... что показал на меня Бунин... конечно того не говаривала... слов, что слыхала от агличанина, ни от кого другого еще не слыхала... тех Матисовых слов никому другому, кроме Бунина, не сказывала... а где ныне Матис, не знаю... отца же духовного имею котлинского попа Петра... на исповеди была у него... тому три года...

Пытка первая... 11 ударов.

Бунин должен был присутствовать при розыске старухой, и чувство самосохранения не позволило ему признаться в лживости доношения.

Посылают в Синод требование выслать к допросу попа Петра с Котлинского острова. Святейший Синод спешит, по обыкновению, выполнить требования Тайной канцелярии, и попа привозят в Петербург, в инквизиционное судилище.

— Оная женка, — говорил поп, глядя на старуху, — дочь мая духовная; исповедовал я ее ныне тому третий год, а по исповеди приобщена она была Святых Таин, а после того оная женка на исповеди у меня не бывала, для того, что я был в отлучении в Бел-городе, в доме своем.

Подтверждение попом слов Маримьяны не спасло последнюю от истязания в другой ряд.

— Кузьма затеял на меня все напрасно... — говорит она, вздернутая на виску и повторяя прежние показания.

... 20 ударов.

Твердость Маримьяны может дать худой оборот делу для Бунина; и вот вице-адмиральский секретарь спешит подать дополнительное показание: «Сказывал я Маримьяне в прошлых годах, а в котором именно не помню, на Котлине острову, как его Императорское Величество изволили оттить во флот, в то время гулял государь на яхте, и при том были ее Величество государыня Императрица Екатерина Алексеевна и блаженный памяти царевич Алексей Петрович да царица Прасковья Федоровна. И его Императорское Величество прощался и ее, царицу, целовал и жестоко плакали, знатно-де зело Прасковью Федоровну любит и жалует». «А для того государь ее любит и жалует, — отвечала Маримьяна, по уверению Бунина, — что он, государь, не русской природы и не царской крови. Как же ему до невестушки быть недобру, коли он иноземческого поколения?...»

Старуха и в этих дополнительных словах с розыску заперлась. Но для нас все равно, писарю или бабе принадлежали толки об отношениях царя Петра к царице Прасковье; важно здесь то, что никакое обстоятельство, до высших персон относившееся, не ускользало от внимания народа. Народ подметил любовь и уважение государя к невестке и поспешил объяснить по-своему причину этой любви: иноземец-де по своему происхождению, Петр, и любил Прасковью за то, что та не отвращалась ни от чего иноземного.¹

Между тем, двукратно питанная старуха, вельми разболевшись, испросила отца духовного:

¹ О царице Прасковье, 1664—1723 гг., см. особую нашу книгу. (М. С.)

— Все, что я при розыске показала, — говорит она, между прочим, в исповеди, — и то самая сущая правда; стою в том непременно, даже до смерти.

Неделю спустя Маримьяна, еле живая, вторично просит исповеднический допросчик в рясе не разведал, впрочем, и на второй исповеди ничего нового.

Новое берется, как сообщит Бунин: «Сверх сказанного мной, — пишет он в дополнение, — доношу о поповом деле Маримьяны». И затем передает известные уже нам выходки старухи против котлинского попа в поношении священнического чина», о чем писарь и просил разыскать: «Из чего может быть, — уверял он, — что и явится обстоятельнее для лучшего следования Маримьяновых неправых и непотребных в христианской должности поступков... А что я прежде сего о сем не доносил, то для того положил, просто мня, что сие дело до моего не касается».

Справки по попову делу, тянувшиеся в продолжение двух месяцев, не обнаружили ничего особенного, и к допросу призвали, наконец, единственную свидетельницу беседы Бунина с Маримьяной, жену Бунина, Варвару. Долгий непризыв ее к допросу опять таки наводит на мысль, что Сиверс всячески хлопотал за своего секретаря; видимо, ободренная заступничеством одного из «сильных», Варвара подтвердила извет мужа, впрочем, с некоторыми вариантами против его доношения, но на эту рознь не обратили внимания будто бы потому, что Варвара после родин была больна. На этом основании ее без дальнейших расспросов тотчас освободили под расписку отца ее с обычным зачетом, «о чем она спрашивана, о том ни с кем ей разговоров не иметь под страхом смертной казни».

Что до искалеченной уже пытками Маримьяны, то, приведенная в третий раз в застенок, на очную ставку с писарем, она сознавалась в резком отзыве о попах, но относительно Бунинского доношения осталась при прежнем показании; не изменял, разумеется, своему доносу и сам Бунин. Старуху готовы были потащить на дыбу в третий раз, но положили пытку; злополучная женщина чуть была жива...

Бунин так, наконец, и отделался от розыска: высидев шесть месяцев в тюрьме, он дождался освобождения, с запретом, впрочем, отлучаться из Петербурга; полгода спустя, вопрос о том, отпустить или не отпустить его в Кронштадт, на место служения, предоставлен был на рассмотрение Адмиралтейс-коллегии.

Между тем, об оговоренной им состоялось решение: «В непристойных словах разыскивать и пытаться еще накрепко, чтоб показала самую истину, только сие чинить в то время, как она от болезни выздоровеет, и о состоянии ее (здоровья) караульному сержанту рапортовать повседневно».

8 декабря 1724 года по именному указу его Величества отправлены на неисходное пребывание в Пустоозеро две старухи Федора да Авдотья, «за важные непристойные слова». Пропитание им предоставлялось иметь от своих трудов. Та же участь предоставлена была и Маримьяне. Тюремное заключение не способствовало восстановлению ее сил; караульные сержанты постоянно рапортовали «инквизиторам», заботящимся о ее здоровье, что-де старуха-колодница больна и ходит на костылях. Как Петр Андреевич Толстой, так и Андрей Иванович Ушаков ждали ее выздоровления довольно терпеливо: Маримьяна содержалась в тюрьме два года, с 26 января 1723 по 23 декабря 1724 года. В этот день Тайная канцелярия, в лице своих главнейших деятелей, определила: «Вдову квартирмейстера Полозову, Маримьяну Андрееву, сослать в ссылку в Пустоозеро и велеть ей там быть вечно; а вина ее такова: говорила она писарю Бунину весьма важные непристойные слова про его Императорское Величество, о чем на нее тот писарь доносил; а она в расспросе и с двух розысков созналась, что из означенных слов говорила Бунину некоторые слова, токмо не все»... Затем приведена ссылка Маримьяны на слова англичанина Матиса да улика ее котлинскими попом в поношении священнического чина, после чего в определении сказано: «А что 27 ноября 1723 года велено Маримьяной еще розыскивать и пытаться накрепко, но токмо ею (после того)... не розыскивано за ее болезнь; и ныне ею не розыскивать же, понеже она весьма от старости в здоровье слаба... А так как по именному его Величества указу от 11 ноября 1724 года бабы Федора да Авдотья за важные непристойные слова, по четырех розысках, посланы в ссылку на Пустоозеро, то и ее, Маримьяну по силе того же именного указа послать туда же в Пустоозеро в ссылку; а пропитание ей (то есть искалеченной старухе) иметь от своих трудов, как возможет; и отправить за караулом от гвардии с солдатом».

На эту командировку конвойному солдату и государственной преступнице выданы были прогоны на одну ямскую подводку до Москвы;

кроме того, на ром старухе отпущено было — полтина. Из Москвы же она должна была быть отправлена с новым солдатом, из отставных гвардейцев; на пропитание отпущено — рубль, всего же с прогонами 5 рублей 84 копейки с полушкой; этих денег полагалось совершенно достаточно на прокорм в течение пути от Москвы до Пустоозера.

Пустоозерск или Пустоозерский острог, куда зачастую ссылали в то время столь тяжких преступниц, находится в Архангельской губернии, в Мезенском уезде, в 100 верстах от Ледовитого моря на Пустом озере, соединяющемся истоком с рекой Печорой, и заложен в XVI столетии для сбора ясака с самоедов. Пустоозерский острог заброшен в страшнейшую глушь: от него до Мезени 500 верст, до Архангельска — 1980, до Москвы — 3253 версты. «Пустоозерск, — гласит старинное описание, — хотя ни величиной своей, ни же особливим каким обывателей рукоделием или искусством от прочих не отличается, но есть знаменитее других селений Мезенского уезда, потому что около одного находящаяся страна в древние времена называлась Югорией»... Разумеется, не ради этого исторического воспоминания, а для лучшего сбора ясака с диких инородцев, здесь было довольно долго воеводское правление, замененное в начале XVIII века комиссарством... «Пустоозерские жители, по тому же описанию, по неимению пахотной земли всегда упражняются в звериных, морских и тундряных промыслах и в рыбной ловле. Здешних же жителей хлебом снабдевают купцы из Соликамска, привозя его по Печоре, на каковой путь употребляются от 2 до 3 месяцев». ¹

В этой небогатой столице великой Югорской страны мы и оставим нашу старуху.

Что до Бунина, то все его литературно-фискальские способности и посильные труды в деле доноса не привели к вожделенному результату: денег он не получил, вероятно, потому что старуха создалась в некоторых, а не во всех, на нее взведенных словах; и все, что было сделано для него, так это — два года спустя после начала дела, от 5 января 1725 года Толстой с Ушаковым отписали в Адмиралтейс-Коллегию два ведомости: «Дело, о котором извещал Козьма Бунин на вдову Маримьяну Полозову в важном государевом деле, ныне решено, а по тому решению Бунина явился свободен».

¹ Шекатов. Географич. словарь, т. IV, стр. 1342—1343.

Многолетие царице Екатерине Алексеевне

Праздником мы начали, под шумок праздничного веселья и окончим настоящий очерк. Мы в городе Переяславле. Пред нами Даниловская обитель. Зайдемте в келейку отца Иоакима...

На дворе прекрасная декабрьская ночь, с 30 на 31 число 1721 года. В келье несколько человек; все они, как русские люди, весело провожают праздники. И нет ничего удивительного, что отец Иаким еще до вечера послал псаломщика Никиту за вином на три алтына.

В кельи собрались отцы Даниил, Ираклим, Ефрем, Иосаф, Евстафий и Маркель. Последние два, рано утомившись излишним угощением, крепко спали, первый — тут же на лавке, второй ушел куда-то в чулан, на дворе. Шумно и весело говорило собрание; наконец утомились и разлеглись спать. Задули свечу. Не спалось отцу Иакиму. Трехалтынная покупка произвела свое действие, и вдруг ему ни с того ни с сего пришла мысль спеть многолетие:

— Благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому государю нашему, Петру Алексеевичу — многие лета! — так загремел отец Иаким. Многолетие подхватил Ираклим.

— И святейшему, правительствующему Синоду, — продолжал Иаким, — многие лета!

— Многие лета! — подтянул Ираклим.

— А ну его... — заговорил первый.

— Нет, ты постой, — начал Ираклим. — Для чего ж мы о царице Екатерине Алексеевне многолетие не помянули?

— Да она какая ж нам царица? — отвечал Иаким... — Нам царица — старая, что была... первая супруга царя...

Услыхав такое мнение, Ираклим благоразумно заметил:

— Что ты врешь? — оставил товарища и отбежал в другое место.

— Полно тебе там орать, — прикрикнул на Иакима Даниил, — перестань петь да кричать, ложись спать.

Легли спать крикуны, но не лег отец Иосаф, один из свидетелей события. Он тихо выбрался из темной кельи и поспешил к архимандриту Варламу; в его келье, наедине, тайно донес Иосаф обо всем случившемся. А три дня спустя Варлам уже передонес в Синод. 4 января 1722 года все виновные и свидетели были налицо в Синоде, с каждого из них порознь сняли допросы.

Отец Иаким при первом показании сознался только в том, что он весьма шумно провожал праздники¹, что этому немало способствовала трехалтынная покупка, но многолетия никакого и ни с кем не певал, замечания от Ираклима, для чего не пел многолетия Екатерине Алексеевне, не слышал, и ему в ответ про государыню ничего не говорил. «В подтверждение слов моих не шлюсь я на Иосафа, — говорил Иаким, — для того, что он на меня доносит, на Ираклима не шлюсь — он был в ту ночь вельми шумен — я шлюсь на Даниила, Ефрема, Евстафия и Маркиана».

Между тем, пока Иаким запирался, его хорист Ираклим сознался во всем, указал на состояние, в каком они были оба в ночь на 31 декабря 1721 года, сообщил порядок пения многолетия, разговор по поводу Екатерины Алексеевны и прочее. Затем тот же Ираклим, как видно крепко струсивший, опроверг ссылку Иакима на Евстафия и Маркиана: ни тот, ни другой ничего не могли слышать, ибо спали крепчайшим сном, первый — в келье, а последний — на дворе в чулане.

Рассказ откровенного Ираклима вполне подтвердился показаниями Иосафа, Ефрема и Даниила. Последние добавили о резкой выходке Иакима насчет Синода, после чего его сотоварищ отошел в сторону.

После отбора показаний дана очная ставка Иакиму с его обвинителями. Улики были так ясны и сильны, что обвиняемый поспешил признать во всем вину и повторил все то, что уже было известно из показаний его сотоварищей. «А все это, — каялся Иаким, — говорил я в пьянстве, понеже в тот же вечер, купив, пил вино; а в трезвости ни противных слов, ни помышления подобного никогда не бывало».

За обнаружением преступления последовало обнажение виновного монашеского чину; вместо Иакима он наименован именем, которое имел в бельцах — Яков Венедиктов.

¹ Невежество нашего низшего духовенства полтора столетия тому назад известно из многих сочинений, между прочим, из замечательной книги профессора Аф. Прокоп. Цапова «Русский раскол старообрядства». (Казань, Изд. 2-е, 1860 г.) Указывая на новые факты, подтверждающие печальное состояние сего сословия в старое время, взгляд наш отдыхает на мучеников, составляющих украшение русской истории и истории нашего духовного образования. Петровское время мы видим Дмитрия Ростовского, Иова Новгородского, Илариона Суздальского, Стефана Яворского, Гавриила Бужинского, наконец, Феофана Прокоповича — человека громадных недостатков, но в то же время, высокого ума и обширного образования! Ему обязаны тем, что в настоящее время в низшем духовенстве мы найдем немного недостойных представителей, которые бы напомнили 1700-е годы.

¹ 1 декабря 1860 года.

В один день покончено было духовное исследование, совершен и духовный суд; и уже 5 января 1722 года архиепископ Феодосий отправил арестанта и при нем весьма любезное письмо к Петру Андреевичу Толстому.

Письмо это начиналось словами: «Изящный и превосходительный господин, действительный тайный советник и кавалер Петр Андреевич!». Затем Феодосий вкратце излагал результат дела, также послал подлинные расспросы до «его изящества», «для надлежащего следования и учинения указа (то есть экзекуции), понеже оное дело надлежит до Тайной канцелярии; а прочие иеродиаконы и монахи, через которых доношение и свидетельство оный обличился, отданы до указу архимандриту Варламу с распиской. О чем объявив, пребываю вашего изящества всегдашний доброжелатель, молитвенник, Святейшего Синода послушник Феодосий, архиепископ Новгородский и архимандрит Александр-Невский».

8 января расстрига Яков приведен в застенки. Он во всем покаялся, не входя еще в Тайную канцелярию. Казалось бы, не о чем бы его и спрашивать.

Не так думали, однако, неизменные три деятеля кнута да застенка: Петр Толстой, Ушаков да Писарев. Им нужно было знать, почему именно, из каких видов, на каком основании сказал расстрига непристойное слово.

И вот плетет допрашиваемый, стоя пред орудиями пытки:

— Сказал я сущее для того, что в Евангелии от Матвея написано «аще пустит муж жену и поимет иную, прелюбы творить». И эти слова про нее, великую государыню Императрицу, я говорил. А в мысли пришли мне эти слова в то время, как стал со мной говорить Ираклим о многолетствии ее Императорскому Величеству. А преж этого ни с кем я таких слов не говорил и ни от кого не слыхал; а говорил ли еще что, того не помню, ибо был вельми пьян.

Всего сказанного было мало: Якова Венедиктова вздернули на дыбу. Говорил он те же речи. Дано 15 ударов кнутом.

После двухдневной отдышки — новая пытка.

Яков говорил то же — дали 25 ударов, но фантазии его этим не оживили. 20 января пытали, как и следовало по закону, в третий раз; истязуемый ни слова не показал нового, его спустили и не нашли нужным записать число ударов.

Приговор состоялся 5 февраля 1722 года: «Якова Венедиктова за непристойные слова, говоренные в пьянстве, сослать в монастырь,

по назначению Синода». Подписали: Толстой, Ушаков и Скорняков-Писарев.

Проводив в ссылку нового либерала петровского времени, остановимся пока и переведем дух. Пред нами громадный, нескончаемый ряд подобных дел, и мы бы никогда не кончили, если бы вздумали на основании их подымать все политические преступления первой четверти XVIII века. А между тем, кто не согласится с нами, кто не пожелает, чтобы эти дела все, одно за другим, явились на свет божий? Они во многом отношении проливают свет на русское общество той переходной эпохи... Толки и рассуждения пьяного и трезвого русского люда знакомят нас со взглядом различных сословий на личность преобразователя, на его супругу, его приближенных, наконец, на самые преобразования...

Богохульник¹

Лютые пытки в то суровое время как бы порождали людей, способных переносить самые ужасные истязания, натуры железные, которые сами, очертя голову, как бы напрашивались на ряд всевозможных мучений. Без всякого повода, нередко без особой причины и умысла, эти люди извергали хулу на все святое, бранили земного владыку и тем самым делали преступниками первой важности, для которых, по тогдашним законам, не могло существовать пощады.

Нельзя сказать, чтоб эти люди всегда были раскольниками, постоянные преследования которых невольно вызвали ожесточение. Нет. Пред нами, например, посадский человек яицкого (уральского) городка Гурьева, Иван Орешников. Он вовсе не раскольник, но ожесточен некогда сложившейся жизнью, неудачами, да, может быть, и горьким пенником — утешителем русского человека.

В 1721 году донес он в Астрахани на посадского человека Яковлева, торговца из кружевного ряда. «Отпускает он, — говорил Орешников, — в Хиву, между прочими товарами, свинец да порох». Яковлева допросили в таможене — извет оказался ложным. Орешникова били кнутом и сослали на три года в Гурьев. Здесь среди ссыльных поселенцев, естественно, нерасположенных к правительству, новый ссыльный несколько раз выражался насчет высоких лиц и предметов в самых крупных,

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XXIII, л. № 15.

непристойных выражениях: поносил веру, богохульствовал и избранивал «скаредной бранью» его царское величество.

Такое поведение при крутом, неуживчивом характере поселенца не могло остаться безнаказанным, и на него послан в Астрахань донос «в богохулении и в невежных словах против высокой чести его царского величества».

Слово и дело!

Виновного привезли в мае того же года в Астрахань, бросили в тюрьму и, по приказу губернатора Артемия Петровича Волинского, пытали в застенке. Орешников сознался во всем, а Артемий Петрович поспешил препроводить в Тайную канцелярию экстракт из дела с просьбой учинить резолюцию.

Тем временем арестант сидит в особой казенке, получает кормовых по две деньги в сутки, и, не видя исходу из своего положения, как бы обезумев от пытки и заточения, решается на новое преступление.

При одной из караульных смен, при сдаче, капрал приказал ему встать. Орешников отвечал ругательством, схватил капрала за галстук, стал душить, укусил руку, и тут же, при всем карауле, всячески поносил веру и царское величество.

Новое преступление повлекло за собой новое объяснение в застенке со свежей пыткой.

Допрашиваемый сознал себя виновным.

Спустя несколько месяцев, Волинский получил из Тайной канцелярии указ «освидетельствовать Орешникова посторонними людьми, не безумен ли он? Если окажется, что он в здравом уме, то его пытать трижды, выведывая, по чьему наущению он говорил? Оговоренных лиц пытать накрепко ж. А если то он учинил сам от себя, и за то, в силу первой статьи I главы Уложения, казнить его в Астрахани: сжечь живого».

Артемий Петрович не решился, однако, учинить расправу, и на основании высочайшего указа всех, сказывающих за собой и за другими «слово и дело», отсылать в Преображенский приказ либо в Тайную канцелярию, — послал его в Петербург под строгим караулом, скованным по рукам и по ногам. Провожавшему его капитану дано кормовых и прогонов от Астрахани до Петербурга 5 рублей 13 алтын.

Вместе с государем и двором, отправившимся в Москву праздновать Ништадтский мир со Швецией, перевезли сюда важнейших колодников Тайной канцелярии. Между ними был Орешников. Судьи при первом

с ним свидании положили расспросить его в застенке под пыткой, так как он несколько раз и в разное время говорил злые слова о Пресвятой Богородице и про его царское величество.

Человеком опытным шел Орешников на дыбу; ему хорошо были знакомы и ремень, туго охватывавший ноги, и ручной хомут, вывертывавший руки, и бревно, просовывавшееся между ног, и кнут, столь часто кровавым следом бороздивший его спину.

— Для чего ты говорил те злые слова? Не было ли у тебя в тех словах согласников, кого ты знаешь? Скажи без утайки.

Надо думать, что пытка была страшная, со всеми тонкостями: со встряской на дыбе, с ошпариванием спины горячим веником, с растравлением язв солью, с завинчиванием пальцев и тому подобное. Орешников, изнемогая от боли, выкрикивал Бог знает что — все это записывали; но лишь только давали ему отдых, он отпирался от своих слов.

— Бранил я... Бога... Пресвятую Богородицу... бранил его царское величество... а с того стал бранить... мысль мне та пришла... в Гурьеве городке... Зимой, пред сырной неделей... в станишной избе... довелось говорить с работными людьми... с Мешковым, с Кулпой, да с толмачом... имя его забыл... Все три живут домами в том городке... Был разговор... работные люди... скаречно бранили царское величество... послал-де он в Хиву Черкаского¹ и хоть ... бы... де и сам он (царь) пошел... было бы ... де и ему там... место... Все три работные человека... также и другие жители города... все богоотступники... и в церковь не ходят... и я, того ради... злые слова свои говорил...

Дали Орешникову перевести дух — и он спешил сознаться, что тех людей оговорил напрасно: они-де ничего подобного не говорили.

Снова заговорил кнут — и истязуемый плетет:

— я ... еретик... богоотступник... чернокнижные письма у меня в Астрахани... дома, в коробке.

Дано 25 ударов.

— Нет, я не еретик, не богоотступник, — заговорил несчастный, спущенный с дыбы, — я ничего того не знаю, а говорил все это, не стерпя розыску. Никаких ни дел, ни умыслу против здравия его Императорского Величества ни за собой, ни за кем не знаю.

¹ Князь Александр Бекович Черкасский отправился в июле 1717 года с экспедицией в Хиву и там погиб вследствие своей неосторожности. См. и «Опис. Каспийского моря» Соймонова, изд. 1763, стр. 15—27.

Прошло недели три. Раны стали подживать... Орешникова вновь повлекли в застенки.

— Хулил я Пресвятую Богородицу, бранил его Императорское Величество, а с какого умысла — сам не ведаю... да и умыслу не было, ни с кем я о том не говорил.. Не еретик я... не богоотступник...

Было ему — 23 удара.

Дальнейшие истязания были бы делом совершенно излишним. Судьба колодника была уже решена; но судьи находились в недоумении по поводу одного обстоятельства, за разрешением которого обратились в Синод:

— Богохульника Ивана Орешникова допускать ли пред смертной казнью к исповеди и причастию?

— Ежели он кается, — отвечал Синод после целого месяца толков и рассуждений по этому поводу, — если кается, то исповедовать его искусным священником, по обыкновению. А буде на исповеди принесет чистое покаяние, то и причастить.

Искусный исповедник, наряженный от Синода, был Рижского корпуса обер-иеромонах Радышевский. Отец Маркел всячески увещевал заблудшую овцу, употребил все искусство для наставления его на путь истины и добродетели. Орешников внимал душеспасительному слову, каялся в богохульстве и в невежных словах против высокой чести его Императорского Величества, говоренных вне ума, но ничего нового не прибавил к прежним ответам.

— Приношу во всем, — говорил он на духу, — чистое покаяние, и ныне по чистой совести веру содержу, как христианин, и во Святую церковь верую и его Величество несомненно почитаю и исповеди с причащением несомненно желаю.

Все желания переданы были духовником и внесены в дела Тайной канцелярии. Они не остались втуне.

На другой же день командирован был новый священник. Попробовал он было еще попытать духовным допросом, но, не узнав ничего нового, поспешил напутствовать раба грешного в жизнь лучшую, загробную.

Законы, приличные делу, были уже подведены, сделаны выписки из Уложения (гл. I ст. 1), на основании которой богохульники обрекаются сожжению (гл. II ст. 1): оскорбителей чести царского величества казнить смертью; из Воинского Артикула (гл. I арт. 3): богохульнику прожигать язык раскаленным железом и потом отсекал голову (арт. 4):

ноносителей Пречистой Матери Божьей и Святых угодников наказывать телесно либо, по вине смотря, отсекают им суставы, либо вовсе казнить смертью; (гл. III арт. 20): у хулителей царского величества отсекают голову.

Измученный рядом всевозможных пыток, Орешников готовился совсем уже отдать Богу душу: из горла и нижнего прохода, так доносили караульные, била у него кровь почасту; однажды течь была так сильна, и несчастный до того ослабел, что просил священника для новой исповеди. Внимательные члены тайного судилища спешили выполнить его просьбу: вновь командировали священника с подтверждением отобрать, буде можно, какие-нибудь свежие показания. Но ничего важного, по крайней мере, пригодного к делу, духовный пастырь не проведал и не мог выполнить желания судей. К прежнему показанию Орешников присоединил рассказ о бывшем с ним припадке во время содержания под караулом.

— На этих днях, — говорил арестант, — нашло на меня обычное безумство: драл я на себе рубаху, кусал руки, метался и бился, и говорил ли, нет ли какие-нибудь непотребные слова, того не помню, понеже у меня животная, тяжкая болезнь. А как та болезнь меня схватит, тогда бываю вне ума и что говорю, того не помню. Дела же за собой его Императорского Величества никакого не знаю.

Об этом припадке, действительно, в свое время доносили караульные, причем согласно свидетельствовали, что арестант метался, рвался, кусал руки и кричал: слово и дело!

Месяца два спустя припадок повторился... Удивительно, чего мешкали с экзекуцией достопочтенные судьи?...

— Братцы, а братцы! — кричал колодник караульным солдатам. — За мной государево «слово и дело!» Ведаю я его за астраханским вице-губернатором Иваном Кикиным. Он хочет убить его Императорское Величество! Я это подлинно знаю. Он злодей! Ведите меня. Я скажу, кому след, что для этого посылал Кикин в Хиву порох да свинец! Донесите, донесите обо всем этом его Величеству!

Караульные трусили, и в доношении обо всем случившемся прямо говорили Тайной канцелярии: «Просим мы то наше доношение принять, опасаясь, чтоб нам от таких слов Орешникова не пострадать».

На этот раз судьи не оставили без внимания беспокойного Орешникова и сняли допрос, что за причина была его крику и нового сказывания за собой государева слова?

— А я ничего не знаю, — отвечал арестант, — за Кикиным злого дела не ведаю; кричал ли, нет ли — того не помню.

Были ли эти припадки следствиями действительного сумасшествия; кричал ли несчастный из притвору, в слабой надежде смягчить тем наказание — неизвестно. Известно только то, что смягчения не было, да и не могло быть.

Инквизиторы столько пропустили мимо себя самых разнородных людей, отправляя их на такие наилютейшие истязания и казни, что не могли снисходить ни к кому. Сердца их были чужды жалости, не ведали сострадания; слово отмена либо только смягчение наказания были им незнакомы. Да им было некогда и разбирать дело подробно: при каких обстоятельствах сказано то-то, пьян ли был человек, не безумен ли он — все едино. Слово сказано, следовательно, преступление сделано, а преступнику может ли быть пощада?

Не для пощады, а для страшной и постоянной кары над провинившимися сделаны они членами могущественного тайного судилища!

5 июня 1722 года застало богохульника городка Гурьева в Москве на Красной площади у позорных столбов, на помосте, среди собравшегося народа. В этот день решалась его судьба после четырнадцатимесячных пересылок из тюрьмы в тюрьму, передергиваний с виски на виску, с дыбы астраханской на петербургскую, с петербургской на преображенскую...

— Иван Орешников! — возгласил секретарь, развертывая приговор. — В бытность свою в Астрахани за караулом, на полковом казенном дворе говорил ты некоторые весьма злые слова против Бога, Пресвятой Богородицы и его Императорского Величества. О сем преступлении как свидетели, так и сам ты в расспросах и с розысков показал именно. И за те слова надлежало было тебя сжечь, но оной казни его Императорское Величество тебе чинить не указал для того, что ты временно не в твердом уме бываешь и многожды показывал за собой его Императорского Величества слово и дело, а как придешь в память, то тех слов ничего не показывал, объявляя, что все говорил вне памяти. А вместо жжения тебя живого, государь всемилостивейше повелеть соизволил учинить тебе, Орешникову, смертную казнь — отсечь голову.

Палач приблизился к жертве... Разорвана рубашка, шея оголена, голова пригнута к плахе; сверкнул топор — и обезглавленный труп тихо скатился на помост...

Тело лежало на площади два дня; после чего Тайная канцелярия позаботилась отправить его для погребения в убогий дом за Петровскими воротами, к Воздвиженской церкви. При этой посылке Тайная канцелярия в особой отписи успокаивала местного иерея, чтоб он хоронил безбоязно по чину, для того, что казненный и исповедовался, и причащался Святых Таин.

Бросимте горсть земли на гроб преступника, искупившего свою вину или заключившему душевный недуг страшным тюремным заточением и рядом пяти или шести пыток, на которых он должен был вынести около полутораста нещадных кнутовых ударов. Проводим его грешное тело в могилу вздохом сожаления и — переведемте, переведемте дух.

Аресты... допросы... тюрьмы... дыба... кнут... клещи... жжение живых... плаха... стоны... вопли... мольбы о пощаде... и всюду кровь, кровь и кровь!...

Санкт-Петербург. 2 февраля 1861 года

Кикимора ¹

Вечером, 8 декабря 1722 года, не без страха и смущения стал солдат Данилов на караул к соборной церкви, во имя животворящей Троицы, что на Петербургской стороне. Страх и смущение часового были понятны: в городе ходили толки о том, что недели три тому назад в церковной трапезе стучал и бегал невидимый дух... То не были сказки, так толковали в городе, несколько часовых солдат сами слышали этот стук: то кто-то бегал по трапезе, то что-то стремглав падало. Соборный псаломщик Максимов положительно уверял, что стук несколько раз повторялся; рассказчик ссылался на солдата Зиновьева, и солдат поддерживал псаломщика.

— Состоял я в карауле при соборной Троицкой церкви, — говорил Зиновьев, — с самых Петровок 1722 года по зимнего Николу 1723 года, недели этак за три до Николина дня, ночью, подлинно довелось мне слышать превеликий стук в трапезе. Побежал я в камору, разбудил псаломщика и солдат караульных, и в то время в трапезе застучало опять так, яко бы кто упал.

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. VII, д. № 16, лл. 1 — 13.

Все эти рассказы не могли не пугать простодушных, и можно себе представить, с какой боязнью прислушивался новый караульный собора к каждому звуку.

Однако ночь на 9 декабря 1722 года проходила спокойно, пред часовым лежала пустая площадь, в австериях и вольных домах (тогдашних трактирах и кабаках) потухли огни, умолкли брань и песни бражников, и на соборной колокольне «ординарные часы» глухо прогудели полночь¹.

Еще последний удар часового колокола не успел замереть в морозном воздухе, как Данилов с ужасом слышал странные звуки. По деревянной лестнице, в колокольне, кто-то бежал; ступени дрожали под тяжелыми шагами, привидение перебрасывало с места на место разные вещи... Великий стук с жестоким страхом, подобием бегания то умолкал, то снова начинался... Так продолжалось с час... Испуганный часовый не оставил своего поста, он дождался заутрени, но за то лишь только явился Дмитрий Матвеев благовестить, солдат поспешил ему предать о слышанном.

Дмитрий стал оглядывать колокольню и скоро усмотрел, что стремянка-лестница, по которой карабкались обыкновенно для осмотра к самым верхним колоколам, оторвана и брошена наземь; порожний канат перенесен с одного места на другой, наконец, веревка, спущенная для благовесту в церковь с нижнего конца на трапезе, на прикладе обернута вчетверо.

Псаломщик передал о виденном и слышанном всему соборному причту; утренняя и обедня проведены были в толках о странном привидении.

— Никто другой, как кикимора, — говорил поп Герасим Титов, относясь к дьякону Федосееву.

Тот расходился во мнениях по этому предмету:

— Не кикимора, — говорил он, — а возится в той трапезе ... черт...

Между тем, служба идет своим чередом; знакомый уже нам псаломщик толкается в народе с кошельком в руках и звонком напоминает православным о посильных даяниях на церковь Божию. Отзвонивши, он входит в алтарь и застаёт иереев и дьякона, беседующих о той же кикиморе.

— Что ж, с чего возиться то черту в трапезе?

— Да вот с чего возиться в ней черту... Санкт-Петербургу пустеть будет.

¹ На Троицкую колокольню перевезены были часы из Москвы с Сухаревой башни в 1720 году. Пушкирев. Описание Петерб., 1, стр. 166.

Дело получает огласку.

— Что у вас за черти возятся? — спрашивает протопоп Симеонов попа Титова.

— Не знаю, — отвечает тот, — не знаю, сам не слышал, а вот рассказывает псаломщик... и следуют затем подробности о таинственном явлении.

— Пожалуй, что и впрямь кикимора, — замечает протопоп.

— Питербурху, Питербурху пустеть будет, — вмешивается отец дьякон.

— Полно тебе врать! — кричит на неосторожного толкователя отец протопоп.

И вот молва о том, что объявилась-де на Троицкой колокольне кикимора, не к добру-де она, Питербурх запустеет, электрической искрой пробежала по площадям и задворкам столицы. Болтовня иереев вызвала в черни непристойные разговоры и попечительное правительство (государь был в то время в Москве) спешило зажать рты говорунам.

Синод сведал о кикиморе от своего асессора, Троицкого протопопа; его преподобие к известию о кикиморе долгом почел присоединить и замечания, которые были высказаны по этому поводу попом и диаконом. Замечание последнего особенно было преступно. Слово и дело! и преступников приглашают к объяснению; оно началось с рассказа псаломщика. обстоятельно передав Святейшему Синоду о виденном и слышанном, Матвеев заключил обычным призывом на свою голову царского гнева, буде сказал, что ложно, а о чем допрашивали, о том обещался никому не рассказывать, под лишением живота. За ним дьякон с полной искренностью сознавался в нескромном толковании события.

— С чего ж ты это толковал?

— А толковал с простоты своей, в такой силе: понеже-де Императорского Величества при Санкт-Питербурхе не обретається, и прочие выезжают, так Питербурх и пустеет.

— Не имел ли ты с кем вымыслу о пустоте Питербурха?

— О пустоте Санкт-Питербурха вымыслу я, дьякон, ни от кого не слышал, и о себе того не знаю.

Главное, что особенно интересовало членов Синодального судилища: не было ли-де вымыслу на запустение тем либо иным способом лютого создания монарха.

Вымысел, впрочем, за отцом дьяконом не объявился; по крайней мере, его не оказалось из ответов попа Титова. Соборный псаломщик,

наконец, караульный солдат — все были допрошены порознь, с обычными приемами, все толковали о кикиморе и ничего о вымысле на запустение Петра-бурха.

Рассказчика-псаломщика заарестовали, но отца дьякона отпустили до окончательного вершения дела на «знатную расписку» нескольких церковников и типографских справщиков; такого рода снисхождение делалось ради того, что при Троицком соборе обретался один дьякон, а дни наступали знатных господских праздников Рождества Христова. Нетрудно представить, с какими чувствами должен был праздновать Рождество неосторожный дьякон: застенки Петропавловской крепости были от него так близки, и он хорошо знал, что как туда, так и оттуда на эшафот, под кнут, да клещи, всего чаще вело единое неприличное слово...

Швед-ведун ¹

В то время, когда кикимора шалит по ночам на Троицкой колокольне, а отец дьякон воссылает теплые мольбы: да пройдет грозная туча, им самим на себя накликаемая, в это время, в вольном доме ² на Выборгской стороне, в приходе Самсона странноприимца, пляшут, поют, играют и болтают веселые гости у радушного Питера Вилькина...

Но прежде, нежели подслушаем их болтовню, познакомимся с хозяином заведения.

Питер Юрьевич Вилькин, природы шведской, веры лютерской, родился в Риге и занимался торговлей; в 1708 году в качестве маркитанта последовал он за отрядом генерала Левенгаупта и в битве под Лесным попал в плен. Положение шведских пленных в московском государстве было незавидно. Петр считал вполне справедливым вымещать на них тяжесть содержания русских пленных в Стокгольме; шведов держали в тюрьмах, нередко в оковах, наконец, толпами ссылали в Сибирь, в тяжелые работы. Немногие спасались тем, что находили среди вельмож-

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. VII, д. № 15, лл. 1—24.

² Во времена Петра вольные дома заменяли прежние водочные кружала; вывески вольных домов гласили так: «Казенный питейный дом». Целовальники сначала выбирались из иногороднего купечества, потом из старообрядцев и только после этих опытов найдено было, что вовсе не зазорно допускать в содержатели вольных домов столичных купцов. Рубан. Описание Петерб., 1779 г., стр. 152.

милостивцев; те брали их на свой страх и в свое, разумеется, услужение. Вилькин взят был в казначеи графом Андреем Апраксиным. Поддержав казначея довольное время, граф передал его купецкому человеку, англичанину Горцыну, в качестве приказчика. Только по прошествии шестилет Вилькин освободился от обязательной службы и занялся браковкой юфти и содержанием вольных домов.

В одном из них, на Выборгской стороне, мы застаем особенно веселую вечерину 15 января 1723 года. Множество гостей, откармливаемых хозяином, услаждались пением и игрой на гуслях и скрипиче Рубана, Чайки и Лещинского, императрицыных певчих. Поздно ночью разбрелись гости, но певчие, опоенные до положения риз, заночевали.

На другой день, за утренним чаем, музыканты вновь стали тешить хозяина игрой да пением; Вилькин, под влиянием ли музыкальной мелодии, или со вчерашнего похмелья, пустился в задушевную болтовню.

— Болят у меня ноги, — жаловался Чайка, — есть на них раны, хотя я, как пошел ныне на стужу, обтертел ноги тряпичками.

— Недолго ж, недолго тебе жить, — говорил хозяин, стоя за стулом и глядя на певчего, — признаваю я, что проживешь ты всего только год, много три, понеже лицо у тебя пухлое, к тому ж на ногах есть раны; а буде три года проживешь, то станешь долго жить.

Музыканты перестали играть.

— Врешь ты, — заметил один из них, — врешь; почему ты знаешь, сколько кому прожить?

— Ведаю я с того, — отвечал Вилькин, — как был болен на почтовом дворе иноземец, купецкой человек Дистервал. К оному больному сошлись я да лекарь Раткин. Я лекаря спрашивал, будет ли жив тот иноземец? И лекарь молвил: «А Бог-де знает!». А на те слова молвил я: «Смотри ж, как у больного живот поднимается, знатно у него уже сердце повредилось, а потому более трех часов жить не будет. И так, болящий по трех часах умер»...

— А сколько лет Императорскому Величеству? — внезапно спросил Вилькин».

— Пятьдесят четыре.

— Много-много ему лет, — молвил в ответ швед, — а вишь не престанно он в трудах пребывает; надобно ему ныне покой иметь.

— А ежели и впредь, — продолжал Вилькин, — в таких уже трудах станет обращаться, и паки такой же болезнью занеможет, как четыре

года тому назад в Санкт-Петербурге был болен, то более трех лет не будет его жизни.

Заслышав непотребные слова, испуганные музыканты поспешно встали, завернули инструменты и послали за извозчиком. Присмотрев их страх и суетливость, Вилькин начал с Чайкой «от книг разговоры иметь».

— Врешь ты все, дурак! — изругали хозяина испуганные музыканты.

Вилькин же спешил уверить их, что его предсказания не от дурости:

— Который человек родился на Рождество Христово, — уверял швед, — иль на Пасху в полночи, и тот, как вырастет, может видеть диавола и станет признавать, сколько кому лет жить. Сам я, например, проживу лет с десять...

И пошел говорить от библии.

— Я библии не читывал, — отделивался Чайка.

— Полно тебе с ним и говорить-то, — останавливал чайку его товарищ Рубан.

Рубан решительно струсил. Казалось, Тайная канцелярия выросла пред его умственным взором со всеми своими принадлежностями, а прежде всего с любезным генералом заплечных мастеров — Андреем Ивановичем Ушаковым. Двенадцать бутылок ренского, выданные Вилькиным в подарок певчим, нимало не залили страха и смущения Рубана.

Дна два спустя после гульливой вечерины он уже стоит пред Мошковым¹, своим непосредственным начальником, и заявляет за собой грозное «слово и дело!» Не корысть, а чувство сохранения собственной спины от розыска вызывало извет певчего.

То же чувство заставляет Мошкова того ж часа, как явился пред ним изветчик, препроводить его в Тайную без всяких расспросов.

И только Тайная начинает действовать обычным в то время порядком: отряд солдат с изветчиком или языком командирован арестовать немчика-болтуна под крепкий караул.

— И во всех тех непотребных словах Вилькина про его Императорское Величество шлюсь я, — заканчивал показание язык, — шлюсь на своих товарищей, что и они все то слышали. В правом же своем показании

¹ Ведал весь придворный штат высочайшего двора, был нечто в роде нынешнего министра Императорского двора. Мошков переулок — от Коношенного моста до набережной — напоминает об этом домоправителе Петра Великого.

на Питера подписуюсь под лишением живота без пощады, ежели я какой ради страсти да ложно доношу.

Животом своим (то есть жизнью) Рубан, однако, не рисковал, так как товарищи почти слово от слова повторили его показания. Зато была маленькая рознь с ними в ответе ведуна-шведа.

— Сказывал я все то певчим, — объяснял Вилькин, — в такую силу, что могу я отчасти признавать болящих. Лет тому с двадцать, в Риге учился я такой науке признавать чрез человеческие признаки, сколько кому жить и много ль будет у кого детей и о прочем к гадательству. А говорил я, по тем человеческим признакам, что государю более жизни его не будет, как лет десять.

Таким образом, швед-ведун, в надежде, если не вполне избыть, то, по крайней мере, значительно облегчить свое наказание, накинул жизни Императору Петру Алесеевичу лишку семь лет.

Следователи не могли удовольствоваться ни этой прибавкой, ни ссылкой подсудимого на какие-то «человеческие признаки»; они решительно требовали, чтобы тот объяснил, на каком знании пророчит он столь мало жизни государю?

— С того знания, — отвечал ведун, — что когда его Величество, года тому с четыре, был болен и в то время все дохторы и лекари от него не отлучались и между собой имели коллегий, на котором и учинили приговор, которые ныне его Величеству лекарства от болезни пользу учинили, а впредь буде государю прилучится паки такая болезнь, то уже те лекарства его пользоваться не будут для его великих трудов и беспокойств, и оттого может через десять лет жизнь его скончать. Об этом консилиуме сказывали мне лекаря государыни, Раткин да Лейн... А чтоб только три года жить его Императорскому Величеству, — таких слов я, Питер, не говаривал.

Очная ставка только и могла разрешить столь важное противоречие: сколько лет предсказатель давал на прожитие его Императорскому Величеству: десять или только три года?

— Молвил я, или нет, — колеблется на очной ставке швед-ведун, — что государю только три года жить, конечно, не говаривал.

Преступность его в глазах инквизиторов растет; целая комиссия по указу его Императорского Величества и по приказу канцелярии Тайных дел отправляется на Выборгскую сторону, перерывает все добро шведа, запечатывает шкафы, ящики, амбары, даже погреба и кладовые с сельскими и красными напитками; все это отдается под караул, стаскивают

в одну кучу весь бумажный хлам, разбирают его, силятся найти в нем что-нибудь злокозненное и преступное «в государственном важном деле». Наконец, так как большая часть переписки хозяина велась на немецком языке, то Тайная канцелярия выписывает для ее разборки особого переводчика из Синода.

Как мы ни стараемся стать на ту почву, на которой стояли деятели петровских застенков, как ни стараемся воссоздать в своем воображении те обстоятельства, среди которых они действовали, решительно не можем разрешить вопроса: с каких побуждений, для каких целей инквизиторы вдавались в самые мелочные, зачастую совершенно ребяческие расследования. Расследования эти касались такого дела, которое людям мало-мальски толковым, а Петр Андреевич Толстой и Андрей Иванович Ушаков были далеко не глупы, с первого же раза должны были представиться в настоящем своем ничтожестве. А между тем, эти от природы умные люди влекут всех и каждого к допросам и передопросам, пишут инструкции, требуют справок и объяснений от разных учреждений, плодят переписку, словом, бьются и хлопочут, по-видимому, Бог знает из чего. Да, но это только по-видимому: все эти распоряжения, старательно выполняемые, клонились к одному: являть пред недоверчивым и подозрительным Императором Петром как можно больше усердия и преданности его особе. Отличия, земли, крестьянские души были щедрыми воздаяниями за скромные и посильные труды верных холопей.

Обратимся, однако, к нашему ведуну. Дело его ясно: швед Вилькин — болтун, не совсем удачно разболтавшийся; сознание в проступке почти полное; казалось бы, что за справки, к чему они?

Но нет: идет переписка о том, где обретаются доктора Раткин и Лейн? Оказывается, что первый отпущен, за старостью лет, за границу, второго же не существует, но есть вместо него Гейн.

— Не Гейн ли? — спрашивают судьи.

— Действительно так: доктор, про которого я говорил, не Лейн, а Гейн.

Идут справки, запросы и отписки. Где обретается Гейн? Он лежит при смерти в Москве и ответить на какой-либо запрос не в состоянии. Тайный трибунал, скорбя об этом, посылает государю обычный всеподданнейший экстракт из дела.

Несколько месяцев томятся в казематах швед-ведун и соборный псаломщик; к ним присоединяют и Троицкого дьякона, толковавшего о кикиморе.

По миновании больших праздников, отца-дьякона отлучили от священнослужения и препроводили в Петропавловскую крепость.

Только на четвертом месяце — 12 апреля 1723 года — дела и швед-да-ведуна и дьякона, чающего запустения Питербурха, вершены государем и, по его обычаю, вершены крутенько: «Иноземца Питера Вилькина за то, что при других словах говорил про его Императорское Величество: ему-де более трех лет не пережить и за те слова непотребные учинить наказание: бить батоги нещадно и отпустить с запиской: бить нещадно и свободен по всемилостивейшему указу. А дьякона Троицкого собора Федосеева за непристойные слова «пустеть-де С.-Питербурху» послать на три года в каторжную работу, чтоб на то смотря, впредь другим таких непотребных слов говорить было неповадно».

Продолжала ли возиться на колокольне кикимора — из подлинного дела не видно, но великий Император и впрямь скончался на третьем после того года — почти так, как о том предсказал швед-ведун.

Колодник¹

Шалости кикиморы на Троицкой колокольне, послуживши пищей многих «непристойных разговоров» в петербургской черни, послужили поводом к гибели не одного только дьякона Федосеева.

Кикимора доконала одного из колодников Петропавловской крепости.

Камкин давно уже шел к гибели. Дворовый одного из аристократов, молодой парень, он взят был в солдаты. Четырнадцать лет тер он дямку, вынося все трудности и лишения походов и битв в низовых городах России. Это был солдат старательный, смысленный и способный; он зыгучился, между прочим, токарному мастерству, но этим не избавился от безвыходного положения вечного работника. Его, как способного мастерового, препроводили в столицу, в адмиралтейство, к блочному делу, и здесь началась для него еще большая страда.

Камкин не устоял и пал... Ничтожный проступок, затем первое взыскание толкали и толкали его к дальнейшим преступлениям...

Подгуляв однажды, Камкин потерял или пропил медный точильный инструмент овал; из боязни штарфовки бежал, но, вскоре пойманный,

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XXI, д. № 25.

определен в комендантский полк. Едва ли новое положение было лучше прежнего. По крайней мере, Камкин и его не вынес, бежал и приютился у государева повара Степана Грача.

Камкин уже сделался полнейшим пьяницей и негодяем. С год жил он заведомо, что беглый, у государева повара. Повар, усмотрев на руке гостя рекрутское клеймо, посоветовал ему назваться боярским отпущенником или дворцовым крестьянином, и вообще берег его со странной для того времени смелостью. Камкин отплатил ему черной неблагодарностью: он украл пять рублей, жемчужный перл, разворовал довольно припасов, прогулял все это и явился сам в гарнизонную канцелярию.

Пытанный в побеге и в воровстве, преступник препровожден для дальнейшего решения в надворный суд.

Толкаясь между колодниками, Камкин надоумился попытать счастья отделаться от кнута и каторги.

Легчайшим, весьма обыденным, но в то же время и опаснейшим для этого средством было крикнуть «слово и дело»! О чем же крикнуть? Камкин стал подыскивать «государево слово и дело».

Колодников выводили на сворах и цепях по городу просить милостыню.¹ Каждый раз арестанты возвращались в свои подвалы с даяниями усердствователей и с разными новостями. Таким путем проникли в арестантские палаты толки о Троицкой кикиморе и о предсказании некоего иноземца о близкой смерти Императора Петра. Эти-то толки и дали содержание «слову и делу», которое не замедлил закричать Камкин... В этом крике он чаял спасения от наказания за прежние и за новое свое преступления: он украл у одного из колодников четыре рубля и, жестоко избитый за то палками, ждал розыска.

Но вот сказалось «слово и дело», и его влекут к допросу в Тайную канцелярию под крепким караулом.

— В то время, как был я, — показывал Камкин, — держан в надворном суде, под караулом, отпускали меня в то время с колодником, новгородцем Трохой Власьевым, на связке, для милостыни. Пришли мы

¹ Положение арестантов в царствование Петра Великого было самое ужасное. В этом отношении дело оставалось в том же виде, как было с XVII века: арестантов кормили и одевали их родственники; у которых же таковых не оказывалось — из тех менее важных выпускали каждый день по два человека скованными просить милостыню. Окруженные солдатами, арестанты вопили по улицам, взывая к состраданию проходящих. Все тюрьмы на Руси в то кипучее время — время ломки всего строя России — чуть не ломились от множества заключенных.

в один день за Литейный двор, ко двору, а чей — не знаем, и прокричали (то есть устали кричать). А у того двора какой-то офицер (а подлинно знает его Троха) да стряпчий того дома говорили меж себя: «Императорскому Величеству нынешнего года не пережить! А как он умрет, станет царствовать светлейший князь (А. Д. Меншиков); разве тогда только нам будет хорошо, а ныне все служба».

— Заслышав те слова, — продолжал показывать Камкин, — отошли мы прочь. А придя в колодничью, я в тот же день стал о тех словах сказывать караульному капралу.

— Полно-де врать, не твое дело, — закричал на меня капрал и ударил по голове палкой. — А более того, — заключил колодник, — я не за собой, ни за другими, ни за кем государева «дела и слова» не знаю.

Но и сказанное было делом фантазии колодника, да притом, делом, мало обдуманном; караульный капрал первый обличил ложь. Из его слов оказалось, что Камкина давным-давно не выпускали «на связке», то есть просить милостыню; о подслушанном разговоре он никому и никогда не доносил, палкой его никто не бивал. Тщетно слался колодник на очной ставке с капралом на «всю бедность» (то есть на арестантов) — ему уж не верили. К довершению злополучия доносчика, товарищ его, колодник Троха (Трофим), сообразив, видно, что донос придется подтвердить пыткой, изменил другу и сознался, что никаких непотребных слов ни за Литейным двором и нигде ему не довелось слышать.

Сознание друга и очная с ним ставка доконали Камкина.

— Все, что я говорил в расспросе, — повинился колодник, — на офицера и на сержанта в важных словах, я говорил напрасно. Бил меня палкой офицер в колодничьей палате за воровство, и я, видя свою вину, сказал за собой его Императорского Величества «слово и дело», отбывая розыску.

За то теперь он сам на себя навлек новый, добавочный розыск. Пытанный прежде два раза в гарнизонной канцелярии в покражах и побеге, он теперь должен был подтвердить свое сговаривание тремя очистительными пытками.

18 марта 1723 года — была первая:

— Важные слова про его Императорское Величество... — просто-на-виске Камкин, — говорил я напрасно... затеял из себя... сговариваю то сущей правдой... не по засылке... не по скупу...

10 даров.

Несколько дней спустя, — второй розыск, и те же речи.

Неделю спустя приговор: пытаться в третьи и усечь огнем.

Колодник, однако, не дождался третьей очистки: 4 мая 1726 года он испустил последний вздох в смрадном подвале Тайной канцелярии.

Не он первый, не он последний!...

По-видимому, страдания, им вынесенные, были (по тогдашнему времени) вполне заслуженными. Покойник был вор, беглец и пьяница. И таких было много... Но их ли мы только осудим?... Не было ли чего в окружающей среде, в тогдашней администрации такого, что как бы толкало многих и многих из так называвшейся тогда «подлой» породы на путь порока и гибели?...

Крепостное рабство, немецкий педантизм, выправка и дисциплина, доведенная до зверства в военной службе, презрение тогдашних высших к личности низшего и прочие обстоятельства — дань веку и тогдашним нравам — не могут ли они служить объяснением, почему подлая порода не единицами, не сотнями, а тысячами гибла в преобразовательную эпоху Петра Великого?

Боярская толща¹

В конце декабря 1724 года по тракту в Архангелогородскую провинцию из Петербурга гнали партию арестантов. В толпе оборванных, грязных, окоченелых от морозов и метелей баб и мужиков особенное внимание обращали на себя две женщины. По одежде ясно было видно, что они принадлежали к «подлой» породе, но лица их, запечатленные особенными страданиями, резко выделялись из других... Изнеможенные, бледные, изрытые морщинами — плод физических и нравственных мук, они красноречиво говорили о том, что довелось вынести этим женщинам прежде, нежели указ обрек их на ссылку в Пустоозеро, где и повелено было им «бытии тамо неисходно с прочими таковыми же, до их смерти».

Перелистуем же следственное о них дело, поищем в нем причины гибели злополучных женщин и вместе с тем постараемся отыскать новые черты для характеристики петровской эпохи.

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XVI, д. № 37, лл. 1 — 36.

В июне месяце 1723 года на Петербургской стороне, на Оружейной улице, на отписном дворе, к Авдотье Журавкиной, проживавшей в работниках у посадского человека Бобровникова, зашла в гости солдатка преображенского полка Федора Баженова. Федора вылечила от какой-то порчи Авдотью, за что последняя была очень признательна Федоре. Между двумя приятельницами шла болтовня о разных разностях: хозяйка жаловалась на немочи; говорила, что о ту пору, как у столба каменного человека жгли (одного из раскольников), она от болезни своей была вовсе без ума.

— Надоть думать, — говорила Авдотья, — что та болезнь случилась со мной, потому-де я испорчена...

Воспоминание о жжении человека, раскольника, дало беседе политическое направление; соседки с глазу на глаз стали судачить «непристойно и непотребно» уже потому, что дело, как мы увидим, шло о царской особе и о боярах. Авдотья, между прочим, пророчила, что там, где повешен Гагарин¹, на том месте явится столб огненный и произойдет суд и прочее. Переговаривая обо всем этом, ни та, ни другая собеседницы не предчувствовали, какие страшные муки навлекали они на себя.

Проносу, однако, быть не могло: слушателей никого не было, проболтаться только мог кто-нибудь из них. Так и случилось.

В начале декабря 1723 года, на особом дворе, близ Преображенских казарм, между несколькими солдатами, содержавшимися по полковым винам, находим мы Баженова; он содержится здесь за пьянство и буйство; тут же и жена его, добровольная заточеница, Федора Ивановна Баженова, приносит мужу вино и угощается вместе с ним.

В колодничьих каморках она как у себя дома. Преображенцев, впрочем, не любит; она их называет, вслед за посадскими и крестьянами, сапожниками да железными носами, что, впрочем, не мешает ей быть женой преображенца и сблизиться в колодничьей палате с Комаровым, денщиком преображенского капитана. Денщик сидит за какой-то не совсем правый извет на господина.

В Николин день, поздно вечером, приятели и приятельницы сильно потнули; Баженов мычал и вельми шумный чуть бродил с места на место,

¹ Гагарин, князь Матвей Петрович, губернатор сибирский, за злоупотребления властью и взятки предан был суду, несколько раз пытан и 18 июля 1721 года повешен пред окнами магистрат-коллегии (на Васильевском острове, в ряду прочих коллегий, ныне здание университета). Впрочем, тело его раза три перевешивалось на новые шесты в разных частях города также, нежели по истечении нескольких лет было предано погребению.

без всякой определенной цели; что до Федоры, то она, полупьяная, в отдельной каморке, в углу, вела беседу с денщиком.

— Господи ты, Боже мой, — печаловалась между прочим Федора, — какую я только мужу своему тайну не скажу, он как напьется, то беспрерывно и скажет всем вслух. А ведомо мне великое дело, да ему, вишь, сказать-то нельзя — выговорится.

Комаров был парень смысленный, ловкий; один уже извет его на господина обнаруживал, что это был пройдоха, не отступавший ни перед какими средствами, чтоб только выйти из своего холопского положения. Царские указы, чуть не каждый месяц возвещавшие о наградах и отличиях доносчикам, открывали людям пронырливым дорогу всякого рода извещениями добиваться выхода из какого-либо стесненного положения. Сознание всей гнусности шпионства гасло с каждым указом, относившимся до «слова и дела»; подобные вещи чрезвычайно развращали русского человека. И так, можно себе представить, с каким наслаждением стал прислушиваться денщик к болтовне полупьяной солдатки.

— Скажи же ты мне, Федора Ивановна, — стал прилежно выпрашивать Комаров, — скажи, пожалуй, что ты знаешь? А будь же сведения — проносу о твоих словах от меня не будет.

Как ни пьяна была Федора, но она еще сознавала грозящую опасность и долго и упорно отрицалась; денщик не унывал и вытянул, наконец, следующий рассказ:

— Государя у нас изведут, а после и царицу всеконечно изведут же. Великий же князь мал, стоять некому. И будет-де у нас великое смятение, — пророчески заметила солдатка. — Разве же что государь, — продолжала она в виде совета, — разве государь толщину убавит, сиречь бояр, то, пожалуй, не лучше или будет. А то много при нем толщины. И кто изведет его? Свои! Посмотри, скоро сие сбудется...

Впился слушатель в болтунью.

— От кого ты знаешь это, от кого слышала? — пытливо и прилежно доведывался он у солдатки.

— Да тот, от кого приехала к подьячему из Москвы теща, она и сказывала все те слова и про царское величество, и про толщину... Да она к тому ж еще мне говорила, что было на Москве, у Успенской соборной церкви, явление. И то явление...

Дверь распахнулась и на пороге каморки, при тусклом свете лучины, появился весьма шумный Баженов. Это явление оборвало беседу.

Впрочем, для Комарова и сказанного было довольно; он и не выспрашивал более; в голове его округлялся донос и все выгодные для него последствия.

— Хочу я сказать за собой государево слово, — шепнул он в тот же вечер сотоварищу-колоднику.

— Слово сказать за собой — то и дело будет великое. Коли знаешь, так сказывай. А от кого ты-то слышал? — спрашивал колодник. — От наших ли (то есть от арестантов-преображенцев)?

— Нет, не от наших.

— Скажи же мне, какое то дело? — любопытствовал колодник.

— Нет, не скажу, не смею сказать, — отмечал Комаров, старательно оберегая любезный для себя секрет.

— Ну, коли не смеешь, так и не сказывай.

Понятна и эта боязливость, и это ревнивое сохранение секрета, могущего быть пригодным изветчику. Ему были известны упомянутые нами указы; еще не прошло двух лет, как один из них был опубликован с особенной торжественностью во всеобщее ведение и руководство. То был указ 22 апреля 1722 года, вызванный делом Левина.¹ Этот раскольник в фанатическом увлечении кричал всенародно в Пензе «многие злые слова, касающиеся до превысокой чести его величества и весьма вредительные государству». Фанатик погиб на эшафоте после долгих предварительных истязаний. Что до доносчика, посадского человека Федора Котельникова, то ему, в видах поощрения всех таковых верноподданных, пожаловано 300 рублей, сумма по тому времени огромная. Ему же дозволено вести торговлю по смерти беспощинно и всем командирам, какого звания ни есть, ставилось на вид одного доносчика от всяких обид охранять. Указ вновь повторял всем и каждому: тщиться немедленно доносить местным ближайшим начальникам о всяких непотребных и непристойных словах, явно или тайно произносимых; в то же время напоминал доносчикам, что за всякий правый извет дано будет милостивое награждение. Знавшим же, да не донесшим, грозила «смертная казнь без всякой пощады».

Все это вспомнил, взвесил и сообразил Комаров и, лишь только наступило утро, крикнул обычное и грозное «слово и дело»!

Начальство спешит препроводить Комарова в Тайную.

¹ Полное Собрание Законов, т. VI, № 3,984.

Благородный и высокопочтенный Андрей Иванович Ушаков принимает его, отводит квартиру в каземате, то есть сажает доносчика под честный арест и предписывает утре рано приступить к допросу и аресту им оговоренных.

Изветчик передает слышанное с полной откровенностью, не затевая и не отбывая ни для чего напрасно, и только для придания важности делу уверяет, что как он, так в особенности солдатка, были совершенно трезвы.

Страх отшиб память у злополучной женщины. Схваченная внезапно и поставленная пред грозным судилищем, одно имя которого заставляло трепетать всех и каждого, она совершенно одурела:

— Дня, когда был разговор, лепетала Федора, — не помню; о чем был разговор, и этого не помню... А нет, погодите, кажися, говорила я про прежние случаи, как бывали бунты и смятенья, да говорила ж про Александра Кикина.¹

Угрозы и строгий запрос высокопочтенного Андрея Ивановича заставляют Баженову точнее вспоминать, но ответ ее все-таки не тот, какой потребен для судьи.

— Молвила я о Николин день, — говорит Федора, — государь-де не может, помилуй его Бог, да дай Бог ему здоровья и долги веки! А каков будет час, что его не станет и государыню Императрицу посадят на царство, чтобы не было какова смятенья, ведь великий-то князь еще мал... Кто из колодников что сказал, и где я все это говорила, не упомню; была я гораздо в тот день шумна, а сказывала в ту силу, что мужики преображенных солдат не любят, называют самохвалами да железными носами...

Затем, всю сущность извета Федора отрицала. А она-то и интересовала Ушакова; кроме того, что дело шло об изведении их царских величеств, о великом смятении и прочее. В болтовне солдатки была подозрительная двусмысленность: высказывалось желание поубавить толстых; правда, тут же добавлялось: сиречь бояр, но кто знает, быть может, это намек на Петра Андреевича Толстого, первенствующего члена инквизиционного судилища. И вот благородный друг и его сотрудник уверяют солдатку быть откровеннее.

Кто только имел случай изучать характер Ушакова, тот, без сомнения, воздаст полную похвалу необыкновенной ловкости, изворотливости,

¹ Сторонник царевича Алексея, казнен 15 марта 1717 года в Москве на Красной площади.

дару убеждения и чутью сего преславного сыщика. Справедливо находят в Петре I необыкновенную способность угадывать и назначать на соответствующие места сановников; выбор Ушакова в инквизиторы был как нельзя более удачен; способнее его для розыску был только один Петр Андреевич Толстой. Удача при постановке лица на такое место тем более замечательна, что система шпионства, розыскивания и преследования не только за дело, нет — за слово, полуслово, за мысль непотребную, мелькнувшую в голове дерзкого, в то время только что возникала в нашем отечестве. Допетровская Русь, грубая и невежественная, не взрастила у себя шпионов, не созрела до необходимости «благодетельного» учреждения фискалов, пред которыми столь наивно умиляется один из исторических монографистов позднейшего времени, не выработала, да и не могла выработать столь неподражаемых разведчиков, какими явились при Петре Андрей Иванович Ушаков и Петр Андреевич Толстой.

Однако обратимся ко «многому увещанию» Ушакова. Оно подействовало, да и не могло не подействовать: в нем были и льстивые обещания свободы и прощения — при откровенности, и угрозы пыток и истязаний — при упорстве. Солдатка не устояла: трепещущая, волнуемая то страхом, то надеждой, она признала извет Комарова почти во всем справедливым, объявив при том, что противные слова слышала от Авдотьи Журавкиной.

Женка боцмана-мата Журавкина схвачена. Она заявляет, что действительно Федора посещала ее, Авдотью, летом 1723 года, но в том, что меж них говорено было нечто «непотребное о высокой чести его Величества», в том положительно заперлась.

Допросы женщин всегда были и будут затруднительны. Прекрасный пол, говоря вообще, по слабости, ему свойственной, болтлив; допрашиваемая обыкновенно то показывает, то оговаривает показание, путается в многословии, впадает в противоречия, забывает важнейшее, вспоминает неверное и прочее. В петровское же время, в виду нужды и пылающего веника — им же вспаривалась спина вздернутой дамы — показания женщин обыкновенно были особенно спутаны, но в настоящем эпизоде обе подсудимые являют редкую твердость и постоянство.

На восьми очных ставках, бывших в течение производства дела, каждая осталась при прежних показаниях.

— Стоишь ли ты на том, — спросили Комарова, — что Фекле сказывала непристойные слова приезжая из Москвы подьяческая теща?

— Молвила ль то слово Фекла про подьяческую тещу или про кого другого, — отвечал Комаров, — памятно сказать не могу.

Последнее обстоятельство, могущее спасти от розыску Авдотью Журавкину — устранено; Комаров сомневается — подьяческую ли жену выдавала Фекла за источник своих рассказней, следовательно, источником могла быть и не подьяческая жена, а Журавкина.

Баб — в застенки!

10 декабря 1723 года Федора на дыбе; виска...

9 ударов кнута.

Авдотья на дыбе; виска... 6 ударов кнута.

Пытка первая... показания прежние.

10 января 1724 года Федора на дыбе; виска...

8 ударов кнута.

Авдотья на дыбе; виска... 15 ударов кнута...

Пытка вдругоряд; показания прежние.

6 февраля 1724 года Федора на дыбе; виска...

15 ударов кнута.

Авдотья на дыбе; виска... 15 ударов кнута.

Пытка в-третьи; показания прежние.

Каждая новая пытка, как видно из чисел, обозначенных в деле, производилась в расстоянии друг от друга месяца. Не нужно слишком быть чувствительным, чтоб представить себе, какие физически и моральные страдания выносили заточеницы, поправляясь от первых язв и каждое утро просыпаясь с мыслью: вот-де сегодня доведется идти на новые раны.

Что же могло поддерживать их упорство и стойкость на первых показаниях? Вот вопрос, перед которым невольно остановится каждый, кому не довелось копаться в старинных делах русско-уголовного судопроизводства. А вот что: истязуемые ведали, что троекратная пытка, сопровождающаяся одними и теми же показаниями, освобождает от дальнейших истязаний, а зачастую очищает и от обвинения, и от наказания.

Слабые женщины, они, однако, дотерпели до конца; каждая из них троекратно закрепила показания собственной кровью; теперь судьям остается исполнить закон, то есть освободить и ту, и другую.

Действительно, подсудимые хотя не освобождены, но истязания прекращаются. В это время Комаров за донос о «злых, важных, непристойных

словах про его Императорское Величество и его семейство» получил от его Императорского Величества жалованья десять рублей.

Что же делать с бабами? Чем разрешить случай, редкий в тогдашней судебной практике? А для того стоит только обойти закон с помощью указа его Императорского Величества; на основании его, Тайная канцелярия, на седьмом месяце после третьей пытки, приговорила: «Федорой вновь розыскивать накрепко, чтоб показала истину: конечно ль те слова слышала от Авдотьи или от других кого, в чем будет утверждаться и говорить на ко-го, то тех людей по тому ж спрашивать и пытать и доискиваться истины».

Баб привели в застенок, им объявили, что буде не покажут истины, их будут жечь огнем. От первой требовали показания: действительно ли от Авдотьи, а не от кого-нибудь другого слышала она важные слова? А вторая должна была признаться, что она именно оскорбляла превысокую честь царского семейства.

Угроза не подействовала: показания остались прежние.

19 сентября 1724 года Федора на дыбе; виска... изборожденная ударами спина вспарена пылающим сухим веником.

Авдотья на дыбе; виска... пылающий сухой веник испаривает спину, изборожденную ударами.

Пытка в четвертый... показания прежние.

Призывают попа.

К стыду того времени, на некоторых служителей алтаря зачастую выпадала странная и до эпохи преобразователя необычная доля: быть пособниками полицейских сыщиков и заплечных мастеров. Под страхом лишения живота, волей-неволей, отцы духовные должны были вымогать признания у особенно упорных... не пыткой, «но страхом будущего суда Божьего», и добытые такими средствами показания немедленно являлись в письменном доносе сыщикам и судьям.

На этот раз обе женщины и на духу говорили то же, что говорили на огне.

Врача духовного сменил врач тела. Данила Вальнерс по указу Тайной канцелярии приглашен лечить истязанных, лечить казенными лекарствами. Лечение тем более было необходимо, что через несколько дней состоялся повторительный приговор: «продолжать розыск». Естественно, что он должен был кончиться смертью подсудимых; одна из них и приготовилась к ней новой исповедью у священника, но всемилоостивейший указ Императора отвратил дальнейшие истязания.

По указу приговорено: «Хотя Авдотья Журавкина запирается в важных и непристойных словах, токмо тому не верить, а послать и ее, и Федору Бажанову, за караулом, в ссылку Арханелогородскую провинцию, в Пустоозеро и велеть им тамо быть неисходно с прочими таковыми, до их смерти».

19 декабря 1724 года партию арестантов и между ними обеих приятельниц, Федору да Авдотью, погнали по пустырям, по лесам, по горам и оврагам, в мороз и метели, в дальнее бедное и глухое Пустоозеро.

Антихрист

Население Пусто-озера более и более увеличивалось новыми ссыльными. В мае 1725 года туда проехал четыре ямских подводы; на них один гвардейский и двое гарнизонных солдат привезли трех баб, трех новых преступниц «в важном государевом деле», распространявших «зловредье» в народе своими неосторожными и суеверными толками... Толки, доведшие их до ссылки, издавна уже бродили в громадной массе народа, росли год от году больше и больше и, наконец, выросли до целого, систематического учения об «антихристе», объявившемся, по понятию народа, в лице его царского величества Петра Алексеевича. Учение это имело самых деятельных, самых восторженных проповедников. Во всех концах России: в Вологде, в Астрахани, в Москве, в Пензе, в казацких станицах, по всему течению Дона. Везде мы находим этих проповедников: книгописец Григорий Талецкий, иконник Савин, протодьякон Матвей Непеин, монах Самуил Выморков, капитан Андрей Левин, раскольники Артемий Иванов, Денис Лукьянов, Матвей Николаев, служебница их Домна¹ и многие другие лица разного сословия, разного возраста и обоего пола деятельно распространяли учение об объявившемся с 1698 года антихристе... Проповедь народная находила массу последователей, они были не только среди простого народа, но мы их находим даже между высшими лицами того времени, по преимуществу из духовного сословия... Проповедники передавали свое учение, по большей части среди величайшей таинственности, отдельным лицам, и только более восторженные шли открыто на тяжкие истязания, неминуемые

¹ Вершенные дела Р. Д. Т. К., к. XII, д. № 30, к. XIII, д. № 23, 25; к. XXV, д. № 11 и проч.

последствия их народной проповеди... Так, известный пензенский проповедник учения об антихристе, Левин, с клироса деревенской церкви в 1721 году вне себя кричал народу, собравшемуся к божественной службе:

— Послушайте, православные христиане! Слушайте: ныне у нас преставление света скоро будет... Государь ныне загнал весь народ в Москву и весь его погубит... Вот здесь, в этом месте, — говорил он народу, — указывая на свою руку между указательным и большим пальцем, — в этом месте царь их будет пятнать, и станут они в него веровать...

— ... Нынче, последнее время, — говорил тот же Левин, явившись погостить в Жадовскую пустынь, — антихристово пришествие... Привезены в Санкт-Петербург печати... хотят людей печатать... в Петербурге, в Невском монастыре монахи мясо едят, а все то дело не государево, а антихристово, и государь — антихрист!...

19 марта 1722 года в Пензе был большой базар. Левин, незадолго перед тем постригшийся в монахи в Предтеченском монастыре под Пензой, отпросился у игумена в город под предлогом подавания по тюрьмам милостыни... Но не милостыня, а проповедь к народу о последнем времени, о спасении людей от антихриста влекла его в город. Народ толпился на базаре. Левин пробрался к мясным лавкам, взлез на плоскую крышу одной из них, снял с себя клобук, поднял его на клюке вверх и закричал окружавшей его толпе:

— ... Послушайте, христиане, послушайте! Много лет я служил в армии... меня зовут Левин... Жил я в Петербурге; там монахи и всякие люди в посты едят мясо и меня есть заставляли... А в Москву приехал царь Петр Алексеевич... Он не царь Петр Алексеевич, а антихрист... антихрист! ... в Москве все мясо есть будут сырную неделю и в великий пост, и весь город мужеского и женского пола будет он печатать, а у помещиков всякий хлеб описывать, и помещикам будет давать хлеба самое малое число, а из остального отписного хлеба будут давать только тем людям, которые будут запечатаны, а на которых печатей нет, тем хлеба давать не станут... Бойтесь этих печатей, православные!... Бегите, скройтесь куда-нибудь. Последнее время... антихрист пришел... антихрист...¹

Страшная кончина Левина (он был сожжен в Москве живым), пытки и казни подобных же проповедников, наводя страх на остальных,

¹ Дело Р. Д. Т. К., к. XX, д. № 30, лл. 13—35 и проч.

не уменьшали, однако, а напротив увеличили силу и значение проповеди об антихристе. Впоследствии, когда обнародуются побольше вершенных дел о тех из последователей этого учения, которым довелось побывать в Тайной канцелярии, тогда можно будет сделать свод этих проповедей и проследить их постепенный рост по содержанию и по местам своего распространения; до тех же пор мы должны ограничиться разбором каждого, возникающего по этому поводу, дела в отдельности. При этом разборе мы не можем вдаваться еще в общий обзор этих интереснейших из всех толков народа о Петре, о государе, для тогдашней массы непонятном, странном, более того, вполне неизвестном... Его преобразовательный резец, со страшной силой глубоко впущенный в самую сердцевину народной жизни с ее поверьями, обычаями, суевериями, с ее добром и злом, безжалостно разил места наиболее чувствительные, самые дорогие для народа... Ошеломленный, забитый народ не видел, да и не мог видеть целей преобразователя; для него были только ясны и больны те страшные средства, которые вели к чему-то для него загадочному... Он видел изменение коренных своих обычаев, он видел наглых иноземцев, их возрастающее значение, видел или слышал о бесчеловечных казнях тысячи стрельцов, слышал (как ни глухи были застенки и как ни крепки записи, которые брались с подсудимых Тайной канцелярии о гробовом молчании) обо всем, что в них было, слышал об ежедневных истязаниях многих и многих из своих собратий; видел и слышал этот народ много и много такого, что в глазах его набрасывало густую тень на личность и на дела монарха... И вот этот народ жадно прислушивался к тем из учителей, вышедших из его же среды, которые брались разъяснять ему в чем дело: Петр-де не государь, Петр — не русский человек, он иноземец, он подменен в Швеции, в неметчине; нет, он ни то, ни другое... он антихрист! Он приводит все и вся к своей вере... он и сына запытал, «потому-де, что сам антихрист приводил царевича в свое состояние, а тот его не послушал, и за то его антихрист этот и убил до смерти...».

Петр — антихрист! Теперь для народа все ясно... И чем сильнее веровал он в это учение, тем реже выдавались из его среды изветчики на проповедников сего учения; проносы были редки, почти случайны. И случались-то они либо от людей служилых, более или менее поднявшихся уже над уровнем народного развития, либо от женщин, болтливых на язык и менее упорных в сохранении тайны... К числу их принадлежали

те три бабы, с которыми мы встретились в начале нашего рассказа на дороге в Пусто-озеро.

Все они были жительницы небольшого городка Таврова, лежащего в двенадцати верстах от Воронежа, при впадении речки Тавровки в реку Воронеж, которая верст пять от этого места сама впадает в Дон. Ныне незначительный посад, Тавров в петровское время имел большое значение и был обязан этим своему положению, весьма выгодно-му для постройки и сплава судов в Азовское море. Еще в 1699 году Петр, проведя почти всю зиму в Воронеже, заметил, что фарватер реки Воронежа по причине заносов и обмеления стал не очень удобен для сплава судов. Вследствие этого верфь и адмиралтейство, по воле Петра, перенесены были из Воронежа ниже, на речку Тавровку. Верфь была обнесена земляной крепостью, вокруг нее растянулся городок, куда с 1703 года, в бытность здесь Петра, перенесены были из Воронежа и остальные корабельные строения. Все эти весьма значительные работы, производимые притом, по петровскому обычаю, сколько возможно поспешнее, требовали много рук... Народ со многих, по преимуществу с низовых городов, согнан был сюда и водворен в Таврове тремя слободами: Морской, Солдатской и Мастеровой, — в последней жили и купцы. При большом стечении народа много было, разумеется, здесь и учителей, а еще больше последователей известного нам учения. Недовольство народа, согнанного на тяжкие и безысходные работы, способствовало еще больше усвоению тавровцами учения об антихристе... Оно переходило от родителей к детям, передавалось от старшего поколения молодому.

— Слыхала я, детушки, — говорила еще в 1707 году девяностолетняя старуха Акси́нья Спиридонова своей невестке, — слыхала я от старых людей, что... мы не доживем, а вы, детушки, доживете... народится у нас антихрист... сойдет на землю и будет людей мучить... И кто постоит за веру, тот будет в царстве небесном, а кто к нему передастся, тот будет веки мучиться...

Старуха умерла, но слова ее глубоко запечатлелись в уме ее слушательницы, женщины далеко тоже не молодой. Лет десять молчала о слышанном Авдотья, либо, быть может, и передавала завет покойницы, но толки ее не дошли до чутких ушей великих инквизиторов. Но вот в 1722 году муж Авдотьи Кузьминишны, матрос Тимофеев, услан на Каспийское море, в персидский поход, тысяч за семь верст, как она думала. От него

нет весточки, к тому же в Таврове открылась повальная болезнь: по слободам умирает много детей, старушка печалится, плачет и заходит излить свою тоску и недовольство на высшую власть, отнявшую у нее мужа, заходит к племяннице своей, солдатке, Акулине Петровне Наяновой, жившей в солдатской слободе городка Таврова...

— Тоска на меня великая, — говорила Авдотья между разными разговорами, в одно из таких посещений, в последних числах ноября 1722 года, — а о чем же и сама я не знаю... Дни такие сумрачные... и младенцев много мрет...

— Что об этом тосковать, — отвечала племянница, — зачем тосковать, что младенцы мрут... Бог их любя прибирает: видишь, хлеб не родился, а на новый год как еще не родится, то и отцы не рады детям будут...

— Да, старые люди говорили, и моя свекровь говаривала: «Мы-де не доживем, а вы-де, детушки, доживете: народится-де антихрист».

— Вот и ныне, — продолжала Авдотья, — вероятно в доказательство того, что уже родился антихрист, вот ныне и с могил голубцы снимают, и могилы ровняют.¹ И для чего те могилы ровняют?

— Бог знает, — отвечала собеседница, — никак ныне остаточные веки, вот уже и младенцев много мрет, никак это уже ныне не государь, а антихрист это ныне родился.

— Как нам будет мучиться! — и при мысли о муках старушка Авдотья горько заплакала.

— Что об этом тужить, — утешала племянница, — хотя и народится антихрист, хотя нас и мучить станут, так что за беда! Здесь помучимся, а на том свету Бог нам даст свет! Кто за веру христианскую будет терпеть, тот будет в раю, ведь за Бога, да за царя мучиться (то есть за истинного царя).

— Вот славят, что государь будет, — продолжала солдатка, вспоминая, что в Таврове на днях ждали царя Петра, на обратном пути его из персидского похода, — славят, что государь будет; никак, тетушка, знать это не царь, а антихрист родился. Я (ведь) государя знаю, дай Бог дожждаться государя мне, хотя из ста выберу я его, батюшку, лет с 20 не видала (то есть с 1703 года, когда Петр был в Таврове), буде он государь.

¹ Что это было за распоряжение и было ли оно действительно, мы не доискались; заметим только, что народные толки, записанные деятелями Тайной канцелярии, не раз передавали нам известия о распоряжениях тогдашнего правительства, — распоряжениях, не отмеченных в других документах. (1861 год М. С.)

то ведь он, государь, ездил и преж сего мимо могил, да не срывали, а ныне будто станет он на могилы смотреть...

В избе никого не было. Старуха плакала, и между теткой и племянницей долго не умолкала беседа о страшном пришествии антихриста, о том, действительно ли тот, кто разъезжает теперь по России, воюет на Кавказе и прочее, действительно ли он государь, или этот тот... тот... пришествии которого давно уж им, простым людям, пророчествовали их народные проповедники.

Не нужно забывать, что пред нами матроска и солдатка, та и другая жили постоянно среди матросов и солдат, и трудно думать, чтобы их мысли не находили себе пищи и поддержки в толках остальных обитателей и обитательниц матросских и солдатских слобод города Таврова.

Правда, сочувствие к мнениям о воплощении антихриста было не у всех одинаково; к числу мало верующих принадлежала и рудометка Алена Андреева.

В первых числах декабря 1722 года, дня за три до приезда государя, в Тавров прибыли передовые посланные, служители и разные придворные чины. Алена нашла нужным для взятия квашни забежать к старушке Авдотье.

— Слава Богу, — заговорила пришедшая, — приехали от государя передовые...

При слове «государь» тоскующая старуха не выдержала:

— Их, Бог знает, не велено (только) говорить: кажут, что государь едет, а то не государь, антихрист едет...

— Э, эх, проклятая враговка! — изругала приятельницу Алена и, плюнув, вышла из избы.

По трех днях после этого разговора государь прибыл в Воронеж и посетил Тавров; пробыл здесь сутки, попировал в выстроенном для него дворце¹, и в то же время успел осмотреть разные работы, как по обрабатываемой части, так и на обширной суконной фабрике, им же основанной. Указал вице-адмиралу Змаевичу построить несколько судов, сделал несколько других распоряжений и отправился в Москву. Все это время, с наездом царя и его свиты, Тавров был крайне оживлен; толки о посетителе и посетителях долго не прекращались и по отъезде Петра.

¹ Дворец этот, находившийся при крепости, состоял из деревянного дома, раскрошенно обставленного несколькими статуями. Он сгорел в 1744 году со многими крепостными строениями и пятьюстами домов, составлявших слободу у Таврова.

В самый разгар этих рассказней, 26 декабря 1722 года, с Воронежа приехал в Тавров ради метания от болезни руды из ног инквизитор воронежской епархии, Синодальной команды монах Гурий Годовиков. Он остановился у знакомого попа Никиты, который поспешил истопить для гостя баню и послал попадью за рудометкой, женой Аленой, вероятно известной своей опытностью и искусством в деле пускания крови. В бане, таким образом, сошлись три лица: отче Гурий, прислужник его, архиерейский служка Логин Кузьмин и женка Алена; рудометка принялась за свое дело, пустила кровь рожками, между тем монах-инквизитор, не жась и парясь, втянул лекарку в беседу.

— Благочестивый батюшка у вас погулял в Таврове?

— Слава Богу, три часа гулял.

— Заезжал ли он в свои хоромы?

— Он изволил кушать у поручика нашего, Андрея Андреевича, а как по прозванию, того не знаю; и к тому поручику людей много нахлынуло. Стали было их отгонять, и их отгонять не велели: пускай-де глядят! А опосля государь, покушавши, пошел на суконный двор (на фабрику), а с суконного двора — по кораблям, и с кораблей пошел к Москве... И как его Императорское Величество был в Таврове, и в то время меня с детьми изволил его величество призывать перед себя, и милость я от него получила, имел он со мной разговор... И как его Императорское Величество, — продолжала Алена, умолчав о чем был царский разговор, — в Таврове во дворце кушал хлеб и мясные яди, и я сама видела: он, Император (а за ним) и все господа мясо кушали.

— Что ты, баба, врешь! Что тебе дело про его Императорское Величество говорить? — воспрещал инквизитор Гурий, — при нем, Императоре, и иноземцы есть, может быть, что они (только) мясо ели.

— Я достоверно сама видела, что сам Император (а за ним) и господа мясо ели; а после кушанья его Императорскому Величеству из головы руду я метала тремя рожками...

— Ая сему веры не иму, — возразил отче Гурий, распариваясь на полке, — тебе ль руду метать! Аль у нашего государя будто не стало докторов? У Императора нашего есть доктора свидетельствованные, кроме тебя; и для чего ты такие слова говоришь про его Императорское Величество?

— Люди говорят, — путала баба, не отвечая на вопрос монаха, — люди говорят, как белому царю все преклонятся, и тогда народится антихрист... И какой то антихрист, я не знаю...

— Какое тебе дело спрашивать, коли ты не знаешь?

— Да вот, иные люди, — продолжала Алена, — в то же число (то есть в бытность Императора Петра в Таврове) говорили про его Императорское Величество: какой-де он царь или Император, он-де антихрист! И я за те слова хотела было и завязаться и донести его Императорскому Величеству, да и тужу, что умолчала, а не донесла...

— Ну, снимай, баба, рожки! — приказал инквизитор, сообразив важность преступления рудометки и выгоды доноса на нее. Отче Гурий поспешно обмылся, обвязал ноги, оделся и поскакал в Воронеж — к губернатору, с письменным доносом: «Слово и дело»!

Бригадир Измайлов, тогдашний воронежский губернатор, арестовал доносчика и в ту же ночь наскоро отправился с ним вместе в Тавров. Преступница рудометка схвачена, поставлена на двор к какому-то майору и в тот же час, обезумевшая от страха, приведена на личный допрос к губернатору. Первое дело, разумеется, запереться: обычный ответ русского человека пред начальством, допросчиком «знать не знаю, ведаю не ведаю» был в ходу и в петровское время.

— Непристойных слов, — показала Алена, — я не говаривала, говорила же ему, инквизитору, только такие слова: мы Императорскому Величеству о пришествии его в Тавров только порадовались; а про мясные яди я сказала: знать-де и все господа мясо кушали, а кроме того ничего я не говорила. Но свидетель был налицо, то был служка Кузьмин, который и не замедлил поддержать инквизитора. Показания его, впрочем, не вызвали рудометку на откровенность. На очной ставке со служкой и монахом Алена твердила одно, что «непристойных слов, которые на нее инквизитор расспросом показал, не говорила», и затем передавала начало своей беседы о приезде государя в Тавров.

Впрочем, Измайлов не имел в виду, да и не имел права допытывать до непристойных слов, — это право всецело и исключительно принадлежало Тайной канцелярии; губернатор должен был только дознаться, нет ли кого прикосновенных к делу, чтобы и их, не упустя время, взять по обычаю, оковав, отправить на розыск в столицу. Но и этого не дождался Измайлов — Алена твердила одно: других-де в непристойных словах никого не знаю. А с инквизитором в бане говорила только, что его Императорское Величество приехал в Тавров хорошо и сподобились (ее) его видеть; да еще же говорила я, что на поварни приспевали кушанье мясное, знатно, что кушали (его) все.

7 января 1723 года застало отца Нурия, службу Кузьмина и преступницу Алену в Тайной канцелярии в Москве. Доношение губернатора о посылке этих лиц «для расспроса, розыска и исследования» прочтено, монах-инквизитор и его служба опрошены, расспрос дошел до Алены:

— Как я у инквизитора кровь пускала, и притом свидетель Кузьмин был, а я вышеписанных непристойных слов, — запиралась рудометка, — которые на меня оный инквизитор показал, не говаривала.

И вслед за тем мнимо невинная баба в забвении от страха сознавалась только в допросе, что-де когда «к белому царю все преклонятся, и тогда народится ли антихрист».

Но вот состоялось определение: женкой Аленой разыскивать пытат: непристойные слова инквизитору говорила ли, и буде говорила, для чего и от кого она те слова слышала, и где, и для чего о том нигде не доносила? Определение это, не умаляя страха Алены, оживляет ее память, и с 8 по 20 февраля оставленная на обсуждение своей участи, она спешит, наконец, предстать пред секретарем Казаринова, и в его лице как «пред его Императорским Величеством вину свою приносит».

«Принося вину», Алена выдала Тайной канцелярии старуху Авдотью; весь разговор с ней был передан и записан: «И инквизитору-то говорила я, Алена, с тех ее, Авдотьиных, слов, что его государя называют антихристом; а опричь ее, Авдотьи, от иных ни от кого таких слов я не слыхала».

Донос отца Гурия оправдался; на другой же день ему, освобожденному, пожаловали именем его величества 10 рублей из канцелярии Рекрутского счета, из взятых денег по тайным делам. Что до служебника Кузьмина, то его также свободили и отпустили с паспортом по-прежнему в дом архиерейский; с того и другого взяты были обычные записи о молчании.

В то время, когда доносчика и свидетеля награждали и освобождали, в Тавров уже скакал нарочный лейб-гвардии солдат сыскать и взять матросскую женку Авдотью Тимофееву.

Около месяца ездил и искал Авдотью нарочный солдат. 25 марта старуха была доставлена, с первых же слов созналась в преступлении и тут же указала на свою племянницу, как на виновницу распространения учения об антихристе. Не выдавая своих пред губернатором, трусливые бабы оговаривали и мешали других в дело, стоя пред застеночными мастерами.

Новый курьер скачет за Акулиной. 17 апреля 1723 года она сыскана и сдана в Тайную; будучи моложе первых двух преступниц, солдатка явилась на допросе более твердости и упорства: «Когда была у меня Авдотья и какие разговоры имела, того я не упомяну. Молвила ль я что об антихристе не упомяну; только сущее помню, что никаких непристойных слов про его Императорское Величество ни с Авдотьей, и ни с кем не говорила и ни от кого не слыхала».

Тетку с племянницей свели на очную ставку. Первая показывала прежнее, вторая «закрывалась беспамятством».

Дело об объявлении антихриста в лице Петра, естественно, должно было казаться Казаринову необыкновенной важности: задача исследования состояла именно в том, чтобы добраться до корня этого учения, до главнейших ее распространителей. Но такое исследование, по мнению московского розыскателя, могла только предпринять петербургская Тайная канцелярия, и вот он известил ее, что вскоре шлет в Петербург всех трех баб на дальнейшее исследование. Это не понравилось Ушакову; обремененный кучей розысков, он послал строгое внушение Казаринову:

— Господин секретарь! — писал Андрей Иванович 27 мая 1723 года, — видим мы из писем ваших, что вы некоторых колодников по Тайной канцелярии сюда и с делами отправляете, а повеления о том письменного и словесного вам от Петра Андреевича (Толстого) и от меня не было; и иное вы, не отписавшись с нами, нехорошо учинили, точию убыток деньгам и турбацию людям сделали. А можно бы решение чрез ордеры наши в Москве учинить; и по получении сего ордера, ежели оные (колодники) не отправлены, которых посылать не надлежит, удержи посылкой, а буде и посланы, да недавно, возврати, и что сделаешь, рапортуй. От тебя же получены выписки... о рудометке Тавровой (то есть из города Таврова), на которые указ прислан будет впредь.

Тавровская рудометка или, по-нынешнему, фельдшерица с подружками, удержаны в Москве, где и получен был указ, решивший их участь.

«Тавровским жителям, бабам, — определили Толстой и Ушаковым, — по указу его Императорского Величества, за важные, непристойные слова, нигде ими не объявленные, учинить жестокое наказание: Алену да Авдотью в Москве бить кнутом и сослать на прядильный двор при Москве же в вечную работу. А Акулину пытать дважды, от кого она такие непристойные слова слушала, и где, и сколь давно, и для чего о том не доносила».

Акулину вздернули на виску... пытка первая.

— Превосходительный господин, господин генерал-майор и лейб-гвардии майор, — писал к Ушакову о результате розыска Казаринов, — премилостивый государь мой! По присланному определению Алене и Авдотье наказание учинено, а на прядильный двор Авдотья не послана, для того, что Акулина с розыску в тех словах запирается.

Акулина поднята на дыбы... пытка вдругоряд...

— Непристойных слов, — кричит баба под кнутом, — ни с кем я сущее... никогда не говаривала... и ни от кого таких слов не слыхала.

— ... И хотя оная Акулина и говорит, — рапортовал Казаринов, — что тех непристойных слов сущее она ни с Авдотьей, и ни с кем никогда не говаривала, и ни от кого не слыхала, однако же, государь, ей, Акулиной, буду розыскивать и в третье. И что с розыску покажет, о том вашему превосходительству донесу впредь, не умедляя. И буде, государь, оная Акулина с тех розысков в означенных своих словах устоит, то помянутой Авдотьей розискивать ли? О том требую от вашего превосходительства повелительного ордера вашего превосходительства, премилостивого моего государя, всепокорный и верный раб Василий Казаринов. 16 июля 1723 года.

Пробежая эти образчики учтивостей между петровскими палачами, невольно жалеешь, что едва ли когда-нибудь будет возможно собрать полую коллекцию этой переписки, разбросанной по сотням вершенных дел Тайной канцелярии. А каждый согласится, что подобный сборник ярко осветил бы пред нами пружины, по которым действовали Ушаков с товарищами, их взаимные отношения, взгляд на преступления и преступников, закулисную сторону следствий и розысков, и много других интересных сторон в истории Тайной канцелярии петровского времени.

— Господин секретарь Казаринов! — отвечал Ушаков на вышеприведенный запрос московского инквизитора, — письма твои, отпущенные из Москвы,... получены здесь исправно, на что тебе объявляю: по трех розысках Акулины, буде в одном станет утверждаться, розыскивать и Авдотьей, и что с розысков покажут, о том нас рапортуй. 25 июля 1723 года.

«И августа 10-го, — гласит протокол московской Тайной канцелярии, — означенные женки, Акулина да Авдотья, вожены в застенок и в непристойных словах спрашиваны с пристрастьем, и дана им очная ставка, а на очной ставке...». Но что именно бабы сказали на очной ставке, стоя у дыбы, об этом узнаем из нового рапорта секретаря:

— Превосходительному господину, господину генерал-майору и лейб-гвардии майору, премилливому государю моему, Андрею Ивановичу, всепокрно доношу: бабой Акулиной розыскивано трижды; а бабой Авдотьей, государь, не розыскивана, для того, что оная Акулина при третьем розыску в тех непристойных словах повинилась, и как ее стали пытать, говорила тоже, а потом в том же розыску сказала, что она тех слов сущее не говорила. И о том требую от вашего превосходительства повелительного ордера. Августа 20-го.

Несчастливая женщина повинилась в чаянье избежать третьей пытки, но при этом упустила из виду то обстоятельство, что переменное показание, хотя бы то было полное сознание, должно было закрепиться новым розыском, а в случаях более важных даже и тремя. Вот почему поднятая на дыбу в третьи, Акулина вытерпела 13 ударов, а затем, увидав, что сознание не спасает ее — вновь стала утверждать:

— Непристойных слов никак-де тетушка, знать-де это не государь, антихрист-де родился, я с ней, с Авдотьей, сущее не говорила... А кроме тех другие речи (они приведены в своем месте) говорила; а прежде сего розыску и в сем розыску... непристойные слова говорила я, поверив в улику себя Авдотьиным словам...

Пытка, как и всегда в переменных словах, была жестокая, так что на другой же день, по просьбе пытанной, прислан был к ней врач духовный.

Священник, говоря языком подьячего Тайной канцелярии, по должности своей, бабу Акулину на исповеди увещевал, дабы она по делу, по которому содержится, принесла сущую свою правду, как явиться ей пред Богом. И она, Акулина, между прочими духовными словами попу сказала: «Я-де по своему делу, которое имеется в Тайной канцелярии, терплю напрасно и безвинно, и в том умереть готова»...

Исповедным словам верили в Тайной только тогда, когда они означали сознание, в противном случае веры им не давалось.

На девятом месяце по началу дела, что, впрочем, еще довольно скоро по тогдашнему течению дел, приговор состоялся: в силу его Авдотью, еще в июне высеченную кнутом, определено сослать на прядильный двор в Москве; затем солдатке Акулине Петровой за непристойные важные слова про его Императорское Величество учинить наказание: бить кнутом и сослать на прядильный двор при Москве же в вечную работу.

Секуции были совершены. Все, что выиграла Акулина своим запирательством и переменными речами, так это то, что в ее приговоре опустили словечко «жестокое» наказание.

Как бы то ни было, только и с не жестоким наказанием дело тавровских баб не кончилось; в продолжение девятнадцати месяцев не могла состояться их ссылка, а почему, это видно из завязавшейся по этому поводу переписки. Переписка эта имеет свой интерес; она показывает, как еще много было спутанного, не установившегося в отношениях разных учреждений и управлений в тогдашней администрации.

Управление казенных фабрик не приняло ни одной из трех баб, присланных в их распоряжение. Толстой с Ушаковым, по некоторому времени, приказали вновь разослать в надлежащие места промемории об отсылке в работы осужденных женщин. «Если же вновь их не станут принимать, то (распоряжение весьма своеобразное) баб, Алену и Авдотью, освободить с запиской на волю; что до Акулины, то ее приказано было послать в Александрову слободу, в Девичий монастырь в работницы, за присмотром до ее смерти неисходно».¹

Как ни страшна была Тайная канцелярия, как ни слепо выполнялись ее указы не только отдельными лицами, но и разными правительственными учреждениями, все-таки была иной раз и оппозиция: так, в настоящем случае, в деле рассылки штрафованных баб, Синод решительно не согласился дать даже одной из них место в монастыре. «Святейший Правительствующий Синод, по согласному своему приговору, — отписывался в Тайную обер-секретарь Синода, — велел оную бабу, Акулину не токмо в тот Успенский, но и в прочие девичьи монастыри не принимать, понеже она светского чину, а не монахиня. И между монахинями, благочинно житие препровождающими, таковым непотребным за вины их осужденным бабам быть весьма неприлично, а особливо оный Успенский девичий

¹ Александровская слобода, ныне уездный город Владимирской губернии, лежит в 101 версте от Москвы. В тамошнем девичьем первоклассном монастыре в петровское время было несколько невольных заточениц. Между прочими тетка государя, царевна Маргарита Алексеевна, а с 24 марта 1718 года здесь были заперты игуменья Покровского девичьего монастыря Марфа, знаменитая наперсница царицы Авдотьи Лопухиной, Капитолина и некоторые другие. Тюрьмы их до сих пор целы: это подвалы в два этажа под Успенской церковью. Подвалы сложены из белого камня с темными, узкими каморами; в одной из них стоит стул, к которому прикована железная цепь с таким же ошейником. В каморе и днем нельзя иначе пройти, как со свечей или лучиной. (1861 г. М. С.)

монастырь содержится под собственным призрением ее Величества, Императрицы Екатерины Алексеевны, и без указа ее Величества, хотя бы и из монахинь, никого туда определять вновь невозможно. Также и в других монастырях, которые по духовному регламенту затворены, принимать ее не надлежит, ибо не токмо таким бабам, в излишестве присылаемым, но и монахиням, издавна беспорочно пребывающим, зело нужное во многих местах пропитание находится. А таких баб, за вины в работу определяемые, надлежит отсылать куды пристойно кроме монастырей, чтобы монашескому чину напрасной от того тщеты не происходило».

Прочитав многоглаголивое объяснение иерархов церкви, объяснение, впрочем, опершееся на указы государя, Тайная канцелярия опять попыталась предложить в казенные работы всех трех баб, если же их опять «примать не будут, то всех трех баб свободить с запиской на волю», сказав им обычный указ о молчании.

Но отчего ж не принять даровых, хотя и сеченых работниц?

На предложение это мануфактур коллегия отвечала: «Бабы-де эти стары, а у нас мануфактурные все фабрики отданы на откуп куманейщикам, посадским людям, и те кумпанейщики оных баб за старостью не принимают для того, что работать эти бабы не могут, а кормить их кумпанейщикам от себя без работы не можно».

«А у нас, — отозвалась на промеморию адмиральтейс-коллегия, — прядильных дворов нет, а есть только парусная фабрика, но на те фабрики не токмо тех старых и притом пытаных баб, но и моложе их принимать не велено».

Этот приказ о приеме штрафованных женщин не распространялся на фабрики кумпанейщиков, но действительно они принимали только способных к работе... Вот, например, зайдем вслед за наблюдательным Берхгольцем в одну из обширнейших и богатейших в то время фабрик в Москве, купца-кумпанейщика Тамсена.

«Пред нами женское отделение, — рассказывает камер-юнкер, — здесь работают девушки, отданные на прядильню в наказание, лет на десять и более, а некоторые и навсегда; между ними было несколько с вырванными ноздрями. В первой комнате, где их сидело до тридцати из самых молодых и хорошеньких, было необыкновенно чисто. Все женщины, находившиеся там и ткавшие одна подле другой вдоль стен, были одеты одинаково и даже очень красиво, именно все они имели

белые юбки и белые камзолы, обшитые зелеными лентами. Замужние женщины были в шапках (сделанных у некоторых из золотой и серебряной парчи и обшитых галуном), а девушки-простоволосые, как обыкновенно ходят здешние простолюдинки, то есть с заплетенными косами и с повязкой из ленты или тесьмы. Между ними сидела одна девушка, которая служила семь лет в драгунах, и за то была отдана сюда. Она играла на балалайке... После этой музыки две девушки из самых младших, по приказанию Тамсена, должны были танцевать, прыгать и делать разные фигуры. Между прочим, он заставил их проплясать одну употребительную у здешних крестьян свадебную пляску, которая очень замысловата, но не отличается грацией, по причине непристойности движений. Сперва пляшут обе, следуя одна за другой и делая друг другу разные знаки лицом, головой, всем корпусом и руками; потом девушка жестами делает объяснение в любви парню, который, однако ж, не трогается этим, напротив, старается всячески избегать ее до тех пор, пока она, наконец, утомляется и перестает; тогда парень, со своей стороны, начинает ухаживать за девушкой и с большим трудом заставляет ее принять от него, в знак любви, носовой платок; после чего она во всю длину ложится на спину и закрывает себе лицо платком. Парень пляшет еще несколько времени вокруг лежащей, с разными смешными ужимками, прикидываясь очень влюбленным; то он как будто хочет поцеловать ее, то, казалось, даже приподнять ей юбку, — и все это среди пляски, не говоря ни слова. Но так как девушка, представлявшая парня, из стыда, не хотела докончить пляски, то Тамсен (из желания угодить его высочеству герцогу голштинскому, бывшему с посетителями) велел доплясать ее одному из своих мальчиков, лет девяти или десяти, который тотчас же очень охотно согласился на это. Проплясав, как и девушка, раза два вокруг лежавшей на полу, он вдруг вспрыгнул на нее и несколькими движениями, каких вовсе нельзя было ожидать от такого ребенка, довершил пляску»...

Таким образом, обойдя и осмотрев подобное кумпанейское заведение, легко было убедиться, что битым питанным и притом ветхим женщинам здесь решительно быть было неудобно; они здесь были бы только в тягость хозяину. Но, с другой стороны, опасно было и освободить, хотя бы и с записью о молчании, таких важных преступниц, каковы были Алена, Авдотья и Акулина, гражданки города Таврова. До этого опасения додумался Ушаков и додумался довольно

скоро: две недели спустя после ордера об освобождении женщин, послано уже было, за его подписью, новое определение Тайной канцелярии:

«Тавровских баб, — писал он к Казаринову, — по некоторому делу не свобождай, а ежели хотя и свободил, а сыскать в Москве можно, то их сыщи и держи под караулом, и о том рапортуй; а впредь ежели по делам государственным весьма важным будут являться женского пола, в тяжких винах, то о таковых, куда их отсылать предписывалось, отнестись в сенат с доношением; в монастыри по многим отсылкам таковых баб примать Синод не велит, в фабрики не примают, а освобождать, — рассуждал в своем ордере Андрей Иванович, — нельзя, ибо впредь от того в народе зловредие будет».

Таким образом, бабы задержаны были в Тайной канцелярии, а для корму пускали их, по обычаю, в мир, за караулом на связке¹; так продолжалось почти полтора года. В эти полтора года свершилось многое; главнейшее же событие состояло в том, что Петра I не стало: новое правительство, готовясь сечь и ссылать, в то же время делало вид, что желает освободить или, по крайней мере, облегчить судьбу многих штрафованных в прошедшее царствование... Этот обычай сменять наказанных да ссыльных кончившегося царствования новыми страдальцами и страдальцами, — обычай, служивший одной из ярких особенностей русской истории XVIII века, вступает в свои права именно со смерти Петра.

Облегчение распространено было и на тавровских преступниц: 26 февраля 1725 года, то есть на третий год по начале дела, вспомнили о них и сделали распоряжение: «Из дела, какая до них важность касается и что им за вины их учинено, и чего ради они под арестом долговременно содержатся, и куда их ныне послать, внести в Правительствующий Сенат».

Высшее правительственное место указало отправить их в монастырь на постриг и подвижничество. Тайная Канцелярия поспешила отнестись в Синод с требованием послушного указа о приеме в какой-либо

¹ Этот дешевый способ кормления арестантов был в силе даже до начала нынешнего столетия. Еще и теперь некоторые помнят, как в 1800 годах в главнейших городах России, например, в Ярославле и в других местах, целые процессии бритоголовых арестантов вытаскивались по улице на железном пруту и с ящиком для милостыни; вся связка голосила обычный, тем не менее жалостный, напев, в котором заключалась просьба милостыни. (1861 год).

монастырь всех трех баб тавровских. Но если Синод имел смелость воспротивиться этому определению еще при Петре, тем смелее он действовал (впрочем, мы говорим только об одном этом деле) при Екатерине I: Синод положительно ответил, что таковых подозрительных баб принимать в монастыри не велено...

Все три отказа привели к тому, что 29 апреля 1725 года всех трех подвижниц учения об антихристе, на четырех подводах, под конвоем гвардейского и двух гарнизонных солдат, с прогонами по рублю на человека от Москвы до места назначения, повезли в Пустоозеро.

Санкт-Петербург. 1860—1861 годы

II.

**САМУИЛ ВЫМОРКОВ,
ПРОПОВЕДНИК ЯВЛЕНИЯ АНТИХРИСТА
В 1722 — 1725 ГОДАХ**

I.

В начале прошлого столетия, в городе Тамбове, у церкви Успения Пресвятой Богородицы, служил дьячком Осип Выморков. Были у того дьячка дети; между ними рано стол выделяться своей охотой к книжному ученью сын Степан; взрастил его отец, обучил грамоте и всему церковному обиходу и определил, едва ли не на свое же место, дьячком Успенской церкви.

Пред молодым человеком лежала дорога торная, мирно пройденная отцом его: занимать свое место на клиросе приходской церкви, участвовать в совершении различных церковных треб, рано, как водилось и водится в духовном звании, жениться, обзавестись домком, и многие-многие годы, отчитав да отпев несчетное число обеден, всенощных бдений, молебнов и панихид, мирно опочить в ограде места своего служения. Молодого дьячка женили действительно рано; введя хозяйку в собственный домик свой, Степан скоро сделался отцом... Но, обзаведясь и домком, и семьей, молодой дьячок вовсе не был увлечен в суету мирскую и заботы житейские — нет, он весь погрузился в чтение книг, преимущественно религиозного характера, к которому с юных лет чувствовал необыкновенное влечение... Молодой человек одарен был натурой необыкновенно впечатлительной, страстной; ум его постоянно работал в разрешении тех или других сомнений, которые вызываемы в нем были явлениями современной, столь полной всевозможных тревог жизни. Пытливо доискивался он ответов на свои вопросы у лиц, окружавших его, и мучился новыми сомнениями, зарождавшимися в его пылкой голове... Читал он много и читал то, что только могло ему, скромному дьячку одной из церквей незначительного тогда провинциального города Тамбова¹, попадаться под руку: то были разные, без сомнения, рукописные летописные сборники; кроме того, книга Барония, переведенная с польского на славянский, из каковой книги, между прочим, как известно, делал свои выписки, в осуждение отца своего, злополучный царевич Алексей Петрович²; читал и на память знал Выморков множество

¹ Тамбов, или как называли его при Петре I и писали в бумагах Танбов, был в описываемое нами время провинциальным городом Воронежской губернии. Город был из новых, основан при царе Михаиле, имел 13 церквей, два монастыря и до 10 000 жителей обоего пола. Географический словарь Щекатова. М., 1808, ч. VI, стр. 62—64.

² Деяния церковные и гражданские, от Рожд. Господа нашего I.X. из летописаний кесаря Барония собранная, переведенная с польского языка на славянский, кроме явных с церковью

житий святых из Читей-Миней, сочинения Отцов церкви, и многие творения духовных писателей. У священников и монахов, родственников ему или просто знакомых, молодой дьячок пытливо выспрашивал, нет ли у них чего почитать, рылся у них в кельях, в чуланах и шкафах, и, добывая оттуда какую-нибудь книгу, прочитывал ее с особенным вниманием. Так, зачитывался он разными повестями об антихристе и о прочем, что попадалось в рукописных сборниках; не пропускал без внимания и книг гражданской печати; но особенно любезно было молодому дьячку чтение старопечатных книг: сборников, требников, между прочим, наизусть знал часто ссылался он на книгу Ефрема Сирина¹, на поучения Кирилла, и что вычитывал Выморков из них, то вполне соответствовало настроению его духа, возбужденному всем виденным и слышанным им о деяниях Петра... Дьячок Степан был одарен натурой далеко недюжинной; это был человек, прежде всего мысли и увлечения. Его голова постоянно работала, постоянно вдумывалась в смысл того, что он видел и слышал, и при возбужденном состоянии своего духа молодой человек не в силах был оставаться без дела: он жаждал осуществить свою мысль на деле и идти против того, что по его мнению, было зло... При других обстоятельствах, в другой сфере, в нем, быть может, вырос бы пылкий, способный, страстно преданный делу Петра I деятель; но из той среды, в которой возрос герой нашего рассказа, ему суждено было выйти ярким противником преобразователя и увеличить собой число лиц, от всей души ненавидевших петровскую реформу.

Для нас, однако, весьма интересно, в виду ознакомления с состоянием умов в эпоху преобразователя, проследить, под влиянием каких влияний сложилось враждебное настроение Степана Выморкова; вследствие сего мы и постараемся во всей подробности проследить образование Выморкова, как одного из врагов преобразований Императора Петра. Ближайшее знакомство с жизнью дает возможность довольно

православной восточной противностей римских, у Барония и Скарги обретающихся. М. in f^o., 1719 г., на церк.-сл. языке. Собственноручные выписки царевича Алексея Петровича из «Барониуша» см. в изд. Погодина: «Царевич Алексей Петрович по свидетельствам, вновь открытым». 1861 г., стр. 144—163.

¹ Книга сия богоугодных трудов Преподобного Отца нашего Ефрема Сирина: к ней же и вновь преведошася с греческих харатейных книг учителная его и вразумительная словеса, к монашескому и мирскому состоянию во изрядную ползу и спасение... М. 1701, церк. печ., in f^o. Из этого издания поучения Ефрема Сирина выдержали у нас несколько изданий, из них первое было в Москве в 1647 году.

живо воспроизвести тот образ мысли о делах Петра I, какой особенно отличал в то время население юго-восточной части нашего отечества¹. В самом деле, в первой четверти XVIII века на всем обширном пространстве между Тамбовом, Воронежем, затем по всему Дону и влево от него до Каспия, мы встречаем монахов, лиц белого духовенства, казаков, наконец, людей торговых и простолюдинов, как мужчин, так и женщин, почти поголовно с ужасом и негодованием взиравших на деяния Петра. Крутые меры его против монастырей и черного духовенства, кровавые преследования старообрядцев, заточение первой жены, царицы Авдотьи, осуждение сына, пристрастие к иноземцам — вот те главнейшие стороны петровского царствования, которые вызывали особенно упорное и злое осуждение со стороны тогдашнего населения России вообще и юго-восточного угла ее в особенности.

Этот угол, как известно, издавна питал в себе элементы, враждебные правительству: здесь не раз подымалось кровавое знамя вооруженного восстания, здесь почти на глазах Выморкова по синим волнам Дона плыли плоты с виселицами, на которых болтались трупы более двухсот повешенных сподвижников смелого Булавина²; сюда, в этот привольный край, несмотря на все меры правительства, стекались со всех сторон России беглецы от всех новых порядков; в придонских станицах издавна гнезился раскол, наконец, в монастырях этого края питался, несмотря на весь бдительный надзор новопоставленных над обителями честных отцов-инквизиторов, дух особенного недовольства всеми распоряжениями Петра I. Этот дух был общий всем обитателям святых пустынь, начиная с их игуменов и кончая послушниками и монастырскими служками... Мог ли не увлечься той же ненавистью к преобразователю и наш книжник, при его увлекающейся впечатлительной натуре, при его «чуткости к высшим вопросам жизни и способности не удовлетворяться одним разглагольствованием о них».

1722 год застал Степана за его мирными занятиями по должности дьячка. Попы Андрей Федоров и Дмитрий, священники Успенской церкви в г. Тамбове, были расположены к своему дьячку и не раз, как видно,

¹ Коротенькая заметка о Самуиле Выморкове была помещена С. Соловьевым в «Православном Обозрении» 1860 г. №7, стр. 332.

² См. Рассказы из русской истории С. Соловьева: 1) Сто свадеб в Астрахани. 2) Булавин. 3) Мазепа «Русск. Вестн.» 1860 г. №15, и История России — его же, т. XV, М., 1865 г., стр. 264, 265 и др.

пускались с ним в рассуждения по поводу разных вопросов, занимавших время от времени молодого человека, но он еще жил «без сумнительств» как по поводу религии, так и относительно деяний и личности Петра I. Ревность же к православию со стороны Выморкова и к обрядам церкви была в нем в то время очень сильна; так, он усердно «заставлял левостных» людей к хождению в церковь, и однажды ревность к православию увлекла его даже к доносу на одного из попов своей церкви, будто бы снисходительно отнесшегося к одной женщине, позволившей себе «блевать в народе на святую церковь, на тайны, на святые иконы и на священный чин».

То же блюение чистоты религии и всего священного стало скоро вызывать со стороны Выморкова разные «сумнительства»: не посягают ли на чистоту религии, на этот раз, уже не какая-нибудь полоумная девушка, а самые власти предержажшие? А на те сумнительства навел его некий старец, монах Савва. Старец тот служил в Тамбове сначала при часовне, а потом, как часовни лишние были по указу Петра закрыты, Савва поселился в том же городе в казанском монастыре. Вероятно, строго подвижническая жизнь Саввы привлекла к нему Выморкова, и молодой дьячок любил беседовать с отшельником.

— Прочел я в книге Ефремовой повесть об антихристе, — сообщил однажды Степан своему приятелю старцу.

— А где он, антихрист, будет? — спросил старец.

— Знатно, что в Иерусалиме, — отвечал Степан.

— Нет, тот антихрист, что ныне в Москве, что царем прозывается; для того, что в Москве было благочестие, а ныне отпало, как Ирим (как и Рим?), да и потому он — антихрист, что владеет сам один и патриарха нет, а то его печать, что борода бреют и у драгунов роскаты.

— Они и погибнут так! — воскликнул Степан.

— Иные за простоту свою, — был ответ старца, — и не погибнут...

Этот разговор поверг молодого человека в ужас. Он поверил от всей души, что над отечеством его властвует антихрист, что слуги царские — слуги антихристовы, что встречаемые им всюду лица с выбритыми бородами все носят на себе печать антихристову. И всюду-то эти люди ходят, и в церкви они бывают, и тем церковь, как слуги антихристовы, сквернят. И тяжело задумался дьячок: куда бежать от тех слуг антихристовых? Наступил, между тем, рождественский пост в том же 1722 году. Выморков, весь погруженный в думу о слышанном им от Саввы, перечитывает

Апокалипсис, перечитывает другие старопечатные книги, спадает в разные сомнения, повторяет их старцу Савве, тот по-своему их разъясняет, говорит ему, между прочим, об уничтожении Петром патриаршества, и все то в противном государю духе. Сердце молодого человека от всех тех речей все более и более ожесточается; читает он старопечатный требник и к ужасу своему находит, что в нем «о брадобритии пишут в отрицание приходящим в православную веру». Сочинение Ефрема Сирина, между прочим, было особенно любимой книгой Степана; вдруг обнародывается распоряжение Синода о том, чтобы вместо прежнего чтения по церквам в великий пост книг Ефрема Сирина, Соборника и прочих книг, читать новопечатный букварь с толкованием заповедей Божьих.¹ Изгнание, таким образом, издревле установленного чтения и замена его чтением букваря должно было весьма поразить многих, дать пищу неприязненным правительству толкам и повергнуть в немалое «сумнительство» и нашего подвижника церкви. Более и более стал он погружать в думу, что такие действия не могут идти ни от кого, как от слуг антихристовых; брадобрейцов он уже видеть равнодушно не мог, и, избегая их встречи, упорно не ходил в церковь. Последнее обстоятельство не могло не поразить его жену.

— Что ты делаешь? — спрашивала она своего мужа, — почему не ходишь в церковь? Я с раскольников жить не хочу!

Мнимому раскольникову, казалось, легче было оставить жену, впрочем, им, как видно из последующих его действий, нежно любимую, нежели отступить от своего решения не ходить в церковь, где он встречал слуг антихристовых. И он не задумался написать жене распускное, противное письмо в такой силе: «Я, Степан, Осипов сын, Выморков, отпускаю жену свою на волю, как похощет, хотя и замуж пойдет, я не искаатель, а я хочу так жить, а свидетель тому всему всевидящее око».

Жена взяла то письмо, сказала мужу, что отнесла его к отцу духовному, и не стала разделять со Степаном брачного ложа.

Выморков спешил найти утешение в книгах; стал он зачитываться известной книгой Кирилла об антихристе и знаках его (М. 1644 г.)²,

¹ Новый букварь издан был в 1720 году в Петербурге под заглавием: «Первое учение отроком, в ней же буквы и слоги; таже: краткое толкование законного десятословия, молитвы господней, символа веры и девяти блаженств». Любопытные сведения как об этой книге, так и по поводу введения ее во всеобщее употребление при Петре, см. в исследовании Печкарского, т. I, стр. 178—181 и 501.

² См.: «О там называемой Кирилловой книге», рассуждение А. Лилова. Казань, 1858 г.

■ введенный ею в новое сомнение, вновь перестал ходить в церковь. А нашел он в той книге такое выражение: «Во имя Симона Петра имеет бытии гордый князь мира сего антихрист». Такое предсказание для него, уже «смятенного духом и уstraшенного в своей совести», казалось прямым указанием, что царствие антихриста, в лице государя Петра I, уже осуществилось, и вот Выморков свое убеждение сообщает дьячку другой тамбовской церкви, Елисею Петрову. Тот не только, как видно, согласился со Степаном, но еще сообщил ему новый повод к его «совестному уstraшению», передав слух о том, будто «скоро начнут служить на пресноках».

Степан объявляет свое учение казаку Старкову. И тот, согласившись со Степаном, в свою очередь, сообщает ему слух о том, что «немного-де жить свету, в пол-пол-осьмой тысяче конец будет!».

Степан передает этот толк высокочтимому им старцу Савве, и отвечал тот Савва:

— Нет, и того не достанет! — (то есть преставленье света еще скорей того наступит, нежели как предполагает то полковой казак Старков).

В виду столь скорого конца света, чтоб не пострадать напрасно, Степан вновь не захотел ходить в церковь молиться с прочими слугами антихристовыми. И мать, и жена, дивясь тому нехождению, неоднократно его спрашивали:

— Для чего ж ты в церковь не ходишь? Других людей заставлял, а ныне сам не ходишь?

— Не хочу ходить, — отвечал дьячок, — не хочу Бога молить за антихриста, что ныне Императором прозывается, и за слуг его.

Жена, имея распускное письмо от мужа, только дивилась его поведению, но бедная мать не могла смотреть на своего Степу спокойно и спешила обратиться с сетованиями на его поведение к разным людям. Так, ходила она к тамбовскому протопопу Тихону, жаловалась на нехождение Степана в церковь, но протопоп сказал только:

— Безделует-де сын твой! — и никакой затем нагонки безделующему не учинил. Мать стала советоваться с монахиней Киликеей...

— Напрасно не ходит твой сын в церковь, — отвечала на жалобы старухи монахиня Киликея, — и с чего то нехождение?

— А ради того не ходит Степан в церковь, что бороды бреют...

— Кто бороды бреет, тому и грех, — не совсем успокоительно для старухи отвечала Киликея, — а все-таки благочестие еще есть — потому

на пяти просвирах служат, а как станут на опресноках служить, и мы отречемся, в церковь не будем ходить.

В то время, когда старуха мать тоскует и плачется на неблагочестие своего сына, молодой человек, осаждаемый тяжелыми думами об антихристе, вспомнил, что в Тамбовском уезде, в себе Тотокове, у знакомого ему попа Ивана есть старопечатный требник. «Дай, посмотрю в нем, что-де там об антихристе сказано», — думает Выморков и спешит к отцу Ивану. Случилось на его беду так, что во время прихода его к отцу Ивану приехали пристава из Переяславля-Рязанского; развозили те пристава попам присяги и увещанья.¹ Стал читать Выморков увещанье и вдруг остановился на том месте, где «в похвалу и честь» государя писано так: «Имети бы яко главы своя и отца отечества, и Христа Господня!». С ужасом вспомнил молодой человек, что в Кирилловой старопечатной книге именно сказано: «Антихрист — ложно Христом прозовется!». «И так сбылось уже и это пророчество, — стал думать Выморков, — антихрист, воссевший на царский престол, стал уж именоваться Христом».

— Смотри, читай эту книгу Кириллову, — говорил вскоре после этого Степан дьячку Вознесенского девичьего монастыря, — тут имя написано антихристово, — и передал ему все слышанное от Саввы²:

— Примет и то, — продолжал Степан, — бывало, молят Бога за царя Петра Алексеевича, а ныне стали молиться за Императора Петра Великого, отечество ж уже не поминается.³

¹ Вероятно здесь надо разуметь: «Устав о наследии престола», обнародованный 5 февраля 1722 года (См. П. С. З., т. VI, № 3,893), по поводу которого требовалось «клятвенное обещание» от всех подданных в признании ими того наследником престола, которого изберет сам государь; или те «Присяги», которые разосланы были в 1722 году всем священникам, при указе 17 мая (т. VI, №4,012), «о объявлении священниками открытых им на исповеди преднамеренных злодейств...» Под словом же увещание, без сомнения, разумеется то увещание Синода к раскольникам, которое было издано в том же 1722 году, января 27-го. П. С. З., т. VI, № 3,891.

² Монах Савва около этого времени скончался.

³ См. в П. С. З., т. VI, № 3,882 Синодский указ 18 января 1721 года о возношении высочайших имен при церковнослужениях по данным формам... и те формы указано было: священнослужителям твердить со всяким прилежанием... и чтоб какого противного и неусмотрительного произношения не было, но весьма опасно и речивисто, так было произношено, как во оных формах напечатано, и не точию изъяснение речений, но и просодии, то есть гласного ударения употребление и строчное препинание, без погрешности наблюдалось, под страхом жестокого штрафования... В форме возгласения многолетия, между прочим, значилось... «венчанному и превознесенному, отцу отечества, Петру Великому, Императору» и т. д.

Степан не скрывал терзавших его сомнений ни от кого из знакомых, тем более не решился от скрыть их от отца своего духовного, Архангельской церкви попа Ивана Афанасьева. Не рассеет ли их отец духовный? Нет! Отец Иван еще отягчил тревожное состояние Выморкова рассказом: «Вот, как мы бывали на Воронеже в певчих и певали пред государем и при компании (то есть его свите) проклинали изменников, и дошел разговор до Талицкого, и государь в то число говорил: «О, вор Талицкий! Уж и я антихрист пред тобою!» — к чему ж то государь говорил, — заключил священник, — Бог знает».¹

Рассказ попа Афанасьева не рассеял недоумений дьячка Степана, к его сомнениям приложил поп только новое сомнение. И нигде-то он не встретил кого-либо, кто бы ему положительно и ясно доказал всю нелепость его убеждений. Напротив, всюду он слышит подтверждение своей дикой мысли. Степан стал подумывать, не обратиться ли к старообрядцам за разрешением своих сомнений, и стал он спрашивать предварительно у знакомого уже нам протопопа Тихона о существе разницы крестного знамения первыми тремя перстами и одним первым большим с двумя последними, которое из сих сложений рук более истинно?

— Как хочешь крестись, — равнодушно отвечал отец Тихон, — я крещусь и так, и сяк, в том силы нет, хоть и кулаком крестись.

— Ну, а что-то за слово «Император»? — допрашивал Степан.

— Знатно, что больше царя, — отвечал протопоп.

Возрастающие толки о том, что скоро повелят служить на опресноках, что скоро и монастыри не будут сметь принимать к себе новый сподвижников, до того уstraшили Степана, что он решил постричься в монахи.

— Антихрист скоро велит служить на опресноках, — сказал Степан своим домашним, сидя на Рождество 1722 года за обедом, — а я не стану того ждать, я уйду в монастырь.

— Не спеши постригаться, — останавливала его старица Киликья, которой он также сообщил свое решение, — не спеши, жена у тебя есть.

— Да уж указы пришли, чтоб не постригать новых монахов, я и потороплюсь, пока указ не исполнен, — возражал Степан, — да и монах Савва сказывал мне, что в мире у нас царствует антихрист.

¹ Имена Талицкого, Левина и некоторых других раскольников долго и долго вспоминались одними как имена людей, вынесших жесточайшие истязания за правоверие, другие — как самых злых и дерзких поносителей государя Петра I. См., между прочим, дело Феофана Прокоповича в Чт. Общ. Истор. и Древн. 1862 г.; П. С. З., т. VI, №3, 891; Пекаровский: Наука и Лит. при Петре Вел., т. II, стр. 80—82, и проч.

— Врет он, — спорила Киликея, — антихрист женат не будет...

— Ведь я сам присмотрел в Кирилловой старопечатной книге, — стоял на своем дьячок, — что во имя Симона-Петра имать сести гордый князь, мира сего антихрист...

— Нет, не он — это наш государь... А читала я в книге, — продолжала Киликея, — что первое гонение будет от антихриста на монахов, монастыри опустошены и огнем пожжены будут...

— Однако ж, я постригусь; когда что будет, тогда и в горы уйду...

Стал обходить Выморков своих знакомых, причем извещал их о своем решении постричься; зашел, между прочим, он к посадскому человеку, жителю Тамбова, Котову. В беседе с женой его, Анной Обросимовой, сообщил Степан и ей свое ученье.

— Да вот и я скажу на то, — заметила Анна, — жила я в городе Шуе, и случилось сроднику моему быть в городе Суздале, куда сослана царица, и она говаривала людям, а в том числе и сродники мои слышали: «Держите веру христианскую, это не мой царь, иной вышел». А и насчет крестного знамения та ж Анна Котова пояснила, что ей довелось слышать от попа или протопопа, а именно не упомнит, что в слагании первых трех перстов сидит сам сатана...

И услышав отречение заточенной царицы от своего мужа, Степан с обычным своим простодушием вполне поверил рассказу об этом событии и наипаче в сумнении своем об антихристе укрепился. Да и как не укрепиться, мыслил дьячок, когда и у Григория Назианзина в конце его книги сказано: «Внезапну привосстанет и провознесется и возлищемерствует благостыню!». В страхе, что-де все равно при державе антихриста жить долго не доведется Степан Выморков порешил окончательно уйти от зла и сотворить благо, то есть постричься в монахи.

II

Чтоб поступить в монахи, как можно видеть из указов того времени,¹ надо было преодолеть немало трудностей. Правда, знаменитое «Прибавление к Дух. Регламенту, о правилах причта церковного и чина

¹ П. С. З., т. III, №№ 1612 п. 16 и 17, 1629; т. IV, №№ 1834, 1839, 1856, 1886, 2394; т. V, №№ 2985 и 3, 3712; т. VI, №№ 3718, 3888, 3910, 3912, 3961 — 65, 3975, 4012, 4015 и др.

монашеского», прибавление, сделавшее крайне трудным, почти невозможным, поступление в монахи, не было еще получено в Воронежской губернии, но уже и без сего «Прибавления» предстояло, при поступлении в монашество, много разных формальностей... Выморков, однако, не убоился их; он решился постричься в Трегуляевом Предтечевом монастыре, находящемся в восьми верстах от города Тамбова. Игумен Иосаф, к которому он обратился с просьбой постричь его в монахи, знал Степана за человека к церкви подвижного, в молитве не леностного, и пенью на клиросе удобного, притом же изрядного начетчика. Поэтому Иосаф и спешил утвердить Степана в его намерении покинуть свет, и надоумил, что он должен был для этого сделать. Согласно наставлению отца-игумена, так и всю честную братию монашествующую принять его в свою среду; затем Степан подал письменное о том прошение. Игумен, иеромонахи и иеродиаконь положили, как того требовали указы того времени, письменную резолюцию на том прошении, что они согласны принять в свою среду просителя. Но Степан был женат; современные же постановления, обнародованные правительством, требовали, чтоб жена желающего постричься дала от себя «ропускное письмо». Сам игумен взялся то дело уладить, отправился к жене Степана и убедил ее дать означенное письмо. В письме молодая женщина заявляла, что муж ее желает постричься, что препятствий к тому с ее стороны не имеется и что о расстрижении его нигде она бить челом не станет. Письмо должно было быть засвидетельствовано отцом духовным, Иосаф устроил это: наш прежний знакомый, отец Дмитрий, скрепил то письмо своей подписью. Выполняя требуемые формальности, игумен Иосаф, спустя несколько времени, опросил мать и жену Выморкова при посторонних свидетелях, дано ли то письмо ропускное добровольно и действительно ли отец Дмитрий, по их просьбе, скрепил то письмо своей подписью? Обе женщины отвечали утвердительно, и жена Степана, при игумене, для уверения, протянула руку попу Дмитрию.

— Аще ныне не пострижется муж твой, — говорил молодой женщине Иосаф, — век монахом не будет, потому уж теперь, по указу, составляется перепись монахов, и когда составится реестр и учинится табель всем им, тогда постригать никого не доведется...¹ — А ты, — продолжал

¹ В январе 1723 года по всем монастырям, вследствие Синодского указа, составлялись реестры всем находящимся в монастырях монахам, с указанием: сословий, из каких они

он, обращаясь к жене будущего монаха, — выходи вновь замуж, за кого похочешь

— Коли так, я пойду замуж, — сказала та Выморкову.

— Нет, не ходи, — молвил тот, мысленно решившись, однако, скорее видеть жену свою за другим, нежели вернуться в свет.

Таким образом, Степан Выморков покончил все свои отношения к семье, и вскоре, по исполнении над ним обычной церемонии, в братию Предтечева-Трегуляева монастыря поступил новый брат Самуил.

III

Трегуляев монастырь в то время принадлежал к числу довольно богатых монастырей, за ним немало было деревень, земли и всяких угодий. В монастыре была многочисленная братия и новый брат скоро встретил в ее среде нескольких лиц, которым доверчиво предал свои убеждения относительно появления на свет антихриста; доверие с его стороны к некоторым из монахов тем скорее было вызвано, что они вполне разделяли убеждения Самуила и гораздо прежде его остановились на той мысли, что в Петербурге давным-давно сидит антихрист. Один же из братии, монах Филарет, рассказал Самуилу по поводу толков о том, кто таков Император Петр, следующую, ходившую в то время в народе, легенду.

— Над нами царствует ныне, — говорил Филарет, — не наш государь Петр Алексеевич, но Лефортов сын. Блаженной памяти государь-царь Алексей Михайлович говорил жене своей, царице: «Ежели сына не родишь, то учиню тебе некоторое озлобление». И она, государыня, родила дочь, а Лефорт — сына, а за помянутым страхом, тайне от царя, разменялись — и тот, Лефортов сын и ныне царствует!¹

поступили в монастырь, сколько имеют лет от рождения и как долго находятся в монастыре, в той или в другой обители приняли пострижение, какие имеют дела послушания, какому искусны рукоделию и т. п. Перепись та скреплялась монастырскими властями.

¹ С. М. Соловьев приводит в XV томе своего труда народные толки о Петре I и его преобразованиях и из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии выписывает несколько бродивших в народе легенд о происхождении Петра I (М., 1865 г., стр. 126—135 и др.). Таким образом, составитель «Истории России с древнейших времен» признал справедливость давно уже и несколько раз высказанной нами мысли о том, что, при изложении деяний Петра I историк не имеет ни малейшего права обходить молчание того говора, тех суждений

Такие рассказы не могли, разумеется, рассеять заблуждений молодого монаха; напротив, более и более коснел он в них, и креститься стал по старопечатным книгам, что, как кажется, не производило смущения в честной обители. Только иеромонах Никодим, инквизитор Мигулинского Троицкого на Дону монастыря, дядя родной Самуила, зайдя его проведать, заметил племяннику: «Крестись ты первыми тремя перстами, ведь и греки тако ж крестятся»... Тот повел с своей стороны речь об антихристе, что-де царствует он над ними...

— Нет, — успокаивал его Никодим, — то не антихрист, разве — предтеча его... И это говорил инквизитор, то есть лицо должностное, облеченное большой властью над монахами, и обязанное о всяком противном слове доносить властям предержащим!

Племянник не успокоился, не поверил дяде, и, пропагандируя в среде молодых братий честной обители учение об антихристе, скоро нашел себе в молодом монахе Степане ревностного последователя. Степан был увлечен речами Самуила, те речи проникнуты были самым искренним убеждением, и поверил он своему сотоварищу во всем, и стал креститься большим перстом с двумя последними, и во всех, неразделяющих его и учителя его убеждений, стал видеть не кого другого, как слуг антихристовых. В другом монахе, Павле, Самуил скоро приобрел другого не менее ревностного последователя своего учения.

В апреле месяце 1723 года всю братию трегуляевской обители вместе с игуменом по какому-то важному делу вызвали в Воронеж, где в нагорном суде снимали с них допросы. Самуил имел в Воронеже родных, у которых и проводил свои досуги, не оставляя пропаганды своего учения.

— Бог то знает, антихрист ли он, Император-то Петр, — заметила однажды Самуилу одна из его собеседниц, Федосья Осипова, — потому, жила я в Нижнем, а про то не слышала, а говорят в Нижнем, что ныне новая вера, а старую веру покинули и архиерей Нижегородский, Питирим, сам был в старой вере, да переложился, и мучить тех, кто крестится одним большим перстом с двумя последними...

— Я и в книге то присмотрел, — заметил на это Самуил, — это так...

и рассказней, с которыми встречали народные массы реформы Петра Великого. Печатаемая некоторые из розыскных дел Тайной канцелярии в разных журналах 1860—1862 годов, мы постоянно указывали на то значение, какое должен иметь этот важный материал для истории эпохи преобразования, и теперь от души радуемся, что и С.М. Соловьев не преминул воспользоваться этим материалом.

— Вот его, — продолжала Федосья, — его, Питирима, нижегородцы точно называют антихристом.¹ А сама я слагаю руку по старопечатным книгам, потому так велют креститься священники в Нижнем.

Вскоре после того Самуил составил и своеручно написал в тайне «хулительное письмо»; то было нечто в роде воззвания к священным чинам о том, что они повинуются не государю, исполняют волю не законного монарха, а антихриста. Письмо то Самуил сохранял у себя и, как кажется, никому не читал, выжидая только удобного случая его подбросить кому-нибудь так, чтобы оно «до священного чина дошло». Случай этот представился в день выхода из Воронежа. Самуил подкинул то письмо, безвестно от своих сотоварищей-монахов, во двор одному из жителей города Воронежа. Дошла ль та грамотка «до священного чина» и какая судьба ее постигла — неизвестно. Между тем, на пути из Воронежа в Тамбовский уезд Самуил в церковь где ходил, где нет, крестился противу старопечатных книг, и не надеялся обрести в молитве, в церквях никакого для себя спасения. Перечитывая в это же время книгу Стефана Яворского об антихристе, он нимало ей не верил и стоял на том, что книгу сочинил пресвященный только с единственной целью угодить ему, антихристу.²

А тут, на беду Самуила, встретился ему в селе Избердей боярский сын Захар Лежнев; новый знакомый стал разъяснять Выморкову, куда делся настоящий государь:

¹ Питирим, архиепископ Нижегородский и Алатырский с 1719 по 1738 год, род. около 1665 года, ум. в 1738 году. Питирим известен как самый рьяный гонитель раскола и как автор нескольких полемических против раскола сочинений; этот человек был весьма замечателен умом, силой воли, необыкновенной ревностью к православию и необычайным для своего времени бескорыстием. Император Петр деяния Питирима в защиту православия противу раскола называл «подвигами равноапостольским». Весьма обстоятельная биография Питирима помещена архимандритом Макарием в его «Истории Нижегородской иерархии». СПб, 1857 г., стр. 32—103.

² Знамения пришествия антихристова и кончины века... М. 1703 г. Церк. печ., в 8 д. Соч. Стефана Яворского имело после того несколько изданий. Самый выход этой книги в первые же годы царствования Петра I красноречиво свидетельствует, до какой степени сильно было распространено в народе учение об антихристе. Правительство вынуждено было не только скасовывать проповедников того учения, но и обращаться к вразумлению масс народных в особо составленном с этой целью сочинении. Об означенном творении Стефана Яворского см. у Пекарского, т. II., стр. 77—80. Перечень сочинений раскольников об антихристе см. в изд. «Каталог или библиотека староверческой церкви, собр. тцанием Павла Любопытного», в СПб. 1829 г., изд. В. И. Касаткина. М. 1861 г. №№ 10, 147, 187, 219, 274, 288, 302, 325, 350, 351, 364, 395, 401, 487, 580, 598; другое изд. труда Павла Любопытного по другому списку и без всяких переделок со стороны издателя см. в «Чтениях Общ. Ист.» 1863 г., кн. I, стр. 119—178.

— Наш государь, — толковал Лежнев, — пошел в Стек-холм, а там его посадили в заточение, а этот, что ныне царствует, не наш государь, царь Петр Алексеевич, иной...

«Кто ж иной, как ни сам антихрист!» — думал Самуил, и вместе с единомышленником своим, монахом Павлом, стал гласно разъяснять жителям села Избердей, кто таков, по их твердому убеждению, царь Петр Алексеевич.

Речи произвели свое действие: крестьяне поверили. Встретился на дороге дьякон. Самуил тотчас сообщает и ему свое учение.

Пришли в свой монастырь. Здесь Самуила ждал новый тяжкий удар. Получен был «Духовный Регламент».¹ Случилось так, что инквизитор тамбовских монастырей Александр велел именно монаху Самуилу читать братии присланный «Регламент», читать во время трапезного ядения...

Самуил Выморков по окончании чтения дошел до такого исступления, как сам потом рассказывал, что готов был бросить «Регламент» на пол и тут же, в трапезной, пред лицом всей братии, потоптать его ногами. Только присутствие грозного «инквизитора» удержало его от поступка безумного. Но зато после трапезы и чтения Самуил поспешил излить свои чувства и думы другу своему Степану:

— Вот помнится мне, — говорил Самуил, — в Кирилловой книге именно написано, что антихрист все заповеди Святых Апостолов и Святых Отцов сокрушит, и своих заповеданий заповест держати, и вот то его заповедания... и то к тому стало, как прочь отвести от монашества... бежим из монастыря в пустыню!

— Я в твоём мнении тебе помощник, — с полной доверенностью к учителю отвечал Степан, и они оба положили покинуть навсегда монастырь, ограда которого не могла укрыть их от ненавистных им заповеданий антихриста.

Бегство решено. Степан, под предлогом работы, ушел в одно из подмонастырских сел. Самуил, между тем, великое свое страшное сомнение и причину своего бегства спешил изъяснить в письменном воззвании к братии.

¹ Об изданиях «Духовного Регламента» см. у Пекарского, т. II, стр. 520—526, 543—545; П. С. З. т. VI, № 4022. Духовный Регламент с его прибавлением республикован, то есть разослан был по епархиям гораздо позже его составления и напечатания. В Тамбове, например, означенный Регламент был получен в мае 1723 года.

«Уведал я, — писал Самуил на полулисте «средним письмом», запершись в своей келье, — уведал я от светлых писаний, что попущением Божьим принял область антихрист прельстити весь мир, зане умножится нечестие везде и повсюду злая содевается»... Приведя затем несколько мест из повести в книге Ефремовой об антихристе и слова писания «егда же узрите мерзость запустения, стоящую на месте святе, тогда сущи во Иудеи да бежать на горы», Самуил разъяснял, что и он бежит по слову тому в пустыню, затем вменял «печати антихристовой быть брдобритие» и много и долго еще писал, а все о том же возросшем в лице Императора Петра антихристе; воззвание заканчивалось словами: «Се Аз с вами есмь до скончания века, аминь».

IV

Самуил поспешил с воззванием к другу и ученику своему Степану, в подмонастырскую вотчину. Там они вместе прочли «письма», потом ушли в монастырский пчельник, где их ждал знакомый наш монах Павел, и тут же друзья нашли двух других монахов из своего монастыря. Кириона и Марка; первый был стар и глух, второй безграмотен. Воззвание было передано Павлу, и он вслух прочел его всем предстоящим... Содержание его вызвало большие толки и рассуждения между тремя друзьями; долго советовались они, между прочим, о том, как и когда уйти в горы. Необходимость бегства была признана.

— Я теперь, — говорил Павел, — как на ножевом острие, на которую сторону свалюсь, в ту и пойду...

— Бог знает, — говорили между тем прочие собеседники, отцы честные Кириан и Марк, — а мы токмо знаем, что «Господи, помилуй!».

Молодой монах Степан, сильно возбужденный воззванием Самуила и твердо решившийся бежать, душой болели, что его родные в Шацке живут и гибнут в слепоте,¹ в неведении, что над ними властвует враг Христов. Юноша молил своего учителя написать в Шацк послание, посветить неведущих. Учитель охотно согласился и писал к родным Степана несколько писем, в которых разъяснял им о подлинном крестном

¹ Шатск или Шацк, с 1779 г. уездный город Тамбовской губернии, в 158 верстах от Тамбова. В описываемое нами время, Шацк был провинциальным городом Воронежской губернии, см. Щекатова, т. VI, стр. 216—220.

знамени против старопечатных книг и о прочем, то есть об остережении от антихриста. Письма, однако, не дошли по своему назначению; люди, которым молодые приятели вручили их для доставки в Шацк, «присмотрели, что письма те были безголовные», и их изодрали.

По написании тех писем отправился Самуил в город: зашел на степи во двор тамбоского Казанского монастыря, започивал здесь и не упустил случай к пропаганде. Разговор длился у него с одним монахом долго; слушатель со своей стороны приводил свидетельства о рождении врага Христова. Подошел к собеседникам иеродиакон Изосима, он незадолго пред тем был в Москве.

— Ну, как имеется в Москве, — начал Самуил расспрашивать приезжего, — как ходят там старообрядцы?

— Ходят в бородах и с козырями, — отвечал Изосима, — и носят особое платье, а другим запрещено указом бороды носить, и платье носят немецкое; раскольникам же приказано надзирать у ворот и на кабаках у всяких сборов...¹

— Для чего книгу Ефремову и Соборник отставили?²

— Прислан указ, в чем (то есть в чтении его и исполнении) подписались игумены...

— Теперича, — перебил Самуил, — стало сущее неверствие, знатно им, Императору да Синоду, Ефрем отпишет в противность... Он — не царь-от, Петр, он антихрист! Сущую правду старообрядцы говорят, что нашего государя нет, он в полону, а этот иной... Вон и царицу оставил, а другую поял... Надобно за то, что отставлены книги Ефремова и Соборник, умереть!

— Что тебе действовать, — отвечал иеродиакон, — не надобно умирать, пропадешь душой и телом... А что точно чтение книги Ефрема и Соборника по церквам отставлены, часовни ломают, оклады образов поодрали... и хотя не антихрист он, Император-то, потому и в писании сказано: «Несть и не бывало еще на земли его, антихриста».

Пришел Самуил на утро в Тамбов, вошел в дом свой и объявил родным жене: «Не хочу быть монахом у отступников, хочу дома жить, да в церковь не ходить и носить платье старообрядцев, и оклад готов платить за это».

¹ См. указ Петра I о раскольниках в П. С. З., т. IV, № 2015; т. V, № 2874; т. VI, №№ 3914, 4034, 4041, 4121; т. VII, №№ 4245, 4256, 4596 и проч.

² «Соборник си есть собрание слов нравоучительных и пр.» изд. 2; печ. в 1642, 1647 и 1700 гг.

Пришли пристава от инквизитора, арестовали Выморкова и привели в Казанский монастырь. Инквизитор вместе с игуменом Измаилом встретили арестанта на крыльце игуменской кельи. Взглянул на них Самуил, вспомнил, что эти самые начальные люди подписались под указом о нечитании книг Ефремовой и Собоника, и не пошел под благословение.

— Для чего ты под благословение не идешь? — закричал инквизитор.

— А для чего вы, — отвечал, помолчав, Самуил, обращаясь к игумену, — для чего подписываетесь в нечитании книг?

— Не мы первые, — отвечал тот, — и архиереи вначале подписались...

— Надо ли его отстегать плетьюми, — говорил инквизитор, — за то, что под благословение не идет? Пошлите сюда приставов с плетьюми...

— В духовном регламенте, — говорил между тем игумену Самуил, — в регламенте написано: проклят, кто жену покинул; я хотел было себе спасение достигнуть — постригся, а ныне по (той) клятве (регламенту) не хочу монахом быть, а хочу с женой жить...

— Ну, и скинь монашество, — насмешливо отвечал игумен.

Самуил снял камилавку и положил ее на крыльцо... «Постригся я у отступников, — думал он про себя, — и то пострижение теперь отложу, уйду в пустыню к монахам в горы и там вновь постригусь»...

— Вот и дьякон стал, — хохотал игумен, — дурак ты, дурак, в регламенте написано: кто ныне покинет жену, тот проклят, а ведь ты уже монах! Не бойся клятвы!...

Взял Самуил камилавку, надел ее и перекрестился по армейскому слаганию...

— Уж (ничего не поделаешь), умру в монахах.

Подошли пристава с плетьюми и началось битье нещадное...

Высеченного сдали под караул в духовный приказ, оттуда на утро перевели в Казанский же монастырь в хлебню. Вчерашнее наказание было сильное — бедняк стонал.

— Что покряхтываешь? — спросил его иеродиакон Изосима.

— Бит плетьюми за укорение игумена и инквизитора в подписании о нечитании книги Ефремовой.

— Не надобно было тебе укорять...

— Дух бодр, а плоть немощна.

Не был, однако, в избитом теле и дух бодр; несчастный продолжал терзаться своими обычными тяжкими сомнениями и, не видя исхода из

них, решился уморить себя голодом... Дня с два пролежал он в монастырской бане без пищи, в чаянии замучиться, наконец, плоть одолела над духом, и Самуил вкусил монастырского брашна и питания...

Из Трегулявского монастыря явился за ним от Иосафа посланный. Самуила посадили, по приказу инквизитора, на цепь. Несчастный сидел на цепи много дней и сильно тосковал о том, что ему не удалось убежать из сетей антихристовых. И от «великой своей ревности против антихриста и сумнительного страха» стал Самуил кричать злые слова в хулу и поношение Петра I.

Впрочем, фанатик наш не пострадал за злые слова; дело в том, что сам игумен Иосаф не только снисходил к томящемуся на цепи монаху, но, видимо, разделял его образ мыслей о Петре. По крайней мере, когда Самуил и ему, игумену, впрочем, с глазу на глаз, высказал свое мнение о том, кто таков Император Петр, Иосаф ответил только на это:

— Поди зевай на торгу (то есть кричи на площади), а не здесь!

Говорили они, наедине же, и о ненавистном им обоим духовном регламенте.

— Мню я, — говорил арестант, — до коих мест здравствует государь, до тех мест и регламент будет, а как его не станет, то и уничтожится.

— Вон царь говорил, сказывают, — сообщал от себя Иосаф, — с Степаном (Яворским), с митрополитом: я, мол, сделал регламент генеральный, а ты сделай регламент духовный, нас и будут поминать...

— Государь-то Император, он пишется не просто, — рассуждал, между прочим, с игуменом Самуил, — и прежние греческие цари, как вычитал я в книге Барония, писывались Императорами...

О чем шла еще беседа у Иосафа с Самуилом, нам неизвестно, но что первый не питал ни малейшего нерасположения к последнему, это он доказал, выхлопотав у инквизитора освобождение Самуила.

— Ну, будешь ли без ведома из монастыря бегать? — спрашивал после того игумен Выморкова.

Тот пред образом «дал веру», что из монастыря без ведома уходить не будет. Иосаф успокоился и, отправляясь в город несколько дней спустя, взял с собой и Самуила, откуда и отпустил его одного в монастырь. В тот же вечер Выморков сошелся с друзьями своими, монахами Павлом и Степаном, да с жителем Сокольского уезда, бельцом, Захаром Лежневым, молодым еще молодчиком. Долго и долго они беседовали об общем злодее антихристе, и о том, как бы уйти в горы свои души

спасать, и все-то четверо хвалили старопечатные книги и радовались о них и пели против тех книг тропари: «Помилуй нас, Господи, помилуй нас!».

Поздно ночью друзья, поужинаши, разошлись по кельям. Самуилу не спится, голова воспалена беседой, и он идет на колокольню помечтать о своем побеге в горы. Душа молодого монаха жаждет беседы, и все о том же «сумнительстве об антихристе», неотвязно днем и ночью преследующем его. Приходит на колокольню пономарь Иоанн. Самуил, с обычной ему смелостью, начинает говорить:

— Как нам быть, ведь церкви-то Божьи осквернены антихристовой скверной, — и отхватывает целиком раскольничью речь, вычитанную им в служебнике, времен царя Алексея Михайловича.

— Воля божья, — отвечает пономарь, — хотя и брадобритый (а пущай) ходит в церковь, мы его покропим святой водой, так и ничего не будет.

В ту же ночь, на 29 июня 1723 года, бежал Самуил в степь. За ним последовал и преданный ему монах Степан. А так как бродяжничество монахов в то время строго-настрого воспрещалось указами и без паспорта нельзя было выходить из монастыря, то Самуил сам написал себе вид и подписал его вместо игумена Иосафа.

V

Ночью беглецы пришли на пчельник близ монастырской вотчины, недалеко от их обители. Сюда же явился и Павел. Пошли толки и планы о побеге. Степан и Самуил убеждали Павла бежать с ними, тот что-то все еще не решался. Тогда друзья развернули книгу Ефремову и стали читать речь, приведенную в повести об антихристе, в которой, между прочим, особенно останавливались на следующем месте: «Егда же узрите весь мир смущен и кого жде бежаша скрытися в горы и о всех голодом умирающих и иных жаждой истающих, яко воск, и не будет помогающего» и прочее. Все это место чтецы приводили в подтверждение необходимости бегства.

— Я уже решил, — отвечал Павел, — но еще погожу...

На пути встретился им монах из Преображенской пустыни Ефрем. Беглецы не сочли нужным скрывать от него, что пробираются в горы к каким-нибудь людям, чтобы укрыться у них и жить тайно.

— Заезжайте вы, — посоветовал им встречный инок, — заезжайте на рыбную ловлю, там есть у меня товарищ, монах Варсонофий; скажите,

что вы от меня, он вас укроет, и вы меня там дожидетесь, а я с вами готов сам уйти хоть в Царьград...

На рыбной ловле отец Варсонофий принял беглецов действительно радушно. Пробыли они здесь, в ожидании Ефрема, с неделю, и не потеряли времени для пропаганды. Познакомил их Варсонофий с жителем деревни Бротки, бельцом Григорием, и им обоим друзья наши с обычным жаром передавали свое учение, приводили свидетельства от писания, учили креститься по-старообрядчески, и книги старопечатные читали; тем не менее, беглец Григорий до того был умилен поучениями Самуила и Степана, что сказал им:

— Сыщите себе место, где от меня не в дальности, в горах, и, вырыв пещеру, живите в тайне; я вас кормить готов, а в даль не ходите; я бы сам куда сшел, да жаль жены и детей.

Пришел, между тем, и новый приятель наших беглецов, монах Ефрем, и все четверо «многими умышленными разговорами» открыли ему все учение о явившемся антихристе. Между прочим, Самуил ссылался в подтверждение своего мнения на Кириллову книгу, где сказано, что антихрист явится под именем Симона-Петра, что царство его может быть в Риме и во Иерусалиме.

— А в Кириловой книге, — толковал Самуил, — помнится мне, написано тако: «Или от Рима или от инуда (?) такую воспримет власть (антихрист), и потом, и во Иерусалиме будет царем»...

— Так оно и будет, — вполне согласился Ефрем, — он государь-то, Петр, а при себе сделал Синод, тоже стало и выходит: Симон да Петр... А и креститься, — заключил Ефрем, — против старопечатных книг я люблю и готов.

Увидал у новообращенного Самуил «Святцы» нового издания, развернул их, а на заглавном листе напечатана обыкновенная оголовка: «Во славу Святые Троицы и проч. повелением всепресветлейшего и державнейшего государя нашего Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского, благословием же Святейшего правительствующего Синода»... Не стерпел фанатик и, руководимый «безмерной ревностью и сумнительством», вырвал лист из книги, «исщипал его и бросил в реку».¹

¹ Достоин внимания, что и ныне старообрядцы, не всегда имея возможность иметь старопечатные книги, пользуются и теми изданиями, как например, «Четьи-Минейми», которые изданы по благословению Синода, но в таком случае заглавный лист всегда вырывается староверами. (1865 г.)

— Напрасно ты это делаешь, — заметил Ефрем.

— Видеть я того не хочу, — горячился Самуил, — ведь вот содержит все он, государь, яко православный христианин, а между тем, как ни на есть прельстить он нас и отведет от веры... Правду сказано в повести Ефремовой об антихристе: «Образ примет истинного пастыря, да прельстит овец стада» и прочее, а и Григорий Назианзин пишет, что «внезапу превосстанет и восцарствует и возлицемерствует благостыню и потом пожнет церковь Божью» и прочее.

Проповедник с сотоварищем собрались в путь, идти дальше искать «спасенье душ своих». Между тем, как пропаганда Самуила и Степана шла, таким образом, довольно удачно, и они находили радушный себе прием, сотоварищ их, монах Павел, решился наконец также бросить монастырь и в начале июля 1723 года прибил к воротам монастыря какие-то «листы», как кажется хулительные, и бежал в степь. 8 июля листы были замечены, и один подьячий, дядя Выморкова, признал в прибитых письмах неизвестно по каким приметам сочинение Самуила...

Сочинитель в это время, сопровождаемый Степаном, шел к казачьим городкам. Путь далекий, идут, да беседу ведут:

— Хотел, было, антихрист, — рассказывает Степан, — в патриархи поставить киевского митрополита. Вот и привели его в соборную церковь ставить, а митрополит говорит: «Дай мне, чтоб были старопечатные книги — и буду патриархом, а ежели не так, не хочу». А антихрист-то в ответ на то выхватил палаш и замахнулся на него (митрополита), да как замахнулся, так и упал на него... Знатно за то случилось с ним это, — заключил Степан, — что он, антихрист, не может о старопечатных книгах слышать... благодать божья за это самое и ушибла его, а поднял его Александр Меншиков, и по поднятии молвил антихрист ко всем: «Не будет вам патриарха!».

Беседуя таким образом, друзья пришли в Добринскую станицу. Остановились на несколько дней у попа. Степан с найма работал поденно у казаков, Самуил же «с крепким вниманием» читал старопечатные служебник и требник да ходил с попом в церковь, к службе Божьей. А по вечерам оба друга, просмотря кого-либо из препростых людей, из бурлаков, открывали им учение свое об антихристе.

— Всем бо имущим боговидения и разум, — говорил Самуил Степану, приступая к просвещению препростых бурлаков, — тогда разумно будет пришествие мучителево, а имущие ум свой присно вещи жития

сего и любящим земная неразумно будет пришествие мучителево, аще и услышать слово, но не имут веры и вельми им омерзить глаголя, по словам сим Ефремовым в повести об антихристе, — поучал Самуил друга своего, — иным людям и сказывать того не надлежит, за тем, что не поверят...

На этом основании пропагандисты начали вести свои поучения более осторожно; так, открывая свет препростым бурлакам, удерживались от откровенности в разговорах с попом Добринской станицы; впрочем, поп понравился им, между прочим, тем, что на ектениях Императора называл Императором.

— Прямой Император, — пояснил нашим приятелям поп, — немало он людей перетер...

И любо то было объяснение Самуилу и Степану.

Пришли они в Урюпинскую станицу вечером в субботу; в церкви шла вечерня, и как стал поп возносить в ектениях титул государя, по положенной форме, и Самуил со Степаном не выдержали. Мерзко им было слышать то, и они стали харкать и плевать, то же делали на заутрени и часах, и поспешили уйти из этой станицы.

В Тепикинской станице путники познакомились с иконописцем, казакон Афанасьевым. Самуил занялся у него тканьем, а Степан пошел у казаков работать из поденной платы; ночевывали же они вместе на майдане; здесь по вечерам разъясняли некоторым казакам и бурлакам, что царствует ныне антихрист. Слушали их препростые люди с верой и умилением, и только однажды один из них заметил проповедникам:

— Кому бы не служить, лишь бы нас жаловали!

В Тепикинской станице Самуил, к великому своему сожалению, должен был расстаться со спутником: Степан сильно заболел и боялся умереть в мирских домах. Выморков купил ему лодочку, написал подорожную от имени игумена Иосафа в другой монастырь, а иконник Афанасьев дал грамотку, благодаря которой больной мог найти себе приют у одного «трудника», спасавшегося где-то на берегу Дона, в пустыни.

VI

С отъездом верного спутника и друга Самуил вдруг изменяется в образе мыслей своих об антихристе. Причиной тому было то, что новый

знакомый его, иконник Афанасьев, первый взял на себя труд разъяснить молодому монаху его заблуждение.

Задумался Самуил, взял пролог, стал читать с обычным вниманием.¹ «Сумнительство» его стало мало-помалу рассеиваться, «буди так, — думал монах, все то это хорошо, только противно мне брадобритие и что все то творят напротив старопечатных книг»...

Тем не менее, на Самуила произвели сильное впечатление объяснения иконника; повел он с ним разговоры многие, а все-то те разговоры были, как он сам потом рассказывал, про его Императорское Величество. Афанасьев развивал доказательства тому, что Петр никак не может быть антихристом. К сожалению, беседы эти не дошли до нас. Как бы то ни было, но толкования Афанасьева произвели на необыкновенно восприимчивую натуру Самуила самое сильное впечатление; достал он вскоре после того «Соборник», прочитал в нем со вниманием некую повесть и обрадовался, и как сам впоследствии времени рассказывал: «Прежнюю хулу свою на государя и вполовине страшился принять, и о прежних хулах искренно соболезновал».

Разбитый в доводах своих об антихристе, Самуил встретил зато в той же казачьей станице единомыслие по вопросу о крестном знамении. Один казак на толки Самуила по сему предмету заметил:

— Был я в полону у турок и ушел от них на Кубань, и на Кубани есть два монастыря, и там мне один начальной (человек) о кресте казал книгу, и против той книги по перстам мне рассказывал: в трех перстах замыкается сатана; не крестись так, живи у нас, мы благодарим Бога — живем хорошо... Я остаться не согласился. И как придешь домой, — приказывал мне тот же начальной, — к попу не ходи, насадит (он) тебе тридевять бесов, ты и в год не отмолишь»...

Но знакомый уже нам иконник Афанасьев, казак вполне православный, совершенно чуждый раскольничьих мнений, услыша от Самуила «сумнительство его о крестном знамении», стал спорить с ним и по этому пункту; он повел речь про Никона патриарха, да про воронежского архиерея Митрофана... «А того Митрофана, — говорил Афанасьев, — государь сам погребал, и они крестились первыми тремя персты, уж-то и Богу приятно, потому ныне и мощи их нетленны...». И много, и долго говорил еще казак-иконник, и Самуил поверил его доводам, «замерзлое

¹ О прологе и редакциях его, см. «Москвитянин» 1846 г. №№ 11 и 12, «Библиографич. розыскания» Ундольского, стр. 206—208.

свое сомнение все отложил и стал крест полагать во образ пресвятые Троицы первыми тремя персты»...

С отверстыми очами на все свои заблуждения шел Самуил из Тепинской станицы в Островскую. Здесь жил родной брат его, у которого он и остановился. К брату хаживал поп той станицы, отец Григорий; познакомился он с Самуилом, и разговорились.

— Заезжал ко мне, — сообщил отец Григорий, — недавно в гости поп из Царицына, или из Карамышенки; заезжал он с игуменом Спасского монастыря, что на Усть-Медведице, и сказывал мне, прислан-де указ из Синода, чтобы служить на опресноке. Бог знает, — добавил отец Григорий, — как тут быть, отложить што-ли (дождаться?) покамест что будет?... А мне и во сне виделось: пришел ко мне в церковь некакой господин, будто со опресноком, и будто ж прилучился тут к служению Спасский игумен, да Распонинский поп Павел, и я, да приноситель тот, кому-то молвили «сотвори волю цареву!», и они будто на том опресноке и служили, и причащались, но я не причащался, и то вылили...

Фантастический рассказ отца Григорья «не соблазнил», однако, на этот раз молодого монаха; в книге «Увет духовный», которая попалась ему в Островской станице под руку, Выморков нашел много примеров против раскольниковых заблуждений, и той книге поверил, и укрепился.

Прошло три месяца с тех пор, как Самуил стал искать спасения души в бродяжничестве по казацким станицам. Теперь, когда голова его прояснилась, он, весь отдаваясь новым идеям, стал подумывать о возвращении в среду монастырской братии; но, страшась наказания за самовольную отлучку, Самуил отправился сначала в мигулинский монастырь, где в келье дяди своего родного, инквизитора Никодима, провел почти четыре месяца, по конец января 1724 года, занимаясь чтением тех книг, какие розыскал в дядином чулане. Особенно благотворно на него действовало внимательное чтение «Соборного деяния, бывшего в Киеве, на еретика монаха армянина Мартина».¹ Все прежние сомнения молодого подвижника о крестном знамении рассеялись; в других книгах, в «Соборнике» и прочих он нашел подтверждение доводов иконника Афанасьева, и конец концов всего этого было то, что Самуил, отдавшись, с обычным ему увлечением, новому направлению своих мыслей,

¹ Соборное деяние киевское, на армянина еретика Мартина... Ц. печ. СПб. 1718—1719 гг. Пекар., т. II, стр. 400—402, 403, 469. Архим. Макарий: Ист. Нижегород. иерерх. СПб. 1857, стр. 40—43.

с великой ревностью и желанием стал ходить в церковь, каялся о мимосшедшем неведении, о том, что в церковь не хаживал и хулы испущал мерзкие на Императора словом, умом и помышлением...

20 января 1724 года Самуил оставил Мигулинский монастырь; в Спасской обители он провел затем три дня и прочитал здесь «Пращицу» против раскольников, сочинение епископа Питирима Нижегородского.¹ Эта книга еще более рассеяла туман, наполнявший голову молодого человека. Первый порыв его был розыскать друга своего Степана, некогда введенного им в заблуждение, и отвратить его от прежних мнений. С этой целью Самуил стал расспрашивать монаха Спасского монастыря Иоиля, не слыхал ли он про того трудника, у которого живет Степан? Оказалось, что Иоиль знает урочище, где спасается тот трудник, потому к нему много ходит народу, и Самуил стал умолять Иоиля, чтоб он передал от него Степану просьбу все сумнение свое отложить, послушаться его и возвратиться в свой монастырь.

Последний поступок как нельзя лучше обрисовывает пред нами Самуила. Это — весь увлечение, очень часто ошибочное, но всегда искреннее... всякой идее, охватившей его голову, всякой идее, выработанной в его голове чтением ли, беседой ли с людьми, которым он почему-либо доверял, он предается со всей страстью, спешить ее передать другим, осуществляет ее на деле, жертвует для нее всеми благами своей жизни, смело идет навстречу всяким лишениям и бедствиям, и также круто, горячо, искренне оставляет свои заблуждения, когда разумное слово или дельная книга указывает ему их...

Так и теперь: знает он очень хорошо, что с возвращением его в Трегуляевский монастырь он неминуемо подвергнется, по меньшей мере, нещадному наказанию «шелепами» и аресту на цепи, что для него гораздо было бы безопаснее ходить по казачьим станицам либо пробраться дальше, в горы, но он убедился, что душевное спасение вполне возможно получить и в стенах того монастыря, откуда он бежал, что царствие антихриста еще не настало, что безбоязненно может ходить в церковь и с бородобритыми, что, наконец, в трех первых перстах, складываемых для крестного знамения, вовсе не сидит сатана, а потому и спешит возвратиться в свою обитель.

¹ О «Пращице», см. у Макария: стр. 76—78. Пекарский, т. II, стр. 507—512. Пращица издана впервые в 1721 году.

На обратном пути в Тамбов (Самуил возвращался казачьими городками) наш молодой подвижник везде и всем старается, «елико сила его постигла», всех от «сумнительств» отговорить и «сумнительства» исправить.

В марте 1724 года Самуил вернулся в Трегуляевский монастырь и первое, что поспешил сделать, это разубедить тех монахов, которые, слыша иногда его хулы на Петра I, втайне, как казалось ему, уверовали в справедливость его учения об антихристе.

VII

Блудную овцу побил игумен «шелепами» и определил в монастырь, по-прежнему. Иосаф не лишил молодца и прежней своей благосклонности: в поездку свою в Раненбург, на ярмарку, он взял его с собой и отсюда послал его в Сокольский уезд для сыску беглого монаха Павла. Самуил, как все ввавшие в раскол и потом искренне оставившие его, рад был просветить очи заблуждавшимся вместе с ним; он с полной готовностью отправился разыскивать Павла с целью убедить его возвратиться в монастырь. Нашел он Павла в лесу, поселился он там в вырытой им самим пещере, жил во трудах, спасая душу свою с боярским сыном, Захарием Макаровичем Лежневым, и тремя товарищами, простыми мужиками. Премногоими разговорами стал приводить Самуил своего бывшего сотоварища Павла ко истинной вере, но тот и слушать не стал — убежал от него; тогда проповедник отправился в пещеру к Лежневу и многими мерами разговаривал с ним и его сожителами, отводя их от суеверия и обращая к истине. Увещание и тут не увенчалось успехом: Захар твердо стоял на том, что в лице Петра I воцарился антихрист. Тщетно Самуил показывал ему книгу Стефана Яворского, выговаривал от оной, а также и от других книг довольно, что антихрист — не Петр, но никого своими доводами от книг к истине не превратил, с тем и вернулся проповедник наш к своему игумену. Только спустя некоторое время Павла с товарищами розыскали другие люди и привели под караулом в Тамбов. Здесь Самуил раскрыл другу своему его заблуждения и написал за него «обратительное доношение», которое и представил в духовный приказ. Быть может, благодаря «раскаянному письму» власти удовольствовались относительно Павла только тем, что зауряд

с его лесными товарищами сделали им всем внушение батогами и водворили на прежние места жительства. Самуил продолжал усердно опровергать те ложные толкования, которые делали некоторые из его со товарищей при чтении священных книг. Таким борцом против рассуждений, «к поношению чести превысоких особ клонящихся», явился он, между прочим, и в следующем случае: в поездке его из Раненбурга в лес, для сыску заблудшего монаха Павла, сопровождал его сын игумена Трегуляевского монастыря, поп села Избередей, Антип Иванов. По возвращении поп Антип с Самуилом стали читать известную книгу Стефана Яворского об антихристе и дошли до места, где приведена выписка из апокалипсиса: «Сидит жена любодейца на семи холмах, в руке держит чашу пьяна кровью святых» и прочее. Антип стал изъяснять ту речь по-своему: «Это государыня, Екатерина Алексеевна, сидит на семи холмах — на семи смертных грехах!».

— Я сам преж сего был в сумнении, — отвечал Самуил, — и бегал, и бесился, и мылил, что та жена нынешняя царица, Императрица Екатерина Алексеевна; но теперь вижу, что все то, конечно, неправда и все свое сумнение в том отложил...

С отложенными сумнениями» прожил бы Самуил в своей обители спокойно до маститой старости и не возмутили бы его толки и бредни невежественных монахов, попов и всяких баб. Но судьба предназначила ему другую долю в жизни: она вызвала его из мирного монастыря и вдруг, нежданно-негаданно, перенесла в Москву, поставила лицом к лицу с плодами Петровских реформ, представила ему все общество, всю среду, непосредственно вынесшую на себе удары преобразовательного резца и потому сильно изменившуюся в быте и обычаях своих против заветной старины... Судьба та была не что иное, на этот раз, как один из указов государя, присланный из московской духовной декастерии, которым в сентябре 1724 года призывались молодые, грамотные и способные монахи из всех монастырей в школы. Инквизиторы поспешили сделать на местах распоряжения о немедленном исполнении указа сурового монарха, и в том же сентябре месяце 1724 года из Трегуляевского монастыря наряжено в Москву четверо монахов, в том числе был и Выморков.

— Прощай, — говорил Самуил, придя в Тамбов проститься с женой, — не столь из сожаления к тебе, сколь подтверждая закон Божий, молю тя, замуж не ходи потому, если б ты письма распускнуго не дала.

то нет ничего, а коли дала ты письмо, да посягнешь замуж, и в том со-творишь ты прелюбодейство!

— Я б постриглась, — говорила молодая женщина, — да не велят...

Едут молодые грамотники уму-разуму набираться в московскую школу, не чинятся, ведут речи о разных разностях.

— Сказывают, — толкует иеродиакон Корнилий своим спутникам, — сказывают, когда был патриарх, и на вербной неделе важивали у них, патриархов, лошадей государи, и как здоровствовал государь царь Иоанн Алексеевич, в такое время приказывал брату своему, Петру Алексеевичу, ступай-де со мной, веи у патриарха лошадь! И брать-то Петр не повел, а Иоанн Алексеевич и ударил его за то:

— Сие устави́ли святы́е отцы, — сказал старшой-то брат меньшому, — а ты того не хочешь делать.

— Дай только мне сроку, — отвечствовал на то Петр, — я эту переведу!

— Да вот и точно, по своему и перевел... Опять тож слышно, — продолжал калякать Корнилий, — что велят молодым монахам расстригаться. Напрасно он так делает, не бережет он душ христианских! А надлежало бы так поступать: ежели б кто хотел расстригаться, и тех бы надобно в костре жечь...

Фанатические толки Корнилия не баламутили, однако, теперь Самуила: в нем еще свежи были вычитанные им доводы из разных «правовверных» книг против подобных заблуждений, и он спешил отвечать Корнилию далеко не так, как тот, быть может, надеялся:

— Напрасно ты так говоришь, — повторял Самуил, — что-де надо желающих выйти из монашества жечь в кострах. Я сам видел в уставе напечатано: «Буде кто не хочет быть монахом, велено монашество снимать и игумену с монахи».

— Бог знает, чему ныне верить...

— Я и в старопечатных книгах о том же видал именно... — подтверждал Самуил. — Так расстричься-то, коли не желаешь быть монахом — все не грех, а вот грех... Чего он царицу-то постриг, а иную взял? Это — точно грех. Потому, читал это я в Минее-Четье житие Феодора Студита, и там именно повествуется, как-де в бытность его Феодорову царь (а какой по имени — не упомню)... так царь-то такожде — как ноне наш государь — постриг жену свою, а иную взял... И Феодор Студит его в том грехе избличал немало, за что по ревности своей претерпел изгнание

и заточение... Ну да, — продолжал Самуил, — вось (авось) уже та (первая жена Петра) и умерла, а мы станем о здравии и о спасении его Императорского Величества Бога молить»...¹

Последнее сумнение Самуила в грехе Петра было не весьма велико и вскоре, когда довелось ему прочесть судное печатное дело царевича Алексея и инокини Елены (Авдотьи Лопухиной), то и приведенное сумнение вовсе рассеялось; он согласился с тем, что государь имел вполне право развестись со своей первой женой.

Таким образом, чистый, неповинный уже ни в каких предосудительных, «к хуле их величеств» клонящихся, мнениях, явился монах Самуил в первопрестольную столицу.

Явились все четверо в духовную декастерию; там на них начальство посмотрело и велело ехать назад в свой монастырь до нового указа.

Трое из прибывших трегуляевских монахов, как кажется, с радостью выслушали то приказание и поспешили отправиться восвояси, но Самуил не разделял их радости. Напротив того, влекомый сильным желанием учиться, он подал в декастерию письменное доношение, чтоб его поместили в школу. Просьба была исполнена, и монах Самуил определен в школьное учение в Спасский монастырь; жить же и иметь пропитанье

¹ Судьба царицы Авдотьи (Лопухиной) в высшей степени трогала и занимала ее современников, главным образом, простой народ. Толки о ней постоянно ходили в народе и во многих делах того времени, вершавшихся в преображенской канцелярии в Москве и в тайной в СПб., имя царицы Авдотьи встречалось в связи с какой-нибудь сложенной о ней легендой или от лица ее речью. Но что всего интереснее, это то, что народ сохранил о ней воспоминание в трогательной песне, которая еще в нынешнем столетии пелась народом. Вот эта песня, как она передана г. Подсосовым в «Записк. Акад. наук» 1864 г., т. V, кн. II, стр. 206:

Постригись, моя жена не милая,
Ты посхимься, моя жена постылая,
За пострижение тебе там сто рублей,
За посхимление — всее тысячу.
Я поставлю тебе нову келейку,
Я на суздальской, славной дороженьке,
Чтобы пешие шли, конные ехали
На твою келью дивовалися:
Что это во поле за келейка,
Что это в келейке за монашенка?
Отчего она пострижена,
И пострижена, и посхимлена?
От отца ли она, или от матери,
От дружка ли она от любезного,
Или от мужа от ревнивого?...

молодой сподвижник школьного ученья должен был в одном из чуланов Богоявленского монастыря, за ветошным рядом; в одной келье, разделенной деревянными перегородками на чуланы, Самуил водворен был с другими обучавшимися тоже в школе молодыми людьми: иеродиаконом Савватием и иеромонахом Петром. Знаменитый Богоявленский монастырь вообще был довольно велик, и монахов разных степеней было в нем более тридцати да служителей более десятка.

VIII

Самуил явился в Москву, как мы видели, с душой пылкой, умом, алкавшим пищи духовной, разумной, человеком глубоко религиозным и вообще с нравственно-чистой натурой. Нет сомнения, что он думал в Москве найти многое, если не все, хорошее, пред которым бы он мог удивляться, чему мог подражать и учиться... Москву он считал святыней; она свята была в его глазах и древними, благочестно жившими здесь государями, и святой подвижнической жизнью многих мужей, и, наконец, благочестием всего народа. Мы уже видели, с какой жадностью он расспрашивал в бытность свою еще в Тамбове у приезжего из Москвы о жизни ревнителей православия... То ли же нашел молодой человек, что искал в первопрестольной Москве? К несчастью его, далеко не то, и первое, что не могло не поразить его — это грубость, дикость, невежественность той среды, в которую введен он был распоряжением духовной декастерии. Быть монахом Богоявленской обители в глазах его являлся грубее и гораздо порочнее быта сотоварищей его по Трегуляевскому монастырю. В монастыре шло разливное море: «пьянства и всякого развратия, как-то мясоядения, срамословия, блуда...». Однокелейники Самуила — иеродиакон Савватий и иеромонах Петр — зачастую бывали шумны, то есть прихватывали хмельное, к тому ж далеко не были и грамотеями; так они, будучи малороссами по происхождению, (великорусской) скорописи не знали. Итак, товарищество выдалось Выморкову незавидное. Что касается начальства, то архимандрит монастыря Иоакимф не пользовался уважением братии: в монастыре по несколько лет проживали бродяги, пришлые Бог весть отколь монахи; те и другие из братии нередко уклонялись церковной службы — Иоакимф сажал таковых на «чень», а те во всеуслышание поносили его соморской, бранью

неудобосказываемой... Иоакимф, в свою очередь, не прочь был выругаться, и однажды даже резко выразил свое мнение о Петре I, назвав его ни больше, ни меньше как «чертом».

В самом городе, в среде духовенства, как светского, так и черного (а с тем и другим монаху Самуилу довелось беспрестанно бывать в сношениях с первого же часа своего приезда в столицу), стояла большая рознь во мнениях относительно преобразований Петра I вообще и в особенности относительно мер его, касавшихся быта духовенства, монашества, а также устройства церкви. Большая часть духовного сословия, к немалому, без сомнения, изумлению Самуила, питала непримиримую ненависть не столько к самому государю, сколько к деятельным сподвижникам его в преобразованиях по делам русской церкви: Феодосию Яновскому, архиепископу Новгородскому, и Феофану Прокоповичу, архиепископу Псковскому... На них смотрело большинство тогдашнего духовенства как на главных виновников тех бедствий, которые будто бы претерпевала тогда православная вера и о которых несколько лет спустя так вопрекил один из «подвижников православия»:

— Феофан — ученьем, а Феодосий — смелостью и дерзновением великим начали явно всю святую церковь бороть и вся ее догматы и предания разрушать и превращать, и безбожное лютерство и прочее еретичество вводить и вкоренять, и тогда весьма от них было в народе плачевное время. Учали быть везде противу благочестия безопасные беседы, и кто каковое хотел, на церковь поношение говорил, и всякое развратное и слабое житие имети, учили смело, и так тогда поносима и воничтожаема святая церковь со всеми догматами своими, и уставами, и преданиями была, что всякое благочестивое христианское доброе дело единым словом, суеверием, называемо было, и кто в них, в еретиках, был пущий пьяница, и нахал, и сквернослов, и шут, тот зван и вменяем в простосердечного и благочестивого человека..... кто же хотя мало постник или воздержник и богомольный человек, то у них зван был расколыщиком и лицемером, и ханжей, и безбожным, и весьма не добрым человеком..... и чуть не весь монашеский чин превратили (Феодосий и Феофан) в самое бесстрашие и слабость таковую, что многие... пьянствуют и мясо сплошь ядят, и вместо книг в кельях и церквях табакерки в руках держат, и непрестанно порошок нюхают. Да его ж, Феофана, и товарищей его..... еретическим тщанием в новосозданных печатных книгах (между прочим, в «Регламенте духовном») на святую церковь нестерпимые хулы,

и многие ереси обретаются..... и кои превеликие досады, и гонения те еретики и озлобления церкви святой церковь нестерпимые хулы, и многие ереси обретаются..... и кои превеликие досады, и гонения те еретики и озлобления церкви святой чинили, весь Российской благочестивой народ плачущими очима с болезнию сердца видел, и о всем еретическом злодействии довольно ведает. Во всем бо государстве часовни разорили, иконы святые из них бесчестно вывезть велели, а где часовенные каменные стены остались, тамо вместо молитв и псалмопения, и канонов табак и прошком торговать и бороды брить попустили! Чудотворные иконы, отвсюду забрав, на гнойных телегах, под скверными рогожами... вно во весь народ, увозили... всецелые монастыри разорят, из них монахов в другие монастыри жить переводят, а церковные всякие другие вещи и монастырскую казну забрав, по себе, на свои роскоши, на дорогие напитки, на музыки с танцы и на карты со товарищи, употребляли; молодым монахам жениться и молодым монахиням замуж посягать благословляли... и иное злодейство от сонмища их еретического!!¹

Такие или почти такие изобличения всех современных «еретичеств» неминуемо должен был слышать наш молодой монах, вращаясь среди нагнанных отовсюду в школы подвижников, еще больше от бродяг, нередко мнимых монахов и всяких «спасенников», слонявшихся (вопреки всем запретам) по Москве и находивших радушный прием не только у жителей, но и в монастырских оградах.

И вот, мало-помалу, вновь смущается дух Самуила, более и более раздувается потухшая искра ненависти, которую он носил в сердце своем против главного, по его мнению, источника «всех еретичеств» — Петра. Но неужели наука не взяла свое, не вытеснила из пылкой головы диких заблуждений, не ослабила фанатизм монаха Самуила? Нет, та наука, которую предложила ему Спасская школа, не наплатала его душу, не воздействовала на него. Напротив, мертвая схоластика, бывшая тогда в полном цвету, скоро оттолкнула от себя молодого человека; он решительно не в силах был под сухим и уродливым тогдашним преподаванием отыскать для своего ума сколько-нибудь здоровую пищу... Все было безжизненно, скучно, да и для его возраста слишком уже трудно было

¹ Дело о Феофане Прокоповиче, в Чтен. общ. истор. и древн. М., 1862 г., кн. I, стр. 3 и 4; см. также: «Решиловское дело». Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский, соч. И. А. Чистовича, СПб, в 8 д. 1861 г. «Новые материалы для решиловского дела», его же, в «Православн. Обзор.» 1862, № 2.

заучивать различные грамматические тонкости, и вот, мало-помалу, Выморков стал отставать от школьного учения, к которому так еще недавно пламенно стремился. Не стал он ходить в школу, и над спиной его взвилась плеть префекта; стала та плеть, по всем правилам тогдашней педагогики, почасту бороздить спину трегуляевского школьника, и чаще и чаще стал он избегать школы. А между тем, привыкши во всем дурном видеть дух и волю Петра I, он и в лице префекта зачал видеть Императора, плетью всекавшего науку, и пуще загорелась в Самуиле от того боя ненависть к антихристу. Наконец, в товарищеском кружку, от своих одноклассников он только и слышал, что разные намеки, а иногда и прямое осуждение тех или других мер Петра I. Все эти обстоятельства вновь вскипятили у Самуила злобу на государя до того, что он жаждал случая смело выразить ее в келье, в церкви, на стогнах Москвы, устно и письменно.

IX

3 февраля 1725 года, в день тезоименитства цесаревны Анны Петровны, учения школьного не было. Самуил, не боясь плети, мог смело сидеть в своем чулане. Сожители его также были дома; вошел иеромонах Петр.

— Вы, отцы, — заговорил вошедший, — здравствуйте! А наш Император скончался; Синод, сенат и генералитет уже к верному служению ее Величеству государыне подписались; я, сходя на улицу, видел, как манифесты прибывают к воротам... сам прочел...

Известие это ошеломило, но не огорчило присутствующих. Самуил заходил по своему чулану и заговорил, ни к кому не обращаясь, но вслух. разными причтами хулы на покойного, не называя его, впрочем. Из присутствовавших иеродиакон Савватий стал вспоминать кой-какие факты прошлого царствования, заговорил, между прочим, про Глебова.

— На кол его посадили напрасно, — рассказывал Савватий, — это я слышал... Сказывают, как духовник-от стал Глебова спрашивать, был ли-де у тебя такой грех с бывшей царицей (Авдотьей?), и Глебов отвечал, «что напрасно, хотя-де и писывали советные письма, а ничего-де греха того не бывало, можно бы-де иную казнь дать». Может статься, — продолжал Савватий, — что казнил покойник Глебова из ревности, потому

как та жена его, Петра, была... Хотя б и тебе, Самуил, про жену твою такое слово было б, чай нестерпимо слышать... и ему тово, а но ведь царь!¹

Пошел разговор о «Духовном Регламенте и прибавлении к нему», это были как бы бельмы на глазах тогдашних монахов.

— Кто то делал, — спрашивал Самуил, — сказывают, что митрополит Рязанский Стефан?

— Нет, не он, — отвечал иеромонах Савватий, — а виновен в сочинении регламента Прокопович: когда по сочинении (регламента) принесли его, регламент, Стефану, ради подписи, и он подписал тако: «Весьма тьма». И притом сказал: «Сами не можете делать, а людей тем обременяют»... Сам государь говаривал господам: «Я прибавления к регламенту не знаю, сделали (его) Синодальные!» Да и руки государевой, — продолжал рассказчик, — у прибавления нет.²

— Однако ж, — заметил Самуил, — без воли его (государя) ничего не делали...

— Ну, да постой, — отвечал иеромонах Петр, — ужю ныне господа по-своему Синодальных перевернут; то станут перебирать помаленьку...

Сделал Самуил какое-то замечание относительно содержания Регламента духовного, а Савватий, смеясь по поводу того, что писано в нем о житии монашеском, заметил:

¹ Об отношениях Глебова к царице Авдотье и казни его см. Устрялова: Ист. царств. Петра Великого, т. VI, гл. 7; также наш очерк: «Авдотья Федоровна Лопухина», «Русск. Вестн.» 1859 г., кн. XXI, 219—265; также другой наш очерк: Покровский девичий монастырь в г. Суздале, место заточения А. Ф. Лопухиной», «Русск. Вестн.» 1860, кн. XXX, 559—599. Снегирева: «Письмо о ц. Евдокии», «Русск. Вестн.» 1859 г., кн. XXIII, 299—300. Пекарского: «Наука и Литер. при Петре Вел.» т. II и проч. Степан Богданович Глебов казнен в Мосееве 14 марта 1718 года. В одной немецкой брошюре того времени, о которой г. Устрялов не упоминает в своем труде, приведены между прочим следующие подробности о казни друга инокини-царицы: «Привезли Глебова на торговую площадь, на санях в шесть лошадей. Его положили на стол и в задний проход воткнули железный кол, который через затылок вышел наружу. Когда Глебов был таким образом насажен на кол, восемь человек отнесли его и водрузили кол на возвышенном месте; кол имел поперечную перекладину, так что несчастный мог сидеть на ней. Возле Глебова все время был русский священник. Чтобы осужденный на терзания не замерзнул и страдал бы более, на него надели меховое платье и шапку...», (Aus ausführliche Beschreibung der Hauptstadt Moskau, den 28 März dieses 1718 Jahres in Beyseyn einer unzähligen Menge Volks vollzogenen grossen Exctution. Nach rigaschen Exemplar (4°). Посаженный на кол в третьем часу пополудни, Глебов испустил дух только на другой день в ½ 8 пополудни. При нем во все время для исповеди были: архимандрит Лапотинский, иеромонах Маркелл, да священник Анофрий. Сидя на коле, Глебов никакого показания не принес, только ночью просил Маркелла сподобить его Святых Тайн.

² Что последние толки не были простой болтовней, а имели некоторое основание, сличив выписку, приведенную у Пекарского, т. II, стр. 522—523.

— И мы кое, и ты, Самуил, кое... а во всем том (сочинении) не Стефан (митрополит) виновен, но тот-то...

— Принесла мне однажды баба, — рассказывал иеромонах Петр, — принесла в церковь казать мне книгу, чтоб я ее купил; разогнул я ту книгу, вижу: напечатано: духовный; я думал, что это алфавит, и взял от нее, принес в келью, глядь: ан книга та «Духовный регламент», и я его бросил на землю, топтал, приговаривая: «Э-де регламент!». Поднял ту книгу и отдал бабе: не надобно, не надобно...

— Что же тебе он не мил?

— Не мил! — отвечал иеромонах Петр и проговорил чуть слышно, — проклятые...

И Самуилу любо было, как сам он потом сознавался: любо было то слушать! На другой день, в четверг, 4 февраля 1725 года, после обеда, иеромонах Петр пригласил иеромонаха Феодосия да Самуила пройтись (благо время было праздное, масленица), прогуляться в город. Зашли все трое в гости, во двор князя М. М. Голицына, что близ двора Василия Глебова, в гости к княжескому дворецкому, Ивану Чевакинскому.

Хозяин принял гостей радушно и угостил их; отец Петр стал шумен, и тем живее пошла беседа о разных разностях, перешла на стеснения, сделанные «Прибавлением Духовного регламента» всему монашеству, о запрещении постригать женатых, да тут же кстати Феодосий сказал, обращаясь к хозяину и указывая с посмеянием на Самуила:

— А вот, этот-то молодой какой, а жену покинул да и постригся, а ноне ходит да ее ищет...

— Отчего так сделалось, что он жену покинул? — спросил хозяин.

— Не сказывал здесь, в Москве, — молвил в ответ Самуил, сидевший до сих пор в раздумье, — ныне открою, так как государь-от наш уже скончался; был я соблажнен от людей; сказывали мне против него, что он антихрист, того и оставил я жену безвременно...

И разговорился Самуил, стал говорить о житье-бытье старообрядцев, вспомнил и про любимую свою некогда книгу Ефремову, сказал о повести об антихристе и о том, как один монах в Тамбове — Савва — объявил ему, что антихрист ныне в Москве царствует.

Лушь только выговорил Самуил последнее слово, как испуганный Чевакинский разразился на него бранью, пожелал ему, без сомнения, вполне искренно, чтоб тот пропал, и ни в какие разговоры не стал с гостями входить. Гости взялись за шапки и отправились восвояси.

На соседнем дворе, Василия Глебова, остановился приезжий из Тамбова, давнишний знакомый Выморкова, дьякон Изосима. Розыскал его Самуил на другой день, 5 февраля, в пятницу, и в дружеской беседе стал просить Изосиму, чтобы тот, как поедет обратно в Тамбов, взял бы его с собою.

— Как же ты от школы поедешь?

— Когда был Император (так нельзя было), а ныне, надеюсь, что и отставят (меня от школы)... И стал рассказывать о житье-бытье московского монашества, что монахи здесь, как бурлаки, едят мясо и пьют табак, чему и я (ныне) косен...

Выслушал Изосима грустную повесть и, объявив приятелю, что едет он из Москвы еще не скоро, сообщил Самуилу роковое для него известие: жена-де его вышла замуж за посадского человека города Тамбова, Якова Шатилова.

Как громом поразило это известие молодого монаха. Первая мысль, мелькнувшая в его голове, была та, что в какой-де страшный грех впала его жена, что при живом муже, хотя и постригшемся, но решилась выйти замуж. «Такое посяганье в замужество, — думал Самуил, — есть прелюбодейство!».

— Ну, и черт с ней, — сказал он наконец, — бес сватал, а сатана венчал.

«И чья тому вина, что жена моя впала в тот смертный грех, — продолжал размышлять монах, возвратясь к себе в келью, — кто тому виновен? Чрез кого жена моя, вопреки своему желанию, не могла постричься? В силу каких указов теперь она вышла замуж? Всему в том виновен покойный государь!» И стало прилагаться несчастному, как он сам потом рассказывал, «худое сомнение к сомнению, и хула к хуле, а наипаче, что жена замуж вышла; и разжегшись ревностью, ходя по своей келье, стал он мыслить хулы на государя, плевать, называть его «проклятым», и стал он потом «записывать, втайне сидя в своем чулане, хулы на Императора Петра Алексеевича, на бумажках, называя его предтечей антихристовым и тому подобными хулениями, литерами изъяснял именно и нескрывтно, и всячески перечернивал, и дирал, и бросал в печь, и потом вздумал написать, чтоб скрывтно, дабы люди не догадались ...

Такова была внутренняя борьба, которая терзала в это время несчастного Выморкова. Он впал в какое-то исступление, дух его был все это время в самом возбужденном состоянии; он был убежден и твердил

себе, что для попою в совести своей ему необходимо написать осуждение во след оставившему мир предтече антихриста, тому, кто, по его мнению, был единственный виновник смертного греха, в который впала жена его, и затем единственный виновник всех злосчастий монашества и церкви православной... И хватается Выморков вновь за перо, и пишет, пишет, чертит, рвет в клочки и вновь пишет, чтоб также разорвать и приняться за новый лоскуток... И нет у несчастного друга, которому б он поведал свои тяжкие думы, посоветовался бы, поговорил, и тот бы, может быть, и успокоил его; нет такого друга: однокелейники его люди неумелые, к тому ж и подвержены шумству; да они и недолюбливают Выморкова. Его странное поведение вызывает вообще со стороны монахов насмешки над ним, — они его называют, в посмеяние, «остроумным».

Не под силу, однако, Выморкову вынести свое горе одному; начал он было говорить иеродиакону Савватию: «Были от покойника те указы, чтоб не постригать, и которым было можно и постричься, и те (чрез те указы) замуж посягнули... В том есть грех»... Но речь свою Самуил не договорил, побоялся насмешек сожителя.

В тот же день, в пятницу, 5 февраля 1725 года, пошел Выморков к вечерне, стоял на клиросе, среди других монахов, и вдруг, к величайшему их испугу, стал называть во всеуслышание государя Петра I антихристом, укорять его в том, что он монастыри разорил и не велит спастись... Некоторые из монахов, услышавших те хулы, объявили, что надо донести инквизитору. Но время стоит — конец масленицы, монахам не до того, в монастыре суматоха; везде, по всем кельям, в церкви, на клиросах идут толки о смерти Петра I, и эти толки сопровождаются у многих из братии велиим шумством, а с радости иль с горя то шумство — Бог весть.

К сожителям Самуила в келью заходят почасту другие монахи. Самуил, то сидя за столом в своем чулане, то бегая из угла в угол, погружен в свои тяжкие думы, слышит за перегородкой толки и рассуждения монахов. Толки эти соответствуют его мыслям, и потому болезненно действуют на его и без того воспаленный мозг. Он более и более пылает ненавистью к Петру и дикими выходками, к величайшему испугу собеседников, нередко прерывает их разговор.

Особенно тяжела была ночь Самуилу с 5 на 6 февраля 1725 года. Лег он, а сон не смежает очей, лезет ему в голову неотвязная мысль: «Где этот грех, на ком сыскать, что в посягании жены его в замужество

есть прелюбодейство?» Сказал апостол Павел: «И аще разлучится жена с мужем своим, да пребывает безбрачна, или да смирится с мужем своим». И кто оному греху виновен?... И во всем виновным являлся в мнении его Император Петр I! И вспоминал он, как жена готова была сама постричься, да не постриглась, потому что запрещено уже было постригать, и как еще в день прощанья, пред отъездом в Москву, он наставлял ей: «Не ради сожаления тебе, но подтверждая закон Божий, молю тебя, замуж не ходи»... И пришло на ум Выморкову в ту же бессонно-мучительную ночь написать письмо Императрице, указать ей, в какой великий соблазн впадают некоторые люди, как, например, его жена, вследствие того, что действуют указы Петра о непострижении вновь в монахини и монахи. И мыслил он высказать то осуждение с некоторыми хулениями про покойного государя, впрочем, хулениями не зело великими, чтоб не принести Императрицу в большой гнев. Письмо то Самуил предполагал подать государыне тогда, когда она приедет в Москву.

— Что ж, — думал Выморков, — государыня повесть мою примет, и хотя ей жаль своего мужа (то есть любит она его), однако ж, она одумается (то есть поразмыслит) и тесноты мне никакой не доставит, я — монах! Читал я в книге Барония, новопереведенной в книге «Соборнике» с польского языка на славянский, про царя Феофила; был тот царь при жизни своей — иконоборец, а, чаю, при смерти-то своей покаялся; только ведомо, что царица Феодора молилась по смерти его, Феофила, чтоб избавил его Бог (от) муки вечные... (Императору Петру) мы того же желаем, чтоб ему царство небесное было, только бы сделалось от Ее Величества все по старому... И в той повести, мыслил Самуил, приведу я, в подтверждение моих речей, слова Христовы, как написано в Евангелии... начала не упомяну... «Господи! не в Твое ли имя пророчествовахом, и не Твоим ли именем бесы изгнахом? и Господь рече: «Аминь, глаголю вам, не веем вас, отступите от Мене вси делатели неправды» и т. д.

За мыслью последовало и исполнение: Самуил стал писать повесть. Вот ее начало:

«Всепрестветлейшей и державнейшей великой государыне нашей, Императрице Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской, еже о Господи радоватися.

Рече Господь во Евангелии: блюдите, да не презрите единого от малых сих, яко ангели бо их вину видят лице отца Моего небесного, прииде

бо сын человеческий изыскати и спасти погибшего и прочее, и паки, аще согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его между тобой и тем единым; ище тебе послушает, приобрел еси брата твоего; аще же не послушает, повежд церкви; аще же и церковь преслушает, буди тебе яко же язычник и мытарь, и елика аще свяжете на земли, будет связана и на небеси, и елика аще разрешите на земли, будет разрешена и на небеси; и инде горе миру от соблазн и нужда есть приити соблазном; обаче же горе человеку тому, им же соблазн приходит, и прочее, и паки любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас, благословите клянущие вы и молитесь за творящие вам напасть, яко да будет сынове отца вашего, иже на небесах, и Инде, аще согрешит к тебе брат твой, запрети ему; аще ли кается, остави ему, и паки некто от ученик глагола: Господи, аще содмиши на день согрешит в мя брат мой, отпущу ли ему до седмь крат, аще покается? Отвеща ему Господь: не глаголю тебе до седмь крат, но до семьдесят крат седмицею, аще кается, остави ему, и Инде, будете убо милосердии, яко же и Отец ваш небесный милосерд есть, и блажени милосивии, яко тии помиловании будут и о сем дозде хочу убо повесть тебе предложити, о самодержавнейшей нашей госпоже святого всероссийского царства, иже общий наш Создатель Царе царем и Господь господем предивными своими судьбами устрой тебе царствовать благочестно над новым Израилем, еже есть православно кафолические восточные церкви сыни, прошу и молю тебе, о благочестивейшая; Господа ради, да со тщанием внимаеши zde написанным, зане аще и грешнее есмь всех человек, наче же всенижайший раб и подножие ваше»...

Таков был приступ к совести. Как можно заметить, приступ написан не без искусства и тщания; дело, однако, на приступе и остановилось: обстоятельства так сложились, что Выморкову было уже не до «повести»: резкие его выходки с следующего уже дня стали вызывать на его голову тучу, которая сгущалась над ним все более и более и, наконец, разразилась страшной для него грозой...

Х

Рано в субботу, 6 февраля 1725 года, после бессонной ночи, пошел Самуил в церковь, и весь в смятенном духе стал на клирос.

— Чего ты не ходишь в школу? — совершенно некстати обратился к Самуилу стоявший подле него иеромонах Афанасий, — если ты не станешь в школу ходить, как прежде сего хаживал, и префект тебя побьет по-прежнему...

— Нет, ныне не пойду, — отвечал Выморков, — тогда был царь, а ныне иной.

— Опять тебя бить станут, и ежели ты в другоряд будешь так говорить, и за то срубят тебе голову.

В это время вышел из алтаря на клирос канархистр Дионисий.

— Вот Самуил не хочет в школу ходить, — пожаловался вошедшему Афанасий.

Дионисий стал бранить ленистого школьника. Школьник со своей стороны выбранил учителей, да тут же выпало от него несколько резких слов и на долю рязанского митрополита Стефана Яворского:

— Вот учат все они нас, сами не то творят, — говорил Самуил.

— Да ведь ты в школу ходишь по указу, и как ты не пойдешь? Ведь обучать будут по прежним указам?

— Чьи указы были... кои кто указы писал, тот издох... исчез... черт его взял... и указы те его пропали же, топери все сызнава пойдет. А который еретичество ввел, рязанский Стефан, и тот пропал же, а еретичество еще не вывелось.

— Слышите, братцы, что Самуил говорит-то? — сказал Дионисий, обращаясь к другим монахам, стоявшим на клиросе, и вслед затем пощечина, отвешенная канархистром поносителю, заградила ему уста. Дионисий пошел затем с клироса читать седальны, выговаривая про Самуила:

— Проклятый он богомалец, беду нам с такими словами сделает... ведь коли известить на тебя, — заметил он Самуилу, — ведь что будет-то тебе?

— Мертвого его (Петра I) не боюсь, — не унимался Выморков, — а тебе, Дионисий, нет чести в том словеси...

— Эй же, собака! — заметил казначей Сильверст, выслушав после заутрени рассказ отца Дионисия о происшедшей у него сцене с Самуилом.

Все уже монахи стали смотреть на него, как на зачумленного, с минуты на минуту ожидая, что его арестует инквизитор, которому Дионисий, по настоянию других монахов, собирался обо всем донести; но всего этого Самуил либо не страшился, либо не замечал; по крайней мере, он нимало не сдерживал своего языка.

В воскресенье пред вечерней на несколько минут зашел в келью Петра и Савватия сожитель Выморкова, Леонтий Балановский, поп из церкви великомученицы Екатерины, что во дворце вверху. В ожидании вечернего благовеста поп вельми, ради праздника, шумный сел на лавку; никого кроме Самуила в келье не было. И сидя на лавке, как бы про себя, заговорил поп Леонтий с сожалением и со словами о смерти государя.

— А кончина Императору случилась, — продолжал Леонтий, обращаясь к Выморкову, — случилась от запора жестокой каменной болезнью; слышал я это на площади в разговоре, неведомо от каких людей, шед мимо...

— Он меня бил, — вдруг заговорил в ответ на сожаления попа Самуил, — бил он меня чрез префекта!

— Полно врать-то, били тебя злые дела, а государь этого не знал.

— Повелено за царя Бога молить, — продолжал говорить Самуил, — каков бы он ни был, яко же Христос научает, «любите враги ваша» и прочее, а как царь умрет без исправления, то уже (да будет) проклят... А он подлинно умер, не простясь (не покайся), а в писании ведь сказано, елико свяжете на земли, будет связан и на небеси, и прочее.

— Криво ты толкуешь! — закричал поп Леонтий.

Самуил стал утверждать, что говорит сущую правду, и тут же задумался о том, как необходимо и вполне согласно со словом писания предать покойника проклятию.

Выбранился поп, но в это время загудел благовест к вечерне, и он поспешил в церковь, где и стал за правым клиросом. Самуил поместился в толпе монахов на клиросе. Леонтию скоро довелось увидеть следующую сцену.

Иеромонах Иосиф Дробницкий напомнил Самуилу относительно хождения в школу. Самуил в ответ выбрал Стефана Рязанского: «Лгал он, да и пропал!».

Иосиф отвечал на это болтуну ударом кулака.

— За что ты его бьешь? — заметил архимандрит Иоакимф, стоявший неподалеку от клироса.

Монахи объяснили, что Самуил бранит Рязанского.

— Ну, так и бейте его хорошенько, — заключил отец Иоакимф.

Рано утром, в чистый понедельник, после заутрени и пред часами, в келье наших приятелей собрались для разделу денег, собранных в ящик

в церкви, все иеромонахи и иеродиаконы. Дележ кончился, и некоторые, для посмеяния, видя, в каком иступленном состоянии находится Самуил, стали над ним подшучивать. Тот, все погруженный в думы о необходимости предать проклятию покойника, брякнул пред всеми присутствовавшими:

— Вот стоит Глебова кола, самому его заперло? И чтоб его телу сквозь землю провалиться. Сам пропал, да и все пропадут!!

— Ах ты, проклятый, — закричал на него иеродиакон Иов, — будь ты проклят; когда б ты да такие слова говорил не в келье, а где-нибудь в другом месте, за монастырем, то б я тебя за такие речи прибил... За такие слова высекут кнутом, да пошлют в ссылку в Соловецкий монастырь либо посадят в тюрьму!!...

— А что ж, — кричал в ответ Выморков, — в Соловецком-то монастыре кельи лучше богоявленских? А и в тюрьму посадят — я буду говорить: «Изведи из темницы душу мою исповедатися имени Твоему!».

— Черт его знает, что он такое говорит! — толковали монахи, спеша оставить келью и очень хорошо понимая, что все те речи не к добру ведут.

— Все на высокие персоны говорит, — объяснял со своей стороны Иов, обращаясь к некоторым из сотоварищей, — взял бы его, и прибил как собаку.

Вечером, в тот же понедельник, у иеромонаха Петра и иеродиакона Савватия опять гости, на этот раз не по службе, знакомые их: брат холмогорского епископа Григорий, а с ним подьячий, в келью же зашел и казначей Сильверст. Мирно шел разговор и выпивалась водочка. Заговорили о скором отъезде Григория в Холмогоры.

— А тебе, — спросил подьячего Савватий, — дастся ли указ ехать на Холмогоры жить по-прежнему?

Не успел подьячий ответить, как из-за перегородки заговорил Выморков.

— Тогда был царь, и нужен был указ, а ныне иной. Когда б мне была такая нужда, то б я не стал указу спрашивать, так бы пошел.

— Когда кто будет, — возразил подьячий, — ныне уже государя не стало, а государственные права не отстаются; а что по государе кто не тужит, разве какой раскольник. Что за кавалер был! Истинно храбр и славен был во всей вселенной!

— Та его храбрость и премудрость, — размышлял, слушая те похвалы и сердясь все более и более Самуил, — дадеса ему, Петру I, от Бога

не ради его, но молитв ради Святых Божиих угодников и всех благочестивых христиан, и дух святой и недостойными действует.

И, выскочив из-за перегородки, Выморков закричал:

— Пропал, проклятый еретик!

Все остолбенели.

— Что это у вас некакой проклятый раскольник или сумасбродный, што ль? — первый заговорил подьячий.

— Вы сами проклятые раскольники! — кричал монах, уходя в свой чулан и захлопывая за собой двери.

Гости струхнули не на шутку, и не мешкав нимало, оставили келью.

— Противно, что государь монахам велел жениться, монахиням замуж идти, — вновь заговорил Самуил.

Селиверст стал его унимать:

— Полно, дурак, врать; за такие слова тебя свяжут.

— Теперь государя нет, бояться некого.

— О, дурак, дурак, — продолжал Селиверст, — хотя государя и не стало, да страх его остался!

— Вишь что проклятый врет, — заметил казначей, обращаясь к зрителям Выморкова, — нельзя у вас сидеть!

Петр и Савватий сами это видели; давно они тяготились сожителем не то раскольника, не то сумасбродного монаха, и в тот же вечер обратились к казначею Селиверсту с просьбой, чтоб он попросил архимандрита удалить Выморкова из монастыря. «Он вовсе непотребен, — жаловались приятели, — всегда бранится»...

— Плюньте вы на него: бранит он Стефана Рязанского, или Синод... я в это дело не вступаюсь, — отвечал Селиверст, — будет нареканье от братии, будто изгоняю я по ненависти монахов из монастыря напрасно...

Между тем, Самуил провел наступившую ночь в труде: он писал давно задуманное им «проклятие во след нисшедшему во ад антихристу». Письмо не удалось. Он, по обыкновению своему, перечеркивал написанное, рвал бумагу, начинал, писал сызнова, и только по утру 9 февраля 1725 года, во вторник, по приходе от часов, удалось ему вполне, по его же выражению, успокоить совесть: в самое короткое время он написал следующее:

«Злочестивый, уподобльшийся самому антихристу, мерзости запустения, стоящей на месте свят, и восхитившему божескую и святительскую

власть, бывый соблазнитель и губитель душ христианских, прегордостным безумием надменный держатель в. ц. п. б. п. всескверный и.¹ со своими бывшими единомудрствующими да будет проклят. Писано лета Господня 1725, месяца февруария в 9 день».

Самуил вынес это письмо к своему сожителю, Петру. Тот, вместе с Савватием, только вернулись из церкви; на столе стояла похлебка. Савватий мирно занят был крошением в нее огурцов и готовились с Петром завтракать.

— Читай, да сам разумевай! — сказал Выморков, подавая письмо иеромонаху Петру и не объясняя ему таинственных литер, в чаянии, что тот, не раз уже слышавший его выходки против государя, сам уразумеет, кто в письме проклиняется.

— Не знаю, что здесь написано, — сказал Петр, поглядев на письмо, которое и не мог узнать, так как не умел разбирать писанное по-русски.

— Что написано в письме «всескверный», — объяснил Самуил, отворачиваясь от своего товарища, — и на то толк бывал великий, а ныне надлежит всескверный, всескверный, всескверный — и да будет тако!

Но Петр не обратил внимания ни на Самуила, ни на его объяснение, письмо бросил на стол и сел есть; но потом, чтоб не подмочить письма, снял его со стола и положил на окно.

Между тем, составитель «проклятия» ушел в чулан и готов был приступить к продолжению известной уже нам повести. Что за мысли роились в это время в его голове, мы узнаем из рассказа его самого, хотя по рассказу этому не вполне ясна связь этих мыслей; этой связи, впрочем, при возбужденном, иступленном состоянии несчастного молодого монаха, едва ли можно было и требовать.

— Мнил я (в это время), — говорил Самуил, — о Святейшем Синоде, что про Императорское Величество, то по своей воле сделал, хотя было так и не надобно, и хотя ж архиереи подписывались и служили ему в том, однако ж иные знатно от конечного неразумия, а иные и страха ради, тако ж и Петр страха ради отвержеся Христа, а другие и сластолюбия ради, что он их жаловал многими деньгами. А будет того не сделалось, и то написанное на бумажке поставится в дело, а я бы отрекся от совокупления их, и аще бе Бог унес в горы плакался бы о том...

Мысль о наказании за письмо, буде оно попадется людям неприязненным, не страшила Самуила, частью потому, думалось ему, что они

¹ Всероссийского царства попушением Божиим, Петр всескверный Император.

«уничтожат (письмо) и так, собака-де брешет, а владыка едет, есть кого и слушать, а брать меня за то под караул, либо к розыску не станут»...

Несчастный, однако, горько ошибся. В келью вошел иеродиакон Иерофей Оглобля, подошел случайно к окну, увидел письмо, прочел его — и судьба монаха Самуила Выморкова была решена.

XI

*Императора Петра I не стало, да страх его остался!
Селиверст монах, 8 февраля 1725 года*

Дальнейшую судьбу Самуила Выморкова нам не приходится рассказывать подробно; она вполне обща всем тем, которым в те годы доводилось впадать в подобные преступления. Самый ход следствия, суда и осуждения над ним не представляет ничего особенного. Выше, в настоящей книге, нами уже довольно было предано «дел, вершенных в розыскных дел Тайной канцелярии, 1720—1725 годов», поэтому, избегая всяких подробностей о формальной стороне производства дела и указаний на тогдашний канцелярский порядок, приведем лишь самые существенные данные.

Мы оставили Иерофея Оглобля читающим письмо Самуила. Из литер он прочел: веда — всероссийский, цы — царь, покой — Петр; не мог догадаться только, что значит буки да иже; по для него было довольно и того, что найденное им письмо, во всяком случае, было «противно». О «Бездельных хулах» Самуила, как кажется, Оглобля уже слышал, поэтому он легко догадался, что и новые хулы написаны ни кем другим, как тем же Выморковым. Впрочем, тот и не скрывался.

На первый же вопрос иеродиакона:

— Ты оное письмо писал?

Выморков прямо отвечал:

— Я.

— А я за государя своего умру! Для чего проклятый Самуил так пишешь! — говорил Оглобля и спешил с доносом к начальству.

— Сам ты проклятый! — кричал ему вслед Выморков.

Архимандрит всполошился, послали за инквизитором, тот немедленно произвел в келье Выморкова обыск. При обыске ничего, кроме

известного уже нам начала повести к пресветлейшей государыне, не было найдено.

Самуил не заперся ни пред инквизитором, ни пред архимандритом; тому и другому объявил, что письмо писано им самим, без всякого совета с чьей бы то ни было стороны и без всякого содействия, но затем в объяснение того, в «какой силе письмо то писано», он не вошел. В тот же день его посадили на цепь.

На другой день, рано утром, явились за арестантом посланные из канцелярии Синода. Выморков сопротивлялся, не шел, требовал указа, по которому его берут, кричал, что он ее Величеству не изменник, затем по улице кричал «бунт и караул», и во все время хулил ненавистного ему покойника. По определению канцелярии Синода, Самуила расстригли. При исполнении обряда, он называл светских управителей Синода слугами антихриста, и, увидав в присутствии портрет государя, зашешанный (по случаю его смерти), в исступлении закричал:

— Вон бесовский образ завешен, — и всякие другие хуления на его величество кричал неистово.

Ночью, в тюрьме, ему приснился сон. «Не бойся! тебя бить не станут!» — вещал глас какого-то видения, а было то видение в неясном образе, не то ангел, не то кто-либо из святых, посланный к нему Богом, чтобы он не печалился. И не грустил арестант; самого розыска даже не ждал, не пугало его и расстрижение, которое, однако, всегда было в те времена предвестием того, что арестанту, бывшему монаху, не миновать пытки; он думал, что расстригли его за то, что он от живой жены, вопреки указам, поступил в монахи... Притом и видение во сне сильно ободрило Самуила. Он не раскаивался в своем поступке, громко жалел, что не написал скрытных литер «п. б.» полными словами: «попущением Божиим», и гласно, в присутствии караульных солдат, повторил последнее свое письмо, не вдаваясь, впрочем, в его истолкование, и тут же наставляя солдат «к крепкому послушанию ее величеству государыне Императрице».

11 февраля 1725 года, Самуил, допрошенный в Синоде, а потом отосланный в канцелярию Сената (в ней председательствовал граф Андрей Артамонович Матвеев), на допросе в обоих учреждениях коротко рассказал, как было написано им проклятие. Причем смело и твердо объяснил «литеры», в письме написанные. «Были они, — по его заявлению, — в такой силе: в — всероссийского, ц — царства, п — попущением,

б — божиим, п — Петр, всескверный — великий, и — импертор. А бывшие единомудрствующие, — объяснял расстрига, — те, которые в Синоде были и померли!».

В тот же день Выморкова вздернули на дыбу, дали ему сорок ударов кнутом и жестоко жгли его спину вениками.

Истязуемый, говоря его же словами, «по надмению... мужественно терпел пытку, яко за правду!».

На другой день подсудимый, крайне немощный от пытки, приведен был пред канцелярию Сената. Граф Матвеев объявил ему, что за его преступление он неминуемо будет казнен смертью. Объявление это столь поразило Степана Выморкова, что он, в ожидании скорого смертного часа, тут же решился поведать суду «всю сущую правду, не точию что кому говорил и делал, или о чем от кого на свои слова слыхал, но что и в мысли какое хуленье к персоне государя имел». Решение свое Самуил исполнил свято. Суд услышал длинную исповедь, исполненную такой неподдельной искренности и правды, такой в то же время обстоятельности в передаче самых мельчайших подробностей, слов, сокровеннейших желаний и мыслей, указаний на лица, места и случаи, за два, за три года тому назад совершившиеся, цитаты, нередко довольно длинные из книг духовных, каковые цитаты расстрига Степан приводил на память. словом, верно то, что пример подобной исповеди едва ли могли представить даже летописи Тайной канцелярии, в которой в то время с таким поразительным искусством выпытывал всю подноготную Андрей Иванович Ушаков.

В своем рассказе, изложенном своеручно на бумаге, Выморков, из страха предстать пред судом Божьим с совестью, не освобожденной от прегрешений, с самым искренним покаянием передал наиподробнее рассказ о всей своей жизни с 1722 года по самый день, в который его подвергли пытке. Неизвестно при этом, взял ли на себя кто-нибудь труд разъяснить несчастному всю нелепость его мнения об Императоре Петре и его слугах, но он в показаниях своих считал уже свои мнения дьяволом на него навожденными. «И ныне, — писал он, — по истинной своей чистой совести, твердо и несомненно, как о Святейшем Синоде, так и правительствующем Сенате, и о прочих властвующих и верно служащих, о всех, которые по отшествии в вечное блаженство его Императорского Величества, при ее Величестве государыне Императрице в Российском государстве обретаются, остаюсь я без всякого нареканья.

И ныне ни в чем не сомневаюсь»... Как бы то ни было, но только в своем длинном рассказе он ни на кого не указал лживо, ни одного факта не исказил и все его показания, по тщательном, шестимесячном исследовании, вполне подтвердились свидетельством и очными ставками множества лиц, привлеченных по этому делу к суду.

Исповедь Выморкова послужила главнейшим материалом вышеизложенных подробностей нашего рассказа. Здесь поэтому излишне и приводить ее...

В то время, когда крайне немощный от жестокой пытки, Выморков писал в тюрьме повинную «о том, как прежде того был в расколе и других к тому призывал и научал, також и про покойного государя непотребные хулы, будучи во многих разных местах: в городе Тамбове и в Тамбовском уезде, на Воронеже, и на Дону, в казацких станицах кому другим сказывал, и где рассевал, и от других кого такие ж непотребства слышал, и чего ради ныне в Москве вышепоказанную хулу испущал», в то время, когда обо всем этом только лишь оканчивалась им повинная, по распоряжению канцелярии сената, арестованы в Москве, за некоторыми же из оговоренных лиц поскакали курьеры в Тамбов.

Таким образом, свезены были в тюрьмы по делу Степана Выморкова поп из села Избердей Тамбовского уезда, Антон Иванов, отец его, игумен Трегуляевского Тамбовского монастыря Иосаф, иеродиакон из Тамбовского же Казанского монастыря Изосима, Дмитрий Васильев, поп Успенской церкви в городе Тамбове и, наконец, Осип, столяр из села Спасского, того же Тамбовского уезда. Впрочем, следователи и судьи были сравнительно с петровским временем гораздо снисходительнее. В царствование покойного неминуемо свезены были бы в застенки все те попы, попадьи, дьячки, монахи, монахини, келейники, казаки, посадские люди и жены посадских людей — словом все, с которыми только имел «противные чести его величества разговоры» бывший монах Самуил, словом все лица, которых он почел священным долгом назвать поименно в своей предсмертной исповеди». Названо же им было до семидесяти лиц, и из них собственно из Тамбовского уезда и города Тамбова арестовано было всего только пять человек. Затем, разумеется, допрошен был почти весь личный состав Богоявленского московского монастыря, что за ветошным рядом; все жившие в нем, начиная с архимандрита Иоакимфа до последнего сторожа, всего до пятидесяти человек, подвергаемы были по сему делу допросу.

Главная цель допросов была узнать, в какой силе писаны и говорены были Выморковым хулы на (покойного) государя? По чьему совету? При чьем действии? Не было ли у него соумышленников? И почему слышавшие поносительные словеса не доносили о них тотчас же властям предержажим? Соумышленников, советчиков и всяких помощников пропаганде расстриги Степана, по ответам допрашиваемых лиц, в стенах Богоявленской обители, разумеется, не оказалось; а на вопрос, почему не было своевременно доноσιμο о хулениях Выморкова, каждый из братии ссылался то на шумство, в каком положении был-де допрашиваемый, когда говорил расстрига то-то и то; другие ссылались на «простоту, недоразумение и на боязнь, чтоб говоривший в словах своих не заперся»; третьи говорили, что «собирались, мол, донести, да не успели, либо не могли, заболели-де зубной болью»; наконец, один честной инок объявил, что потому и не донес на Выморкова, что «костноязычен от рожденья». В то же время, каждый почти старался ослабить или даже и вовсе опустить выражения из речей Выморкова, наиболее «противного свойства», но на многочисленных очных ставках дело само собой разъяснялось и «сумасбродные словеса» бывшего монаха Самуила выходили в том почти виде, как они были им сказаны. Сам он, в своей исповеди и в нескольких дополнительных письменных и словесных показаниях, редко те речи свои «противные» смягчал или опускал. Честной его натуре подобный обман судей казался преступлением, и нередко, приведя толки свои с разными лицами, в каких-нибудь казацких станицах, о которых без его собственных показаний никто бы никогда и не узнал, он, вместе с тем, с удивительной искренностью и как бы с сожалением говорил, что «памятно о других многих разговорах сказать я не могу».

Выслушав длинную повинную от Выморкова, произведя аресты нескольких лиц и допросив их, московская канцелярия Сената послала в Санкт-Петербург, в правительствующий Сенат, ведение, спрашивая: производить ли дальнейшие аресты и вообще, где тому делу быть следоваему? Сенат приказал: расстригу Степана и прочих, которые его делу приличны, вместе с подлинным делом прислать за крепким караулом в Тайную розыскную канцелярию в Петербург, «а которые он, расстрига, показывает старые дела, — сказано было в сенатском ведении, — те ныне оставить, и как на Дон, так и в другие места посылки не чинить».

Согласно сему определению сената, граф Матвеев и генерал-майор Дмитриев-Мамонов 9 апреля 1725 года под крепким караулом отправили из Москвы в Петербург Степана Выморкова и важнейших, по их мнению, приличных к его делу четырнадцать лиц.

Следствие продолжалось в Петербурге три с половиной месяца. Наконец, из всего дела в Тайной канцелярии составлен был коротенький, в несколько строк, экстаркт.

30 июля 1725 года изволила слушать тот экстракт Императрица Екатерина Алексеевна¹ и затем, по ее указу, Тайная канцелярия, подведя соответствующие выписки статей из Уложения и указов², определила следующее:

1) Дворовому князя М. М. Голицына человеку Ивану Иванову Чевакинскому за то, что, слыша от расстриг Степана непристойные слова про ее Императорское Величество, а не донес простотой, учинить наказание вместо кнута батогами, нещадно, и освободить с пашпортом в Москву.

2) Церкви великомученицы Екатерины, что в Москве, во дворце, вверху, попа Леонтия Балановского, за то, что слышал от помянутого же Степана про ее Императорское Величество непотребные слова, не донес потому, что был болен зубной болью, и

3) города Тамбова Успенской церкви, что в полковой слободе, Панская тож, попа Дмитрия Васильева, который также, и от того же Выморкова, слышал непотребные про ее Императорское Величество слова, не доносил от простоты своей и боясь, чтобы он, Степан, не заперся, и за то им, попам, учинить наказание шелепами при Синоде, и свободжены к прежним церквам теми ж чинами.

4) Трегуляевского монастыря, бывшего игумена Иосафа³,

5) Тамбовского уезда архиерейской вотчины села Спасского, Таленское тож, столяру Осипу Куликову,

¹ Государыня в тот день слушала три экстракта из дел Тайной канцелярии: 1) из рассказанного здесь нами дела Выморкова, 2) о письме неизвестном, по которому следовал в Москве гвардии капитан князь Шаховской, о словах графа Матвеева (?) и 3) по делу архимандрита Богоявленского монастыря, что за ветошным рядом, отца Иоакима, в обвинении его расстригой Петром Васильевым в произношении хульных слов.

² Уложение 1649 г., гл. II, ст. 1, 19. Воин. артик. 1716 г., гл. II, арт. 20; гл. XVI, арт. 129; гл. XVII, арт. 135, 136 и 137. Указ 28 апреля 1722 года, состоявшийся вследствие известного дела Левина, поносившего Петра I на площади в Пензе.

³ При допросах был пытан, получил 7 ударов.

- 6) Богоявленского монастыря, что в Москве, иеродиакону Иову,
- 7) иеродиакону Савватию, расстриге Симону Павлову¹,
- 8) иеромонаху Иосифу Дробницкому,

9) канархистру-монаху Селиверсту, за недонесение о слышанном ими от Выморкова хульных слов, подлежали бы они наказанию, «однако же то им оставляется для поминовения блаженные и вечnodостойные памяти его Императорского Величества».

Все эти лица были отправлены на места жительства, причем те из них, которые при допросах были расстрижены, вновь получили от Синода постриг.

- 11) Расстригам: Федору Степанову, и

12) Петру Васильеву² ожидать окончания вновь показанного от них дела о словах, бывших от иеромонаха Варнавы на архимандрита Иоакимфа.

13) Казанского монастыря, что в Тамбове, бывшего иеродиакона Изосиму, расстригу Захария Игнатьева, что он от Степана Выморкова³ про его Императорское Величество слышал непристойные слова. и о том не токмо донести, но и сам на его слова говорил, и за то учинить ему, Захарию, вместо натуральной смерти, политическую: бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри, послать в Рогервик, в каторжную вечную работу.

14) Сокольского уезда села Избердей, бывшего попа-распопу Антипа Щеглова⁴, который говорил про ее Императорское Величество важные, непристойные слова, и с розыску в том винулся, и за то, вместо натуральной смерти, учинить ему, Антипу, политическую: бить кнутом нещадно и, вырезав ноздри, послать в Рогервик, в каторжную вечную работу.

15) Наконец, города Тамбова, Предтечева Трегуляевского монастыря, бывшему монаху Самуилу, расстриге Степану Выморкову за его важные вины учинить ему, Выморкову, смертную казнь: отсечь голову в Санкт-Петербурге, с объявлением ему той его вины, и по экзекуции тое его голову, положи в сперт, отправить с нарочным гвардии

¹ При допросах два раза подыман на дыбу и висел на ней во второй раз с полчаса.

² При допросе на пытке дано ему 6 ударов.

³ На двух пытках при допросах дано Захарию Игнатьеву (бывшему иеродиакону Изосиме) 17 ударов.

⁴ На жестокой пытке при допросах дано ему было 19 ударов кнутом.

сержантом в Тамбов, велеть там в городе сделать каменный столб, где пристойно поставить тое голову на железной спице; а туловище его, Выморкова, зарыть здесь в землю; и о том, куды надлежит писать, а посланному дать инструкцию, и о винах Выморкова сочинить лист, и послать с помянутым сержантом, велеть оный прибить к столбу, где Выморкова голова будет.

3 августа 1725 года канцелярист в присутствии караульного гвардии сержанта прочел Степану Выморкову смертный приговор.

4 августа осужденный был исповедуем и только спустя неделю удостоен причастия Святых Тайн; в тот же день, когда Тайная канцелярия разрешила причастить Выморкова, она озабочивалась нарядом сержанта с добрым солдатом, для отвоза головы не казенного еще расстриги Степана Осипова сына Выморкова.

Когда все, таким образом, предварительные распоряжения были окончены, 14 августа 1725 года, за кронверком (на Петербургской стороне), у столба, в присутствии небольшой команды гвардейских солдат, неизменного свидетеля казней, секретаря Тайной канцелярии Ивана Топильского и толпы народа, совершена экзекуция по прочтении приговоров. Бывший иеродиакон Изосим (расстрига Захар Игнатьев) и распоп Антипа Щеглов высечены кнутом, дано им по тридцати ударов каждому и ноздри у них вырезаны.

Затем, у того же столба, по прочтении приговора казнен был бывший монах Самуил (расстрига Степан Осипович) Выморков.

Голова его была отсечена, положена в спирт, и гвардии сержант в сопровождении доброго солдата повез ее в Тамбов для публики. Публика совершена была таким образом: полковник, тамбовской провинции воевода Петр Иванович Щербочов, обще с прибывшим сержантом, распорядились на площади, где бывает колодникам экзекуция, сделать каменный столб, и на нем утвердили железную спицу. Затем, 8 октября 1725 года, в пятницу, в торговый день, в присутствии властей и при многих людях голова Выморкова с публикой, с барабанным боем на спицу воткнута и лист о винах Выморкова при той okazji прочтен и прибит крепко к тому столбу, впредь для всенародного ведения, и поставлены у того столба для караулу солдаты.

Иеродиакону Боговленского, что в Москве, монастыря, Иерофею Оглобле, «за его усердное показание, по определению графа Петра Андреевича Толстого и Андрея Ивановича Ушакова, и согласно с указом

28 апреля 1722 года, выдано в награждение ее Императорского Величества жалованья 50 рублей».

Санкт-Петербург. 25 июня 1865 года

Примечание. Три года спустя по составлении нами настоящего очерка по подлинным документам, сохранившимся в Государственном архиве Министерства иностранных дел, — С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен», изд. 1868 г., М., том XVIII, посвятил две страницы этому делу, заметив, что жизнь монаха Самуила Выморкова относительно ожидания антихриста представляет один «из самых любопытных эпизодов в истории раскола» (стр. 213—214). Коротенькая заметка о той же жизни была напечатана С. М. Соловьевым в «Православном Обозрении» 1861 года.

III.

**ФРЕЙЛИНА ГАМИЛЬТОН.
1719 ГОД**

Исторический очерк

*«Страсть любовная, до Петра I почти в гру-
бых правах не знаемая, начала чувствительными
сердцами овладевать, и первое утверждение сей
перемены от действия чувств произошло. А сие
самое и учинило, что жены, до того не чувству-
ющие своей красоты, начали силу ее познавать,
стали стараться умножать ее пристойными
одеяниями, и более предков своих распростерли
роскошь в украшении. О, коль желание быть при-
ятной действует над чувствами жен!»*

Князь М. М. Щербатов.

*«О поврежд. нравов в России», «Русская Ста-
рина» 1870 г., изд. третье, том II, стр. 16.*

I

Гемильтон или Гамильтон (Hamilton) принадлежит к числу древней-
ших и именитейших родов датских и шотландских, разделяющихся на
множество отраслей. Мы не станем перечислять знаменитых предста-
вителей и представительниц этой фамилии, но заметим, что хроники Га-
мильтонов богаты самыми романтическими происшествиями, самыми
разнообразными деяниями на поприщах политическом, литературном,
придворном, в областях искусства, живописи, музыки. Наконец, имя од-
ной из Гамильтонов, леди Эммы Гамильтон (1760—1815), занимает
видное место в хрониках английского и неаполитанского дворов. Знаме-
нитая красавица была любовницей многих distinguished лордов, лю-
бовницей нескольких героев, игравших в свое время важные роли в уче-
ном или военном мире, была сама героиней, публичной женщиной, была
натурщицей, за деньги представляла статую богини Здравия (Hydiea).
являлась публике обнаженной и прикрытой прозрачным покрывалом.
была законной супругой лорда-посланника, управляла неаполитанским
двором... Словом, список ее деяний бесконечен.¹

Некоторые из членов этой фамилии в настоящее время (1860 год)
принадлежат к числу ближайших родственников Луи-Наполеона III.

Вслед за таким громким генеалогическим вступлением можно
подумать, что фрейлина Гамильтон, героиня настоящего рассказа.

¹ Энци. лексикон, т. XIII, стр. 457—459.

есть лицо в высшей степени замечательное, что жизнь ее полна деяниями романтическими, что она — хоть бледный первообраз леди Эммы Гамильтон? Нет, «девка Марья Гаментова», как названа Гамильтон в современных ей застеночных документах и в пыточных допросах, личность интересная, но в другом роде, в других нравах. Кратковременная жизнь ее не богата событиями разнообразными; но эти немногие события характеризуют время Великого Петра, некоторых из лиц, его окружавших, знакомят с тогдашним состоянием одной из важнейших частей уголовного законодательства. Наконец, дают нам повод, хоть в кратком очерке, представить внутреннюю жизнь петровского двора.

В последнее время (1860 год) судьба фрейлины Гамильтон заинтересовала многих из тех, которые следят за текущей русской литературой. По поводу имени Гамильтон (Гаментова тож), случайно попавшего в устряловские списки оговоренных и пытанных лиц в 1718 году (История Петра I, т. VI), в одной из газет в 1860 году появилась интересная статейка «Фрейлина Гамильтон».

«В истории России первой половины XVIII века, — так начинает автор, — есть много лиц, которых трагическая судьба должна бы спасти от забвения. Эти бледные окровавленные тени, участь которых мало трогала жесткие, недоступные состраданию сердца людей, живших в то ужасное время, встают теперь, одна за другой, из могил и являются перед судом потомства, требуя очищения памяти их от несправедливого осуждения и произнесения нового, успокоительного для них, приговора».

В этих словах выражается взгляд составителя статьи на фрейлину Гамильтон, о которой он приводит немногие, но любопытные подробности из нескольких печатных сочинений. Не станем распространяться о том, верно или неверно суждение неизвестного автора о трагической судьбе Гамильтон; но заметим, что судьба эта заинтересовала многих, и вслед за указанной статейкой в газетах появилось несколько дополнительных статей, замечаний, объяснений и поправок о фрейлине Гамильтон.¹

¹ «Северная Пчела» 1860 г., №№ 73, 74, 85, 91 и 139. «Санкт-Петербург. Вedom.», 1860 г., № 74. Одна из этих статей принадлежала г. Циммерману, скончавшемуся в 1883 году, тому самому, который впоследствии прославился как отличный офицер, затем генерал генерального штаба и начальник одного из корпусов в войне 1877—1878 году.

«Мы покорнейше просим, — заключает автор одной из этих статей, — занимающихся историческими исследованиями эпохи Петра Великого, в особенности М. И. Семевского, поискать еще каких-либо сведений о Гамильтон; может быть, и подлинное дело о ней где-нибудь сыщется».

Имея пред собой это дело, мы очень рады, что можем удовлетворить любопытству людей, занимающихся отечественной историей.

«Семейство Гамильтон, — пишет А. Языков¹, — основываясь на подлинном родословии этой фамилии, — прибыло в Россию при царе Иване Васильевиче Грозном, между 1533 и 1583 годами. Родоначалник этой фамилии был Фернард, родом датчанин, родственник герцога Нормандского, за малолетством герцога правивший Нормандией в 912 году».

От Фернарда до Якова Гамильтона, современника Петра Великого, изображено на пергаментном родословном свитке 24 нисходящих линии родства с боковыми отраслями этого рода.

Ближний боярин царя Алексея Михайловича, знаменитый Артамон Сергеевич Матвеев, был женат на Гамильтон; впрочем, в биографиях Матвеева фамилия жены его или вовсе не названа, или просто сказано, что она была происхождением шотландка,² именем Евдокия. На каменной гробнице ее, в семейном склепе Матвеевых (в Москве, близ Покровки), высечена следующая надпись: «Гроб супруги блаженного боярина Артамона Сергеевича Матвеева — боярыни Евдокии Григорьевны; а преставление ее во 180 (1672) году августа 24-го, на память пренесения честных мощей иже во святых отца нашего Петра, митрополита киевского и всея России чудотворца».

Если надпись на гробнице Евдокии Григорьевны умалчивает о ее прежней фамилии, зато мы узнаем ее из подписи над подлинным родословием Гамильтонов. Она помещена на пергаментном свитке (длиной 3 аршина 12 вершков, шириной 1 аршин 2 вершка); «генеалогия знаменитой фамилии Гамильтон, вышедшей из Шотландии, составлена для употребления знаменитому мужу Андрею Артамоновичу Матвееву, экстраординарному генеральному консулу Бельгии и союзных государств, которого знаменитая родительница произошла из фамилии Гамильтон».

¹ Ныне покойный директор училища правоведения в С.-Петербурге.

² Бант.-Каменский — Терещенко: Опыт обозрение жизни сановников и проч. 1837 г., ч. I. стр. 113. Малиновский: Рукописн. биографии управлявших иностр. делами. Львова: Повествования о боярах XVII в. М. 1821 г. Сахарова: Предисл. к запискам сына Матвеева. Н. И. Новикова изд. «История о невинном заточении Матвеева», 1776 г.

Генеалогия эта, составленная по подлинным историческим актам Шотландии и Англии, написана, разрисована и украшена Ф. Брандтом Эмигером, придворным художником Анны Британской.

Наверху родословного дерева, как описывает его Языков, с правой стороны помещены гербы Артамона Сергеевича Матвеева и жены его, Евдокии Григорьевны. Над гербом первого подписано: «Артамон Сергеевич Матвеев, первый сенатор, министр и канцлер Московского государства, презус иностранных дел, ближний боярин, наместник серпуховский». Фамильный герб жены его представляет щит пурпурового цвета, в котором между тремя серебряными розами изображено золотое сердце, окруженное золотыми чертами. Под гербом подпись: «Княгиня Евдокия Григорьевна из дома или семейства Фомы Гамильтона г. Дарнгаберского, второго брата Якова Гамильтона, каковой дом начал процветать в Московском государстве при Иване Васильевиче».

Некоторые члены этой фамилии скоро вступили в русскую службу, обрусели, и, вследствие употребляемой тогда славянской азбуки и всегдашней способности русских коверкать иностранные фамилии, стали вписываться в акты: Гамелтонами, Гаментонами, Гаментовыми, Хомутовыми.¹

Гамильтоны при воцарении Петра, вследствие брака Евдокии Григорьевны с А. С. Матвеевым, принадлежали к аристократическим фамилиям и чрез Матвеевых имели большие связи. Кто же из них был отцом фрейлины Марьи Гамильтон?

В русских документах отца ее называют Даниилом; в последней линии родословной Гамильтон является двоюродным братом по матери Андрею Артамоновичу Матвееву, поставлен *Guilemus* — Гилим; зная свойство тогдашней, да и нынешней русской речи, весьма основательно предположить, что Даниловна переименована из Вилимовны.

Таким образом, Марья Даниловна или Вильмовна, знатная фрейлина петровского двора, была племянница Андрея Артамоновича Матвеева.

Впрочем, положительных указаний о том, кем был отец Марии в ряду московских сановников, мы не нашли. Известно только, что в начале царствования Петра один из вновь образованных полков был вверен

¹ Последняя фамилия имеет общий герб с Гамильтонами, и у одного из представителей ее, наказного атамана донского войска М. Г. Хомутова, (ныне покойного), сохранилось генеалогическое древо рода. Его предком был Гамильтон, о котором сообщил интересные сведения А. Языков («Сев. Пчела» 1860 г. № 139).

начальству Гамонтова (Гамильтон) и по имени своего начальника назывался Гамонтовым полком.¹ Как он переименован впоследствии и куда делся командир полка, неизвестно. Мы нашли только одно указание в списках 1706 года: «Полк, бывший Ивана Бернера, ныне Гамелтонов, расположен в Петербурге».² Не этот ли Гамильтон (Вилим?) был отцом фрейлины Марии?

В то время, когда в рядах русского войска в звании полкового начальника служил иноземец Гамильтон, другой Гамильтон предводил одним из отрядов шведской армии. Он взят был в плен в день полтавского сражения, в числе четырех других генералов.³

Как видно, он принадлежал к числу именитейших пленников, ибо довольный Петр во многих письмах, разосланных к разным лицам, с гордостью называет Гамильтона, искажая его имя на все лады, — общий удел всех тогдашних иноземных фамилий.

Большой чин Гамильтона не спас его от судьбы, постигшей всех шведских пленных. В 1714 году он был послан с тремя товарищами в Кириллов монастырь.⁴ После пятилетнего заточения, при начале переговоров о мире, он был освобожден, бывал у многих из вельмож, принимал участие в пирах, благодарил Петра за милостивое обхождение — это было в 1719 году, то есть тогда, когда его однофамилица, по воле сурового монарха, страдальчески окончила свою жизнь... В 1722 году генерал-майор Гамильтон получил разрешение возвратиться в отечество. Он оставил Россию, наделенный подарками от герцога Галштинского.⁵

В каком году начинается служба его прекрасной однофамилицы при дворе Петра и Екатерины — неизвестно. На основании некоторых соображений, мы думаем, что Гамильтон в качестве ближней прислужницы Екатерины явилась не ранее 1713 года. В 1715 году она уже сама имела двух горничных и пользовалась расположением царя и царицы.

¹ Еще Олеарий в своем Путешествии по Московии упоминает о полковнике Гамельтон (Hamilthon), как об одном из иностранцев-офицеров в войне царя Алексея Михайловича. Чтения Моск. Общ. Истории, 1869 г., стр. 282.

² Тетради записные, 1704—1706 гг., изд. 1774 г., стр. 164, 165, 185, и 186.

³ Поденная записка Петра, изд. 1770 г. Ч. I, стр. 202. Журн. Гизена, полов. 2, стр. 108, изд. 1788 г.: «Взят в плен генерал-майор Гамильтон». Голиков, изд. 2-е, т. IV, стр. 77; т. V, стр. 275; т. VII, стр. 246; т. XI, стр. 222; т. XV, письма 18, 19, 26.

⁴ О бедствиях шведских пленных в России подробно рассказывает Берхгольц. Ч. I, стр. 46, 56. Ч. II, стр. 44—46, 104 и 105.

⁵ Берхгольц, ч. 3, стр. 98.

Штат Екатерины был далеко незатейлив; он состоял из немок, чухон, карлов и немногих русских. Как видно, для звания прислужницы, по старому выражению, девушки с верху,¹ вовсе не требовалось ни знатного происхождения, ни ума; в этом случае отличали только красоту и молодость. Такой выбор объясняется как вкусом и характером Петра, так и происхождением самой Екатерины.

Самые разнообразные рассказы о первом и весьма темном периоде ее жизни носят характер легендарный, вот одна из этих довольно сбивчивых легенд, записанная, уже сто лет спустя после рождения Екатерины I, Гельбигом. Отец Марты (Екатерины) был литовский крестьянин Самуил (Сковронский); кроме сына Карла, он имел трех дочерей: Марту, Христину и Анну. Вся семья была католической веры. По смерти Самуила семейство переехало в рижский округ, в деревню Lennenwaiden, на речке Rumbé. Марта родилась, как уверяли иноземцы, 16 апреля 1686 года, и лишь только подросла, отдана была матерью, не имевшей средств содержать большую семью, в услужение к пастору Daut, в том же округе, в роопский приход. Марта из католички преобразилась в лютеранку и скоро ушла в Мариенбург, венденского округа, в услужение к пастору Glück.² К этому времени относится брак ее, по любви, со шведским драгуном Johann. История этого брака рассказывается иноземными писателями с различными вариантами, всевозможными романтическими приключениями, очевидно, произведениями фантазии сочинителей. Другие же писатели не только подробности, но и самый брак опровергают. Для разъяснения этого вопроса недостаточно немногих, но весьма важных документов, обнародованных К. И. Арсеньевым, С. Соловьевым и другими о семействе Екатерины: подождем еще материалов,³ а пока, вслед за Гельбигом, повторим легенду, что брак Марты (Екатерины) с драгуном был непродолжителен. Драгуна потребовали

¹ «В верху», то есть во дворце. «Ступай на верх, зовет тебя барин», в этом выражении нынешней (1860 год) прислуги сохраняется прежнее значение слова: верх. В старину были: верховые боярыни и боярышни, ровнявшиеся нынешним статс-дамам и фрейлинам.

² Russische Günstlinge. Тюбинген, 1809 г., стр. 31—34. Герман, в известном сочинении своем: Geschichte d. russisch. Staats, V, 109, примеч. 79, свидетельствует, что автор Russ. Günstlinge — был Гельбин (Helbig), тайный советник при саксонском посольстве, аккредитованный к петербургскому двору в 1787 году. В дрезденской библиотеке, на корешке книги R. Günstlinge выставлено имя Гельбига, как автора сего сочинения, весьма интересного по отношению к русской истории XVIII века.

³ Разъяснению печатных иноземных известий о происхождении Екатерины положил начало П. К. Щербальский, напечатавший во 2-й кн. Чтен. Общ. исторублей и древн. росс. (1860 год).

в полк.¹ Это было незадолго до взятия Мариенбурга. В числе пленных была миловидная Марта. Шереметев взял ее к себе, но скоро уступил Меншикову в качестве служанки. Меншиков долго скрывал пленницу от вельмож и Петра, но в веселый час прихвастнул красавицей... Она взята во двор государев в конце 1703 года или в начале 1704 года; в 1705 году имела уже от царя Петра двоих детей, что видно из письма, ее именем так подписанного: «6 октября 1705 года: Катерина сама третья». Именовалась она сначала Катерина Василевская (до 1708 года), потом Михайловой (до 1711 года); перешла в Москве (около 1708 года) в лоно православия.² Полагают, что крестной матерью была Екатерина Алексеевна, сестра государя; верно же то, что крестным отцом был царевич Алексей Петрович, по имени которого она и получила свое отчество и стала писаться Екатерина Алексеевна.

Несколько лет новая любимица считалась во дворе государя; с марта месяца 1711 года к ней уже обращаются как к царице и она сопровождает государя в походах... Петр обвенчался с ней, по рассказам некоторых писателей, в 1711 году.

В народе, по поводу этого брака, ходили разные толки и слухи...

— Не подобает монаху, не подобает и ей (Катерине) на царстве быть, — так говорили солдаты, говорили и в народе, — ведь она не природная и не русская; и ведаем мы, как она в полон взята: приведена под знамя в одной рубаше и отдана была под караул; караульной, наш же офицер надел на нее кафтан... Она (Катерина) с князем Меншиковым его царское величество корнем обвела.³

Так говорили в толпе; писали же и печатали, как тогда, так и гораздо позже, несколько в другом тоне: «Великий монарх, — восклицает один

небольшое исследование: «Новое предположение о происхождении Екатерины I». В позднейшие годы интересная статья, составляющая свод шведских известий о происхождении Екатерины I, была написана акад. Я. К. Гротом.

¹ Рассказывают, замечает Гельбиг, но за достоверность не ручаюсь, что муж-драгун пробрался впоследствии в Россию посмотреть на царском дворе на свою жену, но его будто бы схватили и, по повелению Петра, сослали в Сибирь.

² В нашем собрании гравюр и полиטיפажей есть интересная литография: Меншиков передает царю Петру Екатерину.

³ Доношение дьячка Федорова на капрала и Волоколамского помещика Кобылина в брани царского величества. Напечат. в «Чт. Общ. Истории» 1860 г., ч. 2, стр. 21—24, смесь. «Кобылин (так доносит дьячок) вообще говорил (про Катерину) неудоб сказаемым словом скверно и непристойно», по-своему разрешая вопрос: «чего ради и корона ее, государыни, устроена».

из восторженных деесписателей царя Петра I, — никогда не оказал быть себя от плотского сластолюбия преодолена. По разводе с царицей Евдокией, пробыл безбрачно более 12 лет, не имея ни в мысли того, чтоб ему когда с вожделением на женской пол воззреть, пока не уловлен был от дарований, усмотренных им на лице или в сердце Екатерины, которую кой час только увидел, то всю свою любовь к ней возымел с продолжением оной до кончины своей жизни безо всякие отмены! Толь сильное и здоровое тело имел великий Петр!». ¹

В 1715 году Петру Бестужеву дан указ царем Петром разведать о родных Екатерины, и его ответ — одно из достовернейших известий о ее происхождении.

«Вильгельм Ганн Курлянец, — доносил 25 июня 1715 года Бестужев, — у него четыре сестры: первая, Катерина-Лиза, была замужем в Крейсбурхе за Яном Веселевским, вторая сестра Дорота была за Сквородским, имела два сына и четыре дочери, была лютерскова закону: один Карл, другой Фриц в Польских Лифляндах, одна дочь Анна, другая Доротея, обе в Польских Лифляндах замужем, третья Катерина жила в Крейсбурхе у тетки своей Марии-Анны Веселевской ², которую в 12 лет возраста ее взял в Лифлянды шведской мариенбургской пастор; четвертая Анна в поветрие умерла».

Родилась Катерина не в 1686 году, а в 1683 году.

Сильное и здоровое тело Петра Алексеевича, вопреки словам его историка, любило, хотя и временные, но частые отмены, и вот при дворе любимицы Катерины, одна за другой, являются красавицы в различных званиях, более или менее опасные, особенно в первое время... Таким образом, является на сцене Марья Даниловна Гамильтон.

Чтобы ближе ознакомиться с положением Марьи Даниловны Гамильтон при дворе, необходимо познакомиться со штатом прислуги Екатерины; но, к сожалению, мы не имеем никаких документов, ни даже списков придворного ведомства 1715, 1716, 1717 годов. Самая ранняя роспись, доставленная нам П. Н. Петровым, относится к 1720 году. Но так как в пять лет не могло произойти важных перемен в составе, общем характере придворного ведомства, то считаем нелишним привести этот список или «ведение к денежному жалованью 1702 года»:

¹ Житие Петра I. Соч. Феодози, Москва, 1788 г., стр. 553.

² Отсюда фамилия Василевская, под которой Катерина была известна в России. См. «Историю России» Соловьева т. XVI, стр. 70; т. XVIII, примеч. стр. 10.

«Комнаты ее величества всемилостивейшей государыни царицы:

Ягане Петровой — 100 рублей; Устинье Петровой — 80 рублей; Анне Ивановой — 50 рублей; Татьяне Герасимовой — 20 рублей; Варваре Мартыановой — 24 рублей; Сузане Ивановой — 80 рублей; камер-пажу Семену Маврину — 100 рублей; пажу Густаву Голстиину — 70 рублей; пажу Антону Детольдену — 70 рублей; князю Федору Прозоровскому — 20 рублей; Карлу Мокею Челищеву — 40 рублей; Козьме Спиридонову — 40 рублей; Ивану Воробьеву — 20 рублей; бабушке Авдотье Павловой — 100 рублей; Маргарите Даниловой — 65 рублей; Агнете Ивановой — 26 рублей; Катерине Нелис — 25 рублей; карлице Анне Ивановой — 20 рублей; солдату Денису Иванову — 10 рублей; прачке Домне Федоровой — 12 рублей; музыканту Яну Пандуховскому — 20 рублей.

Комнаты царевны Анны Петровны¹:

Авдотье Ильиной — 120 рублей; Дарье Ивановой — 80 рублей; Бьяте Крестьяновой — 80 рублей; Софье Степановой — 80 рублей; Катерине Бухвостовой — 50 рублей; француженке Жегетоне — 40 рублей; Марье Шепелевой — 20 рублей; карлицам: Устинье Никитиной — 25 рублей и Марфе Даниловой — 20 рублей; карлику Фролу Сидорову — 15 рублей; Матвею Дементьеву — 12 рублей.

Комнаты царевны Елисаветы Петровны:

Лискине Андреевой — 100 рублей; Анне Беате — 80 рублей; Грите Гликше (Glück) — 80 рублей; Анне Юрьевой — 40 рублей; карлице Авдотье Петровой — 20 рублей; карлице Аксинье Тимофеевой² — 20 рублей; Авдотье Лаврентьевой — 21 рубль; Никите Вожжинскому — 12 рублей;³ Лискиньи Андреевой, сыну Андрееву — 12 рублей; Афонасью Калугину — 10 рублей; кухмистру Яну Пельхеру — 150 рублей; Юрию Липинскому — 5 рублей; старухе Крестине Пипер — 70 рублей.

Комнаты царевны Натальи Петровны:

Карлице Марьи Юрьевой — 50 рублей; старухе Анне Николаевой — 30 рублей; прачке Марье Андреевой — 12 рублей; девке Елене

¹ Некоторые из названных лиц приведены Голиковым в списке девушек-фрейлин, т. VII, стр. 398.

² Это была московская крестьянка, страшный урод, с бородой. По приказу Петра, сделан был ее портрет, нагой, Гселлем, швейцарцем; хранился в Акад. Наук.

³ Подобные списки и близкое знакомство со штатом той либо другой особы весьма важны во многих случаях. Они иногда обнаруживают, вследствие каких связей и отношений то либо другое лицо пало или возвысилось.

Ивановой — 12 рублей; швейке, которая надсматривает над прачками, Лискиньи Сигре-Сисели — 14 рублей; прачке Керине Федосеевой — 12 рублей; Прасковье Васильевой, Катерине Ивановой, Лискине Ивановой, Марье Андреевой — по 12 рублей каждой».

Далее следует список 11 певчих; жалование им было от 40 до 80 рублей; три коровницы получали по 10 рублей; поляк Гаврило Горский — 10 рублей; пяти гребцам — по 8 рублей и 4 гривны каждому; шапочнику Д. Иванову — 23 рублей 8 гривен 2 деньги; портному Василию Вонифатьеву — 14 рублей 31 гривен 4 деньги; Ф. Бухарову — 30 рублей; двум шведенкам, которые у золотых дел мастера находятся, на обувь и на прочее — по 6 рублей; калмыченку — 4 рублей.

Комнаты великого князя и великих княжон:

«Камер-фрау Солтанине — 60 рублей; Смендехине-Биате Петровой — 50 рублей; камер-юнг-фаре Катерине — 50 рублей; портному Иоганну-Фридриху Стенбаху — 80 рублей; Петру Бему и двум хайдукам не означено».

В этом списке, наряду с иностранными фамилиями, много русских; в последние годы, действительно, при дворе Петра является более русских, нежели прежде; впрочем, по фамилиям женщин вовсе нельзя судить, чтоб они были русские. Иностранные имена искажались, по воле каждого писца, на русский лад либо иностранка выходила замуж за русского.

Приведенный список позволяет догадываться, что и при поступлении ко двору Гамильтон, те же или подобные же лица составляли двор.¹ Содержание получали они довольно скудное, даже и по тому времени; вообще, вся эта толпа русских, немок, поляков, полек, чухонок напоминала барскую дворню крепостных холопов — дворню самую разнохарактерную. Можно судить, какую смесь языков, одежды и лиц представляла эта толпа; какой странный контраст являл собой двор Петра и Екатерины с дворами московских царей прежнего времени!

Петр скоро заметил красавицу Гамильтон и сделал для нее отмену, вероятно «усмотря в ней такие дарования, на которые не мог не смотреть с вожделением».

¹ Большим однообразием и порядком отличался двор Шарлоты Софин, супруги царевича Алексея Петровича. Штат ее составлен был почти весь из немцев и немок. На содержание отпускалось 11 т. руб. Устрялов, т. VI, стр. 33.

Его ли внимание, внимание ли Екатерины, которая, желая угодить властелину и своему хозяину, ласкала временных своих соперниц, как бы то ни было, только Марья Вилимовна или Даниловна Гамильтон пользовалась значением при дворе, имела много нарядов, дорогих вещей, несколько горничных, из которых впоследствии важную роль играют в ее жизни Катерина Терновская да Варвара Дмитриева. Марью Даниловну ласкали, вслед за государем и государыней, придворные; ей делали значительные подарки.

Так, например, генеральша Балк подарила ей красивую девушку Крамер. Анна Ивановна Крамер была дочерью купца и члена нарвского магистрата. Взятая в плен в 1704 году, она была отослана на жительство в Казань, оттуда, несколько лет спустя, приехала в Санкт-Петербург и здесь была подарена госпоже Балк; последняя презентовала ее Марье Даниловне. Посещая Гамильтон, государь Петр Алексеевич шутил и с ее милой прислужницей... «Государь, — замечает Гельбиг, — находит большое удовольствие в беседах с ней».¹

Окруженный подобными красавицами, развлекаясь с ними в часы досуга, Петр веселился и хотел, чтоб веселились все его приближенные: с этой целью монарх, среди множества государственных дел, находил время устраивать самые курьезные празднества; царем их был прежний его наставник, Зотов.

«Мудрый государь, — восклицает Голиков, — наименовал сего Зотова папой, дабы метаемую папой власть над христианством и самую особу папы привести у подданных своих в презрение. С этой целью наряжал он Зотова смешным образом в папские уборы, представлял многие обряды папские в таком же смешном виде и прочее. Равным сему образом приводил царь, мало-помалу, в неуважение патриарха Российского».

Чтобы приготовить народ к небытию патриарха, как повествует автор «Деяний», и наперед изведать мысли своих подданных, государь преобразил князь-папу в князь-патриарха. Он одевал Зотова в платье, подобное патриаршему; когда тот торжественно садился на коня в назначенные дни, то государь, подражая прежним царям русским, держал стремя его седла.

С целью же осмеяния патриаршего звания государь повелел устроить смехотворную свадебную церемонию мнимого патриарха.²

¹ Russ. Günstl. Стр. 103—104.

² Голиков, т. VI, стр. 278—292. Мы видели у Н. И. Урывкова картины 1702 и 1704 гг.

21 сентября 1714 года дан был указ всем знатым особам обоого пола, гвардии офицерам и другим чиновникам быть на свадьбе тайного советника Никиты Зотова, для чего и приготовить «всесветного манера платья, с тем, однако, чтоб каждого манера было не более трех платьев».

10 декабря государь осмотрел всех ряженных в доме секретаря Волкова, на Васильевском острове; сам распределил порядок поезда, собственноручно написал реестр господам, кому быть на свадьбе, в каком платье и с какими играми. Вся знать, начиная от графа Апраксина, князя Меншикова, митрополита новгородского, царевича Алексея до последнего царского денщика, все должны были участвовать в смехотворной процессии. Из дам приняли в ней участие: ее величество государыня в фрисландском костюме, две царицы Мария Матвеевна и Прасковья Федоровна в польских нарядах, обе женщины чрезвычайно набожные, для которых, без сомнения, имя и звание патриарха имело гораздо более значения, нежели для Екатерины, переменившей, по воле случая, вероисповедание. Кроме двух цариц, царевен и принцесс, государыню сопровождали пять девиц-фрейлин: они были в летниках и в нагольных шубах (вывороченных?). В этом странном, не совсем красивом наряде, сохранившемся в настоящее время между кухарками и горничными низшего разряда, во время их ряжений о масленице и святках, должны были нарядиться фрейлины Екатерины I. В этом же наряде, без сомнения, была и Марья Даниловна Гамильтон.

Гости приглашались особой запиской, написанной в юмористическом тоне такого рода: «Позвать вежливо, особливим штилем, не торопясь... между многими другими тех, которым со двора отлучиться нельзя» (то есть денщиков). Четверо величайших заик должны были ходить с приглашениями; не принять их никто не смел, опасаясь тягчайшего гнева государева.¹

16 января 1715 года стали съезжаться: дамы собрались в доме князь-игуменьи Ржевской, каждая в назначенном ей наряде, с красными дудочками. Весь кортеж двинулся по городу длинной процессией, в линиях, каждая о шести лошадях, вслед за новобрачными; по бокам

свадьбы шутов великого Петра. Действующие лица изображены в монашеских уборах и ризах. Гравюры эти потом были нами приобретены от Урывкова, ныне покойного.

¹ Так, например, Матвей Алексеевич Головин за то, что не хотел рядиться и мараться сажей, был раздет донага и преобразен в демона на невском льду. Демон не явил силы демонской; он простудился, получил горячку и вскоре умер. Родосл. Головиных изд. 1847 г., стр. 60.

шли скороходы, старцы, уродливые толстяки, не могшие двигаться без пособия других; впереди шли музыканты со всевозможными инструментами. При громе пушечной пальбы, звуках музыки и колокольном звоне всех церквей, семидесятилетний князь-патриарх был обвенчан с шестидесятилетней архиерейшей московским девяностолетним священником из Архангельского собора. Обед был в доме князь-патриарха, откуда о смешных обрядах, подняв жениха, процессия двинулась по всему городу. Народ в бесчисленных толпах смотрел на курьезное зрелище; на улицах выставлено было для него угощение: множество бочек с вином, пивом и разными яствами. Этот народ, так недавно благоговевший пред патриархом, ныне забавлялся насчет его звания; пьяная толпа, с ковшами в руках, в великом смехом ревела: «Патриарх женился! Патриарх женился! Да здравствует патриарх с патриаршей!!».

Забавы продолжались более двух недель. Подобные пиршества свадебные, именинные и другие, сопровождавшиеся страшнейшими попойками, по уверению Голикова, служили Петру средством «к узнанию расположения сердец, сопирующих с ним!».¹

Поводов к устройству попок и всевозможных пиршеств с такой оригинальной целью было очень много: ни Петр, ни его приближенные не упускали случая ими пользоваться; церковные праздники, царские и кавалерские дни, спуски кораблей, закладки новых зданий, приход новых кораблей — все было достаточным предлогом для пира. В 1715 году, между прочим, рождение царевича Петра Петровича, чрезвычайно порадовавшее государя, вызвало целый ряд обедов «с зело-веселительным пьянством». Ради веселия и праздника, государь делался снисходительным к некоторым человеческим слабостям. Так, например, в один из больших праздников он наткнулся на улице на мертвецки пьяного работника. Монарх толкнул его ногой, говоря: «Вставай, брат!». Но толчок ли был слаб или вино тогдашнее крепко, только работник не проснулся. Государь велел убрать его в караульную. Когда пьяный проспался, его привели к Петру. Работник, не видя в очах и в голосе монарха ничего гневного, чистосердечно покаялся: «Обрадовавшись-де празднику и отдохновению от работы, согрешил — напился». Государь простил

¹ Деяния Петра Великого, том VIII, стр. 366. «В попойках, по мнению кн. М. М. Щербатова, государь тщился познавать мысли недоброхотствующих ему вельмож... И се, может статься, была причина, что не токмо знатнейших бояр неким родом самовластия упиваться принуждал, но иногда и женщин поил»... «Чт. Об Истор.» 1860 г., кн. I, о пороках Петра, стр. 19.

кающегося. «Да опохмелите его, — заметил он, отпуская работника, — ай, голова у него болит...»¹

На пиршествах присутствовали все знатные дамы: присутствовала и фрейлина Гамильтон. Красавицы, в угоду пирующим, зачастую осушали бокалы... Ассамблеи не получили еще правильного устройства; самое слово не закреплено было царским указом, но собрания танцевальные были в большом употреблении, и все дамы, в особенности молодые иностранки, чуждые русского предубеждения к этим потехам, от души веселились; веселилась и танцевала, без сомнения, и наша красавица. Она не имела первое время опасных соперниц, которые могли бы затмить ее своей красотой. Царевны Анна и Елисавета Петровны были прекрасны, по замечанию современника, как ангелы,² но в это время были детьми. Княгиня Марья Юрьевна Черкасская (1696—1747), обе Головкины, Измайлова, считавшиеся в 1721—1723 годах первым красавицами петербургского двора, в то время также были еще очень молоды.³ В числе немногих соперниц Гамильтон в 1713—1716 годах была генеральша Авдотья Ивановна Чернышева, пользовавшаяся иногда особым вниманием государя... Он называл ее обыкновенно «Авдотья — бой-баба!»⁴.

«Ты можешь наклониться на этот стол; служанка заслонит тебя и, таким образом, я не буду видеть твоей позы». (Записки Екатерины Романовны Дашковой).

Русским дамам много вредила дурная и отвратительная мода: они сильно румянились. Почти все петербургские дамы так хорошо умели раскрашивать себя, что мало уступали француженкам.⁵

¹ Деяния Петра Великого, т. XV, стр. 242—243.

² Берхгольц, ч. I, стр. 54, 86 и 101.

³ В 1721 году Берхгольц насчитывал при нашем дворе до тридцати хорошеньких дам, которые, по его мнению, мало уступали голштинским дамам в приветливости, хороших манерах и красоте. Ч. I, стр. 55.

⁴ Авдотья Ивановна Чернышева (после графиня) род. 1693 г., ум. 1747 г.; ее любила впоследствии Императрица Анна Ивановна. Она часто призывала ее потешить себя анекдотами. Рассказчица заболела; ноги ее так сильно отекали, что она не могла стоять. Тем не менее, рассказывать нужно было с почтением, стоя. Благодушная государыня сжалилась над ее страданиями и, заметив, что Авдотья Чернышева совершенно изнемогла и с трудом держалась на ногах, сказала ей:

⁵ В этом отношении они ушли вперед со времен царя Алексея Михайловича. Вот что писал Олеарий: «Русские женщины вообще красивы, но все почти румянятся, притом чрезвычайно грубо и неискусно; при взгляде на них, можно подумать, что они намазали себе лицо мукой и потом кисточкой покрасили щеки. Они красят также брови и ресницы черной, а иногда и коричневой краской». (Глава III, о русских в отношении их внешнего вида).

Страсть к нарядам и уборам с каждым годом более и более распространялась при дворе; ¹ но средства удовлетворять возникавшим потребностям были в самом младенческом состоянии. «Я от верных людей слышал, — замечает князь М. М. Щербатов, — что тогда в Москве была одна только уборщица для волос женских; и ежели к какому празднику, когда должны были молодые женщины убираться, тогда случалось, что она за трое суток некоторых убирала, и они принуждены были до дня выезда сидя спать, чтобы убору не испортить... Есть ли страсть быть приятной такое действие над женами производила, не могла они не иметь действия и над мужчинами, хотящими им угодным быть, то же тщание украшений, ту же роскошь рождало. И уже перестали довольствоваться одним или двумя длинными платьями, но многие с галунами, с шитьем и с пондеспанами делать начали».²

Сама Екатерина Алексеевна, по свидетельству того же историка, любила и старалась украшаться разными уборами и простирала это желание до того, что запретила другим женщинам подобные ей украшения носить, как, например, убирать алмазами обе стороны головы, дозволив убирать одну левую сторону. Запрещено было носить горностаевые меха с хвостиками, которые одна она носила, и это обыкновение, введенное не указом и не законом, обратилось в узаконение, в силу которого это украшение присвоено было только одной царской фамилии в то время, как в Германии и мещанки носили эти меха...³

Пример Екатерины еще более усиливал между молодыми придворными женщинами страсть к нарядам. Ее любимица камер-фрейлина Гамильтон, как увидим ниже, до такой степени увлекалась этой страстью, что, не имея возможности украшать костюм так, как бы это хотелось, стала пользоваться вещами из туалета своей госпожи. Петр, по известной бережливости, другие поклонники Гамильтон, по бедности, не могли дарить ее необходимыми украшениями; а между тем, для поддержания красоты и значения между дамами и девицами она нуждалась во многих вещах. Эта потребность являлась тем более насущной, что красота Гамильтон стала блекнуть; она уже два раза была беременна... Первая

¹ Немецкое платье начинает входить в употребление по всей России с 1705 года. К этому году относится множество грамот царских о ношении дворянами сего платья, под страхом жестокого наказания. Некоторые из грамот помещены в Древн. Росс. Вивлиофике, ч. 2, стр. 257. 258 и друг.

² «Русская Страна» 1870 г., изд. третье, том II, «О повреждении нравов», стр. 16 и 27.

³ Там же.

беременность ее относится к 1715 году. В это время, как впоследствии рассказывала Варвара Дмитриева, находившаяся при ней в услужении от великого поста и до Троицына дня, Гамильтон была больна, и в то время хаживали к ней явно Семен Алабердеев, денщики и прочие дворцовые служители. «Но была ли тогда брюхата Марья, — того я, Варвара, подлинно не знаю».¹

Из других показаний видно, что сомнения в беременности Гамильтон не могло и быть; несчастная, стыдясь множества поклонников своих, два раза, как сама после созналась, «вытравливала детей лекарствами, которые брала у лекарей государева двора, причем сказывала лекарям, что берет лекарство от запору...».²

За злополучной девушкой во время ее тяжелых болезней ходила, кроме Варвары Дмитриевой, казначейша Анна (Крамер). Варвара носила Марье Даниловне из придворной кухни есть и пить. В награду за службу Марья Даниловна дала Варваре два небольшие жемчуга, серьги да юбку старую, коломинковую.

Между тем, царь Петр уже охладел к Марье Даниловне; первая по времени назначения в России камер-фрейлина³ была для него не более, как предмет временной, преходящей любви, подобно Анне Монс, Матрены Балк, Авдотьи Чернышевой (по словам Вильбоа, беспорядочным поведением своим имевшей вредное влияние на здоровье Петра), Анны Крамер, княгини Кантемир и многих других. Только любовь к Екатерине Алексеевне, обратившаяся у Петра в привычку и всеми средствами поддерживаемая Меншиковым, оставалась в прежней силе.⁴

Оставляемая Петром, Гамильтон обратила внимание на одного из его денщиков, на Ивана Орлова... Надо думать, что предмет ее любви, по крайней мере, в физическом отношении, был достоин выбора: в денщики выбирались красивые, рослые, видные, расторопные и смышленные молодые люди.

¹ Показание 9 апреля и 5 августа 1718 года.

² Показание 12 марта 1718 года.

³ Таковой считает Марью Гамильтон П. Ф. Коробанов в своем обширном и интересном труде «Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII и в первой четверти XIX веков». Напечатано в «Русской Старине» 1870 г., изд. третье, т. II, и в «Русской Старине» изд. 1870 и 1872 гг. изд. второе. О Гамильтон см. у Коробанова в «Русской Старине» изд. 1871 г., т. III, стр. 465—466.

⁴ Записки Вильбоа изд. 1855 г. *Anecdotes interessantes de la cour de Russie*. Londres, 1792. т. IV, р. 73—77. т. III, р. 257—259. *Lettres d'une dame anglaise*, изд. 1776 г., и друг.

Они поступали из дворян, большей частью незнатного происхождения (денщикам петровским в настоящее время соответствуют флигель-адъютанты). Число денщиков было неопределенно, доходило иногда до двадцати; им поручались самые разнообразные, нередко первой важности, дела: как, например, разведывание о поступках генерал-губернаторов, губернаторов, военных начальников, и прочее. На денщиках лежали обязанности: разведывать, доносить, производить следствие, нередко исполнять роль палача: по царскому велению нещадно исправлять провинившегося дубиной. Такая разносторонняя деятельность требовала особых способностей и, разумеется, прежде всего силы, ловкости, бойкости... Денщики выполняли и лакейскую службу при столе государя, его выездах, и тому подобное. Кроме них, для ежедневной службы при государе было несколько гайдуков; они обыкновенно становились по очереди при выездах государя и государыни сзади экипажа. Денщики были обыкновенно записаны и числились на службе в одном из полков гвардии и, по прошествии нескольких лет, государь возводил их в высокие чины, давал отличные места, поручал ведать государственными делами... Из них выходили генерал-прокуроры (Ягужинский), президенты коллегий, сенаторы, генерал-фельдмаршалы,¹ начальники войск, камергеры,² судьи в делах первой важности, правители областей Империи и прочие властные люди. Впрочем, некоторые из денщиков, либо не заявившие необходимых способностей, либо имевшие несчастье сами попасться в какое-нибудь преступление, или теряли это звание и пропадали в безвестности где-нибудь на службе в полку, или навсегда оставались денщиками.

Как велика, лучше сказать, важна была обязанность царских денщиков, можно судить из того, что государь, посылая одного шпиона для разведания о каком-нибудь деле, для вящей верности, посылал вслед за ним другого лазутчика из денщиков; этот наблюдал за первым посланным. Эта система наблюдений при великом преобразователе России пустила глубокие корни...³ Впрочем, нельзя сказать, чтоб денщики

¹ Например, Александр Борисович Бутурлин, пользовавшийся в 1727—1729 годах особым расположением цесаревны Елисаветы Петровны.

² Например, Древник.

³ О денщиках см. У Штелина, стр. 184—186. Берхгольц, ч. I, стр. 55—58. Голиков. т. VI, стр. 265; т. XIII, стр. 372. Шпион нередко губил шпиона. Так, по делу Гагарина, губернатора сибирского, по доносу денщика, посланного для надзора за первым следователем. последний повешен. Т. XV, стр. 138—141.

зачастую, по особым повелениям, работая палками и батожем на спинах провинившихся царедворцев, губернаторов и сенаторов, в то же время сами не подвергались неприятностям палочного штрафования. Напротив, то переходное время тем именно достоиславно, что каждый получал свое в свою очередь.¹ За денщиками в этих случаях оставалась только одна, впрочем, весьма важная льгота: ежечасно находясь при государе, они превосходно знакомились с его характером, странностями, и мастерски иногда пользовались этим. Приведу один случай: кум и денщик государя, Афанасий Данилович Татищев, не сумел как-то исполнить одного приказания. Повелено нещадно отодрать его батожем пред окнами дворца. Палки и барабанщики были готовы. Татищев не торопился идти на штраф. Между тем, выбежав из дворца, встретил на дворе кабинетского секретаря Замятнииа. Татищеву пришла гениальная мысль подставить, вместо своей, чужую спину.

«Куда ты засунулся? — закричал он писарю. — Государь тебя уже несколько раз спрашивал и крайне гневается; я ищущу тебя, ступай скорей». Замятнин приведен к барабанщикам. «Раздевать!» — закричал занятый делами государь, на минуту выглянув из окна. «Что ж вы стали, принимайтесь!» — крикнул Татищев, указывая на Замятнииа. Секретаря его Величества в мгновение ока раздели, бросили наземь, и палки запрыгали по оголенной спине. Татищев стоял за углом. Секуция продолжалась недолго. Государю было некогда; он торопился в адмиралтейство, почему и закричал: «Полно!».

После секуции Замятнииа денщик бросился к Екатерине с мольбой о ходатайстве. «Что ты это наделал? — сказала сердобольная монархиня с некоторым смущением, выслушав рассказ о странном, но выгодном обмене одной спины другую, — ведь государь узнает, он рассечет тебя».² «Ведь под батожье-то ложиться невесело», — довольно основательно говорил Татищев и молил о пощаде и предстательстве у государя. Екатерина обещала ходатайствовать, нашла удобную минуту, когда государь был в веселом расположении духа, и Татищев был прощен. «Ну, брат, —

¹ Палочное штрафование находило большое сочувствие в сердцах некоторых россиян того времени; оно долго не изглаживалось: почти сто лет спустя, О. Беляев, описывая кабинет Петра и с умиленным благоговением глядя на дубину преобразователя, восклицал: «Лестно поистине быть биту от такого государя, который в одну минуту побьет и пожалует». В этих словах, сказанных в 1793 году (Описан. Кабин., стр. 141), как бы слышится упрек царствованию Екатерины II, в которое не так много били людей, но много жаловали душами.

² Деяния отца отечества, т. XV, стр. 203—205.

сказал монарх сеченному Замятнину, — прости меня, пожалуй; мне тебя очень жаль, но что делать, пеняй на плута Татищева; однако ж я сего не забуду и зачту побои тебе впредь».

В то время счеты сводились чрезвычайно скоро и аккуратно. Замятнин провинился, и великодушный монарх всемилостивейше повелеть соизволил зачесть за настоящий проступок прежнюю секуцию.

Сказанного достаточно для знакомства с обязанностями денщиков царских, с их значением в то время, когда за ними ухаживали важнейшие сановники, с их, наконец, положением в тогдашнем обществе.

На одного из этих-то царских любимцев, Ивана Михайловича Орлова, обратила внимание Марья Даниловна Гамильтон; она пленила денщика и, в свою очередь, пленилась его красотой. Это был молодой человек, он не успел еще ничем проявить себя на службе и имя его редко встречается в современных документах. Впервые упоминается о нем в бумагах 1709 года.¹ В списках чинов Преображенского полка² имя Ивана Орлова, как простого рядового и потом сержанта, не встречается ни разу. Тем не менее, и он, наряду с другими денщиками, исполнял различные, впрочем, неважные поручения.³

Орлов, равно и другие русские кавалеры тогдашних собраний, всегда вызывали внимание красавиц, предпочтительно пред немцами-кавалерами. Рост ли, красота, другие ли какие свойства, только выбор львицы петербургских большей частью падал на русских гвардейцев.⁴ Таким образом, выбор, сделанный фрейлиной Гамильтон, вовсе не был исключением... Орлов сделался ее любовником.

¹ В записке А. Макарова от 23 марта к Ф. М. Апраксину: «Господин адмирал Федор Матвеевич! Приказано полковничьим денщикам сделать епанчи, а сколько кому надобно мерой на епанчи сукна, того для придут они сами, и, скроя на них, приказать оные делать немешкав, а кому именно, тому при сем роспись: А. Мурзину, Афанасию Татищеву, В. Нелюбохтину, Ивану Орлову, Семену Баклановскому, Андрею Зыбину». Достоинство замечания, что из этих шести человек нет ни одного, который, в разное время и по разным делам, не познакомился бы с батогами, либо даже с кнутом (например, Баклановский в 1718 году, Зыбин в 1743 и др.).

² М. П. Азанчевский. См. его «Истор. Преобр. полка», 1859 г.

³ См. указ Левкину об отдаче Ивану Орлову на наем подвод под два фурмана с нужнейшими вещами 100 червонных. Голиков, т. XI, стр. 469.

⁴ Их предпочитали даже в танцах, хотя немцы в этом деле были, разумеется, искуснее. На такое странное предпочтение впоследствии горько жаловался Берхгольц: «все дамы охотнее выбирают молодых неотесанных русских, большей частью унтер-офицеров гвардии, нежели нас, иностранцев». Ч. II, 197. «Когда унтер-офицеры гвардии бывают налицо (в собраниях), о посторонних мало заботятся... дамы предпочитают их иностранцам». Стр. 152.

Мы были неправы, если б вслед за князем М. М. Щербатовым стали утверждать, что любовная страсть, любовные интриги, блуд, даже разврат до Петра I не были ни в обычаях, ни в примерах нашего отечества. Напротив, можно привести бесчисленное множество свидетельств из иностранных писателей и отечественных документов о том, что любо-страстие, блуд, разврат имели громадные размеры в допетровской Руси.¹

Но, боясь наполнить нашу статью излишними отступлениями, мы скажем, что связи мужчины с женщинами без освящения церковью распространены были не только по всей России, но даже и в девственной стране сибирской. «Ведомо нам учинилось, — писал в 1622 году патриарх Филарет, — что в сибирских городах многие служилые и жилецкие люди живут не крестьянскими обычаями, но по своим скверным похотям... с поганскими женами смешаются и скверная деют... а иные и на матери своя и дщери блудом посягают... о них же не точию писати, но и слышати гнусно... многие из постригшихся жен с мужи своими и с наложники блуд творят» и так далее.² Иностранцы, как, например, Оlearий, Кемпфер и другие самыми мрачными красками изображают нравственный характер русской женщины XVII века. Правдивый Корб прямо говорит в дневнике 1699 года, что «прелюбодеяние, любострастие и подобные тому пороки в России превышают всякую меру. Не напрасно спорят после этого (продолжает Корб) о русских нравах: больше ли в них невежества или невоздержания и непотребства. Сомневаюсь, существуют ли даже в законах наказания за подобные преступления? По крайней мере, мне известно, что когда одного капитана осудили на отсечение головы за преступную связь с восьмилетней своей дочерью, начальник укорял его такими словами: «Разве ты не мог удовлетворить

¹ Собр. госуд. грам. Ч. III, № 60.

² Немногие благоразумные меры царей наших, предпринимаемые против разврата, либо оставались без применения, либо забывались преемниками. Укажем на один весьма основательный закон Василия Ивановича Шуйского. Государь этот соборно постановил: «Если господин рабов своих, девку 18 лет, вдову по два лета вдовства замуж не выдаст, а мужчину до 20 лет не женит, или воли им в сочетании брачном не даст, то вольно таковым явиться в суд; и когда суд о истине жалоб сих удостоверится, то давать им отпускные... не держи неженатых вопреки закона Божьего и правил святых отцов, да не умножится блуд и скверное деяние в людях». Столь естественно-разумный закон при составлении Уложения оставлен без внимания, и историк Татищев, сожалея о том, замечает: «Сколько мы видим таких нерассудных господ, которые, не разумея ни закона Божья, ни своей собственной пользы, держат служителей безбрачных, яко бы для лучшей услуги! Но сколько от того блуда, сквернословия, болезней и блудно прижитых детей убийств происходит!».

своей страсти сношением с иной женщиной, когда можешь иметь столько распутных женщин, сколько у тебя копеек».¹

Не сознавая возможности высшей, чистой, нравственной связи с женщиной, не возвышаясь над плотскими, чисто животными инстинктами, весьма многие грубые русские люди не сознавали необходимости церковного освящения союза мужа с женой, посредством таинства брака.²

Желябужский, оставивший в своих записках заметки о нравственном растлении русских людей своего времени, записал и самые черты грубого разврата: растление дев, блудодейство замужних жен и женатых мужчин и прочее. Так, например, в 7192 (1684) году, как пишет Желябужский, учинено наказание Петру Васильевичу сыну Кикину бить кнутом пред стрелецким приказом за то, что он девку растлил. Надо думать, что этот блудодей был здоровья крепкого, ибо тот же Желябужский отмечает: «Да и преж сего (то есть битья кнутом) он, Петр, был пытан на Вятке», и так далее: в 7193 году (1685) Степану Коробьину учинено наказание бить кнутом за то, что девку растлил, 7202 (1694) год — в стрелецком приказе пытан Замыкой, в подговоре девок; 7202 год, июнь месяц — приведены в Стрелецкий приказ Трофим да Данило Ларионовы с девокой, в блудном деле его жены, в застенках; 7205 год — бит кнутом нещадно Иван Петров сын Бартенев за то, что брал жен и девок на постелю и так далее.³

Приведенных данных довольно, чтоб видеть, насколько прав князь Щербатов, утверждавший, что любострастие было не в обычаях нашей страны до Петра, но едва ли прав Афанасий Прокопович Щапов, восторженно видящий в реформах великого монарха «полное, всецелое, нравственное обновление, просвещение и очищение русского народа от умножившейся нравственной тины!»...⁴

В самом деле, если говорить собственно о любострастии, то эта тина с петровского времени получила еще большее развитие; нравственного очищения далеко и далеко не воспоследовало; разврат только сделался утонченнее, но едва ли не пошлее.

Суровый монарх, грозный ко всем преступлениям и проступкам; уступая духу времени и свойствам собственного темперамента, был

¹ *Diatium itineris in Moscoviam*. Изд. Вена. 1700 г., стр. 205—208.

² А. Щапов, стр. 182—183.

³ Желябужский, изд. 1845 г., стр. 152, т. II, 146, 30 и друг.

⁴ Стр. 182.

очень снисходителен к проступкам прелюбодеяния. Петр Васильевич Кикин, нещадно сеченный кнутом за растление девки, немного времени спустя, в 1704 году, по воле монарха, ведал всеми рыбными промыслами и мельницами в России.

Осматривая однажды в Вышнем Волочке канал, государь, так повествует Штелин, увидел в толпе собравшегося народа красивую и взрослую девушку, которая поглядывала на него и тотчас пряталась, когда государь смотрел в ту сторону. Петр подозвал ее. Она краснела, закрывала лицо и плакала. Думая, что эти слезы знак стыдливости и целомудрия, государь стал говорить ей, чтоб она напрасно не стыдилась и не робела, что она хороша, и ей время выходить замуж. Прочие крестьянки громко хохотали. Государь, рассердившись, сказал:

— Чему вы, дуры, смеетесь? Разве тому, что сия девушка скромнее вас и плачет из стыдливости?

Дуры не унимались.

— Чему сии дуры смеются? — спросил монарх, оборотясь к одному из мужиков, — стыдливости ли этой пригожей девушки или чему другому? Разве им завидно, что я с ней говорю?

— Нет, государь, — отвечал крестьянин, — я знаю, что они не тому смеются, а другому.

— Что ж такое?

— То, — отвечал мужик, — что вы, батюшка, все называете ее девкой, а она уже не девка!

— Что ж она такое, неужли замужняя?

— Нет, и не замужняя, — отвечал крестьянин, — она дочь моего соседа, рабочая, трудолюбивая и добрая девка; но года два, как сжилась с одним немцем-офицером, который стоял у нас тогда постоем и после вскоре в другое место послан; и для того девушки наши с ней не водятся и насмеваются.

— Великое дело, — сказал государь, — если она ничего худшего не сделала, то должно ли сим поступком толь долго ее упрекать и ее стыдить за то пред всеми? Это мне неужгодно; я приказываю, чтоб ее ни из какой беседы не исключали и чтоб отнюдь никто не осмеливался делать ей за то ни малейшего попреку.

Затем государь сам успокаивал девушку, убеждал не печалиться, не стыдиться; потребовал к себе ее сына, мальчика миловидного и здорового и, указывая на него, сказал: — «Этот малой будет со временем добрым

солдатом; имейте о нем попечение. Я, при случае, о нем спрошу, и чтоб его всякой раз показывали, когда только мне случится приехать». Подарив мать деньгами, отпустил ее домой.¹

Этот случай достаточно показывает, как человечно смотрел великий преобразователь России на плотское согрешение... Кроме духа времени, этому воззрению способствовали собственные склонности монарха. Всем известно, что телесная крепость и горячая кровь делали его любострастным. Может быть, что заграничные путешествия еще более развили в нем этот если не порок, то недостаток... «Впрочем, — так думает князь М. М. Щербатов, — если б Петр в первой жене нашел себе сотоварища и достойную особу, то не предался бы любострастию; но, не найдя этого, он возненавидел ее и сам в любострастие ввергнулся... Петр довольствовал свою плоть, но никогда душа его не была побеждена женщинами... среди телесных удовольствий великий монарх владычествовал».²

Верно или неверно мнение князя М. М. Щербатова о начале чувственности в царе Петре, судить не беремся, но заметим, что пример Петра не мог не действовать на его окружавших, в особенности на людей, более или менее сочувствовавших его реформам. Пример в слабостях еще более заразителен: недаром же царевич Алексей Петрович, задумав обвенчаться с крепостной девицей Евфросиньей Федоровной, говорил: «Ведайте-де, что я на ней женюсь, ведь и батюшка мой таково учинил». Недаром генерал-прокурор, «государево око», Павел Иванович Ягуженский и некоторые другие по произволу и капризу развелись с женами и вступили в брак с другими...³ Очень хорошо зная любострастные деяния своего повелителя, и денщик Орлов смелее и смелее действовал в своих любовных шашнях с забытой красавицей.

Если тесные комнатки летнего, зимнего и других домов государевых, в которых помещалась придворная прислуга, были не всегда удобны для свиданий любовников, то громадный сад (ныне Летний, также сад у Инженерного замка) со своими гротами, островками на прудах.

¹ Достопамятные сказ. о Петре I. СПб. 1787 г., стр. 334—338. Я. Штелин записал этот случай со слов очевидца М. И. Сердюкова. Олеарий уверяет, что в XVII веке в Московии не наказывали за прелюбодеяние, и проступок этот не имел особого названия (Глава VII).

² «О пороках Петра», соч. Щербатова. «Чтения Общ. Истор.» изд. 1860 г., кн. I. стр. 17.

³ См. бракорозводное дело Ягужинского в «Русской старине» изд. 1877 г., т. XVIII. стр. 713.

беседками, рощами и аллеями представлял прекрасное место в летние месяцы для интимных бесед Орлова с Гамильтон. Денщик и фрейлина, лакей и горничная, им хорошо было известно, когда, не опасаясь городского надзора, можно было всласть наговориться и нацеловаться...¹

Нечего и говорить, что подобных нежных любовников было очень и очень много. Не все были так счастливы из падших красавиц, что падение их не имело особых последствий; многие делались матерями; некоторые, боясь стыда, вытравливали детей, подобно Гамильтон, лекарствами; некоторые решались налагать руку — умерщвлять плод любви... Подобные преступления стали так часто повторяться, что государь нашел необходимым обнародовать 4 ноября 1715 года следующий указ: «Великий государь указал, в Москве и в других городах при церквях, у которых пристойно, при оградах сделать гошпитали, в Москве мазанки, а в других городах деревянные, також, как о таких же делах боготщательное и душеспасительное осмотрение пресвященный Иов, митрополит новгородский, учинил в великом Новгороде. И избрать искусных жен для сохранения зазорных младенцев, которых жены и девки рождают беззаконно, и стыда ради отметывают в разные места, от чего оные младенцы безгодно помирают, а ныне от тех же, кои рождают, и умерщвляются. И для того объявить указ, чтоб таких младенцев в непристойные места не отметывали, но приносили б к вышеозначенным гошпиталиям и клали тайно в окно, чрез какое закрытие, дабы приносящих лица было не видно. А ежели такие незаконнорождающие явятся в умерщвлении тех младенцев, и оные за такие злодейственные дела сами казнены будут смертью; и те гошпитали построить и кормить из губерний из неокладных прибылых доходов, а именно давать приставленным

¹ Мы говорим не вследствие одной догадки, что сад был местом любовных свиданий. Во-первых, из подлинного дела видно, что Орлов весьма редко виделся с Гамонтовой в палатах; во-вторых, нам известно, что как свидания В. И. Монса, так впоследствии интимные беседы А. Я. Шубина со своими возлюбленными, славными красавицами, наконец, зазорные беседы многих других производились в тенистых аллеях сего сада, куда возбранен был вход только тем, «кои в серых кафтанах, а паче с бородами». (Богданов, стр. 56—58). Любопытное описание Летнего сада в частном письме 1718 г. напечатано в приложениях к Записк. Марковича 1860 г., ч. I, стр. 460—462. Подобное описание сада см. у Берхгольца, ч. I, стр. 87—92. Главные садовники были выбраны из пленных шведов. Любопытные рассказы о них см. в *Anecdotes etc. Londres, 1792 г.*, т. III, стр. 34—35, 218—220. Для украшения грота Петр повелел в 1717 году собрать из всех рек, находящихся в России, по пуду раковин и курьезных камешков.

(женщинам) на год денег по 3 рубля, да хлеба по полуосмне на месяц, а младенцам по 3 деньги на день».¹

Указ этот в высшей степени замечателен: в нем государь прямо шел против векового народного предубеждения; до него зазорные младенцы оставались без всякого призрения, умерщвлялись родителями, умирали от голода и холода, заброшенные в непристойные места; либо их подбрасывали другим, причем ребенок делался рабом, холопом, крепостным и, таким образом, обрекался на жизнь, полную страданий. Первая мысль об устройстве домов для приема незаконнорожденных принадлежит, как свидетельствуют слова указа, митрополиту Иову. В 1706 году он основал пристанище несчастным детям в трех верстах от Новгорода в упраздненном Колмовом монастыре. Митрополит отделил часть своих доходов на наем кормилиц и повелел принимать в Колмове всех приносимых младенцев и их воспитывать. Тот же преосвященный основал три другие больницы для инвалидов, и прочие. Государь был очень доволен столь полезной деятельностью преосвященного; в 1712 году он повелел определить в пособие ему на содержание призреваемых половину доходов с монастырских вотчин, находившихся в Олонецком уезде. Царская фамилия и многие бояре часто присылали денежные подаяния. В 1713 году во всех заведениях Иова содержалось зазорных младенцев, нищих и сирот 170 человек.²

До митрополита Иова и царя Петра законы русские предписывали ужасные казни матерям-убийцам зазорных детей, но в то же самое время не предлагали никаких о них попечений. В Уложении была только одна статья, относящаяся до незаконнорожденных; но, в силу ее, несчастные лишались всех прав на свободу и гражданство: их запрещено было считать наравне с законнорожденными и отчин им не давать.³

Как относились к зазорным детям, можно видеть из рассказа современника. «А у которых бояр, и думных людей, и у иных чинов людей будут прижиты дети от наложниц, от вдов или от девок, а после того на тех своих наложницах поженятся, или не женаты помрут, а после их смерти останутся дети, которые прижиты по закону, а другие дети выблядки, или после смерти их останутся одни те выблядки: и по их смерти

¹ П. С. З., т. V, № 2,953. Именной указ, объявленный из сената.

² Истор. Рос. иерархии, ч. IV, стр. 573. Историч. разгов. о древностях Новгорода, митропол. Евгения. Также «Москов. Губ. Ведомости» 1842 г. Иов скончался 3 февраля 1716 года.

³ Улож. изд. 1737 г., ч. 10, ст. 280.

даются поместья, и вотчины, и животы, сыновьям их и дочерям тем, которые по закону прижиты; а которые прижиты до закону, и тем поместий и вотчин, и животов никаких не делят и не дают ничего, и честными людьми тех выблядков не ставят, чей бы ни был, и в службу царскую ни в какую не принимают. А кому выблядку дадут поместье и вотчину, не ведая, что он выблядок, а другие люди учнут на него бити челом, что он выблядок, и ему то доведут: и то, что дано будет выблядку, отдадут тому человеку, кто на него доведет; а того выблядка, бив кнутом, сошлют в ссылку в Сибирь, для того: не вылыгай и не ставься честным человеком».¹

Такой взгляд на «засорных детей» и такое презрение было к ним, доколе Петр, вслед за Иовом, положил начало более человеколюбивым мерам. Не остановившись на указе 4 ноября 1715 года и на устройстве небольших госпиталей, государь, по смерти любимой сестры Натальи, в 1716 году основал подобное учреждение в больших размерах. При дворе этой царевны была богадельня для призрения старух; царь обратил это заведение в дом для приема незаконнорожденных. Сулицы приделан был чулан; в нем очередная старуха должна была принимать младенца, отнюдь не спрашивая имени матери. И детям, и старухам отпускалась хлебная и денежная дача.²

Все эти меры должны были быть известны камер-фрейлине Гамильтон; но, преследуемая стыдом, желая сохранить за собой имя честной девушки, с другой стороны, не доверяя новому учреждению о засорных младенцах и тому, что можно в совершенной тайне отдавать туда детей, она предпочла сделаться преступницей... Но не станем опережать события. Пока Гамильтон все еще имела значение, могла гордиться расположением своих господ; наконец, в Иване Орлове любила грубого, необразованного, полудикого, но страстного любовника. Судьба не разлучала их, и 27 января 1716 года в свите государя и государыни они отправились за границу.

¹ Котошихин, изд. 1859 г., стр. 79.

² Описание СПб. Богданова, 1751 г., стр. 130. Воспитательные домики, в силу указов Петра, стали возникать во многих городах России. Стали возникать и дела по поводу злоупотреблений разных лиц в деле призрения младенцев. Были доносы, как, например, донос бабушки Марфы, определенной к сысканию и содержанию подкидышей, на злоупотребление подьячего Труфанова; допросы Труфанову и проч. Подобные бабушки были определены во многих городах. Число подкидышей возрастало. К концу царствования Петра Великого в одной московской губернской канцелярии их находилось 865 обоого пола; при них находилось 118 кормилиц. В 1724 году для воспитания подкинутых младенцев были назначены монастыри.

II

Штат государыни, сопровождавший ее, был довольно велик, тем более что при ней была еще царевна Екатерина Ивановна с прислугой. 11 февраля державная чета была в Либаве, 18 — в Данцине. Государь был занят осмотром галер, заключением союзных договоров, распоряжениями, относящимися до продолжения шведской войны; государыня с дамами осматривала все замечательное, каталась, гуляла, посещала ассамблеи, которые давались магнатами и владетельными особами в честь ее приезда.² Государыню очень часто посещал герцог Мекленбургский, нареченный женихом Екатерины Ивановны.

8 апреля 1716 года совершено было бракосочетание его с русской царевной, в присутствии царя, царицы, короля польского, множества знатнейших дам и именитейших вельмож.³ Целый ряд празднеств

¹ О путешествии государя в 1716—1717 годах см. Журнал или подневную записку Петра, ч. 2-я, изд. 1772 г., стр. 14—58, 397—425. Голиков, т. VI, стр. 92—273, 438—654. Переписка Петра с Шереметевым, изд. 1774 г., стр. 160—164. Житие Петра, соч. Феодосия, изд. 1788 г., стр. 396—413. Примеч. Болтина на Леклерка, 1788 г., т. I, стр. 574—575. Кабинет Петра, соч. Беляева, 1793 г., стр. 14—17. Журн. путеш. Петра во Францию. «Очерк Зап.» 1822 г., №№ 31 и 32. См. также труды С. М. Соловьева, г. Брикнера, наш очерк «Царя Петра Прасковья» и др.

² «По получении сего, — писали от имени не умевшей писать Екатерины к кн. Голицыну, — прикажите в Курляндии приготовить фураж по рижской дороге до Мемля для нашего обоза на 150 лошадей, и чтоб оный фураж готов был к 28 числу сего декабря, по всем почтам Екатерины». Для государя и его свиты готовилось от 50 до 60 подвод, не более.

³ Петр вообще являлся относительно членом своей семьи человеком весьма заботливым. Выдавая замуж племянницу Катерину, вот что писал он в Москву к Ушакову, по повелению сестры своей Катерины, 24 марта 1716 года: «Письмо твое января от 24 для нас дошло, в котором пишешь, что бывшим подключником Богдановым в ночном необыкновенном приходе в комнате сестры нашей, царевны Катерины Алексеевны, розыскивать ли? То до указу не розыскивай, но держи его за караулом». «Мог ли забыть что-нибудь монарх?» — восклицает автор «Деяний». Действительно, память и заботливость замечательные! Государю непременно хотелось знать, для чего, из каких видов, с какими целями подключник Богданов ночью хотел нарушить безмятежный покой его 58-летней сестры (царевна Катерина, дочь царя Алексея, родилась 27 ноября 1658 года). Но монарх не велит без себя розыскивать — попытаться жди, мол, приезда. Два года путешествует преобразователь России; два года томится в каземате злополучный подключник; царь приезжает — народ проливает «токи радости», слез ему во сретение», и они, обойдя свое хозяйство, идут чинить застенки. Несколько строк написанных к Ушакову в 1716 году, являются, таким образом, началом нового следственного дела: допросы, очные ставки, виска, кнут, встряска, — и государственное дело первой важности о том, как подключник Богданов совершал ночной поход к 58-ми летней царевне кончается нещадным наказанием и ссылкой в Сибирь. На этот раз роман кончился трагично: 58-ми летняя старуха была заподозрена в участии в политическом заговоре. Царевна арестована, допрашивается и 1 мая 1718 года скончалась в тесном заключении.

сопровождал брачное торжество; нечего и говорить, что Гамильтон, так или иначе, но принимала участие в общем веселье, в ассамблеях, пирах, гулянках; за границей они делались еще веселее, все как-то свободнее двигались вдали от солдат, разносивших на петербургских пирах водку и опаивавших ее всех и каждого; вдали от шутов, придворных дураков, доносчиков, палачей.

Для увеселения их величеств даже мещане города Гданьска, как гла-сит поденная записка, устраивали разные потехи.

4 мая государь был в Штетине, куда, вслед за ним, со свитой явилась государыня. В то время, когда Екатерина занята была обедами и увеселе-ниями, устраиваемыми для нее королем Прусским, Петр ездил в другие города, осматривал войска, делал экзерциции, составлял военный арти-кул. Встречаемый везде с почетом, царь держал себя совершенно сво-бодно, не изменяя своим привычкам. Так, в одном из германских городов, он вошел с бурмистром в кирку, во время проповеди, сел на первое место и с большим вниманием слушал проповедника. Вдруг почувствовал, что голове его холодно; не отрывая глаз от проповедника, он хладнокровно снял с головы бурмистра большой парик и надел на свою голову. Пропо-ведь кончилась, и Петр возвратил парик хозяину. Дело в том, что Петр у себя, в столице, каждый раз, как случалось голове его холодно, снимал либо с Меншикова, либо с Толстого парик и надевал на себя.

12 июля государыня, не торопясь, приехала в Копенгаген, была встречена мужем, королем датским и множеством знатных особ. Ко-роль, ради именитых гостей, устроил празднества и угощал великолеп-ными обедами...

В Копенгагене Екатерина гостила довольно долго. Петр заключал конвенции, писал указы в Россию, вел громадную переписку, воевал со шведами — государыня с дамами веселилась. Но невесело было Марье Даниловне Гамильтон. Она не могла поладить с грубым и рев-нивым Орловым, который, при каждом веселом часе, то есть после каждой попойки, а пил он часто, по обязанности царского приближен-ного, оскорблял любовницу упреками, бранью, нередко поносил ее самыми пошлыми ругательствами. Между тем, Гамильтон любила его искренно. Страсть к царскому денщику была так велика, что, не имея возможности давать ему подарки и удовлетворять настойчивым прось-бам о деньгах, она, как сама впоследствии признавалась, будучи при государыне царице Екатерине Алексеевне, вещи и злотые (червонцы)

крала, а что чего порознь — не упомнит... А золотых червонных у ней, государыни царицы, ukrала же, а сколько — не упомнит; и из тех червонцев денщику Ивану Орлову дала она триста червонных, будучи в Копенгагене, да перстень с руки, да рубахи, а то все (то есть перстень и рубахи) давала она из своего, а не из краденого, а иным никому из тех вещей не давала».¹

Государыне было не до червонных, не до надзору за влюбленной камер-фрейлиной: она вся отдавалась сначала удовольствиям заграничной жизни, потом, будучи беременна, сделалась очень слаба, и, наконец, занята была возникавшим важным для нее делом.

26 августа отправился из Копенгагена в Петербург курьер Сафонов. Он вез царевичу Алексею строгий приказ отца: либо ехать за границу, либо немедленно идти в монастырь!²

10 ноября государыня приехала в Шверин, была беременна в последнем периоде и боялась, что переезды из города в город губительно подействуют на ее здоровье.³ Между тем, царь с немногими из денщиков, между прочими с Иваном Орловым, ездил по русским городам, был в Гамбурге. Здесь магистрат города, из особого уважения к его величеству, выдал Войнаровского, племянника Мазепы. Войнаровский был человек весьма образованный, превосходно знал иностранные языки, отличался жаркой любовью к родине и свободе. Петр с обыкновенной настойчивостью готов был силой оружия вырвать Войнаровского, если б гамбургский магистрат не поспешил схватить несчастного. Если верить историкам Петра, Войнаровский, ради добровольного во всем признания (?), без наказания отослан был в Якутск.⁴

¹ Показание Марьи Гамантовой 21 июня 1718 года.

² Для царевича предназначался Желтиков-Тверской монастырь, где до сих пор уцелела царевича тюрьма и сохранились любопытные предания о Петре и его сыне. См. нашу «Прогулку в Нижний Новгород», письмо 1-е в «Русск. Вестн.» 1860 г., № 13.

³ Заметим, кстати, что Екатерина употребляла на расход свои деньги, то есть те, которые были определены ей на содержание из петербургской канцелярии. Это видно, между прочим, из письма от ее имени к Меншикову. «Понеже мы (пишет Екатерина) в бытность свою здесь взяли у гамбургского купца Ф. Попа 5000 рубл. червонных (в Вейденберге, 12 декабря 1716 года), того ради извольте приказать помянутое число 5000 рублей отдать в Петербурге его, Поповым, корреспондентам, кому он велит принять, из той суммы, которая нам определена из канцелярии на 1717 год».

⁴ «Войнаровский представлен был государю в день именин Императрицы, и ее заступление спасло его от казни» (Жизнеописание Войнаровского, составл. А. А. Бестужевым. Напечатано при поэме К. Ф. Рылеева: Войнаровский 1825 г. Москва). Едва ли это известие справедливо. Влияние Екатерины далеко не было так сильно, чтобы ради ее Петра простить

6 декабря государь с немногими из людей своих приехал в Амстердам; среди работ монарх отдыхал с денщиками и голландскими мастерами за кружкой пива и вина; вел дружескую переписку с разными королями и владетельными особами; делал им недорогие для себя подарки. В чем они состояли, можно видеть из письма царского в Архангельск, к вице-губернатору: «По получении сего указа, сыщите двух человек самоедов, молодых ребят, которые б были дурнее рожей и смешнее, летами от 15 до 18, в их платьях и уборах, как они ходят по своему обыкновению; их надобно послать в подарок гран-дюку Флоренскому (тосканскому); и как их сыщите, то немедленно отдайте их тому, кто вам сие наше письмо объявит».¹

Тем временем государыня с фрейлинами медленно ехала из Шверина в Везель, куда и прибыла 30 декабря.

3 января прискакал к государю паж Маврин с известием, что царица разрешилась от бремени царевичем Павлом Петровичем.

«Объявляю вам, что сего 2 января, — писал обрадованный государь ко многим из вельмож в Россию, — хозяйка моя, не поехав сюда, в Везеле родила солдатченка Павла... рекомендую его офицерам под команду, а солдатам в братство».

Но переезды, гулянья, пиры имели пагубное влияние на здоровье хозяйки, и новый солдатченок вышел до того слаб и хвор, что на другой день скончался. Петр был опечален этим известием. Хозяйка оставалась в весьма слабом состоянии в Везеле и не ранее 2 февраля 1717 года могла приехать в Амстердам.

В продолжение ее долгой болезни Петр, «ради телесной крепости и горячности своей крови», не мог не отдаваться в досужие часы «любострастью». Если верить иноземным писателям, то ему чрезвычайно полюбилась дочь одного пастора, который, однако, не иначе соглашался уступить русскому владыке дочь, как на основании законного брака. Царь, будто бы, дал слово² и Шафиров, будто бы, закрепил его контрактом.

политического преступника. Этих людей он карал пуще злодея, татя и убийцы. Войнаровский был еще жив в 1737 году в Якутске, одичал, оброс волосами, забыл языки и светское обращение.

¹ Собр. разн. записок и проч. к истории Петра I. СПб. 1787 г. Ч. V, стр. 97 и 102, изд. Туманского.

² Кстати заметить, в те времена дать слово и не исполнить его считалось, по крайней мере, в высшем русском обществе, делом весьма обыкновенным. Не исполняли своих слов

Но едва высокий путешественник в телесном удовольствии удовлетворял телесную крепость свою, обещание было забыто... Девушка возвращена отцу с подарком в 1000 дукатов.¹

В Петербурге толковали об отсутствующих господах, ходили разные о них слухи, и дядька царевичев, Афанасьев, приехав из Мекленбургии, сказывал Воронову, гофмейстеру царевича: «Слышал я от своего толмача Фридриха, который слышал от хозяйки, где мы стояли, у царского-де величества есть матреса, а взята-де она из Гамбурга». «Здесь не слышно», — отвечал Воронов. Несколько дней спустя Афанасьев был у Воронова в гостях. «Слышал и я, — стал говорить хозяин, — что есть у государя матреса, и царица-де про это ведает; как приехала в Голландию (2 февраля?), стала пред государем плакать, и государь спросил ее: кто ей сказывал?» «Мне сказала полковница, а к ней писал Платон». И Платона государь за это бил.²

У Петра, впрочем, была не одна матреса: Авдотья Ивановна Чернышева, «Авдотья-бой-баба», по выражению Петра, во время болезни Екатерины пользовалась его расположением.

Но как ни часты были отмены пылкого Петра в пользу той либо другой красавицы, все-таки они были и гораздо реже, и несравненно скромнее, нежели как повествуют о том иностранные писатели, алчные до всякого курьезного анекдота.³

Справедлив или несправедлив этот рассказ, но верно то, что Петр не находил преград своим вожделениям плотским, не находил телесных удовольствий в постоянном общении с одной и той же красавицей. Часто доводилось плакать и горевать хозяйке, много хитрости и ума надо было иметь с ее стороны, чтоб подогревать холодеющую любовь хозяина. В таком положении находились отношения господ между собой. Взглянем на отношения слуг — денщика с камер-фрейлиной.

Меншиков, Шереметев, Толстой. Не исполнял их и Петр, а в настоящем случае, если и давал слово, что и не мог исполнить, ибо был женат. Вспомним его божбу и обещания, щедро раточенные в письмах к беглому сыну его, царевичу Алексею, когда он, царь Петр, выманивал его из Неаполя и сулил ему полное прощение. А как были исполнены эти клятвы?

¹ *Anecdotes secretes de la Cour de Russie*. 1742, t. VI, p. 76.

² Н. Г. Устрялов, т. VI, стр. 187—188.

³ См. напр. рассказ камергера Пельница — о страстных отношениях царя Петра к герцогине Мекленбургской Екатерине Ивановне, — «*Memoires pour servir a l'histoire*» etc. II, p. 65. «*Anna Ioannovna*. Dargestellt von F. W. Bartold», стр. 22—23. Событие, описываемое здесь (если только оно было), должно было произойти 6 сентября 1717 года. См. Голиков, т. II, стр. 255.

Марья Даниловна, подобно Екатерине Алексеевне, должна была употребить все способности своего женского ума и влюбленного сердца, чтоб удерживать непостоянного Ивана Орлова от поступков ветреных. Она ревновала его к Авдотье Чернышевой, дарила его государынинными деньгами, одаривала собственными вещами, но все-таки возникали ссоры. Любовники зачастую вздорили. Петр Алексеевич бивал тех, которые не умели молчать о его матресах, но не трогал своей хозяйки. Иван Михайлович был гораздо проще, не был так деликатен и зачастую бивал свою хозяйку. Любовники зачастую вздорили. Причинами ссор и драк, без сомнения, были со стороны Гамильтон — негодование на беспутство и пьянство Орлова, со стороны Орлова — ревность.

— В Голландии был я у Бранта в саду пьян, — каялся впоследствии в собственноручном письме Орлов, — и побранился с Марьей, и называл ее б....

И к тому слову сказал Петр Балк:

— Что, взбесился-де, ты, какая она б....?

— Чаю, что уже троих родила, — отвечал я, и более того нигде ее, Марью, не попрекал.

«После того я еще ее бранил и пьяной поехал в тот же день в Амстердам, с Питером инженером, и приедучи в Амстердам, ввечеру бранил ее при Филиппе Пальчикове, при Александре подьячем и называл ее б....., а ребятами не попрекал».

«А на другой день, — сказал Петр-инженер, — ты-де ее попрекал». «И я к ней писал грамотку и просил прощения у нее; и она в том просила у государыни-царицы милости на меня, чтоб я ее уличил, ведая то, что я не ведал (про робят): и она мне нигде не сказывала про робят никогда, и я ее нигде больше не попрекал ребятами».

«Когда (бывало) и осержусь в ревности, то ее бранивал и называл к....., и бивал, а ребятами не попрекивал, и в том шлюсь на нее».¹

¹ Показание Орлова 5 августа 1718 года. Пошлая, самая циническая брань, привычка к отвратительным ругательствам издревле составляла недостаток русского человека. Среди буйной, разгульной веселости своей, как видно из современных актов, он, еще задолго до Петра, вполне предавался разврату; тут совершалось «и мужем, и отроком великое прельщение и падение, женам замужним беззаконное осквернение, и девам растление»... Еще в 1636 году патриарх Иоасаф говорил, что «всякого беззаконного дела умножилось, еллинских блядословий и кошун; да еще друг друга лают позорной бранью, отца и мать блудным позором и всякой бесстыдной, самой позорной нечистой языки свои и души оскверняют». А. А. Э., т. III, №264. Если верить Олеарию, в царствование Михаила и Алексея за подобные

Такие неприятности отличали внутренний домашний быт путешественного двора. Внешняя же сторона этой жизни была блестяща: торжественные приемы, всевозможные «увеселения для потехи их величеств», подарки, осмотр всех достопримечательностей, ассамблеи при дворах, частые переезды — все это наполняло время, и оно летело быстро.¹

19 марта мы видим их величества в Роттердаме. Отсюда государь отправился во Францию, а Екатерина возвратилась в Гагу. Петр не взял жены, во избежание тех скучных церемоний, с которыми блестящий двор версальский готов был встретить русскую государыню. Свита царя состояла из следующих лиц: Толстого, князя Куракина (он был свойственник Петра по своей жене, Аксинье Федоровне Лопухиной. (1678—1699 гг., третья сестры царицы Авдотьи), Шафирова, князя В. Долгорукого, Бутурлина, Ягужинского, Макарова, Черкасова, Арескина, духовника, нескольких придворных служителей, между которыми был Иван Орлов, и небольшой команды гренадер.

8 апреля 1717 года государь пешком осматривал город Остенде в сопровождении своих приближенных. В то время вели на казнь нескольких преступников; один из них, увидав иноземного государя, закричал: «Помилуй, государь!» Этого крика достаточно было, чтоб возбудить жалость Петра, и он, быв тронут, испросил жизнь преступнику. Факт любопытный. Крик иноземного солдата-преступника склонил его к милости, а вопли и стоны страдальцев: сына, сестер, жены, родственников, ведомых на лютейшие муки и истязания, не могли вызвать милости.

В то время, когда Петр любовался всеми достопримечательностями, какие представляла ему роскошная столица Франции², Екатерина

поносные сквернословия положено было бить кнутом и сечь розгами. «Теперь на рынках, — замечает Олеарий, — ходят между народом особенно назначаемые для надзора за этим люди с стрельцами и палачами, приказывают схватывать ругателей, и тут же, на месте преступления, для примера прочим, наказывают розгами. Но с давних времен укоренившаяся привычка сквернословить, требуя повсюду строгого и неусыпного присмотра, причиняет надзирателям, судьям и самим плачам столь невыносимую работу, что им уже наскучило наказывать почти на каждом шагу ругающийся народ». Гл. IV.

¹ Из обширного собрания писем государя из-за границы укажем на следующее место в письме к генерал-адмиралу Апраксину (от 3 января 1717 года): «Писал к нам господин генерал-фельдцейхмейстер Брюс, что надобен ему для исправления некоторой книги в переводе адмиралтейский переводчик Гамильтон, которого генерал-майор Чернышев (муж Авдотьи-бой-бабы) ему не отдает, и для того велите ему отдать». Был ли этот переводчик родственник Марьи Даниловны — мы не могли доискаться.

² Кстати, укажем на одну из брошюр, относящихся до пребывания Петра в Париже. «Pierre 1-er, membre de l'Académie des Sciences, par le prince Augustin Galitzin». Paris. 1859 г.

довольно однообразно проводила время сначала в Гаге, потом в Амстердаме. Здесь и дождалась своего хозяина. Петр приехал 22 июля и первое время после четырехмесячной разлуки ни на час не расставался с женой. Целая неделя прошла в осмотре флота, стоявшего на якоре в пяти милях от Амстердама, и все это время они ночевали на яхте. С ними ли были Гамильтон и Орлов или оставались в городе — неизвестно; надо думать, как необходимая прислуга, они сопровождали господ своих и в этих поездках.

В начале сентября государь с государыней были в Берлине. После ряда празднеств, 14 числа Петр поскакал на почтовых в Данциг. За ним поехал Иван Орлов; поехала часть женской прислуги Императрицы. Так как государыня сама собиралась в обратный путь, то, чтоб не иметь, вероятно, задержки в экипажах и лошадях, отправила свой штат партиями.

3 октября царь прибыл в Ревель, с ним вместе были и сопровождавшие его сановники, денщики, между ними Иван Орлов; приехали и дамы из свиты государыни. Кажется, нет сомнения, что между ними была Марья Даниловна Гамильтон, хотя нам достоверно известно из поденной записки Петра, что «ее величество путь свой имела от Риги к Нарве прямо на Дерпт, не въезжая в Пернов и Ревель».¹

Гамильтон была в это время беременна в третий раз, притом в последнем периоде, и, вероятно, опасаясь подозрения со стороны государыни либо придворных дам, которые пытливым оком следили за поведением друг друга, отпросилась ехать через Ревель, где, в страстных объятьях Орлова, старалась забыть и свою болезнь, и свою тоску, и тягостное предчувствие о предстоящих ей страданиях...

Надо думать, что Иван Орлов был очень прост и его легко можно было обманывать, по крайней мере, проводя по несколько часов с Марьей Даниловной, Орлов не догадывался в каком состоянии его возлюбленная.

— Когда в Ревеле, — писал он потом при допросах, — я у нее (Гамильтон) шупал и ее спрашивал, что не брюхата ль ты?

И она сказала:

— Нет.

стр. 10. Изданные здесь документ опровергают лживые сказания о том же предмете Вольтера. Н. Полевого и друг.

¹ Журнал 1717 г., стр. 424.

И я нее опять спросил, и она сказала:

— От тебя б я не потаила.

— А для чего брюхо туго? — спросил я потом.

— Да ведь ты ведаешь, — отвечала Марья, — что я нездорова. Брюхо у меня туго от запору.¹

Из того же показания видно, что, при отъезде государя из Ревеля Орлов не последовал за ним, а по нездоровью остался в городе. Что же касается до Гамильтон, то она отправилась с другими в Петербург.

III

В полдень 10 октября 1717 года Петр въехал в столицу.

«Сия новая его столица, — восклицает Галиков, — прибытием обожаемого государя своего обрадована была несказанно. Все жители оной вышли во сретение его величеству и изъявили чувство радости своей слезами!»

Не примешивалось ли к этой слезливой радости чувство страха? Гроза-сиверка вновь нагрянула. Государь, по приезде, немедленно занялся своим обширным хозяйством: обходом и осмотром всех построек, посещением вельмож, беседами с иноземными мастерами, чинением застенков... Несколько дней спустя приехала государыня, и жизнь двора пошла обычном чередом.²

Но далеко не обычным чередом шла она для Марьи Вилимовны или, как ее переименовали по-русски, Даниловны. Разлука с любовником, остававшимся еще в Ревеле, беременность в последнем периоде, страх быть узнанной в своем положении, боязнь сплетней, пересудов, насмешек придворных дам и кавалеров, начиная от князей и княжон до денщиков и горничных — все это делало ее положение невыносимым. Она жила в летнем доме государевом, заперлась в своих комнатках, сказывалась больной, никого к себе не допускала и так искусно умела скрывать

¹ Показания Марьи Гамонтовой и Ивана Орлова 5 августа 1718 года.

² Любопытные рассказы о том, как осматривал Петр по возвращении из заграницы постройки в Петербурге и собственноручно нещадно взыскивал за медленность и неаккуратность строителей, можно найти в III томе *Anecdotes interessantes et secretes de la cour de Russie*, 1792 г. стр. 162—165, 206—298. Книга эта достойна внимания: это компиляция из множества записок и сочинений о России в XVIII веке. К сожалению, компилятор не везде указывает, откуда берет интересные факты.

свое положение, что ее прислужницы Катерина Терновская да Варвара Дмитриева и казначейша, девка Анна (Крамер), долго не подозревали настоящей причины ее болезни. Либо не успев вытравить дитя лекарствами, либо не решившись вновь совершить это преступление, Марья Даниловна с ужасом ждала рокового часа, и злополучный ребенок, плод страстной любви, уже заранее, во чреве матери, был обречен на смерть.

Между тем, приехал из Ревеля Иван Орлов и посетил раз, как рассказывает служанка, свою любовницу на летнем дворе, днем, при людях; после чего вскоре уехал по какому-то новому поручению, вероятно, царскому.

В это время, около 15 ноября 1717 года, совершенно было задуманное преступление. Приведем рассказ свидетельницы злодейства, служанки камер-фрейлины Гамильтон; рассказ этот, при всей безыскусственности и простоте, прямо переносит на место преступления и ставит лицом к лицу с убийцей. «Месяц спустя, — показывала впоследствии Катерина Екимовна Терновская, — после приходу из Ревеля, Марья Гамонтова родила ребенка; про то я ведала, а именно таким образом то делалось: сперва пришла Марья в свою палату, где она жила, ввечеру, и притворила себя больной, и сперва легла на кровать, а потом вскоре велела мне запереть двери и стала к родинам мучиться; и вскоре, встав с кровати, села на судно и, сидя, младенца опустила в судно. А я тогда стояла близ нее и слышала, что в судно стукнуло и младенец вскричал; тогда я, Катерина, охнула и стала ей, Марье, говорить:

— Что ты, Марья Даниловна, сделала?

— Я и сама не знаю, — отвечала та, — что делать?

Потом, став и оборотясь с судну, Марья младенца в том же судные руками своими, засунув тому младенцу палец в рот, стала давить, и приподняла младенца и придавила.

Тогда я, Катерина, заплавав, паки стала ей говорить:

— Что ты, Марья Даниловна, делаешь?

— Молчи, — отвечала она, — дьявол-ли-де тебя спрашивает?

Придавив ребенка, Марья вынула и обернула его в полотенце.

— Возьми, Катерина, — сказала она мне, — отнеси куда-нибудь и брось.

— Не смею я этого сделать, — отвечала я.

— Когда ты не возьмешь, — сказала Марья, — то призови своего мужа.

Был уже поздний час ночи; родильница, в изнеможении от телесной боли и душевной муки, опустилась на постель. Легла спать и встревоженная

служанка. На другой день, по-прежнему приказу Марьи Даниловны, Катерина пошла и прислала к ней мужа своего, первого конюха Василия Семенова».¹

— Марья Даниловна велела мне, — свидетельствует Катерина, — поднести конюху водки, а потом просила его, Семенова, при мне, Катерине:

— Пожалуй-де, сего мертвого младенца брось куды-нибудь.

Семенов взял и, положив в кулек, понес вон. А тот кулек дала мужу своему я, Катерина. И то делали мы с мужем, и молчали ни для чего иного, только ища в ней милости, а иное ее и боясь, для того, что часто Марья меня, Катерину, бранивала и упрекала:

— Я-де вас, как нищих, взыскала, и вы-де меня не хотите слушать.²

Мы не думаем, чтоб только одна боязнь удержала служителей Марьи Даниловны от доноса на нее. Напротив, боязнь допроса в застенке скорей должна была вызвать с их стороны донос на убийцу: Катерина и Семенов хорошо знали, какому нещадному истязанию подвергались ведавшие да не донесшие на преступление; их карали одинаково с преступниками.³

Итак, не боязнь Гамильтон (она ничего им не могла сделать), а любовь и преданность к доброй госпоже удерживали прислугу от извета.

¹ Из дела о девке Гамонтовой нельзя понять, за кем была замужем служанка Катерина. В одном месте муж ее назван, «царского величества посольского приказа подьячий Савва Терновский», здесь же она завет мужа своего Василия Семенова. Надо думать, что, схоронив первого, она вышла за последнего.

² Подлинное дело о девке Гамонтовой, показания служанки Катерины 9 апреля и 21 июня 1718 года.

³ Страх наказаний, награда за доносы до такой степени развили у нас шпионство в ту эпоху, что великий Петр ведал о самых сокровенных событиях; ему препровождали доносы из самых отдаленных мест России, даже за границу, в бытность его там. Это видно, напр., из следующего письма Петра из Данцига к архангельскому губернатору (16 апреля 1716 года): «уведомились мы, что бывший москов. успенск. собора ключарь Пров, который сослан и пострижен в Соловецком монастыре, ныне из того монастыря свободился и живет у холмогорского архиерея, которого (то есть ключаря), по получении сего указа, возьми и розыщи. каким случаем он освободился, и кто его освободил? И потом к нам пиши, а его за караулом держи. Петр.». («Собр. записок Туманского 1787 г.» ч. V, стр. 96). В «Чтениях Московского Общ. Истории» (1860 г., т. II) напечатаны два любопытные доносы; хорошо бы было, если б явилось в печати побольше подобных документов: они проливают яркий свет и на петровское общество, и на преобразователя с его птенцами. Один из составителей указанных доносов, во всеподданнейшем прошении о награде, с упреком говорит, что его оставили без внимания в то время, как «по именным е. и. в. указам не токмо за такие важные (доносы), но за интересные дела, всякого чина людям давано награждение немалое со всяким удовольствием и с повышением чинов».

Марья Даниловна, действительно, была очень добра и, по своему времени, щедра для прислуги. Так, например, сама служанка Катерина говорила, что получила от нее в подарок: «серьги с бурмицкими небольшими зернами, чепчик парчовый, маленьких обломков камешков пять или шесть яхонтов, косяк камки, две юбки коломенковые с быстрогами; наконец, пред отъездом в поход (то есть за границу в 1716 году), Марья Даниловна оставила мне в Петербурге 10 рублей».¹ Из боязни ли, или из преданности, как бы то ни было, только ни Катерина, ни муж ее не сделали доноса на учиненное преступление. Дело должно было открыться гораздо позже...

Иван Орлов скоро возвратился в Петербург из командировки. Он посетил Марью Даниловну ночью, на зимнем дворе (то есть во дворце). Сидел с ней вдвоем, наедине; беседовали долго... Иван Михайлович говорил, между прочим, что-де слышал я, по приезде от Кобылякова, что ты чуть было не умерла.

— Что с тобой сделалось? — спрашивал он.

— Бок у меня болел, — отвечала камер-фрейлина пытливому любовнику, — также и м..... пришло.

Марья Даниловна послала Катерину варить кофе и кофеем угощала Ивана Михайловича. Напившись кофе, Орлов не остался, однако, ночевать, боясь, вероятно, чтоб не хватились его господа и не открыли бы его шашней.

Несколько дней спустя, камер-фрейлина прислала за денщиком мальчика с приглашением навестить ее. Тот явился.

— Что с тобой сделалось? — спросил Орлов, вероятно, заметив страдания и слабость любовницы.

— Малехонько было не уходилась, — отвечала больная, — вдруг схватило; сидела я у девок (то есть фрейлин) и после насилу привели меня в палату, и месяшное вдруг хлынуло из меня ведром.

Орлов поверил.

Между тем, при дворе, между денщиками, фрейлинами, служанками, дамами придворными ходили разные слухи и сплетни, которые тревожили страданицу, волновали и самого Орлова. Красавец-денщик был любимцем нескольких дам придворных и девиц-фрейлин; все они негодовали за то, что предмет их склонности ухаживает за Гамильтон. С другой

¹ Показание 9 апреля 1718 года служанки Катерины; показания Марьи Гамонтовой и Ив. Орлова 5 августа 1718 года.

стороны, у Гамильтон было несколько поклонников между денщиками, пажами и камер-юнкерами; они, из ревности, хотели рассорить ее с Орловым. Те и другие, желая сделать зло, первые — Марье Даниловне, вторые — Ивану Михайловичу, сплетнями, рассказами, насмешками смущали любовников.

Таким образом, услыхал Орлов от услужливого передатчика сплетен Алексея Юрова, что будто бы тот слышал разговор и шутки насчет Гамильтон, Родиона Кошелева с Семеном Алабердеевым.

— Она со мной брюхо сделала, — смеясь, говорил Кошелев.

Юров уверял, что Алабердеев выдал хвастливого товарища Марье Даниловне и убеждал ее жаловаться на обидчика.

— Не знаю только, — говорил Юров, — была ли челом Марья, или нет?

Ходили слухи, что у фонтана¹ нашли мертвого подкидыша; говорили, что это дитя Гамильтон; другие указывали на прочих фрейлин и дам: это, мол, их дело. Все эти сплетни и толки до такой степени взбесили Орлова, что он решился лично допросить любовницу.

— Как это на тебя говорят, — спросил он, явясь к фрейлине, — что ты родила ребенка и убила?

Та стала плакать и клясться.

— Разве бы тебе я не сказала (о родах и убийствах), — говорила она, заливаясь слезами, — ведаешь ты и сам, какая (большая охотница) я до ребят; разве не могла я содержать в тайне ребенка? Ведь ты ведаешь, меня здесь никто не любит.²

Денщик-любовник, напротив, подозревал (впрочем, напрасно), что Гамильтон была любима слишком многими, более, чем нужно для нее и тем более для него; что Александр подьячий и Семен Маврин жили с ней в такой же любовной связи, как и он, и что ребят у нее действительно не могло быть не от убийств, а от множества возлюбленных.

Как ни сильна была уверенность у Орлова, что у камер-фрейлины, от множества сотрудников, не могло быть детей, однако, после новых сплетен придворных он опять явился к ней с допросом:

— Как же это, — спрашивал он, — другие-то говорят, что ребенок, найденный у фонтана, твой?

¹ В Летнем саду, см. об. этом фонтане в указанных выше сочинениях.

² Показание Ивана Орлова 5 и 20 августа 1718 года.

Марья Даниловна вновь стала плакать и божиться.

— Я, ведь, не одна была, — говорила она, — как у меня месяшное появилось.

Орлов вновь поверил. Чтобы окончательно рассеять его подозрения и прервать сплетни, камер-фрейлина, по убеждению Алабердеева, жаловалась на Родиона Кошелева и его неуместные шутки.

Кошелев повинился:

— Посмеялся я с шутки, а не из знания. Из ревности я хотел, чтоб она, постыдившись этих слов, более дружбы с Орловым не имела.

Жертва толков, пересудов, мучимая недугом, угрызениями совести и страхом наказания, Марья Даниловна Гамильтон грустно встретила 1718 год.

Он ничего не обещал ей радостного; грозные тучи скоплялись на горизонте...

Составитель петербургского календаря, уступая общественному предрассудку, а, может быть, и сам разделяя его, что по звездам можно предугадывать события «о войне и мирских делах», пророчил, что в наступающем 1718 году случится очень много необыкновенного, и более нехорошего, чем хорошего:

«Наипаче дело удивительно (гласил календарь), что в августе месяце четыре планеты, а именно Солнце, Иовит, Марс и Меркурий во знак Льва, то есть в дом солнца, весьма близко сойдут, и оное важнее, нежели обычные Аспекты, ибо во сто лет и больше едва случается, и токмо нет Сатурна и Венеры притом, ибо они на соединение сие гораздо косо смотрят, то есть Сатурн с левой, а Венера с правой стороны в неправом квадрате стоят. Я о сем особливо не могу и не хочу изъяснения чинить, но токмо объявляю, что оное вскоре в августе учинилось, токмо может действие свое во весь год пространит, ибо оное есть Солнечное дело, того ради окончания имеет с терпением ожидать... Сей же год больше к болезням, нежели ко здравию склонен, а особливо зима и весна... Того ради во многих местах слышно будет:

Многие врата аду стерти
Избави нас от внезапные смерти;
И даждь в мире поживши вечно,
Во славе твоей бытии бесконечно!»¹

¹ «Календарь или месяцеслов на лето от РУБ. Х. 1718, указующий затмения солнечные,

Оставим, однако, календарь, который, на этот раз, совершенно случайно не солгал, предсказав болезни (много переболело от пыток), смерть, общие моления о ниспослании помощи от всех напастей, и последуем за великим Петром.

15 декабря 1717 года, государь, расписав во все коллегии президентов, поспешил в Москву, чтоб все приготовить для приема первенца сына. За ним поскакали его приближенные, его денщики (между ними Иван Орлов). На другой день, со своей свитой и фрейлинами (между ними была Гамильтон)¹, выехала из Петербурга Екатерина Алексеевна. 23 декабря державные супруги были в Белокаменной.

Петр, по словам его поденной записки, по приезде в Москву стал упражняться в гражданских делах.

Эти гражданские дела состояли в следствии и суде над сыном, первой женой, сестрами, десятками вельмож, именитых духовных, именитых женщин и прочих.

В нескольких словах, но прекрасно характеризует это страшное время М. П. Погодин: «Своязятся со всех сторон свидетели, участники; допросы за допросами, пытки за пытками, очные ставки, улики и пошел гулять топор, пилить пила и хлестать веревка!

Запамятованное, пропущенное, скрытое одним, — воспоминается другим, третьим лицом на дыбе, на огне, подучащенными ударами и вменяется в вину первому, — дает повод к новым встряскам и подъемам слышатся еще имена... Подайте всех сюда, в Преображенское! Жену, сестер, детей, теток, сватов, друзей, знакомых и незнакомых, архиереев, духовников, — видевших, слышавших, могших догадываться.

— Мы знать не знаем, ничего ведать не ведаем!

— Не знаете, не ведаете! В застенок!

месячные рождения и полный месяц с четвертьми... Учиненный по меридиану и ширине царствующего Санкт-Питербурха. В Санкт-Питербурхской типографии». Лета Господня 1717 г. Ноябрь 25-го. В 8 д. Это был первый из ежегодных календарей в России; он был уже отпечатан в сентябре 1717 года, и Меншиков, при письме, послал его к царю Петру за границу.

¹ Пожиток у нее было немного. По показанию служанки, Марья Даниловна взяла с собой в Москву один только сундук с платьем, остальные два с пожитками оставила на хранение у Петра Машкова. Показание 9 апреля 1718 г. Ехала Марья Гамильтон в Москву с некоей Устиньей; под ее сани давали по пяти лошадей, по столько же впрягали в сани Анисьи Толстой и Анны Паниной. Государыня ехала в санях на шестерке лошадей. См. наказ Меншикова от 14 декабря 1717 г. о заготовке лошадей для проезда двора в Москву. «Русский Архив» 1883 г., кн. V, стр. 8.

И мучаются несчастные, истекают кровью, изнывают страхом и ожиданием. Они взводят на себя и на других напраслину и вследствие ее подвергаются новым пыткам по три, по пяти, по десяти раз!!

— В застенок! — восклицают неумолимые остервенелые судьи.

Умилосердитесь, посмотрите, ведь в них не осталось кровинки; потухли глаза, они потеряли все сознание, у них пропали все чувства, они не помнят уже, что говорят, да уж и дыба устала, застенок шатается, топор иступился, кнут измочалился».

«А оговаривается людей все больше и больше! От друзей царевича Алексея уже очередь доходит до собственных друзей и наперсников царя: князя Якова Федоровича Долгорукого, графа Бориса Петровича Шереметева, князя Дмитрия Михайловича, князя Михаила Михайловича Голицына, Баура, Стефана Яворского, Иова Новгородского, митрополита Киевского, епископов: Ростовского, Крутицкого, даже князя Ромодановского, Стрешнева, сам Меншиков подвергаются позорению!»¹

IV

Все были встревожены, каждый опасался за себя; ежедневные розыски, доносы сделали чутье у сыщиков необыкновенно тонким. Положение Гамильтон делалось невыносимо. При пытливом надзоре за всеми и каждым, возникшем в это ужасное время, преступление ее, хотя и не политическое, не могло остаться в тайне.

Но оно открылось почти случайно. Об этом обстоятельстве многие писатели рассказывают различно. Остановимся на этих рассказах: они легли в основание всех баснословных вымыслов о Марии Вилимовне или Даниловне Гамильтон.

¹ По поводу VI тома «Истории Петра» соч. Устрялова написано было несколько статей. Между всеми ими занимает первое место исследование М. П. Погодина: «Суд над царевичем Алексеем Петровичем». «Рус. Беседа», 1860 г. №1. Этот труд в высшей степени замечателен и тем более должен быть интересен для всех, что ученый автор тридцать лет назад, перепечатывая Розыскное дело 1718 года, предпослал ему, в виде догадки, свой взгляд на весь этот ужасный эпизод из царствования Петра. Догадка оправдалась, и чрез тридцать лет развита тем же историком в ряд высшей степени самобытных взглядов... Исследование Погодина проливает яркий свет на Петра, на Екатерину, Меншикова, царевича Алексея, его сторонников и судей. Статья эта навсегда останется драгоценным достоянием нашей литературы исторических исследований о XVIII веке. (1860 г.)

«Денщик его величества, Иван Михайлович Орлов, — так повествует И. И. Неплюев, — узнал об одном тайном сходбище, разведаль о людях, составлявших общество, и вечером подал государю обстоятельную записку, донос, на заговорщиков. Великий государь, прочитав донос, тщательно уложил его в карман; он был занят другими делами; карман подпоролся и бумага попала между сукном и подкладкой.

Ложась спать, государь обыкновенно приказывал сюртук класть или к себе под подушку, или на стул у кровати.

Лишь только Петр заснул, Орлов, окончив дневальство, отправился к приятелям и прогулял с ними ночь.

Между тем, по обыкновению своему, государь проснулся очень рано и захотел со свежей головой просмотреть донос; не найдя в кармане, заключил, что он украден, и закипел гневом. Приказано позвать Орлова, который раздевал его; Орлова не нашли. Государь еще более рассердился; повелел непременно отыскать гуляку-денщика. Долго не находили гуляку, и гнев господина достиг высшей степени... Наконец, гонцы открыли Орлова. Не подозревая настоящей причины царского гнева, денщик подумал, что, вероятно, государь узнал о любовной его связи с камер-фрейлиной Гамильтоновой, любимицей ее величества.

С этой мыслью трепетавший любовник вошел к государю. Тот был в ярости. Еще более испугавшись, Орлов пал на колена: «Виноват, государь, — взмолился денщик, — люблю Марьюшку!» (так звали при дворе камер-фрейлину). Петр увидел из мольбы, что Орлов не вор бумаги, а, кстати, и она была найдена денщиком Пospelовым в подкладке сюртука.

Между тем, признание заинтересовало господина, и он уже с покойным видом стал спрашивать:

- Давно ль ты ее любишь?
- Третий год.
- Бывала ли она беременна?
- Бывала.
- Следовательно, и рожала?
- Рожала, но мертвых.

Внезапная догадка осветила голову прозорливого монарха; догадка выразилась в вопросе:

- Видел ли ты их мертвых?
- Нет, не видывал, а от нее сие знал, — отвечал трепетавший Орлов.

К несчастью для любовницы, незадолго пред допросом, при очищении нечистот, найден был мертвый младенец, обернутый в дворцовой салфетке; тогда не могли отыскать матери младенца. Из ответов денщика царь увидел, что убийца ребенка ни кто другой, как фрейлина Гамильтонова.

Ее зовут к царю. Петр при любовнике спрашивает любовницу. Та заперлась и стала клясться, что невинна. Ее, однако, уличили в связи с Орловым, после чего заставили сознаться, что она низвела таким образом уже двух младенцев.

— Знал ли об этих убийствах Орлов? — вновь спрашивает государь.

— Нет, — отвечает фрейлина, — Орлов не знал.

Петр не поверил невинности денщика, велел его отвести в крепость, а над фрейлиной, убийцей нераскаянной (?), повелел нарядить уголовный суд»¹.

Голикова рассказ (со слов Неплюева) немного представляет вариантов против рассказа Штелина; последний, разумеется, служил одним из источников автору «Деяний». Но и эти немногие варианты должны вызвать наше внимание.

«Премудрый российский законодатель, — восклицает профессор от аллегии, — всегда старался показать собой пример строгого исполнения законов. Он благоговел пред законом Божиим и был к уголовным преступлениям неумолим, особенно если замечал, что преступление сделано с намерением или от злости. Если дело касалось убийства, то убийца не должен был и надеяться на помилование». «Невинно пролитая кровь, — говаривал Петр, — вопиет о мщении, и ненаказанные убийства угнетают землю».

«Одна из фрейлин Императрицы Екатерины I, именем Гамильтон,² вела распутную жизнь и два раза тайно освобождалась от беременности.

¹ «Деяния мудрого преобразователя», собрал Голиков, т. XV, рассказ (Неплюева) 82-й: «Правосудие его величества и уважение к закону Божью», стр. 182—184. В «Русском архиве» рассказ этот перепечатан с подправкой лишь слога. «Русск. Арх.» изд. 1883 г., кн. II, стр. 362—363.

² Составитель газетной статьи о ней справедливо замечает, что Штелин пишет правильно: Гамильтон. Будучи сам немцем, он не мог, подобно русским, коверкать это имя. Но в той же статье ошибочно обвиняют Н. Г. Устрялова в том, что он, при чтении имени Гамильтон в подлинных бумагах, принял «л» за «н». «Следовало бы (говорит автор статьи) прочесть Гамелтова, а не Гамонтова». Но в подлинном деле, как мы сами убедились, Гамильтон именно названа Гамонтовой. В чем другом можно обвинить историографа, но за уменье его разбирать рукописи и читать корректуры говорят десятки лет, посвященные составлению и печатанию одного тома (см. предисловие Н. Г. Устрялова к VI части «Истор. царя Петра»). (1860 г.)

Она так умела сбывать с рук младенцев своих, живых или мертвых, что при дворе нимало ее в том не подозревали; но в третий раз преступление не удалось. Умерщвленный младенец был найден, и все обстоятельства привели Гамильтон в подозрение. По царскому приказу она была заключена в тюрьму, где и должна была признаться где только в этом, но и в двух прежних убийствах».¹

Вслед за Штелиным и Голиковым приведем один из многих вариантов, помещавшихся в разных изданиях о царствовании Петра. Вот что говорится, например, в «*Anecd. interess. de la cour de Russie*» (Londres, 1790, t. 2, p. 272—275): «По приказанию Петра два гренадера наказали батогами шведскую графиню Марью Даниловну Гамильтон. Она пользовалась до сих пор особым расположением Петра, но возбудила его гнев тем, что стала распускать дурные слухи об Императрице. Донес на нее Меншиков. Издавна, уже имея замысел (!) о возведении на престол Екатерины (после смерти Петра), Меншиков не пропускал ни одного случая, чтоб отклонить все, что могло вредить Екатерине, и интриговал против тех женщин, которые пользовались расположением Петра. Кроме того, существовала особая причина личного недоброжелательства Меншикова к этой иностранке.

«Про нее ходили слухи, что она задушает своих детей тотчас после родов. Но, по неимению доказательств, все ограничивалось толками праздных людей. Однажды она бросила в колодезь своего младенца, завернутого в салфетку из дворцового белья. Несколько времени спустя ребенок был найден; находка усилила подозрения против графини. Меншиков, который до того времени потерпел положительную неудачу в волокитстве за нею, воспользовался этим случаем для мщения и старался обратить подозрения в достоверные факты. Петр, по наущению своего любимца, пошел к обвиняемой графине.

— Это твое дитя нашли? — спросил он ее.

Гамильтон не смутилась и отперлась. Меншиков предложил сделать обыск в ее сундуках. Стали рыться, нашли окровавленное белье. Это была важная улика. Она сильно смутила Гамильтон, и она уже слабо запиралась. Ее арестовали».

¹ Анекдоты Штелина. Нем. изд. 2-е, рассказ 88-й. В русских изданиях первом и втором (1786 г., стр. 226—227; 1787 г., стр. 275—276) рассказ этот напечатан с выпусками; гораздо полнее он в переводе, изданном в 1788 г. Москва. В 8 д. В типогр. компании типографской. Рассказ 87, стр. 247—250.

Приведенных рассказов вполне достаточно, чтоб видеть, как различаются они один другому; впрочем, наряду с вымыслами в них есть и правда: рассказы эти основаны на современных толках и пересудах, и в этом отношении они для нас интересны.

Как же открылось преступление Гамильтон, как началось роковое для нее следствие? Ответа на эти вопросы поищем в подлинном деле «о девке Гамонтовой».

Из него мы видим, что Орлов был далеко не верен Марье Даниловне; в последнее время, забывая ее, часто заезживал к генерал-майорше Чернышевой (Авдотья-бой-баба). Эти частые визиты денщика к генеральше сильно огорчали камер-фрейлину: она сердилась, просила любовника прекратить свои посещения к Авдотье; наконец, чтоб решительно его утратить, Гамильтон решилась на хитрость, кончившуюся для нее самым злополучным образом.

Увлекаемая ревностью, Марья Даниловна решилась погубить свою соперницу сплетней, одной из придворных интриг, которые так часто удавались другим. Она повела дело с того, что вздумала напугать Орлова и тем отвести его от Чернышевой. Зная простоту и недалекость любовника, Гамильтон могла рассчитывать на успех.

Пришел к ней однажды денщик поутру пить кофе. Марья Даниловна, под видом строжайшего секрета, стала ему говорить:

— Сказывала мне сама государыня-царица о том, что один денщик говорил с Авдотьей (Чернышевой) о ней, о царице: кушает-де она воск, от того у нее (на лице) угри!

Со страхом и любопытством стал спрашивать Орлов имя денщика, решившегося на столь ужасное преступление!.. Гамильтон не называла преступника. Иван Михайлович, как сам впоследствии показывал, тщетно допытывался многое время об имени государственного преступника.¹

Между тем, на третий день после утренней беседы, Орлов отправился по какому-то, вероятно, царскому поручению.

В это время неосторожная камер-фрейлина, всеми силами желавшая выкопать яму своей сопернице-генеральше, стала рассказывать княгине Прозоровской, Василию Ржевскому, Баклановскому и другим, что о страсти царицыной есть воск и происходящих от того на лице ее

¹ Показание Орлова 19 июля 1718 года.

угрях говорили Орлов с Авдотьей Чернышевой. Марья Даниловна пустила в ход эту сплетню, как сама потом сознавалась, «с сердца, затеяв напрасно, того для, что Орлов часто хаживал к генерал-майорше Чернышевой, хотя его тем утешить, чтоб он к ней, генеральше, часто не ходил, понеже она того желала».¹

Сплетня, как все сплетни, разошлась чрезвычайно быстро. Когда приехал из командировки денщик, при дворе уже много толковали и о нем, и о Чернышевой, а главное — о царицыных угрях, как следствия странного кушанья. Услужливые друзья и противницы Гамильтон передали Орлову, что камер-фрейлина прямо указывает на него, как на рассказчика об угрях. Тот страшно испугался. Государыня считает его виновным! Его арестуют! Станут пытаться, где и когда он видел царицу, уничтожающей воск! Допытаются и вымучат от него признание в небывалом преступлении! Все эти мысли, без сомнения, должны были осадить недальнюю голову Орлова, и он бросился к Екатерине с оправданием, думая, что та в самом деле что-нибудь знает о нем и о Чернышевой.

Можно представить себе, как изумился денщик, когда, в ответ на его оправдание и челобитье у ног Екатерины, та отвечала, что в первый раз слышит о придворных толках, о воске и угрях.

Немедленно была призвана Гамильтон. В страшном гневе, Екатерина Алексеевна стала допрашивать. Марья Даниловна заперлась, стала клясться, что она никому и ничего не говорила ни о воске, ни об угрях.

Запирательство еще более рассердило допросчицу, имевшую, по уверению Голикова, «сердце не токмо не злобное, но самое добродетельное». На камер-фрейлину посыпались удары... Нет сомнения, что они были довольно убедительны, ибо в деле отмечено: «А по битье, Гамонтова повинилась, затеяла-де я, по злобе на Орлова, напрасно».²

¹ Показание Марьи Гамонтовой 19 июля 1718 года.

² Показания Орлова 19 июля 1718 года. Рука у Екатерины была необыкновенно сильна и она частыми упражнениями чрезвычайно укрепила свои мускулы. Так, например, 9 апреля 1722 года, на торжественной свадьбе графа Головкина с княжной Ромодановской, между прочими потехами, царские денщики, по желанию Петра, силились поднять на вытянутой руке большой маршальский жезл государя, но никому этого не удавалось. Государь, зная, как сильна рука у Императрицы, подал ей через стол свой жезл. Она привстала и с необыкновенной ловкостью несколько раз подняла его над столом прямой рукой, что всех немало удивило. Берхгольц, ч. 2, стр. 180.

Мы не должны изумляться, что этот атлет женской силы сам распорядился при допросе камер-фрейлины. В этом случае хозяйка являлась только подражательницей хозяину. Лет двадцать спустя, ему же подражала и его племянница, Императрица Анна Ивановна. Она

С неудачного (может быть, и справедливого) сказания о воске и угрях раздражается над Гамильтон грозная туча. Нет сомнения, что камер-фрейлина тогда же была посажена в тюрьму; но деятельный монарх, занятый московским и суздальским розысками по делу первенца-сына, не имел еще времени обратиться к исследованию преступления своей бывшей любовницы.

Первый отдел, первая часть многочисленных занятий великого монарха по заговору сына и его сторонников приходила к концу.

В марте 1718 года загорелись костры, засверкали топоры, возвысился кол, воздвигнулись позорные столбы, покатались колеса... Степан Глебов, епископ Досифей, Александр Кикин, Федор Пустынный, Федор Дубровский мучительной смертью избавились от дальнейших истязаний. В продолжение четырех дней на большой площади пред дворцом десятки именнейших особ обоего пола сечены кнутом, другие — батогами и с вырванными ноздрями¹ либо урезанными носами отправлены в Сибирь.²

Весь двор, сам государь объезжал место казней и зорким оком следил за точным исполнением приговоров.

«Ежели б подлинно был монарх (говорит Голиков) напряжен умертвить сына своего, то не должен ли бы он был заниматься сим, единым толико мучительным воображением? Не должен ли бы он был оставить

изъявила однажды желание видеть русский танец и приказала четырем из первых петербургских красавиц исполнить его в своем присутствии. Мать княгини Дашковой, замечательно грациозная плясунья, была в числе этой партии. Как, однако ж, они ни желали угодить воле госпожи своей, но, испуганные ее строгим взглядом, смешались и позабыли фигуру танца. Среди общей суматохи, государыня встала с кресел и, приблизившись к ним, с полным достоинством отвесила каждой по громкой пощечине и велела снова начинать, что те и исполнили, чуть живые от страха. См. записки княгини Е. Р. Дашковой.

¹ Их вырывать приказано было не иначе, как до самой кости. Высочайший указ 7 февраля 1716 года.

² Оговоренных, выпитанных и сеченных дам и девиц по одному делу Алексея и его матери было 26; в это число не входят служанки, монашенки, крылошанки и другие незначительные лица, имена которых не считали нужным сохранить на бессмертие; равно и не отмечали числа ударов, выпавших на их долю. См. наши заметки на VI том «Истории Петра I» в Русском Слове 1860 г., № 1, стр. 39—45. Пытать женщин и девиц было делом уже обычным. В 1698 году их перепытано было множество. Вместо длинного перечня и рассказов приведем несколько строк из Записок Желябужского: «брали из девичьего монастыря боярынь и девок, и стариц в Преображенской, и здесь они расспрашиваны, и по расспросам пытаны, и на виске Жукова дочь девка родила». (Стр. 125). Жукова была при царевне Марфе тем же, чем Гамильтон при Екатерине, то есть камер-фрейлиной. Жуковой на двух пытках дано 30 ударов; на которой из пыток она родила — неизвестно. В 1716 году Петр постановил не пытать беременных женщин (Устав Воинский, ч. 2, гл. 6, арт. 10), но оставил, впрочем, исключения для государственных дел.

или, паче, забыть все другие дела, кроме сего единого?». Но нет, скажем мы, деятельность государя и его верных слуг была необыкновенна: в то время, как заканчивался первый акт драмы, они начинали, между многими другими кровавыми исследованиями, следствие о девке Марье Гамонтовой.

12 марта 1718 года, в среду (на память преподобного Феофана, как гласит современный календарь), в селе Преображенском, в присутствии государя и государыни, осматривали пожитки Марьи Гамонтовой. При осмотре вынуты алмазные и прочие вещи ее величества. Спрашивали Марью, откуда у нее те вещи? И она пред их величествами винулась, что те вещи себе крада.¹

Только что кончились казни 14, 15, 16 и 17 чисел, государь с государыней 18 марта 1718 года оставили Москву.

«Москва опротивела. Дышать здесь стало тяжело. Все покрылось мглой, люди шатались как тени, и в воздухе слышался, кажется, смрад. Надо было переменить место, отдохнуть, освежиться, и Петр с остальными жертвами страшным поездом отправился в Петербург для новых розысков».²

V

24 марта 1718 года государь въехал в Санкт-Петербург, вслед за ним прибыла и государыня. Петр занялся государственными делами, поджидая как из Москвы, так и из заграницы подвоза лиц, замешанных по делу сына.³ Между тем, крепость постепенно наполнялась; днем

¹ Подлинное дело. Записка 19 марта 1718 года. Она оканчивается словами: «Также надобно ее (Гамонтову) расспросить, коликое число ее величества государыни царицы червонных раздала она денщику Ивану Орлову и прочим». Похищение драгоценных камней показывает, что Марья Даниловна была далеко не чужда страсти к украшениям драгоценным, страсти, нашедшей место даже и при дворе Петра, отличавшегося возможной простотой. В 1721 году петербургские дамы имели великолепнейшие наряды и множество брильянтов. «Вообще, здешние дамы очень любят драгоценные камни, которыми стараются перещеголять друг друга». Берхгольц, ч. I, стр. 193., ч. II, стр. 72. Драгоценные камни тем более были в моде, что царскими указами запрещалось носить золото и серебро. Указ 13 декабря 1717 года, 19 декабря 1718 года и др.

² М. П. Погодин, стр. 81.

³ О занятиях государя можно видеть из указов того времени: доставка припасов в Петербург, обмундирование войск, меры о непропуске за границу («дабы при нынешнем розыску

и ночью привозили туда новых жителей казематов различного звания, состояния, возраста, пола. Многие, уже истомленные пыткой, двумя, тремя; многие, томящиеся в страшном ожидании истязаний...

Покамест рассаживают привезенных, зайдем в Петропавловскую крепость того времени. Она уже двенадцать лет строилась и украшалась каменными постройками, быстро заменявшими временные, деревянные. Если верить иностранным писателям, многие тысячи работников перемерли при созидании этой государственной темницы... С необыкновенными усилиями созидались шесть громадных больверков, шесть куртин, два равелина, пять ворот — все это составляло внешнюю ограду Петропавловской крепости.

Укрепления против финского берега в 1718 году были уже окончены, и приступили к переделке тех, которые выходили на Неву, особенно среднего бастиона и двух куртин; готов был угловой бастион, выходивший на Неву, к Васильевскому острову и дворцовой набережной; это был раскат Трубецкой, здесь сидели главнейшие арестанты; жилищами их были казематы, в толстых, массивных каменных стенах.¹ Внутренность крепости занимали соборная деревянная церковь апостолов Петра и Павла,² провиантские и пороховые магазины, аптека, считавшаяся

не ушли кто из тех, которые приличны»), взыскание пошлин, снятие застав, жалованные льготные грамоты, постройка домов в Петербурге — обо всем этом государь успел сделать распоряжения со дня приезда по 12 апреля. П. С. З., т. V, № 3185 и последующие.

¹ «Описание Петербурга» Богданова. 1751 г. Изд. 1779 г. Здесь есть много весьма важных ошибок; напруглей, с 1718 г., по словам Богданова, был комендантом крепости (с 1717 по 1723 г.) полковник Чemezov, а из книги крепостной гарнизонной канцелярии видно, что в декабре 1717 г. комендантом сделан гвардии капитан Бахмиотов, который и заместил Чemezova. Ошибку Богданова повторил в 1857 г. Новоселов (стр. 160). Сведения о Петропавловской крепости, в первый период ее существования, можно найти в прекрасном издании публичной библиотеки «Описание Санкт-Петербурга в 1710 году», изд. 1860 г., стр. 6—12. Брошюра эта перепечатана в «Русской старине». Подле крепости площадь Троицкого собора занята была виселицами; здесь почти всегда висели тела, лежали срубленные головы, стояли позорные столбы. В самой крепости, на нынешней площадке, у главной караульни, стоял деревянный конь со спицами острыми и цепями. В них замыкали и сажали на штраф. Любопытная статья «Опыт исторического изыскания о тюремном заключении в России», Собещанского, помещена в «Москов. Губерн. Ведом.» 1849 г., № 31, стр. 26—30 и др. «О Петропавловской крепости начала XVIII века», см. в статье П. П. Пекарского «Петербургская старина», «Современник» 1860 г., кн. VI, стр. 329, 330, 331 и др. Есть сведения о крепости в соч. С. Новоселова «Кафедральный собор Петра и Павла в Петербурге», СПб. 1857. 8 д. Стр. 309.

² Она была пуста; алтарь, иконостас, престол и жертвенник были перенесены в близлежащее здание, в котором до того времени помещалась канцелярия сената, переведенная на Троицкую площадь (Рубан, стр. 34, «Москов. Ведомости», 1842 г., № 41). В следующем

лучшей в России, дом для обер-коменданта, главная караульня, монетный двор (близ Трубецкого, ныне Алексеевского, равелина), три караульни, Тайная канцелярия. Почти вся эта постройка была в то время деревянная. Крепость разделялась каналом, берега которого усажены были деревьями; церковь стояла (как и теперь) на берегу канала; на ее башне, под шпиром, висело несколько колоколов; приставленные к ним люди каждый час, по голландскому обычаю, разыгрывали небольшую прелюдию, вслед за ней часы возвещались звоном колокола; за неимением механизма, отбивали в колокол часы те же приставленные люди. На валах и крепостных верхах расставлено было до 300 чугунных и медных пушек.

Гром пушечных выстрелов во время праздников, пиров и при других торжествах, оклики часовых по ночам, звон церковных колоколов да заунывный бой часов¹ — вот единственные звуки, которые проникали к заключенным и едва ли приносили приятные впечатления; напротив, есть известия, что часовая прелюдия нагоняла страшную тоску на страдальцев...

А их начинали свозить, одного за другим, под стражей в кандалах, размещали по казематам.

6 апреля 1718 года, в вербное воскресенье, в 9 часов вечера, привезли первую партию. Погода была (по уверению календаря) студеная. Десять человек из привезенных колодников: Иван Орлов вместе с двумя Богдановыми, Глебовым, Протопоповым, Афанасьевым, духовником Игнатьевым, дяком Воиновым, Темировым и Меером, — заключены были в крепости. Остальные оставлены, за караулом, в городе.²

Четыре дня спустя, при пушечной пальбе, въехал в столицу один из главнейших героев кнута и застенка — князь-кесарь Иван Федорович Ромодановский.

В это же время привезли камер-фрейлину Гамильтон³ и нетерпеливый государь повелеть соизволил, в ожидании подвоза лиц по делу царевича Алексея, возобновить розыск о девке Гамонтовой.

году стены этой церкви были разобраны и перенесены в солдатские слободы; постройка же каменного собора, начатая в 1714 году, продолжалась довольно медленно.

¹ Об этих курантах, между прочим, см. у Берхгольца, ч. I, стр. 139—141.

² Записная книга СПб. гарнизонной канц., стр. 605.

³ Есть, впрочем, известие, что она ехала из Москвы в отдельной повозке в штате государыни.

По этому указу, в среду,¹ 9 апреля 1718 года, Иван Иванович Бутурлин стал спрашивать царского величества, посольского приказа подъячего Саввы Терновского жену Катерину, Екимову дочь, а в расспросе Катерина сказала, что у Марьи Гамонтовой жила года с полтора, в том числе, при ней была с полгода, с Троицына дня 1715 года по новый 1716 год. А с год без нее, тогда, когда она, Марья, была за ее величеством государыней царицей в походе. За этим объявлением служанка Катерина рассказала, как, месяц спустя после прихода из Ревеля, Марья Гамонтова родила над судном, как задушила ребенка собственными руками, наконец, как поручила при ней конюху Семенову выбросить в кухню тело дитяти. Подробности этого рассказа мы уже привели в своем месте.

— А с кем Марья того младенца прижила, — говорила Катерина, — того я не знала; а Ивана Орлова при родах не было, был неведомо где в отлучке; и более помянутого Орлова я не видала у Марьи, как он был только дважды у нее (раз на летнем, да раз на зимнем дворе, см. выше). Краденых вещей и Марьиных собственных у меня, Катерины, ничего не имеется; только дала мне Марья, во всю бытность у нее, несколько подарков...² А больше того, от ней ничего (я) не видала; а сундуков Марьи было только один красной, большой, обит кожей, да баул, и те отдала на сбережение Петру Мошкову, да еще после прибыл одни баул тогда, как она из походу приехала, и тот-де баул, помнится, что она взяла с собой к Москве, а остальные два остались у Петра Мошкова; да по бурмицким, небольшим зернам дала она, Марья, на серьги двум, Варваре да Анне, которые у нее жили, а иное что давала ли или нет, про то они сами скажут; а ее ли то было, что она им раздавала, или государыни царицы, про то я, Катерина, не ведаю.³

Того же числа женка Варвара Дмитриева расспрашивана, а в расспросе сказала, что «служила она у Гамонтовой от великого поста 1715 года, ходила за ней во время болезни ее; видела у нее денщиков и разных дворовых служителей; про ее беременность ничего не знала; краденых вещей никаких у ней, Марьи, не видывала и не знает, понеже у ней, Марьи, в то время была казначейшей девка Анна, а она, Варвара, только служила во время болезни; кроме немногих подарков Гамонтова ей, Варваре, боле ничего не давала».¹

¹ На память мученика Евсихия.

² Они переименованы выше, в соответствующем месте.

³ Подлинное дело, докум. 2.

На этих вопросах дело Гамильтон приостанавливается до июня месяца 1718 года. Почему не была спрошена казначейша Анна, почему тотчас, по оговорам служанок, не были отобраны показания у самой Гамильтон — неизвестно.

Что касается ее любовника, то из книги гарнизонной канцелярии мы узнаем о его переводе из крепости: «20 апреля, в воскресенье, приведены в город под караул у господина поручика Котенева: князь В. Долгорукий, Авраам Лопухин, Ив. Афанасьев-большой, Эварлаков, Воронов, Дубровский, Щербатов, Воинов и Иван Орлов».²

Из этого списка мы видим, что Орлова переводили (для чего?) в компании именитейших и главнейших преступников; шестеро из них, как известно, были казнены в том же году лютой смертью.

Конец апреля, весь май и июнь 1718 года проведены Петром в занятиях по делу первенца-сына.³

Орлов, Гамильтон и немногие из причастных к их делу лиц томительно ждали своей очереди...

19 июня 1718 года государь, по словам гарнизонного журнала, паки прибыл в крепость; его сопровождали, по обыкновению, князь Меншиков, адмирал Апраксин, князь Яков Долгорукий, генерал Бутурлин, Толстой, Шафиров и прочие; учинен был застенок. Работа продолжалась

¹ Подлинное дело, док. 3.

² Стр. 608.

³ Как исключительно занят этим был государь, можно видеть, между прочим, из того, что со 2 апреля по 21 июня 1718 года издан был только 21 указ, между тем, как в обыкновенное время указы издавались почти каждый день. Изданные теперь указы касались постройки гребных и парусных судов, доставки мачтовых деревьев, пеньки, присылки из канцелярий ведомостей, о сочинении регламента коллегиям по шведскому уставу, о хлебных запасах в СПб., о должности коменданта, конвенция с прусским двором, об устройстве юстиц-коллегии, устройстве судебных мест по шведскому образцу (с 9 по 25 мая не вышло ни одного указа). Инструкция генерал-полицеймейстеру в СПб. (в 9-м пункте ее, между прочим, было сказано: «все подозрительные дома, а именно: шинки, зерн, картежная игра и другие похабства — о них подавать газеты, и все велеть осматривать, дабы все таковые мерзости, от чего всякое зло и лихо происходит, были испровергнуты»). Мая 26-го: Об описании имущества за вины в казну. Июня 2-го: Грозный указ президентам коллегий о скорейшем и точнейшем вершении дел. 11-го: О мундирных канцеляриях. О своде шведского регламента с русским. О жаловании служителям коллегии. Июня 17-го приказано вскрывать в почтовом ведомстве те письма, которые приходят на имя чужестранных министров, так как в этих конвертах были некоторые подозрительные письма к подданным его величества, к знатым некоторым особам, которые для некоторых государственных дел и погрешения против его величества заарестованы, и с ними по справедливости и по розыску поступается... 18 июня: О чистоте СПб. 19 июня: О назначении фискалов из небогатых купцов. П. С. З. т. V, №№ 3193—3211.

час. Между прочими истязанными в это время бывшему наследнику Российского престола, царевичу Алексею Петровичу дано в сей день двадцать пять ударов кнутом.¹ Весьма вероятно, что при этом съезде государь повелел приступить к делу Гамильтон; по крайней мере, из собственноручной пометки (руки Макарова) на черновых допросных листах (18 марта и 9 апреля) служанки Гамильтон видно, что бумаги эти переданы 18 и 19 июня Андрею Ивановичу Ушакову и Петру Андреевичу Толстому.²

VI

В субботу 21 июня (память мученицы Иуланы) день был солнечный и жаркий. В природе все было так весело и чудно; роскошная Нева спокойно катила свои волны, омывая подножие крепостных валов,... но не весело было за этими валами. В канцелярии тайных розыскных дел Петр Андреевич Толстой и Иван Иванович Бутурлин допрашивали камер-фрейлину марью Гамильтон, в деле о ней уже попросту именованной девкой Марьей Гамонтовой.

Марья Даниловна винулась, что, «будучи при государыне царице Екатерине Алексеевне, вещи и золотые (червонцы) крада, а что чего, порознь не упомнит, а явно то, что у ней, Марьи, вынято».

Камер-фрейлина сознавалась, что из краденых червонцев дала Ивану Орлову 300, да кое-что из своих собственных вещей³; кроме же его, «никому из тех вещей не давала; ребенка прижала она с ним, Иваном, и родила; а притом и помянутая женка была; и того ребенка не давливала, и родила над судном, который в то судно выпал, и стала беспамятна. И та женка се с того судна подняла и положила на постель; а тот ребенок остался у той бабы; а как она пришла в память, в то время та женка ей того ребенка подносила, который был чуть жив, и был у ней же, женки, и потом сказала, что он уже умер, и она-де, Марья, сказала ей, чтоб отнесла куды. А Катерина сказала, что уже она то сделает, и понесла вон, и где девала, не знает».

¹ Н. Г. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. VI.

² 20 июня вышло два указа: О забирании под караул празднующихся людей и проч. и о поимке нищих; вторично-пойманного нищего приказано было «бить нещадно кнутом и посылать на каторгу, баб — в шпингаус, а ребят, бив батоги, посылать на суконный двор». В этот же день в крепости вновь чинен застенков.

³ См. выше, где приведены подробности сего показания.

«А ей женке Катерине, что она расспросом своим показала и Варваре и Анне, то все давала она свое и до родин, и после родин, а не из вышеупомянутого, и больше того брюхата не бывала».

А того ж числа дана девке Марье с женкой Катериной очная ставка.

А с очной ставки сказали: «Женка Катерина уличает, что, конечно, младенца задавила Марья таким образом, как она родила над судном: засунула тому младенцу палец в рот и подняла его (младенца) и придавила».

А девка Марья сказала, что того младенца задавила она, и в том, и во всем виновата.

Это страшное признание, без всякого сомнения, было вызвано у Марьи не столько уликой служанки, сколько угрозой следователей предать ее пытке.

Фрейлина призналась; казалось бы, и достаточно; но нет, для любопытного Петра Андреевича и Ивана Ивановича мало сего признания.

— Ведал ли об убийстве дитяти любовник твой, Иван Орлов?

Та отвечает:

— Не ведал.

Следователи не верят; так или иначе, дело не может обойтись без пытки, и вот секретарь в застенке пишет: «Того ж числа, девка Марья с виски сказала, что младенца задавила она, а Ивану Орлову о том, что брюхата, сказывала и что бросила младенца мертвого, и сказала, что он ушибся; а о том, что задавила, не сказывала».

«А Иван Орлов приведен в застенки, и на очной ставке с Марьей сказал, что он с ней, девкой Марьей, жил блудно, и что она младенца родила и бросила мертвого, о том он от нее не слыхал, и она ему не сказывала, а он-де ей говаривал: когда родит, чтоб она ему о том сказала. А триста червонных она ему дала и сказала, что ее, а не государыни-царицы».

В канцелярию тайных розыскных дел приехал царь Петр Алексеевич.¹ В присутствии его царского величества допрос сделался оживленнее. Девкой Марьей стали розыскивать.

А с розыску сказала, что она Ивану Орлову ни о чем том (то есть об убийстве) не сказывала и лекарство принимала собой, а Орлову о том

¹ Что он был при допросе и пытке Гамильтон, о том свидетельствует Орлов в показаниях 20 августа 1718 г. (См. ниже). В журнале гарнизонной канцелярии, далеко не полном, о 21, 22, 23 числа июня 1718 года. ничего не сказано. Стр. 612—613.

и ни о чем не сказывала; а у государыни-царицы вещи краля она, и о том сказала то же, что и в расспросе своем.

Дано ей, камер-фрейлине двора ее величества, пять ударов.¹

Скажи она одно против Орлова слово, и этот любовник был бы вздернут на дыбу: кнут и огонь пошли бы в дело.

Впрочем, самое дело шло очень медленно; жалел ли царь Петр красавицу, либо исподволь хотел исследовать трагическое событие, только камер-фрейлину Гамильтон оставили оправляться от первой пытки...

26 июня 1718 года скончался царевич Алексей. Его похороны, пиры и пьянство при спуске кораблей, рассылка некоторых арестантов, допросы остальных занимают время. Этого времени хватает и на то, чтобы тщательно просматривать списки пытаных и отмечать некоторых на новые истязания.

Таким образом, 5 июля 1718 года, слушав у себя на дворе докладную выписку о колодниках, царь Петр, между другими высочайшими резолюциями, указал: «Денщика Орлова прислать за караулом на Котлин остров, а Гаментову пытать вдругоряд. И буде в другом розыску скажет тож, что и в первом, а на Орлова ничего не покажет, и оного Орлова сослать на каторгу на время без наказания. Оригиналы (то есть бумаги) все отдать в посольский приказ и поставить² их в крепкую казарму».

Вскоре после этих резолюций, в начале июля, мы видим Петра в море, во главе эскадры из 23 линейных кораблей.³ 19 числа, в субботу, он был в Ревеле; между тем, в Санкт-Петербурге Иван Орлов подал своим

¹ Подлинное дело, 4-й документ. Великий монарх начертал в воинском уставе целую главу (ч. II, гл. 6) о расспросе с пристрастием и о пытке. Показывая зачастую лично пример производства пытки на практике, государь предлагал, таким образом, и теорию. Руководствуясь ею, следователи должны были «особ, которые к пытке приводятся, рассмотреть, и, усмотря, твердых, бесстыдных и худых людей пытать жесточае, тех же, кои деликатного тела и честные суть люди, легче; и буде такой пытки довольно будет, то не надлежит судье его приводить к большему истязанию. Притом же надлежит судье у пытки быть осторожну, чтоб, усмотря подобие правды, оного тела, которого пытает, истязанием не озлобить... (то есть, не сделать нечувствительным). С этой же целью судья должен был выжидать, пока болезнь минется у пытанного раз, чтоб паки и паки — пытать».

² Подлинное дело, 5-й документ.

³ С 22 июня по 17 августа 1718 года вышло только девять указов; они относились к корабельному делу, обмундированию войск, о жаловании их, о неделании парчей, о подорожных: №№ 3214—3223. П. С. З. т. V. Кстати заметим, что первое собрание указов Петра, впрочем, только с 1714 по 1725 год, издано было в 1739 году, 4 д. СПб. В это издание не вошло и трети тех указов, которые напечатаны в П. С. З. Любопытно знать, чем руководствовались составители первого собрания при выборе указов для печати? См. также Словарь юридический Мих. Чулкова. М. 1792., ч. II, стр. 328—335.

свидетелям свое ручное письмо, в котором рассказывал приведенные уже нами подробности о том, как фрейлина Гамильтон сочинила, будто один денщик с Авдотьей (Чернышевой) говорил про царицу, что она-де кушает воск, и оттого на лице угри; как слух этот разнесся при дворе; как, испуганный этим, он кинулся с оправданием к Екатерине Алексеевне, и та с битьем стала спрашивать Марью Даниловну.

По письму денщика, в тот же день Скорняков-Писарев допрашивал камер-фрейлину. Она подтвердила обвинение любовника, пояснив, что говорила и о воске, и об угрях, ссылаясь на Чернышеву, с тем, чтоб отвадить от нее Орлова.¹ Государь все еще был в море, либо в портах, занятый ходом переговоров о мире на аландском конгрессе; в Петропавловской же крепости розыски продолжались.

Во вторник, «августа 5-го 1718 года, как значится в подлинном деле, ею же, девкой Марьей Гамонтовой, розыскивано:

А с розыску сказала, блудно-де жила с Иваном Орловым и брюхата была трижды; двух ребенков она вытравила лекарствами, которые брала от лекаря государева двора и так далее».

Показания эти нам уже известны: Марья Даниловна, повинившись в том, что вытравила двух и третьего ребенка придавила, все-таки не вводи́ла на любовника обвинения, будто бы он ведал об убийстве.

— А у государыни царицы, — заключала настоящий ответ камер-фрейлина, — червонцы и вещи крала, а сколько чего покрала, и то все у меня вынуто, а Иван Орлов о том не ведал же.

Таким образом, она совершенно выгораживала его из ответа. Следователям не могло это нравиться по их обязанности, они долгом считали вымучить что-нибудь новое.

Девке Гамонтовой (камер-фрейлине высочайшего двора ее царско-го величества) дано (вторично) пять ударов.²

¹ Устрялов, т. VI, стр. 545.

² Подлинное дело, 6 докум. В истории тайной канцелярии петровского времени, если только мы ее дождемся, было бы необходимо обратить большое внимание на роды пыток, их происхождение в России, указать случаи и обстоятельства, при которых они производились, их исторический ход сквозь законы всех времен до самого уничтожения; при этом черная материалы из подлинных дел, нельзя будет оставить без внимания немногие печатные известия о пытках. Укажу на некоторые источники: Судебник изд. 1786 г., стр. 59, 60, 61, 261. Олеарий в главе IV, о нрав. русских: в главе X о Лже-Щуйском. Герберштейн во многих местах; Анекдоты в XVIII веке. Под этим заглавием Н. В. Калачов напечатал в своем журн. «Архив» 1859 г., кн. 4, стр. 1—22, чрезвычайно любопытные дела судные петровского времени. Между ними особенно любопытен рассказ об очистительной пытке 1717 года Котошихин.

Насколько молчалива была Гамильтон, настолько был говорлив вполне робевший ее любовник. В день второй пытки камер-фрейлины он написал длинное письмо, которое, за неимением более существенных фактов, наполнил обстоятельным рассказом о том, как и где в Голландии он был пьян, бранился с Марьей, называл ее б....; как, по приказу Питера-инженера, писал, протрезвясь, грамотки, прося извинения у обруганной, как величал он ее, вновь напившись, к...., и бивал; писал Орлов и о щупанье живота Марьи в Ревеле, приводил свои пытливые расспросы о тугости живота и ее уклончивые ответы. Затем дал подробный отчет о сплетнях денщиков и баб при дворе, по возврате в СПб., о беременности Марьи, о судьбе ее ребенка. В заключение письма Орлов говорил о необходимости, «чтоб у Марьи спросить при других про Александра подъячего, про Семена Маврина, что они с ней жили, так-же, как и он. И больше думал я про робят, что не было у ней от множества; а что сперва он, Орлов, потаил от царского величества, то опасался других причин и хотел все на себе снести, не ведая у ней робят; а ежели в них будут запираяться, также и они, чтоб у них взят за их руками письмо».¹

Из этого письма видно, как малодушен был Иван Михайлович Орлов. В виду любовницы, сносившей мужественно не одни угрозы, но и кнут, он, в беспамятстве от страха, лгал, как увидим ниже, на нее, оговаривал и других лиц. Нет сомнения, что донесения об этих допросах

изд. 1859 г., стр. 85, 94, 95, 96, 98. Корба дневник на лат. языке 1699 г., отрыв. на французском, изд. 1859 г. У Карамзина о пытке до Петра: т. VI, стр. 219, примеч. 609. VII, 123. VIII, 11. IX, 264—270. X, 91, 118, 142. XII, 62, 69, 87, 108, 198. Болтина, примеч. на Леклерка 1788 г., т. I, стр. 326-327. Уложение изд. 1779 г., стр. 251, 252, и друг. Маржерета записки, ч. II, стр. 78. Желябужский 1845 г., стр. 26, 101, 125, 144, 277. Вивлиофика, т. II, стр. 261—262 и друг. Штелин 1787 г., стр. 178—181. Берхгольц, ч. 2, стр. 43, ч. 3, стр. 248. Чулков, Слов. юридич. 1792 г., т. I, стр. 241, 410, 571, 572, 573, 574—577. П. С. З. до Александра I-го. Мальгин: Опыт описания стар. суд. мест в России 1803 г., стр. 81—83. Гуляев: Росс. уголовн. право 1826 г., стр. 24—27. Снегирев: Русск. послов. 1831 г., ч. 3, стр. 187—200. Сихматов, Похв. слово Александру I, 1831 г., стр. 23 и 106. Записки Дашковой, стр. 271. Родословная Головиных 1847 г., стр. 53—54. Устрялов, т. 2, 3, 6. Погодин, Суд Алексея (к статье приложен план Преображенского). Подробности о селе у Ратча, Воен. Сборн. 1860 г., № 1. Голиков, т. VI, стр. 338—470; т. XIII, стр. 278—366 и друг. В чтениях Общ. Истории 1858—1859 гг. помещены чрезвычайно замечательные рассуждения о смертной казни и пытках кн. М. М. Щербатова, Завадовского и друг. 1860 г., кн. I, стр. 47, 48, 63—71. Один из последних героев допросов с пристрастием Шишковский ум. в 1794 г. мая 12-го (См. Описание Алекс.-Невской Лавры соч. Попова 1842 г., стр. 111). Мир праху твоему, Степан Иванович, как кажется, последний по долгу службы и охоте подвижник кнута и застенка! (1860 г.)

¹ Подлинное дело, 7 докум.

и ответа отсылались к царю Петру,¹ да и вторичная пытка камер-фрейлины совершена была с высочайшего разрешения.

Государь, по-видимому, весь отдавшийся морским эволюциям, на-шел, однако, время обнародовать любопытный указ 18 августа 1718 года, в силу которого во всей России запрещалось писать какие-либо, запершись письма; этим указом монарх давал обширное поле для фискальных исследований и застеночных розысков. «Причина сего указа, — догадывается Голиков, — заключалась в том, что тайные злоумышленники, со-участные делу царевича, выпускали в народ возмутительные письма, ко вреду высокой монаршей чести; и коль сие должно (было) быть чув-ствительно трудящемуся неусыпно о благе отечества монарху!». ²

Чувствительный царь Петр Алексеевич спасал свою честь сим ука-зом; не менее чувствительный денщик Иван Михайлович неусыпно хло-потал о своей: ему очень не хотелось познакомиться с виской и кнутом, и, ради сохранения спины, он вновь подал, в среду 20 августа 1718 года, своеручное письмо; а в нем написал: «В первом письме я написал про Родиона Кошелева, что он посмеялся Алабердееву про Марью, будто она с ним, Орловым, сделала брюхо, и то неправда. Он ему так не сме-евался, и от других я, Орлов, таких речей не слыхал; только я слышал про этот смех от Алексея Юрова, а про то не знаю, от кого он слышал: сказал мне, что Алабердеев с Кошелевым побранился, и я, Орлов, спро-сил, за что? И он сказал, что посмеялся ему Марьей, тем ребенком, кото-рый явился у фонтана, а я сказал, ведь ты слышал, не про нее говорят».

Орлов, как известно, допрашивал, вследствие этих слухов, свою любовницу, и та его уверила, что никакого убийства не было.

«А на то я не могу прямо написать, — заключал свое письмо ден-щик, — не могу и упоминать, как ее (камер-фрейлину) спрашивал. или так, как в сем письме писал, или, может быть, что и убитым (ребен-ком) помянул, и в том пусть ее спросят, может быть, что она лучше пом-нит; при других ее никогда не спрашивал, и от других не слыхивал.

И притом прошу себе милостивого помилования, что я в первом письме написал лишнее; когда мне приказали написать, и я со страху, и в беспамятстве своем написал все излишнее; клянусь живым Богом, что всего в письме не упомяну, и ежели мне в этом не поверят, чтобы у тех спросить, того не было.

¹ О его разъездах в то время см. Поденную записку, изд. 1772 г., ч. II, стр. 62—70.

² Деяния, т. VII, стр. 143.

И про других (Алабердеева и Маврина) я написал, будто с Марьей жили, то я мнил; однако ж-де, забыв то, когда при царском величестве был розыск, и она меня в ту пору оговорила; и на свидетельство меня приводили, и тогда ее изволил спрашивать Иван Иванович (Бутурлин), и она сказала, что кроме меня никто (у нее любовником) не был.

А что-де я в первом письме написал про них дерзновенно, то в беспамятстве своем забыв. И ныне на то свидетельства верного не имею, что они жили с Марьей блудно».¹

Следствие и исследование настоящим письмом Орлова кончилось; по крайней мере, мы не имеем известий о новых допросах, да едва ли они и были; оставалась развязка любовного романа — казнь преступницы.

Но Петр не спешил с нею. Сентябрь, октябрь и весь почти ноябрь 1718 года² прошли для Марьи Даниловны в томительном ожидании своей судьбы. Надежда на помилование ее не оставляла.

Пользуясь этим временем, рассмотрим те законы и постановления, которые имели отношение к ее преступлению, и которые могли быть принятыми к сведению при произнесении окончательного над ней приговора.

VII

В Судебнике царя Ивана Васильевича сказано: «А которой отец или мать убьет сына или дочь до смерти, и отцу за то или матери сидеть в башне в городе год и шесть недель, и после того приходит к соборной церкви и пост держати, и грех свой объявляти предо всеми людьми».

¹ Подлинное дело, 8-й документ.

² С 28 августа по 20 ноября 1718 года вышло девятнадцать указов; они относились до управления юстиц-коллегии, наблюдения чистоты в СПб., о работах Ладожского канала, о пошлинах с судов и других предметов; именной указ 2 октября о приезде президентам в коллегии два дня в неделю и о точном вершении дел: «Чтоб (при этом) лишних слов и болтания не было, но то время ни о чем ином, только о настоящем говорить; также кто станет говорить речи, другому не перебивать, но дать окончить, и потом другому говорить, как честным людям надлежит, а не как бабам торговкам». 9 октября дана инструкция Ижевскому о положении всех раскольников в оклад. «Слышу, — писал государь, — что некоторые раскольщики за знатными людьми живут, и с теми слабо поступаешь, чего берегись!» Указ о присылке работников с юга России в СПб. и на Ладожский канал, об учреждении духовной коллегии, о сборе рекрут и проч. П. С. З., т. V, №№ 3224—3242. Мы говорим об этих указах только потому, что во все это время розыски и суд над сторонниками царевича Алексея продолжались; 1718 год был не всем обыкновенным в жизни Петра, почему и любопытно, в параллель, указывать на постановления, касавшиеся всей России.

Этой статье соответствуют в древних юридических памятниках следующие:

В градском законе, гл. 48, стр. 35: «Убивай восходящего по роду или входящего, или сродника, огневи предан будет».

В Литовском статуте, ред. 1558 года, разд. XI, арт. 7, оконч.: «А если бы се трафило родичем дитя свое забити не с пригоды, а ни за вину, Але умыслне, тогды таковой отец и matka мают бытии карани за тое год и шесть недель на замку нашем седети у вежи; а выседевши год и шесть недель мает еще до году четыре крат при церкви, при костеле якого на боженства христьяньского будет покутовати и вызнавати явный грех свой перед всеми людьми собранья христьянского»...¹

В Уложении 1649 года, гл. 22, ст. 3: «А будет отец или мати сына или дочь убьет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год; а отсидев в тюрьме год, приходити им к церкви божии и у церкви божии объявляти тот свой грех всем людям вслух: а смерию отца и матери за сына и за дочь не казнити».²

Такого рода снисхождение к убийцам в то время, как во всех остальных случаях убийцы наказывались лютой смертью, достаточно объясняется общим положением родителей в древней Руси и правами их относительно детей... Обстоятельства эти до такой степени извиняли детоубийство, что его считали скорее грехом, нежели нарушением чьих-либо прав, тем менее детских.

Но снисхождение относительно родителей-убийц детей законных вовсе не распространялось на убийц незаконных детей. В Уложении сказано (гл. 22, ст. 26): «А будет которая жена учнет жити блудно и скверно, и в блуде приживет с кем детей, и тех детей, сама или иной кто, по ее веленью, погубит; а сыщется про то допряма, и таких беззаконных жен, и кто, по ее веленью, детей ее погубит, казнить смертью безо всякие пощады; чтоб на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися».

Объяснением столь строгого наказания за убийство незаконных детей, с одной стороны, может служить меньшая степень родительской

¹ Дополн. статьи к «Судебнику» царя Ивана Васильевича, изд. А. Ф. Бычковым, в Арх. ист.-юридич. сведен. Н. В. Калачова, кн. II, отд. III, стр. 83, 84, 116, 117.

² Уложение изд. 1737 г., стр. 235, 239. Сведения об оригинале его помещены в «Архиве» Калачова кн. I, изд. 2-е, стр. 1—20. В том же журнале 1859 г., кн. 3, стр. 60—104, помещена ученая статья г. Колосовского: «Вменение смерто-убийства, по уложению царя Алексея».

власти матери, а с другой, — особая цель, которую и преследовало тогдашнее законодательство: «Чтоб на то смотря, иные такого беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялись».

Вот что пишет современник о казни над таковыми женщинами-преступницами: «Женскому полу бывают пытки такие ж, что и мужскому полу, кроме того, что на огне жгут и ребра ломают. А смертные казни женскому полу бывают за богохульство и за церковную татьбу, за содомское дело жгут живых, за чаровство и за убийство отсекают головы; за погубление детей (незаконных) и за иные такие ж злые дела живых закапывают в землю, по титки, с руками вместе, и отоptyвают ногами, и оттого умирают того ж дня или на другой... А которые люди воруют (то есть имеют связь) с чужими женами и с девками, и как их изымают, и того ж дни, или на иной день обеих, мужика и женку, кто б таков ни был, водя по торгам и по улицам вместе нагих, бьют кнутом».¹

Рассказ Котошихина вполне показывает, как скоро выполнялись на практике статьи «Уложения».

В «Артикуле Воинском», составленном Петром в 1716 году, вся 20 глава, в двенадцати статьях, отведена для законов «о содомском грехе, о насилии и блуде».

Как ни строги положенные в них наказания, но уже можно видеть влияние духа времени и собственного темперамента великого Петра. В толкованиях к статьям представлялись разные оговорки и смягчения, так, например: «Ежели невинный супруг за прелюбодеющую супругу просить будет, и с ней помирится, или прелюбодеющая сторона может доказать, что в супружестве способу не может получить телесную охоту утолить, то можно наказанье умалить» (Толк. к артик. 170).

«Ежели холостой человек пребудет с девкой, и она от него родит, то оный для содержания матери и младенца, по состоянию его и платы, нечто имеет дать, и сверх того тюрьмой и церковным покаянием имеет быть наказан, разве что он потом на ней женится, и возьмет ее за сухую жену, и в таком случае их не штрафовать» (арт. 176)².

¹ Россия в царств. Алексея Михайловича, изд. 1859 г. стр. 96. Жестокое преследование прелюбодеяния вполне объясняют, почему в допетровской Руси, как это видно из соч. Олеария и друг., не было ни одного публичного, развратного дома, хотя те же путешественники много рассказывают о склонности наших предков к сладострастию.

² При артикуле военном перечислено множество наказаний. В этом уставе, до сих пор еще не совсем потерявшем своего значения, перечислено до 90 случаев, в которых повеле-

Наконец, указ 1715 года ноября 1-го, прямо обрекавший убийц незаконных детей на смертную казнь, относительно времен царя Алексея Михайловича, является постановлением несравненно снисходительнейшим.¹

Таким образом, и по «Уложению» царя Алексея, и по петровским законам, Гамильтон должна была быть казнена смертью. Приговор состоялся в четверг, 27 ноября 1718 года.²

VIII

В день 27 ноября 1718 года, по словам современного документа: «великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея великие и малые, и белые России, самодержец, будучи в канцелярии Тайных Розыскных дел, слушав вышеписанного дела и выписки, указал, по именному своему великого государя указу: девку Марью Гамонтову, что она с Иваном Орловым жила блудно и была от того брюхата трижды и двух ребенков лекарствами из себя вытравила, а третьего удавила и отбросила; за такое ее душегубство, также она же у царицы государыни Екатерины Алексеевны крада алмазные вещи и золотые (червонцы), в чем она с двух розысков повинилась, казнить смертью.

А бабу Катерину, которая о последнем ее ребенке, как она, Марья, родила и удавила, видела и, по ее прошению, того ребенка с мужем своим мертвого отбросила, а о том не доносила, в чем учинилась с ней сообщница, вместо смертной казни учинить жестокое наказание: бить кнутом и сослать на прядильный двор на год.

валось казнить смертью. А известно, что военный артикул, особливо в то время, применяем был и в гражданских делах. Словарь Юридический, ч. I, стр. 644, 645, 646.

¹ Артикул был составлен, как известно, в 1716 году, но первое издание его (имеющееся у нас) во время суда над Гамильтон не было еще напечатано; оно вышло в свет почти год спустя со следующим заглавием: «Книга. Устав воинский, о должности генералов, фельдмаршалов, и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войске надлежит быть, и о иных воинских делах, и поведениях, что каждому чинить должно». Купно при сем Артикул воинский и с процессом надлежащим к судящим и экзерцицией, о церемониях и должностях воинским людям надлежащих. — Напечатался повелением Царского величества в Санкт-Петербургской Типографии, лета Господня 1716, октября в 29 день». — В лист, стр. 102, 80, и 36.

² Накануне государь обнародовал несколько важных указов о работах на Ладожском канале, об управлении губерниями согласно с шведскими установлениями, о введении резиденции. В этот же день вышло замечательное постановление: «О порядке собраний в частных домах, и о лицах, которые в оных участвовать могут». Это был приказ об ассамблеях. П. С. З. т. V, №№ 3243—3246.

А Ивана Орлова свободить, понеже он о том, что девка Марья Гамонтова была от него брюхата и вышеписанное душегубство детям своим чинила, и как она алмазные вещи и золотые крала, не ведал — о чем она, девка, с розыску показала имянно.

Подписали: Петр Толстой. От лейб-гвардии майор Ушаков. Григорий Скорняков-Писарев.

И по вышеписанному его великого государя именному указу, Иван Орлов из-за аресту свободен того же числа».¹

С подписанием приговора камер-фрейлину Марью Гамильтон заковали в железо².

8 декабря 1718 года на Троицкой площади, у крепости, казнено девятро из важнейших лиц, замешанных в деле царевича Алексея; головы их выставлены на позорном столбе, тела — на колесах.

Царь совершенно успокоился от тягостного суда, и, в знак полнейшего торжества, повелел выбить медаль: на одной стороне был портрет Императора Петра Первого, на обороте же изображена корона, лежащая на высокой горе, которая выходит из облаков; ее освещает солнце, с надписью: «Величество твое везде ясно. 1718 год 20 декабря».

Увековечив таким образом память о суде и осуждении сына, царь спешил отдохнуть и оправиться. 19 января 1719 года, вместе с Екатериной, царицей Прасковьей Федоровной, бароном Остерманом и знатными особами государь отправился к мерциальным олонецким водам.³

Здесь государь пробыл до марта 1719 года, проводя время в обычных занятиях делами, на досуге веселясь, по-своему, с приближенными.

¹ Подлинное дело, 9-й докум.

² Так предписывалось гл. 50 Воинского устава: «По подписании приговора к смерти осужденного, какого б он ранга и проч. не был, сковать».

³ «Петр Великий на марциальных водах, открытых 1716 года в Олонецкой губернии». СПб. 1852. Н. Самойлова, стр. 9—18. О распоряжениях его за это время см. у Туманского 1787 г., ч. V, стр. 105. П. С. З. т. V, №№ 3247—3320. За все это время выходили почти каждый день по два, по три указа в одно время. Пророчествуя о делах мирских на 1719 год, календарь хотя и сознавался, «что невозможно войну и мирные времена от звезд прямо познавать, для того, что оные от самохотной воли человеческой зависят, однако ж, иногда с действием звезд зело сходно бывает. Причина тому есть, что звезды своей инолюэнцией хотя не в душу, однако ж, в тело человеческое, яко стихийной корпус вливают. И по той своей инолуэнции, какова она есть зла или добра, к тому его и склоняет, и понеже, как Апостол Павел глаголет, что плоть против духа восстает, а дух против плоти, которые между собой взаимно вражду имеют, а у множайших человеков (как является) плоть более перемогает, того ради и случается. Когда хотения телесные исполняются, где война и мирные времена с небесными признаки зело близко бывает». (Календарь на 1719 г. СПб.)

3 марта Петр и его двор возвратились в столицу.

Долгое заточение Марьи Даниловны и ее тяжкие страдания возбудили, наконец, жалость у ее госпожи. Екатерина, умоляемая свойственниками и родными злосчастной своей камер-фрейлины, решилась ходатайствовать о ее прощении. Она тем больше надеялась на успех, что видела род нерешительности со стороны мужа казнить ее служанку: четыре месяца протекли со времени подписания приговора.

О ходатайстве Екатерины сохранилось несколько рассказов; они-то и составляют сущность печатных, столь скудных, известий о Марии Гамильтон.

Если верить им, то государыня употребила для ее спасения все усилия; к своей просьбе она присоединила просьбы разных доверенных лиц государя; но все это ни к чему не повело. Тогда Екатерина убедила помочь ей любимую невестку Петра, царицу Прасковью Федоровну, которая пользовалась большим уважением государя¹. Прасковья не отказалась от попытки умиловить Петра, тем более, что в этом случае выполняла обычай старины, когда, по словам Котошихина, «царица или царевны царю били челом», причем царь, по их прошению, се доброе чинил, от бед и смертей освобождал.²

С этой целью царица Прасковья пригласила к себе накануне казни Марьи Даниловны (то есть 13 марта 1719 года), государя, государыню, графа Апраксина, Брюса и Толстого. Все трое были уже приготовлены к просьбе и со своей стороны обещали ее поддержать.

Начался общий разговор. Прасковья Федоровна искусно навела его на Гамильтон, извиняла ее преступления человеческой слабостью, страстью и стыдом; превозносила добродетель в государе, сравнивала земного владыку с Богом небесным, который долготерпелив и многомилостив и прочее. Апраксин, Брюс и Толстой, согласно с царицей, стали

¹ Эта личность замечательна во многих отношениях; к сожалению, никто из писавших о петровском времени не обратил на нее ни малейшего внимания. Мы имеем довольно много весьма важных материалов для знакомства с царицей Прасковьей и впоследствии надеемся поделиться ими в особой монографии. (1860 г.)

Это намерение мы осуществили в следующем 1861 году. Наш исторический очерк «Царица Прасковья» был напечатан в журнале братьев М. М. и Ф. М. Достоевских «Время» издания 1861 года, и тогда же вышел отдельным первым изданием в особой книге. Второе издание, исправленное и дополненное, напечатано нами в 1883 году, СПб., стр. 260, с портретом царицы Прасковьи, отпечатанным красками.

² Стр. 28.

просить за злополучную фрейлину, говоря в смысле слов псалма, «аще беззакония назриши Господи, кто постоит?»

Петр был в духе, выслушал челобитье терпеливо, не перебивал просителей; когда они кончили, он спросил невестку:

— Чей закон есть на таковые злодеяния?

— В начале Божий, а потом государев, — отвечала Прасковья.

— Что ж именно законы сии повелевают? Не то ли, «что проливаяй кровь человеческую, да пролиется и его?»

Царица должна была согласиться с тем, что за смерть — смерть.

— А когда так, — сказал Петр, — порассуди, невестушка; ежели тяжко мне и закон отца или деда моего нарушить, то коль тягчае закон Божий уничтожить? Я не хочу быть ни Саулом, ни Ахавом, — продолжал царь, обращаясь к министрам, — которые, нерассудной милостью закон Божий преступя, погибли и телом, и душой; и если вы имеете смелость, то возьмите на души свои сие дело и решите, как хотите, я спорить не буду.

Все умолкли; никто не решался ни брать на себя ответа, ни делать того, на что не было охоты у повелителя. Прасковья Федоровна, видя, что ходатайство ни к чему не повело, поспешила «шуточным прикладом речь свою замаять».¹

Что было причиной строгости царя относительно женщины, которая пыткой и годовым самым ужасным заключением, причем четыре месяца в кандалах была, по-видимому, достаточно уже наказана? Панегиристы Петра, Татищев, Штелин, Голиков, Н. Полевой и другие находят, что строгость Петра прямо вытекала из желания неуклонно выполнить закон; но в таком случае рождается вопрос: всегда ли выполнял он закон хотя бы и в уголовных только преступлениях? Напротив, во многих случаях Петр не только уступал просьбам царицы и приближенных вельмож, но нередко милостиво принимал его величество ходатайство смелого шута; даже любимой собаки, на ошейнике которой догадывались привязать челобитье о помиловании или, по крайней мере, о смягчении сурового его закона...²

Итак, не было ли другого обстоятельства, которое вызывало со стороны царя Петра строжайшее наказание камер-фрейлины Гамильтон?...

¹ Рассказ В. Н. Татищева в примеч. к 71 статье «Судебника» царя Ивана III. М. 1786 г., стр. 86—88. Штелин, изд. 1787 г., стр. 276. Голиков, т. XV, стр. 184—186.

² Желябужский, стр. 100. Штелин изд. 1787 г., стр. 311—313. Беляев, описание кабинета Петра, 1793 г., стр. 126—231 (описание собаки Лизеты). Берхгольц 1722 г., ч. II, стр. 245 и др.

Гельбиг разрешает этого вопрос любопытным известием, за достоверность которого он ручается (sic): «Почти всем известно, — говорит автор *Russische Günstlinge*, из № 88 анекдотов Штелина о Петре великом, что девица Гамильтон извела своего собственного младенца и за что ей отрублена была голова, но, может быть, немногие знают, что отцом этого младенца был Петр I».¹

Мы не беремся решать, кто был отцом задушенного дитяти: Петр Алексеевич или Иван Михайлович? Но едва ли может быть сомнение в том, что ревность, досада на неверность Гамильтон немало усугубила строгость к ней великого монарха.

IX

В субботу 14 марта 1719 года погода была ветреная, утро туманное. Лишь только стало рассветать,² на Троицкой площади, близ крепости, собралась толпа народа, издавна уже привыкшего к казням. Солдаты цепью окружали место казни, наблюдая за порядком.³ Зеваки окружали эшафот, поджидая жертвы и поглядывая на полусгнившие головы заговорщиков, казненных 8 декабря прошлого года. Государь не замедлил приездом⁴.

Привели из крепости осужденных. Марья Даниловна до последнего мгновения ждала прощения. Догадываясь, что государь будет при казни, она оделась в белое шелковое платье с черными лентами, без сомнения, в надежде, что красота ее, хотя уже поблекшая от пыток и заточения, произведет, однако, впечатление на монарха... Она ошиблась. Впрочем, государь был ласков, по крайней мере, не осыпал ее упреками, насмешками, бранью, чем сплошь да рядом сопровождались прочие казни, какие бывали в высочайшем его присутствии.

— Девка Марья Гамантова, да баба Катерина! — воскликнул один из секретарей, начиная чтение приговора, — «Петр Алексеевич, всея великие и малые, и белые России самодержец, указал за твои, Марья.

¹ *Russische Günstlinge*, стр. 109, примечание к биографии Вилима Монса.

² В 5 ч. 48 м., календарь 1719 г.

³ Устав воинский, гл. 67, об экзекуции, стр. 105.

⁴ В этот день не вышло указа. См. указы с 10 марта по 16 число, №№ 3321—3329 П. С. З., т. V.

вины, что ты жила блудно и была от того брюхата трижды; и двух ребенков лекарством из себя вытравила; а третьего родила и удавила, и отбросила, в чем ты во всем с розысков винилась: за такое твое душегубство — казнить смертью.

— А тебе, бабе Катерине, что ты о последнем ее ребенке, как она, Марья, родила и удавила, видела; и, по ее прошению, одного ребенка с мужем своим мертвого отбросила, а о том и доносила, в чем учинилась ты с ней сообщница же, вместо смертной казни, учинить наказание: бить кнутом и сослать на прядильный двор, на десять лет».¹

Трепетала от ужаса камер-фрейлина, молила о пощаде. Петр, так рассказывал Штелину Фоециус, придворный столяр, очевидец события, простился с ней, поцеловал и сказал:

— Без нарушения божественных и государственных законов не могу я спасти тебя от смерти. Итак, прими казнь, и верь, что Бог простит тебя в грехах твоих, помолись только Ему с раскаяньем и верой.

Она упала на колени с жаркой мольбой. Государь что-то шепнул на ухо палачу; присутствовавшие думали, что он изрек всемиловейшее прощение, но ошиблись; царь отвернулся, сверкнул топор — и голова скатилась на помост. Он исполнил данное прежде обещание: тело красавицы не было осквернено прикосновением катских рук.

Великий Петр, повествуют иноземные писатели, поднял голову и почтил ее поцелуем. Так как он считал себя сведущим анатомии, то при этом случае долгом почел показать и объяснить присутствующим различные части в голове; поцеловал ее в другой раз, затем бросил на землю, перекрестился и уехал с места казни.²

Вечером того же дня малограмотный писарь гарнизонной канцелярии отметил, между прочим, в журнале: «14 марта по указу его царского величества казнена смертью дама его величества девица Марья Данилова: отсечена голова; девица содержалась в гарнизоне под караулом».³

Катерина, служанка, была высечена кнутом и сослана по приговору.⁴

¹ Подлинное дело, докум. 10.

² Штелин, в нем. издан., анекдот № 88; в русских изданиях этот рассказ не так полон, за исключением впрочем московского издания 1788 г. стр. 247—249. — «Anecd. intéressant de la cour de Russie», 1792. т. II, стр. 272—275. Бюшинга Магазин, ч. III, стр. 224, прим. к статье о царевиче Алексее. Бюшинг называет Гамильтон: «schwedische Fräulein».

³ Устрялов, т. VI, стр. 618.

⁴ Подробный указ о ссылке на прядильные дворы наказанных баб и девок, о содержании их, работах и проч. издан 26 февраля 1719 г. № 3313. Один из прядильных дворов в Москве помещался в доме казенного Авраама Лопухина.

Что касается до Ивана Орлова, то он был освобожден еще 27 ноября 1718 года.

По этому поводу И. И. Неплюев рассказывал следующее:

«Несмотря на все уверения Орлова в том, что он не ведал о детоубийствах, Петр все еще сомневался и целый год держал его в тюрьме. Наконец, бывши на одной ассамблее, приказал привести заключенного денщика. Снова убеждал его, что если он ведал об убийстве, то покайся бы чистосердечно, «потому (говорил государь) согрешить есть дело человеческое, а не признаваться в грехе есть дело дьявольское. Покайся и я тебя прощу!».

Орлов продолжал говорить, что он невинен, и клятвами подтверждал уверения.

— Ну, ежели ты и виновен, — возразил Петр, — то как нет точных тому доказательств, да судит тебя Бог, а я должен наконец положиться на твои клятвы.

Орлова, по воле монарха, одели в новый гвардейский мундир и выбрили ему отросшую в тюрьме бороду.

— Жалую его поручиком гвардии, — сказал Петр, — страх подпасть под неправосудие в том сомнительном деле принудил меня заключить тебя на год, яко виновника несчастью любовницы твоей, и ты сам должен признать наказание сие справедливым; оно послужит и тебе, и другим наставлением храниться от подобных попятностей».¹

Насколько верен рассказ Голикова, записанный со слов Неплюева, решить, конечно, трудно.

В каком полку был Иван Орлов в 1719 году — неизвестно; впрочем, в списках Преображенского полка офицеров, представленных в 1722 году на рассмотрение Петра, для назначения из них судей по делу Шафировова, значится именно Иван Орлов.

Ловкий удар топора, отделивший голову красавицы, без сомнения, принадлежал опытному и искусному обер-кнутмейстеру, старшему палачу. Он лично распоряжался при допросах и пытках; он же исправлял должность придворного шута. Любопытна его кончина в 1722 году: в бытность в Олонце с государем, он упал (пьяный?) с лестницы, переломил три ребра и чрез десять дней в страданиях умер.²

¹ «Деяния великого монарха», т. XV, стр. 186.

² Берхгольц, ч. II, стр. 138.

Но возвратимся к казенной им камер-фрейлине. С отсечением головы не все еще кончилось; оставались ее пожитки, которые надо было, как конфискованное на царя добро, принять на сохранение. Об этом приеме дошел до нас следующий документ:¹

«1719 года марта 16-го дня отдано в дом царского величества стряпчему Петру Ивановичу Мошкову после девицы Марьи Гамантовой:

Складень алмазной, в нем 23 алмаза, да малых 48; перло бурмицких (зарен 39), при нем запонка 15 алмазов, перло жемчужное, 49 жемчугов, 8 цветочков по одному алмазу; серьги с красным камнем, при них две искры, два запонка золотые, три подвески простых изломанных, на ручке алмазец; с алмазом кафтанчик тафтяной полосатой с юбкой, да другой кафтанчик штофовый. Вышеписанные вещи в доме царского величества Петр Мошков принял. А сию роспись писал лейб-гвардии Преображенского полку солдат Иван Кондырев, каптенармус Федор Зелов».²

Х

Забрав на сохранение драгоценные вещи из небольшого скарба камер-фрейлины, великий Петр, если верить Гельбигу, приказал конфисковать и сохранить самое драгоценное, что имела Марья Даниловна: ее красивую голову.

¹ № 11 документ.

² Из всех лиц, косвенно замешанных в дело Гамильтон, как-то: Кобыляков, Алабердеев, Маврин, Кошелев, Пальчиков, Анна Крамер, Семенов, Дмитриева, — никто не пострадал: все продолжали пользоваться и милостями, и доверием государя. Судьба Анны Крамер в особенности интересна; Гельбиг отвел и ей в «R. Günstlinge» несколько страничек; этот кропотливый собиратель 1780-х годов интересных рассказов и легенд о русском дворе и русских любимцах счастья, на основании некоторых известий, изъясняет сомнение в верности слухов, будто бы, после казни Гамильтон, Петр сделал своей любимицей Крамер. Он только любил с ней беседовать (замечает Гельбиг) и, чтоб облегчить случаи беседы, пожаловал ее камер-юнгферой Екатерины. Анна Ивановна Крамер скоро приобрела такую доверенность, что, в числе немногих лиц, знала об умерщвлении царевича Алексея Петровича; она же представила (!!) отрубленную (!!) голову Алексея, вообще приготовила его тело к погребению. Тщательное исполнение такого рода поручений, за которые бы, конечно, не многие женщины взялись, заслуживало награды. Нечего и удивляться, что бывшая служанка, «казначейша камер-фрейлины», превратилась в придворную даму. Она сделана гофмейстериной Императрицы, а вскоре гофмейстериной царевны Натальи Петровны, пережившей отца шестью неделями. Похоронив свою питомицу, Крамер оставила двор, уехала в Нарву и жила здесь с братьями, возвратившимися из заточения. Анна Ивановна жила пенсией и доходами с небольшой вотчины в рижском округе, которую получила от Екатерины I; замужем не была и скончалась

Голова эта положена была в спирт и отдана в академию наук, где ее хранили в особой комнате, с 1724 года, вместе с головой камергера Монса. Воля монарха была исполнена с величайшей точностью. За головами был большой уход до восшествия на престол Екатерины I; когда же увидели, что Императрица забыла о бывшем любимце своем, отрубленную голову которого после казни, в течение нескольких дней, видела пред собой, то и зрители забыли их.

Спустя шестьдесят лет о них вспомнили. Это было в 1780-х годах. Княгиня Е. Р. Дашкова, в качестве президента академии, пересматривала счета и нашла, что чрезвычайно много выходит спирту. Между прочим, она заметила, что он отпускается на две головы, хранимые в подвале, в особом сундуке, ключ от которого вверен был особому сторожу; но он не знал, чьи головы находились под его охраной.

Долго рылись в архиве академии наук; наконец, нашли имена владельцев голов — то были: двора Императрицы Екатерины I фрейлина Марья Даниловна Гамильтон и камергер Вилим Иванович Монс. Княгиня Дашкова донесла о находке императрице Екатерине II. Головы принести во дворец, рассматривали и все удивлялись сохранившимся следам их прежней красоты. Когда любопытство было удовлетворено, головы, по приказу Императрицы, закопали в погребу.¹

В рассказе Гельбига многое весьма вероятно. Петр, действительно, любил всевозможные монстры и курьезы, старался обогащать ими основанную им кунсткамеру, осматривал с большим вниманием многие лучшие заграничные кабинеты редкостей, скупал их у ученых собирателей большими коллекциями, требовал доставки редкостей со всех концов России, вообще занимался этой частью, столь полезной для науки и образования. В кунсткамеру поступил желудок петровского гайдука-француза; гайдук привезен был им ради необыкновенной толстоты и умер от сильнейшей венерической болезни. До 105 уродов собрано было Петром: сотня зародышей и недоносков человеческих хранилась в кунсткамере.

Здесь кстати вспомнить, что любовница царевича Алексея Петровича, Евфросинья Федоровна, разрешилась от бремени (как можно

в 1770 году, на 76 году от рождения. Анна Крамер была красавица, умна, умела снискать доверенность и держаться при дворе, наконец, была женщина бесчувствительная». Гельбиг, стр. 103—105. Ей принадлежат несколько рассказов в анекдотах Штелина, 1787 г., стр. 45, 46, 181, 312, 313 и друг. Голиков, т. VI, стр. 304; т. VII, стр. 120.

¹ «Russische Günstlinge». Тюбинген. 1809 г., стр. 108—109.

предполагать) в Петропавловской крепости... Куда делся ребенок? Н. Г. Устрялов не отыскал. Не отправили ли его в число недоносков, разумеется, мертвым, на хранение в кунсткамеру? Это могло быть тем скорее сделано, что мертворожденные младенцы более именитых лиц, нежели крепостная девица Евфросинья Федоровна, поступали в банки на хранение; так, например, сохранен был выкидыш маршалыши Олсуфьевой.¹ Кроме мертвых экземпляров, Петр повелевал сохранять и живые экземпляры всевозможных монстров. Так, например, в его время можно было видеть в кунсткамере живого человека, без половых органов, вместо которых у него был род грибообразного нароста, похожего на коровье вымя и имевшего посередине мясистый кусок, величиной с рубль, откуда постоянно выходила густая моча, стекавшая в привязанный для этого пузырь. Все это было страшно отвратительно, тем более, что экземпляр распространял от себя невыносимый запах; для него был не шкаф, но особая комната. Экземпляру предоставлялись развлечения: он рубил дрова; но готов был дать 100 рублей, так говорил очевидец, чтоб только вернуться на родину, в Сибирь, откуда его прислали по царскому указу.

В кунсткамере же жили несколько живых мальчиков-уродов (*einige lebendige Jungen*).²

Всего сказанного достаточно, чтоб видеть, как тщательно и многосторонне обогащал свою коллекцию курьезов великий Петр; следовательно, нет ничего невероятного, что он послал туда на хранение и снятые им головы первой, по времени назначения в России, камер-фрейлины и любимейшего его супруги Екатерины камергера.

Но вот что странно: Дашкова, как известно, внимательно занимавшаяся делами академии наук вообще и некоторыми отделами (минералогическим кабинетом) кунсткамеры в особенности; Дашкова, оставившая в своих записках подробный и весьма обстоятельный рассказ об этом периоде ее жизни, ничего не говорит ни о своей находке, ни о докладе

¹ См. Голиков. т. I, стр. 580, 581. — т. VI, стр. 101, 198, 199, 200, 201, 226, 255, 261, 597. — т. VIII, стр. 67, 69. — т. X, стр. 25, 41, 43, 402. Указ 1718 г. февраля 3 и 1721 г. — Штелин 1787 г., стр. 89—95. — Берхгольц. ч. I. стр. 52, 153—157. — Богданов. «Описание СПб.» 1751 г., стр. 101—104. — «Кабинет Петра Великого», описание О. Беляева. СПб. 1793 г. ч. I, стр. 42—45, 64, 72, 141. — ч. II, стр. 135—138, 147—148. Изд. 1800 г. ч. II, стр. 4, 10, 19, 31, 32. Основанная в 1714 году кунсткамера находилась в Кикиных палатах, бывших близ нынешнего Зимнего дворца.

² Множество экземпляров петровского времени погибло в пожаре 5 декабря 1747 года. В этот день сгорели все почти вещи, хранившиеся во 2-м и 3-м этажах кунсткамеры.

о нем Императрице, ни о приказе ее закопать головы Гамильтон и Монса в землю.

Находка ее не так была обыкновенна, чтоб не сказать ни слова либо забыть о ней.

Да если б княгиня Дашкова и забыла голову фрейлины, то о ней напомнила бы фамилия ее задушевного друга — леди Гамильтон, дочери туанского архиепископа.¹

Леди Гамильтон много путешествовала с княгиней Дашковой во Франции, приехала в 1784 году для свидания с ней в Петербург в то время, когда Екатерина Романовна стояла уже во главе академии наук.

Президент показывал своему другу все редкости столицы. Показывал, разумеется, и кунсткамеру. Одну из новых деревень своих Дашкова назвала, в честь дорогой гостьи, Гамильтон. Наконец, по просьбе двоюродной сестры леди Гамильтон, мисс Уильмот, посетившей Дашкову в России в 1803 году, Екатерина Романовна написала свои в высшей степени драгоценные для истории XVIII века записки.

Все эти обстоятельства должны были часто наводить ее на мысль о голове однофамилицы ее друга... Тем более непонятно со стороны Дашковой молчание о голове фрейлины (если только голова эта была найдена и прочее), что она вносила в записки множество мелочей, в особенности все то, что вызывало у нее какие-нибудь сношения с Императрицей; а, не сочувствуя Петру, она, разумеется, не упустила бы записать новый эпизод, подкреплявший ее мнение о его жестокости.²

Итак, вопрос о том, верно или неверно сказание Гельбига об отыскании и погребении головы Гамильтон, остается нерешенным; но, что голова хранилась в академии, о том свидетельствуют, кроме печатных известий, и устные предания, повторявшиеся еще в 1860 году.

«Летом 1830 г. я был в кунсткамере, — пишет господин Эндогуров, — несколько посетителей, должно быть из купцов, осматривали монстров в сопровождении чичероне-сторожа. Я подошел к ним и со мной вместе очень почтенный человек с орденом на шее. Сторож, указывая на банку с головой, объяснял: «При государе Петре I была

¹ О ней см. в Зап. Дашковой, стр. 107, 117, 165, 221, 222, 225, 290, 353.

² Не умолчала ли Дашкова о Гамильтон из приличия? Не нашла ли она, как женщина, неудобным передавать скандальный эпизод и помещать его в записках, писанных для девицы? Но эти предположения остаются неудовлетворительными, если вспомнить, что княгиня Е. Р. Дашкова, не вдаваясь в подробности, могла ограничиться небольшой заметкой о Гамильтон.

необыкновенная красавица, которую как увидел государь, так и приказал отрубить ей голову и поставить в спирт в кунсткамере, на вечные времена, чтоб все и во все времена могли видеть, какие красавицы родятся на Руси». Почтенный человек, с орденом на шее, выслушав рассказ, возвысил голос и стал выговаривать сторожу, что он рассказывает нелепости, и, обратившись ко всем окружающему его, сказал: «Как можно, чтоб такой великий и правосудный государь, каков был Петр I, поступил так с невинной красавицей! Напротив, это голова придворной особы, которая девицей разрешилась от бремени и из желания скрыть свой стыд, убила ребенка, что и было открыто; суд же приговорил ее к смертной казни. А так как она была красавица, то государь повелел хранить голову ее в спирту вместе с прочими монстрами». «Не помню, — продолжает господин Эндогуров, — про кого из преемников Петра I он говорил, что, увидев голову красавицы, он приказал выставить ее к кунсткамере на видное место, чтоб простой народ, имевший доступ в музей во время святой недели, мог видеть голову женщины, решившейся на такое злодеяние, рассказывать историю ее, а с тем вместе, что будто бы участь этой красавицы вложила монарху мысль основать воспитательный дом и прием в оный, секретно, незаконнорожденных детей».¹

«В 1833 году я опять был в кунсткамере, — продолжает господин Эндогуров, — и тот же сторож поспешил рассказать нам свою прежнюю историю. Я напомнил ему о том господине, который остановил его в 1830 году. Но ветеран, махнув рукой, сказал: «Где им знать! Мы немало лет живем здесь, так уж лучше знаем».

Как почтенный господин с орденом, так и словоохотливый чичероне — оба делали довольно важную ошибку: за голову убитой красавицы они принимали голову мальчика.

Эта голова, по описанию О. Беляева (1800 год, ч. 2, стр. 31), действительно принадлежит к числу любопытнейших предметов собрания; с нее снят череп, но мозг, с объемлющей его сорочкой и множеством простирающихся на нем тончайших нерв, сохранен прекрасно. Искусство, с каким сохранено лицо головы и всего сплетения мозговых жилок, есть такая тайна, которую природа открыла одному только Рюйшу, из собрания которого и поступила эта голова в кунсткамеру в 1717 году.

¹ «Северная Пчела» 1860 г., № 91. «Письмо к издателю».

Беляев прямо говорит, что «сия головка известна ныне публике под названием головы одной девицы-красавицы 15 лет, о которой плетутся разные басни и нелепости. «Каким образом сие случилось, — заключает Беляев, — поистине, недоумеваю!»

Посетив в 1860 году анатомический кабинет академии наук, мы уже не нашли одного из усердных рассказчиков этих басней: унтер-офицер Якок Андреев лет восемь пред тем опочил на Смоленском; он унес с собой и басню, которую не мог передать нам ни один из оставшихся сторожей;¹ что же касается головы мальчика, так долго состоявшего в подозрении, что она принадлежала девице, мы ее видели, благодаря обязательной услужливости К. И. Иванова.

Голова, действительно, сохранилась прекрасно; мальчик лет 12—15 был замечательный красавец; свежие, полные щеки, маленький рот, прекрасный подбородок, прямой носик, немного приплюснувшийся от банки, русые волосы, такие же брови, правильно очерченные, над закрытыми глазами, длинные ресницы — все это и красиво, и сохранилось так, что, глядя на головку, в голову не придет, что она лежит в банке полтора-два года! Кровеносные сосуды налиты чрезвычайно искусно, и во всей голове только на левой стороне отстал лоскуток кожи.²

Велико было преступление Марьи Даниловны Гамильтон, жестоки и бесчеловечны были истязания ее, страшна была и казнь, ее постигшая.

¹ Вместо нее мы имеем басню, напечатанную в виде исторической повести Солоницыным «Царь — рука Божья, был времен Петра Великого». Рассказы Штелина и Голикова автора были дополнены вымыслами собственной фантазии. См. «Москвитин» 1841 г., ч. IV, №7, стр. 23—105.

² Голова хранится в банке «С. № 10». В каталоге против этого номера записано: *Caput pueri, cujus cranium cum dura matre ablatum est; cerebrum vero, arteriis Piae matris materia caeracer injectis superbiens, et situm et magnitudinem ordinariam servat: facies, obcolorem naturalem, non sine jucunditate spectatur.* Под № 27 в банке хранится другая голова, немного менее. Все остальные четыре или пять еще меньше. В соседней зале мы видели маски с двух разбойников, наказанных в 1840 году, Чайкина и Быкова; они изображены с полувзбритыми головами. Скелеты их хранятся в музее Казанского университета. Осматривая нашу кунсткамеру, невольно сравниваешь ее с заграничными; как незначительна она в сравнении, например, с Парижским музеем! Можно ли подумать, что это кабинет редкостей необъятной России? Да и этот кабинетик многие ли знают! Любопытный должен дожидаться известного времени года, известного дня, выхлопотать билет, но и с билетом случается, что перед ним закрыты двери: нынче-де переделывают, пускать не велено. Подобных отказов я сам был свидетелем в 1860 году, когда и написаны эти строки. С тех пор, однако, прошло двадцать три года, порядки и в кунсткамере изменились к лучшему, а музеи академии обогащены весьма многими новыми приобретениями и целыми научно собранными коллекциями.

Тем-то более должны мы радоваться, что наше современное законодательство заявило себя, по обыкновению, прогрессивным в вопросе о наказании матерей, ради стыда посягающих на жизнь незаконнорожденных своих детей.

«За убийство предумышленное — читаем мы в проекте нового уложения о наказаниях уголовных и исправительных¹ — виновный подвергается лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на рудниках без срока; а буде он по закону не изъят от наказаний телесных — и наказанию плетьюми чрез палачей: сто ударов, с наложением клейм.

«Наказание смягчается тремя степенями: в случае, когда убийство незаконнорожденных, сына или дочери, совершено матерью от стыда или страха при самом рождении младенца: виновная подвергается работе в крепостях на время от 10 до 12 лет и наказанию плетьюми от 60 до 70 ударов».²

Санкт-Петербург. 1860 г. августа 9-го дня

По действующему (в 1883 году) «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» — по статье 1451: Лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудниках без срока подвергается виновный в убийстве предумышленном... сына своего или дочери.

¹ Изд. 1844 г., СПб., стр. 14 и 1202—1203, статья 21, 22 и 1856. Уложение о наказ. уголов. и исправ. изд. 1845 г., статья 1922. Замечательное мнение Щербатова о детоубийстве см. Чт. Об. Ист. 1860 г., кн. I, стр. 72. из литературы сочинений о детоубийстве на русском языке укажем на исследование доктора Г. И. Блосфельда: О правах утробных и новорожденных недоношенных младенцев вообще, и об умерщвлении и умышленном изгнании плода в особенности. Казань, 1856 г., стр. 78. В юридической части сочинения ученый автор рассматривает узаконения различных народов относительно прав новорожденных; преступление убийства и умышленного изгнания плода, по нынешнему взгляду уголовного права; наконец, делает критический разбор преступлений детоубийства, убийства и плода и зародыша. Во II части исследования, в медицинской, г. Блосфельд говорит о правах плодов вообще, об определении и доказательствах беременности, о предшествовавших родах; о возрасте, жизнеспособности и причинах смерти плодов; в заключение говорит об участии судебного врача при раскрытии и определении субъективного состава дела. Кстати укажем также на весьма интересную историю воспитательных домов в С.-Петербурге и Москве с открытия оных по 1851 г., напечат. в II т. Чтен. Общ. Истории, 1860 г., стр. 94—160.

² «Мы признали необходимым в этом случае смягчить наказание, — сказано в проекте, — потому, что положение виновной в том женщины есть необыкновенное, и часто она, терзаемая стыдом, страхом, угрызениями совести и изнуренная телесными страданиями, почти лишается рассудка, следственно, покушается на ужасное преступление без ясного об оном пред самой собой сознания. Смягчения сего рода допускаются во всех лучших иностранных законодательствах».

«Наказание смягчается тремя степенями в случае, когда убийство незаконнорожденных сына или дочери совершено матерью от стыда или страха при самом рождении младенца, если, однако ж, при сем не будет доказано, что она была уже прежде виновна в том же преступлении. Когда же детоубийство сего рода было непредумышленное, виновная в оном женщина, особенно, если она незамужняя и разрешилась от бремени в первый раз, подвергается токмо лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших или менее отдаленных местах Сибири».

IV.

**СНЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
1714—1719 ГОДЫ**

В кабинетных делах Петра I, в Государственном архиве, находится несколько им собственноручно записанных сновидений; некоторые из этих записок тщательно перебелены его денщиками и секретарями. Видимо, что некоторые сны, как нечто курьезное, интересовали государя, рассказывались им своим приближенным, вызывали разные замечания и прочее. Эти обстоятельства достаточно показывают, почему не безынтересно остановиться и на таком страшном, по-видимому, предмете, каковы сны Петра Великого.

Преобразователь России, как известно, был враг суеверий и предрассудков; нет свидетельств и о том, чтобы он придавал какое-либо серьезно значение снам, и находил бы в них какой-либо таинственный, знаменательный смысл; если же он их записывал иногда, то только ради курьеза, как любитель всего особенного... Известно, что по большей части и во сне мы видим то, чем особенно заняты, либо о чем думаем наяву; отсюда еще интереснее знать, каковы же должны были быть сны сурового монарха?

«1714 года, ноября с 9-го на 10-е. Сон видел: (корабль?) в зеленых флагах, в Петербурге».

«1715 года, января с 23-го на 24-е. Видел сон: зверей — льва да бобра».

«1715 года, января с 28-го на 29-е число. Будучи на Москве, в ночи видел сон: господин полковник ходил на берегу, при реке Большой, и с ним три рыбака, и волновалась река, и большие прибывали волны. И идет волна, и назад отступала, и так били волны, что покрывало их (то есть полковника с тремя рыбаками). И назад (река) отступила, а оне (они?) не отступили. И так меньше, меньше и уступила вода в старое состояние свое».

«В Ярове пришел к башне высокой, и с той башни спущена была веревка, по которой он туда взлез. И взошед на башню и хотел взойти на шпиг, но было мягко — и ноги вязли и взойти нельзя, и он, сделав лыжи, и на тот шпиг на тех лыжах взошел, на котором шпиге было яблоко поставлено; а на яблоке, в стороне, царской герб двоголовой орел; а в середине яблока стержень; потом факсу (не флаг ли?) с левой руки постановил на тот стержень».

«1715 года, февраля с 19-го на 20-е число в ночи видел сон: в подобии и в лице Клакачова, и казался (он) с большими морщинами и онного (я) поколол шпагой».

«1715 года, февраля на 25-е число видел: волы и солнце».

«Апреля на 26-е число видел сон: яко бы орел сидел на дереве, а под него подлез или подполз какой зверь не малый, наподобие крокодила или дракона, на которого орел тотчас бросился, (и) из затылка у онного голову отъел, а именно переел половину шеи и умертвил. И потом, как много сошлось людей смотреть, то подполз такой же другой зверь, у которого тот же орел отъел и совсем голову, что якобы было уже явно всем».

«1715 года, октября с 20-го на 21-е число. Сновидение. Море покрыто как лесом цветет, на котором буер ходил, в котором вакарбарт и другого народа. Г. (государь?) в синем кафтане потом другой буер пришел, в котором левен-ер оба хотели авантаж некоторой (чего не помнят) сделать, но не могли к чему звали и нас, и как мы пришли то учинилось, а именно зелень густую отъехали от правого берега и к земле пристали».¹

«1716 года, апреля на 24-й день, в Гданске: видел государь сон, что у турок на барабанах были жемчуги».

«1716 года, октября на 9-е число в Копенгагене: видел его царское величество сон, яко бы он послал фельдмаршала Шереметева и велел оному с войском пройти мимо каланчей тихо, не нарушая с турками мира. Но потом, когда сам его царское величество к каланчам приблизился, когда увидел их, сделанных хорошей архитектурой и украшенных знаменами, и турки мечут с них знамена. И когда на одну из них взошел, то показалось в них також гораздо убрano картинами и прочим, и увел турков в платье разных наций и говорят разными языками, между которыми и с его величеством говорил один по-голландски; и убраны (турки) зело богато, в саблях и поясах с камнями разными, и было из них несколько побитых. И начал (государь) говорить фельдмаршалу, яко бы с гневом, для чего те каланчи он взял и тем мир с турками разорвал? На что он (Шереметьев) сказал, для того, что турки добровольно их не пропустили. На что он (государь) сказал: (так как), что они (турки) его без бою не пустили, и для того он принужден с ними биться. Однако же, хотя бой и был, но немногих побил».

¹ Писано рукой Петра, также сохранилась и современная копия. Помета: «отдано в 21 день октября 1721 года», то есть отдано в кабинет для хранения.

«1716 года, ноябрь на 9-е число в Шверине видел его царское величество сон о турках, яко бы оных много видел в Петербурге на лугу в богатых одеждах, в том числе был и визирь, который, пришед к его величеству, нечто говорил и рукой тогда держал...¹ за крыж²; также и прочие (турки) за визирем следовали в саблях же. И поясы, на которых сабли, у многих богатые камнями вложены, и после визирь, также и других (другие), сняв с себя сабли с теми богатыми поясами, отдали царскому величеству».

«Сон видел, тогда как в Померанию вошли, что был (я) на галиоте, на котором мачты с парусы были не по пропорции; на котором (галиоте) поехали и обрат (то есть бортом), его обортало на бок и воды захлебнулось, с которого (галиота) попадали и поплыли к другому борту и обратно к дому, и поле (полегоньку?) поехали и у себя приказал воду выливать...».

Попадись выписанные нами сны Петра I велеречивому Крекшину, трудолюбивому Голикову или красноглазовому Н. А. Полевому, и мы бы по поводу этих снов имели удовольствие прочесть не одну дюжину громких фраз с восклицательными знаками: «Воззрите, о благосклонный читатель, на героя нашего! Великий дух отца отечества бодрствует и во сне!... И во сне, в те немногие часы, когда преславный монарх предавался отдохновению от неизреченных, громадных трудов, гений его сражался с турками, брал крепости, витал над морями, казнил крамольников.³ Великий преобразователь, но что я говорю, бессмертный возродитель, создатель ныне преславной монархии российской, о монарх приснопамятный, и во сне входить на недостигаемые вершины! Державный работник — он сам делает лыжи, наставляя и подвизая тем своих верноподданных, боготворящих его россиян, на труд непрерывный? Россияне воз»... и тому подобное.

Но если в нынешнее время не совсем ловко разразиться столь великолепными речами, то что же вместо них можно сказать о курьезных снах Петра I? То, что и в сонных, бессвязных видениях, видениях, находивших, может быть, после хмельно законченного дня какой-нибудь попойкой-вечериной, и в этих видениях мы узнаем характер деятельности

¹ Не разобрано, — кажется, «за саблю»...

² Латинский крест.

³ На этот раз крамольники разумелись бы в Клокачове, дерзнувшем предстать с морщинами пред царские очи, за что и пронзен шпагой.

и постоянных дум Петра: катанья по воде... корабли... прилаживанье на них парусов по препорции... строгость наказания какого-то... война... осада крепости... (эти каланчи напоминают его Азовские походы) ... пленение визиря, столь досадившего ему на берегах Прута, и прочее... Все эти обстоятельства, помимо их фантастической обстановки, как бы выхвачены спящим Петром из дум и стремлений Петра бодрствующего...

Совсем другие, но опять-таки не безынтересные видения являются во сне его супруге, Екатерине Алексеевне.

«1719 года, января с 13-го на 14-е число, — так писал комнатный секретарь Екатерины, — ее величество государыня царица, перед светом на 14-е число, изволила видеть сон, что яко бы в огороде каком¹ у палат был прикован один зверь, бел шерстью, наподобие льва и зело сердит; на всех бросался и переел зубами у цуковой ее величества соловой лошади ногу. Между тем же, были в огороде министры и множество людей. И у женщин юбки или самары ветром подымало на головы; и были белые знамена, о которых говорили, что (то) мирные знаки. И кричал тот сердитый зверь часто «салдореф! салдореф!» А другой такой же (зверь) ходил на воле на каком (то) будто дворе; только сей последний (зверь) зело был ласков; у него же была корона на голове и в короне зажженные три свечи; и оной ходил за его величеством и ласков к нему был».

«1719 же года, января с 14-го на 15-е число перед утром, — как значится из другой записки ее секретаря, — государыня царица (вновь) во сне слышала, что кричали вышеописанное слово: «салдореф!»... Весьма вероятно, что странное видение зверей, «белых шерстью, бродящих в каком-то огороде» приснилось Екатерине при воспоминании о белых медведях, стражей московского двора князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского. Екатерине не раз случалось видеть, как медведи Ромодановского подносили гостям на золотом блюде большой кубок водки; если кто отказывался от нее, медведь вцеплялся в парик или в волосы гостя, раздирали платье и вообще трепал нещадно, «своим обычаем». Этих медведей, после смерти Ф. Ю. Ромодановского, их царские величества вытребовали к себе в Петербург.

«Алексей Васильевич — государь! — писал по этому случаю к кабинет-секретарю Макарову обер-фискал Нестеров, — по письму вашему

¹ Под словом «огород» разумелся сад для гуляний.

к ближнему стольнику, князю И. Ф. Ромодановскому, о присылке медведей с учителями их... два медведя со учителями их двумя человеками, которые обретались в Москве, при дворе его сиятельства, отправлены с Мельгуновым 8 февраля, и на их корм, и на подводы, прогоны даны из преображенского приказу; а других таких ученых медведей и учителей медвежьих по их сказкам учителей, которые посланы из мясных рядов старост и тех рядов купеческих людей в Москве нет. А его сиятельство кн. Иван Федорович от Москвы отлучился на Олонец к водам 1720 г.»¹

Говоря о снах их царских величеств, вообще любопытно бы было проследить, какие обстоятельства предшествовали им в ближайшие дни, так как зачастую содержание вновь составляется под видением недавних происшествий, разговоров, понятий и размышлений; но мы оставляем другим толковать об этом интересном предмете.

¹ Государств. Архив, Каб. дела, полов. II, кн. XLVII, стр.398.

V.

**ПЕТР ВЕЛИКИЙ КАК ЮМОРИСТ.
1682—1725 ГОДЫ**

.... Отрешаем вас от шумства и от кабаков,
дабы не ходить!...

Шут. послание князь-папы к царю Петру.

В 1861 году, в малораспространенном, хотя и весьма почтенном и интересном научно-литературном журнале «Светоч» (кн. XI) помещено было нами собрание подлинных документов, ярко освещающих одну из любопытнейших сторон в характере Петра Великого: его юмор. Документы эти, сочиненные и собственноручно написанные Петром, суть шуточные обряды избрания и поставления князь-папы, шуточные возглашения, грамоты, отписки, росписи церемониалов, и тому подобное. Ныне дополнив это любопытное собрание материалов вновь найденными, мы считаем нелишним воспроизвести всю статью из журнала, составляющего едва ли не библиографическую редкость.

Позволяем себе надеяться, что в настоящее время, когда взгляд на деятельность и характер Петра Великого вполне выяснился, когда вновь открытые и обнародованные материалы устранили всякую односторонность в суждениях о личности и царствовании Петра, никто не заподозрит нас в желании унижить этого величайшего из монархов всей Европы XVII и XVIII веков. Никто, надеемся, не осудит нас за издание материалов, в которых все принадлежит самому Петру I, а потому, так или иначе, но есть достояние истории и подлежит ее критике. Если же сарказм шуточных произведений Петра Великого бросает темный свет на его забавы и развлечения, то не нужно забывать, что Петр, при всем своем гении, был прежде всего человеком своего времени. Широкий, грубый разгул, которому предавался Петр среди своих «птенцов»-сподвижников в час отдыха после всеобъемлющей деятельности — этот разгул не должен нас поражать. «Богатырским силам, — скажем словами историка С. М. Соловьева, — соответствовали страсти, не умеренные правильным искусным воспитанием. Мы знаем, как мог разнуздываться сильный человек в древнем русском обществе, не выработавшем должных границ каждой силе; могло ли такое общество сдерживать страсти человека, стоявшего

Примечание. Тщательно вновь проверено с подлинными рукописями.

на самом верху? Но одна наблюдательная женщина-современница отозвалась совершенно справедливо о Петре, что это был «очень хороший и вместе очень дурной человек»... («История России в эпоху преобразования». Соч. Соловьева, т. VI, Москва, 1868 г., стр. 259).¹

25 мая 1872 года

Всепьянейший собор

В характере великого преобразователя России, между прочими его особенностями, есть черта в высшей степени интересная, резкая, не ослабевавшая в течение всей его жизни, и очень часто проявлявшаяся то в письме, то в пиршестве, то в каком-нибудь маскараде, то, наконец, в целом учреждении.

Мы говорим про юмор Петра Великого.

На эту особенность никогда и никто не обращал надлежащего внимания; а между тем, кто не согласится, что для полного и ясного представления характера Петра нельзя обойти ту его сторону, которая служила для него источником удовольствия и отрады.

Проследить все случаи, в которых проявился юмор Петра, нет возможности; нам пришлось бы пересмотреть массу его писем, записок государственных и домашних распоряжений. В громадной корреспонденции Петра надо бы обратить особенное внимание на письма к Ромодановскому. Сколько юмору во многих из них, сколько насмешки злой и остроумной в сани князь-кесаря, которым облечены были, один за другим, оба Ромодановские! В лице их Петр смеялся над внешностью, над обстановкой, над атрибутами этого импровизированного им сана; князь-кесарю отводили первые места во всех церемониях, князь-кесарю отдавались особенные почести, к нему приближались иначе, с ним не говорили, в присутствии его не сидели так, как говорят и сидят в обществе простых смертных, одним словом, все, что Петр находил в своем царском положении скучного, натянутого — все предоставлял Ромодановскому. Именуя себя «холопом и последним рабом» его, получая от него чины и повышения, Петр всю сущность власти удержал за собой.

¹ Некоторые интересные соображения по поводу статьи нашей: «Петр Великий как юморист» см. в «Русской Старине», изд. 1874 г. том XI, в статье покойного Ивана Носовича, стр. 734—739.

Ромодановский, по одежде, обычаям и роду своей жизни, был пародией власти; это была подставная кукла, кукла весьма комичная. Но этого комизма не замечал он, не замечали и его окружающие, мало замечали и потомки в лице писателей, останавливавших свое внимание на личности князь-кесаря. Мы не говорим, чтобы Ромодановский не имел власти, не имел другой деятельности, кроме постоянного разыгрывания невеселой роли государя, нет — ему предоставлена была значительная доля в административном управлении, еще большая доля в совершении жестокостей, которые, с точки зрения того века, не должны поражать нынешнего исследователя... А что за деятель был на отведенном ему поле князь Федор Юрьевич! В поэтическом увлечении, в какой-то восторженности от кнута и застенка он доходил до такого пафоса, что поражал усердием даже самого Петра... Однажды государь решился, наконец, намеркнуть кесарю на то, что тот слишком заработался.

— Зверь! Долго ль тебе людей жечь?... Перестань знаться с Ивашкой (то есть пьянствовать). Быть от него роже драной!

Впрочем, угроза как бы против воли сорвалась у Петра; спустя четыре дня (31 декабря), он вновь уже именует себя и своих приближенных: «холопами государскими», и пишет к князю-кесарю О. Ю. Ромодановскому почтительное письмо.

Внимательно рассматривая подобные письма и вникая в отношения переписывавшихся, нельзя в то же время не послушать устных бесед, рассуждений и замечаний Петра на торжественных обедах; проследить за ним в его разъездах по России и Европе; отправиться на всевозможные свадьбы, крестины, маленькие и большие балы-ассамблеи и тому подобные увеселения, не обходившиеся без его присутствия; нельзя не полюбоваться на него в походах, на бивуаках, в сражениях; мало того, заглянуть два-три раза в застенок, либо осторожно выйти вслед за ним на место казни... Будьте уверены, что во всех, самых разнообразных, обстоятельствах жизни Петр, при небольшой внимательности, вы найдете черты его юмора, его сарказма, не всегда удачные, но всегда замечательно бойкие и своеобразные.

Но, не вдаваясь в столь обширные розыскания, мы прямо остановимся на князь-папе и его сумасброднейшем, всешутейшем и всепьянейшем соборе. Это учреждение есть создание петровского юмора. С молодых лет до конца своей жизни Петр постоянно изменял его устав новыми добавлениями и всевозможными вариациями; к нему он обращался.

когда хотел отпраздновать торжество победы, празднество мира, спуск корабля, чье-нибудь тезоименитство либо святки; к нему же обращался в черные минуты, чтоб рассеяться, освежиться, стряхнуть с себя тяжкие думы и государственные заботы.

Шутливые записки, инструкции, устав для «всепьянейшего собора», «чины», то есть обряды избрания и поставления нового главы, либо нового члена — все до последней заметки. Собрание этих документов есть целая литература юмористического содержания, материал, драгоценный для знакомства с духом времени, материал, необходимый для знакомства с характером Петра.

Но прежде, нежели станем перечитывать произведения бойкого (и, кстати, заметим — до крайности неразборчивого) пера Петра Великого, скажем несколько слов о времени основания «сумасброднейшего собора» и о его первом председателе.

Государь очень рано возложил этот шутовской сан на дядьку и первого воспитателя своего — Никиту Моисеевича Зотова.

Зотов был человек вполне ему преданный. Служебное его положение состояло в том, что он был начальником ближней, походной канцелярии государя и именовался: «Ближней советник и ближней канцелярии генерал-президент». Старый опытный излагатель царской воли — Зотов — далеко не пользовался таким значением, как молодой кабинет-секретарь Макаров, и был сановник ума недалекого. Досуги от возложенных на него должностей Зотов со всеусердием посвящал «служению Бахусу и честному обхождению с крепкими напитками»; этой особенностью своего характера «тайный советник» Зотов приобрел звание князь-папы, то есть главы самых отборных пьяниц и обжор.

Уже в 1690-х годах государь в письмах своих зачастую посылает поклоны всешутейшему, и всешутейший рано начинает благословлять одну из овец своей паствы. «Геру протодиакону П. А. (то есть Петру Алексеевичу), — пишет Зотов 23 февраля 1697 года, — со всей компанией посылаю мир и благословение!».

Титул протодьякона, а еще более следующее письмо Зотова показывает, что уже в эти годы «собор всешутейшего» сформировался и получил тот вид и назначение, которые не изменялись до конца дней одного за другим опочивших от многопития членов шумного собора.

«23 февраля 1697 года. Нашего смирения сослужителю, Геру протодьякону П. А. со всей компанией о Господе здравствовать! Благодарствую

вашей любви за возвешение путешествия вашего (за границей) при добром здравии (о чем уведомлен от азовского владыки), и впредь о сем нам ведомо чините. Зело удивляемся вашей дерзости, что изгнанную на-шу рабыню, то есть масляницу, за товарища приняли, не взяв у нас о том свободы; только ведайте: есть при ней иные товарищи Ивашка (то есть пьянство) и Еремка (распутство), и вы от них опаситесь, чтоб они вас от дела не отволокли; а мы их дружбу знаем больше вашего. Сего числа поехали к вам иподиаконы Готовцев и Бехтеев, с которыми наказано от нас подати вам словесно мир и благословение; а масляницу и товарищев ее отлучати: понеже при трудах такие товарищи непотребны; а к сим посланным нашим иподиаконам будьте благоприятны. При сем мир Божий да будет с вами, а нашего смирения благословение с вами есть и будет. Smirenni Anikit властной рукой».

С этого времени переписка смиренного Никиты с Петром, не всегда смиренным, велась большей частью в одном и том же роде, в одном и том же тоне; самые остроты всешутейшего зачастую целиком повторялись в письмах различных годов. Из них видно, что год от году иерархия всепьянейшего увеличивалась новыми чинами; он имел достойных сотоварищей; достойнейшие из них носили звание «владык» различных городов; их окружали протодьяконы, дьяконы и прочие мелкие чины... Занятый в обыкновенные дни различными делами, всешутейший собор только в праздники и в особенно торжественные дни являлся в полном своем блеске.

Так, например, в известной свадьбе царского шута, Шанского, в 1702 году, собор был в полном сборе. Свадьба совершена была с выполнением мельчайших обычаев старины; опаивали, между прочим, горячим вином, пивом и медом с неотступными просьбами и поклонами. «Ваши предки,— шутил Петр, обращаясь к поборникам старины,— употребляли эти напитки, а старинные обычаи всегда лучше новых» и тому подобное.¹

¹ История Петра I, изд. в Венеции, перевод. в СПб., ч. I, л. 268. В моей библиотеке есть современная интересная гравюра, изображающая эту свадьбу. На ней изображен пир в большой двухсветлой зале, с восьмью зеркалами, большой люстрой посреди, изразцовой печкой в левом углу и большим образом распятия — в правом. Десять столов уставлены в четыре линии покоем; за отдельным столом на возвышении, в глубине зала, сидят именитейшие лица. Каждый стол пронумерован и внизу, год соответствующим номером, мы находим следующие объяснения: «Описание свадьбы остроумнолютного Феофилакта Шанского, который державнейшего великого монарха многоутешный шут, смехотворец; бывшей (то есть свадьбы)

Главные роли в сатирическом спектакле Петр предоставил князю Ромодановскому и Никите Зотову. Первый был в одеянии русского царя XVII века, последний — в облачении патриарха.¹

Это сопоставление двух именитых лиц в двух различных ролях вполне подтверждает нам, что титул князь-кесаря был придан Ромодановскому не столько из уважения, как это уверяют позднейшие писатели, сколько из шутовства, ради насмешки; но с князем шутить было опасно, смеяться над его званием и рассуждать о его значении мало кто решался, и вот почему в письмах, реляциях и всевозможных форменных бумагах, либо о нем, либо к нему писанных, мы нигде не видим какой-либо остроты над его званием, и только два-три слова, да общий тон некоторых к нему писем Петра разоблачают пред нами настоящее значение сего звания.

Что касается до Зотова, то к нему относились смелее; царские любимцы позволяли себе иногда шутить над ним, хотя не без риска, ибо, если в ведении Зотова не было застенка, в руках — кнута, а на дворе — медведей, готовых, по мановению господина, помять дерзкого (как это было при Ромодановском)², то за ним была власть опоить или не опоить лицо, его прогневившее.

1702 г., февраля в 1-й день, в палате бывшего господина генерала Франца Лефорта: 1) Стол, при котором сидят в облачении, подобно монаршеского, князь Федор Юрьевич Ромодановский, Иван Иванович Бутурлин. При них же (с левой стороны), в виде патриарха, Никита Моисеевич Зотов. 2) При сем столе: новобрачный Феофилакт Шанский. Царевичи Сибирский, Касимовский, да Тимоха. 3) При сем столе ближние бояра, гетман, офицеры морские и земные, между которыми и самодержавнейший монарх. 4) Где сидят иноземцы торговые. 5) Где сидят окольничие, думные дворяне и дьяки. 6) Где сидят дьяки, гости и иных торговых чинов люди. 7) Где сидят разных чинов люди. 8) Где сидят дворовые люди. 9) Срежь палаты певчие державнейшего государя поют. 10) Постав с серебряной и золотой посудой».

Пирующих насчитывается более 300 фигур с прислугой, которая суетливо подает кушанье. Фигуры сделаны очень грубо, за портретным сходством художник не гнался; но строгой исторической истине события представил почти всех в монашеских платьях, с капюшонами, откиннутыми назад, но без клобуков. Столы покрыты яствами, высокими кубками с вином и громадными канделябрами с зажженными свечами; на первом плане можно отличить какую-то, должно быть, важную особу, которая нещадно дерет за вихры брата-послушника — слугу, вероятно, за нерасторопность. Жених-карлик чинно сидит за столом на правой стороне, как объяснено под вторым номером.

Петр I, устраивая это забавное торжество всенародно, в то же время печатанием гравюры давал возможность всем отдаленнейшим жителям России познакомиться с юмористической затеей. В соответствие этой гравюры есть другая; шутовской обед в другой зале того же дома женщин.

¹ Последний патриарх Адриан скончался незадолго до этого: 16 ноября 1701 года.

² О пересылке его ученых медведей в СПб. в моих бумагах есть документ 1720 года.

Вот что рассказывает по этому поводу Неплюев, хорошо знавший Зотова. Полковник Блеклый имел с князь-папой тяжбу, решалась она в сенате. Блеклый был прав; Яков Долгоруков обещал ему свое содействие, но, вопреки данному им слову. Блеклый был обвинен, и между прочими сенаторами, подписавшими неправый приговор, был Яков Долгоруков. Это обстоятельство поразило Блеклого. Он с негодованием жаловался всем и каждому на такой странный поступок. «Что ты прав, то я вновь повторяю, — говорил Долгоруков, — и советую подать апелляцию на сенатское решение, а на меня — челобитную к государю».

Блеклый так и сделал. Государь рассмотрел тяжбу и нашел, что челобитчик прав. Призывают князя Долгорукова. Петр спрашивает, как он мог подписать такое решение? «Блеклый прав, а Зотов виноват, — вновь повторил правдивый сенатор, — но сильная рука Зотова превозмогла; ныне наступили святки, а он брата моего, по злобе на него, уже попил¹, то если бы я обвинил Зотова, мне предстояла бы та же участь». «А как ты, государь, — заключил водкобоязливый сановник, — переделаешь и нас обвинишь, так не на кого будет и сердиться Зотову»...

Этот владыка мощный, между прочими титулами, носил звание всесвятийшего. «Мы здесь, — пишет государь в 1705 году, из Митавы к Головину, — великое несчастье имеем, понеже господин Леингонт, яко Нарцисс от Эхо, от нас удаляется. Пожалуй, поклон отдай всесвятиейшему и прочим, за которого благословение все до лица земли челом колотим, или бьем».

От военных бурь, походов и неприятностей бивуачной жизни государь, при первом досуге, спешил отдохнуть в лоне любимого собора; так, например, в письме к Головину из Минска, от 12 марта 1706 года, делая распоряжения о присылке в порубежный город Великие Луки железных пушек, дробовиков, ядер и дробы, государь тут же отмечает: «Пожалуй, доложи, паче же побей челом, чтобы всесвятиейший (Зотов) изволил, конечно, к празднику быть в Нарву и с собой взял (владык) Казанского и Мусина (Пушкина); тако ж изволь им придать Гаврилу Меншикова, чтоб скорее ехали, и, конечно, к празднику стали в Нарву».

Скучал государь без собора, скучал и собор, в лице своих шуточных представителей, без шумнейшего протодьякона.

«Прелюбезнейшему сыну нашему и сослужителю нашей мерности, протодьякону Петру, мир и благословение, и молитвы наши да будут с вами!» — так писал Петр Бутурлин государю.

¹ Деяния Петра I, изд. 1843 г., т. XV, стр. 124—125.

«Понеже мы веселимся в Санкт-Петербурге, однако же, мы имеем печаль великую, что вашу святость не имеем при себе в милости, а коли б милость ваша и святость нашей епархии была персона при нас, велие бы веселие».

«Пожалуй, отдай благословение от меня всешутейшему Кир... Никите пресбургскому¹, за яускому от великих Мытищ и до... патриарху и всему сумасбродному собору».

«Смиренный, царствующее и великого града Санкт-Питербурха, ижерской и кроншлотской Инъерманландии, митрополит Петро... благословение посылаю».

(На обороте: господину протодьякону Петру Михайлову).

Петербургским владыкой с 1706 до 1717 года был Петр Иванович Бутурлин († 23 августа. 1723 года). Этот сановитый и престарелый боярин принадлежал к одной из древнейших и именитейших фамилий в России. Его близкий родственник, Петр Васильевич Бутурлин, женатый на Анисье Михайловне Самариной, был окольным († 1716 г.), брат пал в 1708 году в сражении под Лесным, в чине капитана гвардии. Его родные племянники были любимцы Великого Петра: из них Иван Иванович, генерал-аншеф и гвардии подполковник, заявил себя как искусный военачальник и суровый член розыскных дел Тайной канцелярии; другой, Александр Борисович — красивый, расторопный денщик Петра, приближенное лицо к цесаревне Елисавете, был впоследствии граф, фельдмаршал и противник Фридриха Великого. Двадцать девять Бутурлиных в 1699 году были богатыми помещиками.

Итак, на стороне Петра Ивановича Бутурлина были знатность рода, богатство, большие связи — и все это не спасло его, как жаркого поклонника Бахуса, от ближайшего участия во «всепьянейшем соборе»; да и не видать, чтобы он тяготился своим избранием; напротив, из его писем видно полное довольство. Рано начав службу в свите всешутейшего, он довольно быстро подвигался по иерархической лестнице шутовских чинов. Мы встречаем его в 1702 году на потешной свадьбе князя Шанского; встречаем здесь и супругу его в костюме русской царицы старого времени²; затем ни одно торжество, то есть ни одно пьянство

¹ Пресбург, бывший в 1691 году стольным градом Ромодановского, был не что иное, как земляное укрепление, сооруженное Петром близ Преображенского села, под Москвой, Дале его юношеских военных потех.

² Это шутиха-царица со всем синклитом женским изображена, по повелению царя Петра, на особой большой гравюре, 1702 г. См. примеч. выше.

не обходится без его участия. С основанием Петербурга государь дал ему большее назначение, сделал его, впрочем, от лица собора и председателя, «владыкой» нового города. В Петербурге Петр Иванович Бутурлин окружил себя новыми членами: то были, по большей части, лица знатные — по происхождению, богатые — по состоянию, вечно пьяные — по душевной склонности и царскому назначению.

Чадолубивый пастырь довольно часто извещал государя о себе и о своем соборе.

«Сыну нашему и сослужителю, любезнейшему протодьякону Петру, мир и благословение, и молитвы наши да будут с вами!

Понеже мы просим вас, дабы приказали отписать о своей святости до нас, чего желаем повсечасно слышать, повторяем просим отдать от нас поклон брату моему, всешутейшему князь-папе и духовнику Козме, архидьякону Гедeonу и всему шумному собору. Про сем аз, смиренный, царствующего и великого града Санкт-Питербурха, митрополит Петро благословение посылаю. Из Санкт-Питербурха, дня 19-го июля» (год не означен).

Государь милостиво отвечал Бутурлину, и тот спешил благодарить за внимание, причем давал отчет о некоторых делах, не совсем для нас понятных, так как мы не отыскивали еще всей коллекции его писем:

«Сыну и сослужителю нашей мерности, протодьякону Петру, мир и благословение и молитвы моей да будут вам!

Благодарство за твое писание, из которого вы разумели, что скорее к нам пришествие твое не будет; о сем много имею печаль. Разумею же, что несть вашего желания к нам; причину показуешь нам неприятного соседа (Карла XII), мог бы, ваша милость, чрез других удовольствовать соседу воздание, а его дело. Мы же долготерпеливы сущее, еще никакого на кельи, и сады, и фонтанах (нападения) не учиним. Аще ли же не имеете нужды, коя бы возбранила прибытию к ним, то сотворим, еже писах в первом письме; алеутовых внучатах, по прошению ризничего, учиним (?).

Прошу вашего велебность, господине протодьякон, буди помощник и заступник, и обо мне челобитчик всешутейшему патриарху, которой крестьянин мой сбегал и получил монашеский чин, а ныне уже митрополит Казанской¹, прошу дабы по правилам отдан был во крестьянство

¹ Эта просьба была не более как шутка, а владыка Казанский — не кто иной, как один из подчиненных Бутурлину, член СПб. пьяного собора.

по прежнему. Смиренный Петро... Инерской и Санкт-Петербургской. С Москвы января в 5 д. 1709 года».

Год, означенный на послании, красноречиво указывает на то, что даже во время войны с Карлом XII, в борьбе тяжелой и упорной, когда всей России грозила большая опасность, Петр не изменял своему характеру.

Почти стоя пред врагом, он обращает взор к пьяным отцам, отвечает на их письма и весело пробегает их курьезные послания. Отвечать, однако, на них часто не позволяло время, не позволяли тяжкие труды; тогда Петр Иванович Бутурлин, пародируя папские отлучения от церкви, посылал Петру за его молчание грозную грамоту:

«От прешутейшего и от пьянейшего, от Петру... митрополита великого царствующею града Санктпетербурха и Эрмоландии, и всех принадлежащих городов, любезнейшему нашему сыну и сослужителю нашей мерности, протодьякону Петру, мир и благословение наше есть и будет с вами! Послана от нас к вам грамота и по той грамоте мы от вас письма не получили, и за то отрешаем вас от шумства и от кабаков, дабы не ходить. А об нас изволишь ведать, и мы в частых трудах во всенешной пребываем; а паче печалимся, что вас при себе не имеем. Пожалуй, отдай поклон брату моему меньшому всешутейшему Кир... князь-папе Аниките и духовнику Козьме, и архидьякону Гедеону, и дьяконом Александру, и Киевскому Гаврилу, и Санкт-Петербургскому дьякону Василью. По сем, смиренный царствующего и великого града митрополит Петро... и со служителями, мир и благословение посылаю. Сентября в 20-й день».

Грамота отлучительная скреплена красной вензелевой печатью и для полноты шутки писана на большом листе.

Случалось (да и не редко) питербургскому владыке провиниться; тогда он просил у «отлученного» прощения и заступничества, причем облакал свою просьбу в грубую форму тогдашней юмористики.

«1708 года, февраля в 15 день. Преосвященный Петро..., карчага провинился в том, что против своего обещания, уже в другой ряд занял двор, против указу, и ныне в том просит прощения, с таким закладом: ежели паки также провинитца, то отдает он в послужение, на несколько времени, во всякую волю жену свою Аксинью Михайловну¹, которую

¹ П. И. Бутурлин женат был впоследствии на графине Анне Еремеевне Зотовой, рожденной Пашковой (Род. кн., ч. 2, стр. 158); но кто была упомянутая здесь Аксинья Михайловна,

пред тем в крайнем угождении имел околничей Иван Иванович Чаадаев, несмотря на то, что она ему невестка была. Петр Бутурлин».

«Нашие высокопочтенные мерности: сыну и сослужителю, священно-протодьякону, Всероссийскому Императору, непобедимому Августу, великому государю, царю Петру Алексеевичу и всему его христолюбивому воинству, обоих путей, как преславному флоту морскому, так и сухопутной армии, от всемогущего Бога, мира, здоровья многолетнего, со приумножением всяких благ, всеусредно желаем, и наше благословение преподаем.

Сего настоящего сентября 21-го дня, от вашего величества, за подписанием собственные нашей руки, получили мы писание, и отменное нам неизреченные радости о благополучной победе на врагов и о взятии преславного града Абова, со всей финской провинцией; о чем радостными душами Господа Бога молим, дабы и впредь оружие ваше благословил, и на враги ваша победу даровал; и сей викторией вас поздравляем.

А от великий радости, за преумножительные ваши воинственные труды, кую вам хвалу принесем? Понеже ваше дело превосходить всякого разума; но токмо едино совокупно со святой церковью, еже поют в день Светлого Христова Воскресения, и мы торжествуем днесь спасение миру, яко всероссийскому народу, воскреси Христос, и ныне дарует всяких благ исполнение свободное и от врагов наших бесстрашное житие.

При сем просим и благонадежно ваше величество, и все воинство молим, для сей великой радости сотворите, яко же и мы сотворихом, чашу спасения душевного и телесного примите и имя Господне призовите; потом, утешения ради, употребите по немалой красовуле от прилучившегося питания, и нашего смирения не забывайте. За сие и паки, благодаря Господа Бога, мир и благословение всем вам преподаем. Simirennы Anikit, властной рукой».

«Из Москвы, сентября 22-го дня, 1713 года.»

На обороте: «Всемиловит, государю, его царскому величеству».

была ли она первая жена Бутурлина, или он в шутку ее называет женой — неизвестно. Наш вопрос (1861 и 1872 гг.) получил ответ в том же 1872 году от Петра Федоровича Самарина; Аксинья Михайловна Самарина была замужем за окольничим Петром Васильевичем Бутурлиным († 1716 г.). Князь-папа в шутку называл Аксинью Михайловну своей женой. «Аристократка» — Аксинья Михайловна, грамоты, однако, не знала; в первом браке она была замужем за Ив. Ив. Чадаевым. См. «Русскую Старину» изд. 1872 г., т. VI, стр. 559—560.

Читатель приведенных документов, может быть, заметит, что в них не видать собственно петровского юмора; все эти письма не его руки, не его сочинения; так, но они писаны в духе и тоне Петровом, и, как ниже увидим, нет ни малейшего сомнения, что первоначальная форма посланий Бутурлина и графа (с 1710 года) Зотова со товарищи указана самим Петром; так, по крайней мере, мы имеем право думать, имея пред собой целый ряд шуточных объявлений и посланий, которые составлялись от лица князь-папы, но всегда с черновых, собственноручных писем великого государя.

Кроме того, один взгляд на письма Бутурлина достаточно показывает, что их изложение, манера писавших, вступление и заключение есть не что иное, как пародия на русско-старинные грамоты, рассылавшиеся от различных лиц; подобную форму писем Бутурлин со товарищи не иначе могли взять, как по указанию, либо из угождения государю.

А юмор Петра проявлялся не в одной только переписке. Он заявлял себя в поступках громадных и всенародных. К числу подобных проявлений Петрова юмора мы относим свадьбу князь-папы.

К этой свадьбе подал повод старик граф Зотов тем, что вздумал отпроситься в Москву с целью поступить в монастырь. Петр, вместо этого, указал ему в Москве выбрать жену, 70-летний старик был вдов. «Генералу-президенту Ближней канцелярии» и верховному жрецу Бахуса любо показалось это предложение, и он поспешил обратиться к государю со следующим письмом:

«Премногомилостивый государь, царь Петр Алексеевич! Доношу вашему величеству, яко самому Богу: получил я от ваших государских уст изволение ваше со утверждением истинным, что в монастырь меня отпускать и монахом быть не изволите; а указал мне, для домового осмотра, иметь в супружестве жену, избрав добрую, средовечную, дабы старость мою покоила; и ныне, по вашему царскому милостивому призрению, для покоя старости моей, указано мне пожить на Москве до зимнего пути, а если, государь, в сих числах обрящется жена, к супружеству моему годная, позволь, милостивый наш государь, мне здесь в Москве супружество принять не разглашательное, и от разбивки злых человек петербургским жителям сокровенное; а впредь, государь, мне

к тому такого удобного времени не получить; а в приезде, государь, нашем в Петербург, какую изволишь для увеселения вашего государского публику учинить, то радостной охотой вас, государя, тешить готов, только б бабу супружеством из Москвы уволочь, а без того никакая вдова с женихом без супружества ехать не похочет, по замерзелому своему стыду.

Сие все да будет в воле вашей государской, о сем прошу вашего царского милостивого известия. При сем благонадежно пребываю, и мир и благословение вам преподаю. Smirennый Anikit, властной рукой».

«Из Москвы, октября 2-го дня 1713 года.»

«Пожалуй, государь, прикажи сына моего Конона отпустить к Москве для свидания с братом его, Иваном, на одре смертном лежаща, также и платьишком обоносился, дыбы вновь что сделать, и чтоб меня застал на Москве».

На обороте: «Великому государю, его царскому величеству».

Свадьба была совершена в 1715 году; мы не станем передавать ее подробностей, так как у Голикова напечатано довольно обстоятельное ее описание;¹ но нельзя не упомянуть об этой интересной церемонии.

Приготовления к ней начались еще в сентябре 1714 года.... Но здесь необходимо остановиться на следующем характерном эпизоде. У Зотова от первого брака были дети; из них старший сын, Конон Никитич, с отличием служил капитан-лейтенантом и исполнял многие важные поручения государя. Сведая про предстоявшую шутовскую свадьбу отца, Конон Зотов глубоко огорчился. Устрашила ли его мысль, что от нового брака могут быть дети, которые оттеснят его и брата Ивана от отцовского наследства; быть может, обидело его и поругание, на которое, впрочем, мы как видели, сам старик Зотов напрашивался. Как бы то ни было, но Конон Никитич ударил государю следующим челобитьем:

«Державнейший царь, государь милостивейший! Смелости иже приемлю в приношении сего, не есть иная причина, только единое упование в премилостивое призрение вашего величества, яко сущее образ Божий, видим его неизменно светящаяся божескими добродетельми.

¹ Деяния Петра, изд. 1843 г., т. VI, стр. 277—290. Мы сочли не безынтересным перепечатать в прилож. (№ 1) рассказ Голикова, основанный на подлинных документах.

Умилосердись, государь! Предвари искушению дьявольскому, и хотящей нам бытии наглой напасти; подлежит убо сие вашей премудрости и милости. Таким ли венцом пристойит короновать конец своей жизни, яко ныне приведен отец мой чрез искушение? Смело называю искушением, понеже премудрость Соломонова таковыми гнушается, написавши, яко трех вещей возмерде его совесть, из них же гнуснейшее бысть пред ним старых прелюбодейство, сущее умаленных смыслу. По сей пункт отдаю последний мой сыновской долг, душевным плачем моля ваше величество, дабы изволение ваше причинствовало его совести умному о себе расположению.

А что я вменяю себе в напасть, и то есть, что он так долго не может жить, как бы еще мог без сей женитьбы продлить свою жизнь. Я в его здоровье оной (мачехе) весьма не верю, но чаю, что, польстя себя наследством по смерть его всего, получить свободу, как можно будет радеть; есть бо против натуры желающему с недовольствуемым жить: крайняя же моя погибель, что я от него ничего не имею, во определение к моей грядущей в службе вашей жизни; конечно, еще я верю, что она для того идет в замужество, чтоб ей нас, детей его, лишить от Бога и от вас, государя, достойного нам наследства, которым вы удостоили отца нашего, чая по нем от нас заслуги; для покоя старости его довольно будет, если укажет ваше величество брату моему, Ивану, быть при нем, который так долгое время за его же волю коснел, и милости вашей был удален. Однако, ныне, изволить говорить нам отец наш: «я бы и рад отречься моей жениться; но не смею царское величество прогневать, столько-де стариков собрано для меня, и платья наделано». Все сие рассудя, помилуй и его старость, и нас сирот, которых так долгое время изволил иметь под своим кровом, хотя ныне один из нас и обнесен пред вашим величеством, что надлежит до его настоящего дела; понеже впрочем пред Богом и пред вами, кто построит или оправдан может быть, аще вся беззакония наша назрите. А когда уже сему положено быть непременно, то можешь показать Богоподобное милосердие, приказать отцу нашему закрепить старую духовную, и пункты к нашему равноразделенному и безвраждебному житию. Он изволит говорить, что «я-де вас не оставляю». Однако, тому не верим, ибо он же говорил: «Когда-де вы чрез волю мою по своему желанию производитесь, то нам такова черта на шею навяжу, что вы своему животу не будете рады».

Я надеюсь, что ваше величество не в той образ нашу фамилию милосердие призрел, дабы мы от пришедшие внезапно утеснены и разорены были. А сию прискорбность держал на сердце моем так долго, как мог, не хотя быть в лице наветников отцу моему, а ныне крайняя нужда и видимая напасть принуждает тако дерзать пред вашим величеством прямой совестью, яко пред самим Богом, усмотревая весьма, что он жениться нарочно для особенного, нам неведомого его (еще и неповинны), немилосердия. Не прогневайся, государь, что так дерзнул трудить ваше величество; помысли, государь, яко кийждо имать ожидать милосердие от трех, от Бога, от царя, и от отца. Ныне отец меня, близко того, что оставляет; вы, государь, призрите, хотя и не заслужил вашего милосердия, но помилуй яко Богоподражательный царь. Его ж величества есмь вечный раб Конон Зотов».

«СПб., 14 января 1715года.»

Слезное моление Конона Зотова осталось неслышанным. Приготовления к свадьбе продолжались безостановочно.

Еще в декабре государь сделал смотр всем лицам, назначенным в свадебный маскарад, то есть осматривал их курьезные платья, экипажи и прочее. Все до последней мелочи было назначено самим Петром; по его повелению, именитейшие лица, начиная с его супруги до последнего денщика, все должны были принять участие в потехе. В руках у каждого был какой-нибудь инструмент: гудок, балалайка, медные тарелки, колокольчики, скрипцы, собачьи свистки, охотничьи дудочки, ворганы, трещотки, пузыри с горохом и тому подобное. В числе дамских персон была «архиерейша» Бутурлина в нагольной шубе и литнике; князь-игуменя Ржевская — в шубе и телогрее. Приглашение гостей предоставлено было отборнейшим заикам и совершалось по особому объявлению, составленному самим Петром. В этом документе ¹ много юмору; но большая часть саркастических выходок теперь непонятна, так как неизвестны лица, против которых они направлены.

Молодые только по роли, а не по возрасту, были обвенчаны в Архангельском соборе девяностолетним священником. В храм и из храма процессия шла с музыкой; к диким звукам свистков, гудков, тарелок и т. п.

¹ См. в приложении № 1. Голиков ошибочно говорит, что князь-папа, приглашенный на свадьбу, был Бутурлин, как увидим ниже, возведен в это звание в конце 1717 года, а до этого года, как сам же Голиков на стр. 373 правильно указывает, Бутурлин именовался С.-петербургским архиереем.

инструментов присоединялся колокольный звон всех церквей. Почти весь январь 1715 года проведен был в пиршествах, в церемониальных прогулках по улицам столицы, в выполнении всевозможных смешных церемоний, на изобретение которых Петр I был неистощим. Бесчисленные толпы народа теснились по улицам и площадям московским; чернь, щедро угощаемая вином да пивом, по словам Голикова, «только уважавшая достоинство патриарха, в сии дни с великим смехом забавлялась насчет оного» (Изд. 1843 г., т. VI, стр. 289).

Если бы можно было перенестись в эту толпу, побродить между зрителями, мы бы услышали, без сомнения, не один смех, не одно глумление. Нет! Русский простолюдин не мог так скоро оторваться от заветных преданий, не мог так быстро отказаться от привычного уважения патриарха, чтобы сочувствовать странной и не совсем понятной насмешке над ним; были, вероятно, и в толпе такие лица, которые с затаенным недовольством и ропотом смотрели на таковые шутки. Но высказывать недовольство было делом щекотливым: каждый берег и спину, и голову, хулили и роптали один на один, за замком, робко озираясь, нет ли извечика; здесь же на улицах все покрывалось общим криком пьянейших из пьяных: «Патриарх женился! Патриарх женился!» Новые ковши вина и пива придавали еще более восторженности, и лишь только один возглас замирал, как раздавался новый крик: «Патриарх женился! Да здравствует патриарх с патриаршей».¹ И возгласы народа, подобно волнам морским, переливаясь от толпы до толпы, долго не замолкали в столице Российского государства!²

¹ Деяния Петра Великого, т. VI, стр. 289.

² Приведя в приложении подробный рассказ Голикова о свадьбе князь-папы и суждения того же писателя, основанные на рассказах современников, о причинах и цели этой потехи, считаем не лишним обратить внимание читателей на отзыв о той же забаве историка Соловьева: «Свадьба Зотова заслужила особенное внимание: одни вооружаются против неприличия этого торжества, другие стараются оправдать его, и вообще хотят видеть здесь насмешку над патриаршеством, желание унижить сан, который хотелось уничтожить. Но мы знаем, что это была просто игра в короли, папы и патриархи, — игра, понятная при тогдашнем состоянии юного общества. Зотов назывался Кокуйским патриархом еще тогда, когда настоящий патриарх был в Москве, когда, по всем вероятностям, не западала еще мысль об уничтожении патриаршества; теперь этот Кокуйский шутовской патриарх вздумал жениться, и свадьбу его отпраздновали приличным его званию образом. Если предположить, что Петр захотел посмеяться над патриаршеством, то надобно предположить, что он хотел посмеяться и над своей собственной царской властью, потому что у него был и шутовской пресбургский король, впоследствии кесарь; со смертью старика Зотова шутовское патриаршество упразднилось, но остался князь-папа в соответствие князь-кесарю. «История России в эпоху преобразования», С. Соловьева, М., 1866 г., т. IV, стр. 284).

Чин избирания

В конце 1717 года было зрелище не столь публичное, но не менее интересное: то были избрание и поставление нового князь-папы, на место умершего Зотова.¹

Прежде всего, для нас в высшей степени важно время, в которое совершилось это торжество: то был декабрь месяц 1717 года.² Государь в лихорадочном нетерпении ждал первенца-сына; царевича уже захватили сыщики, его везли в отчизну, для него готовилась роковая встреча. Страшась упустить жертву, Петр посылал письмо за письмом, то к царевичу, то к Толстому и Румянцеву; первому посылал прощения, позволял жениться на крепостной девице Ефросинье Федоровне; последних же всячески торопил с привозом сына. И в эту-то эпоху, в виду бесконечных пыток и казней московских, суздальских, Преображенских, петербургских, Петр находит досуг и исписывает целые листы бойко-юмористическими предписаниями о порядке предстоящего избрания и поставления нового князь-папы. Черновые списки перебеливаются; он просматривает и выправляет переписанное, затем на новом списке делает новые поправки; таким образом, по три, да по четыре раза переправлена и переделана им почти каждая записка, относящаяся до всепьянейшего собора.

Избрание нового главы началось просьбой собора к князь-кесарю:

«Великий Г. К. Ц. имя. Известно в. в., — пишет Петр от лица собора, — что отец ваш и богомолец,³ и князь-папа, всешутейший Аникит от жития сего отъиде, и нас, сумасброднейший собор, остави безглавен; того ради, просим в. в. призрети на вдовствующий престол избранием Бахусоподражательного отца».⁴

¹ Зотова женили в потешной свадьбе на Анне Еремеевне, рожденной Пашковой, в первом замужестве за капитаном-поручиком Стремоуховым. Предчувствия Конона Никитича о том, что у него с братьями явится разлад с мачехой, оправдались. По смерти его отца сенат присудил вдове четвертую часть имения; Конон Зотов обратился, в 1719 году, с просьбой к Петру и просил защитить его «от обиды наглой, безбогобоязливой и бесстыдной»..... Любопытно, что А. Е. Зотова, овдовев, вышла замуж за нового князь-папу, П. И. Бутурлина.

² Время избрания и поставления нового князь-папы обозначено в письме П. Бутурлина к игуменье Ржевской: декабрь 1717 года. Церемония совершалась при новом князь-кесаре, Иване Федоровича Ромодановском, возведенном в это звание по смерти отца, 17 сентября 1717 года.

³ Это слово в подлиннике зачеркнуто.

⁴ На подлиннике замечено: «и когда соизволит. Потом доложить, когда элекции быть»; то есть Петр отмечал, что нужно вписать в беловую просьбу, которой при делах нет.

Князь-кесарь соизволил разрешить избрание, после чего приготовления быстро начались:

«1) Сбору, приказывал Петр, быть на старом дворе и оттуда иттить церемонией в палаты.

2) Сделать лаговищи (вероятно, — места для членов собора) по образцу, и обить аксамитами самой лучшей лухской работы.

3) Окна забить войлаками до половины, снизу.

4) Над лаговищем у каждого повесить по фляге или иному судну, которое хозяин пришлет.

5) В дверях сделать бочку поворотную, чрез чтоб подавать потребное.

6) Караули для осмотра с одной духовной особой (то есть с членом шуточного собора).

7) В зале уготовить место для избирания и поставления папы.

8) Камора, где быть архи-игуменье и князь-игуменье с балами».

Как деятельно хлопотал государь о предстоящем торжестве, видно из его отрывочных заметок, разбросанных на различных бумагах; например: «Посоветовать — когда изберут (папу), какой знак дать вместо пушек?». Либо такого рода отметки для памяти: «1) Доклад. 2) Место. 3) Время. 4) Платья Макарову. 5) М... Яну (то есть Ивану Ромодановскому)».

Устав или чин избирания долго занимал Петра; он составлял и дополнял его раза четыре, наконец, чин избирания выразился в следующей форме:

«I. Собравшимся на старом дворе папы и седшим архиерецам, начинают оные петь песнь бахусону, потом восходит князь, великий оратор, на высокое место и чинить предиду, увещевая, дабы прилежно просили Бахуса и не по каким факциям, но ревностным по оном сердцем избирали. И потом иттить всем в каменный дом, по учрежденной конклавии, по приложенному реэстру».

На реэстре и двух отдельных списках с графой для числа участников процессии, порядок был обозначен таким образом:

1) Весна ¹	9
2) Синодальные (певчие).....	12
3) Певчие государевы	18

¹ Так назывались свистуны, набранные из различных мест, мастера высвистывать птички. По свидетельству Нашокина, на свадьбе князя-шута М. П. Голицына, в 1740 году, тверские ямщики бесподобными высвистами являли весну. Об этих же свистунах говорит Третьяковский в известном стихотворении на дурацкую свадьбу, бывшую в ледяном доме.

4) Подстенная братия	21
5) Дьяконы	12
6) Попы	9
7) Монахи знатные	24
8) Архимандриты и Суфреганы	36
9) Князь-папешские служители	30
10) Бахус, несомый монахами великой обители.	2
Ковш, несомый от плешивых	3
11) Архиерецы по одному	4
Архиерецы по одному	8

II. Пришед в дом каменный¹, вышним жрецам и заключиться в оной конклавии, дому князь-папину (то есть его служителям) в другую, прочим чинам в третий апартamentы, а народу в залу. И тако нощенствие сотворить, прилежно подвизаяся, яже об отце Бахусе, дабы явил избранного подражателя себе, пастыря же нам, и избирают трех персон кандидатов».

Как видно из отдельной записки, это избрание делалось по особой просьбе цесаря: «Проводя отцов цесарь в определенное место и поклоняясь, прося (просить) их о прилежных людях Бахусовых и о исправлении настоящего дела, дабы избрали трех особ; и потом заточает их двери замком и печатью, и отходит.

III. Утру бывшу, его князь-цесарское величество придет на место свое и сядет, тогда из конклавы и прочих мест придут все по чину, и, поклоняясь, сядут на своих местах.

Во утрие, в часу (?), — объясняет государь в отдельной записке, — приходит князь-цесарь (к) собранным уже вне всем. И отверзает двери к отцем; и повелит исходить на учрежденные им места, и прочим с ними; сам же садится на своей трон; назначенные же поклоняются, отходят в особое место.

IV. Пошлется от князь-цесаря и от собора ключарь к архи-игуменье, дабы балы прислала с князь-игуменьей.

V. Пришед князь-игуменья носящим за ней балы дьяконисам с музыкой и, поклоняясь, сядет противу князь-цесаря; балы же поставятся пред ней на столе.

¹ Мы обозначаем разрядкой те слова, которые вставлены либо изменены Петром на последнем, беловом списке. Это слово подчеркнуто, но оно писано переписчиком.

VI. Избранные же кандидаты да посалятся в особой каморе на прорезанных стулах.

VII. Тогда от собора посылаются папины архидьякон, ключарь и протодьякон свидетельствовать их крепким осязанием. Они же, осязая, воскликнут: «Габет, габет, габет — форамен!»

«Князь-цесарь, — объясняет государь в особой записке, — повелевает служителям князь-папы осматривать избранных, которые служителя, (по) его указу, осматривают: аще совершенное естество имеют? Сие чинят тако: сидящу оному или оным на прорезанном стуле, и окрыт епанчей; тогда под покрывало протягивает руку, ему же (то есть кому же) поверено от кесаря; и щупает по подобию; и аще обращает довольно, да возгласить велегласно: «Габет, габет!» Аще ли же ни то: «Нон габет».¹

VIII. По сем свидетельстве, архиереи и протчие сидящие в соборе идут по чину и берут балы, по единому, от руки князь-игумены по два: белое и черное, целуя оную в перси. Потом возгласит ключарь имя первого кандидата.

IX. Потом первая дьякониса принимает ящик и ходит ко взявшим балы. Они же по ряду кладут в оной ящик: хотящий — в белой, а нехотящий —

¹ В этом пункте избирательного чина пародируется обычай, некогда существовавший в Риме при избрании папы. «Возведение на престол римского превосвященника, — рассказывает Вольтер, — сопровождалось весьма странными обрядами, дань тогдашней простоте и невежеству. Так, например, избранного папу сажали на прорезной стул, называемый *Stercorarium*, потом на трон, крытый порфиroy» и т. д. *Voltaire. Essai sur les mœurs*, t. II. Рассказывают, что этот странный обычай возник с того времени, когда на престол папский воссела женщина. Это была папесса Иоанна, будто бы возведенная на престол в 855 году под именем папы Иоанна VIII. Она была родом немка из Майнца, называлась Гильбертой, и после долгого странствия в монашеском платье пришла наконец в Рим. Здесь ее необыкновенный ум и благочестие привлекли к ней внимание достопочтенных отцов церкви, властью которых и возведена она на трон первосвященника. Мнимый мужчина правил наследием ап. Петра и Павла 2 года, 5 месяцев и 4 дня. Процарствовал бы и дольше, если б только не забеременел от одного кардинала, которому, разумеется, хорошо было известно, какого пола был св. отец. Разрешение от бремени совершилось посреди Рима, во время крестного хода, при стечении бесчисленного народа. Рассказывают, что мать-папа тут же умерла, по другим же, — вскоре после родов. Уверяют, что обычай, осмеянный Петром еще в начале XVIII века, сохранился и по настоящее время; говорят, что он был даже исполнен при избрании папы Пия IX, но что верно — это то, что обряд удостоверения «в годности папы» исполнялся еще в XVII веке, доказательство этого см. во II приложении к настоящей главе.

О папессе Иоанне писано было много и в стихах, и в прозе; англичанин Егберт Грим посвятил рассказу о ней целую книгу, в которой приводит свидетельства 135 различных авторов; но многие писатели, даже некоторые из протестантов, отвергают существование мать-папы. В русской литературе позднейших годов есть особое любопытное исследование Г. Бильбасова о папессе Иоанне, изд. в Киеве, в 1870 г.

в черной. И когда все положат, тогда оные принесет пред князь-цесаря, где записывает (кто-нибудь) из его бояр, кому повелит. И сие творит на каждое имя по единожды, восклицая оное, пред положением балов».

Порядок баллотировки совершался, однако, с большими церемониями, нежели как изложено в IX пункте «чина избирания». В дополнительной записке государь постановил следующее:

«Князь-цесарь повелевает принести яйца... для выбирания (они заменяли шары), и служители раздают по два каждому; на каждое имя едино натуральное и другое обшитое, отцам же, сидящим в епанчах и... тайно держащим. Потом князь-цесарь осматривает чашу (или ящик), покрытую и заключает оную своей печатью и повелевает гласить первого имя и носить на его имя, поднося чашу к каждому. Отцам же подобает класти яйца¹, аще кого соизволяет, то натуральное (вероятно — куриное), аще-же кого не соизволяет, то обшитое да кладет.

Когда же всем яйца уже положившим, тогда приносят чашу пред цесаря, он же отверзает пред всеми и сыплет на стол пред собой и разделяет, сколько натуральных и сколько обшитых, и повелит записать. Потом паки пустую чашу заключает и равным же образом на Другова имя и третьего баллотируют. Потом же, когда уже на все имена баллатировано, тогда архидьякон велегласно читает пред князь-цесарем, сколько на кого вынулось, и на ком более натуральных будет, тот да наречется».

Затем по

X-му п. «чина»: «Когда из трех, на кого более баллов падет, тогда по одного пошлется ключарь и архидьякон. И приведши поставя(т) прямо (пред) лицом князь-цесаревым, среди собора. Первый из жрецов говорит речь новоизбранному.

XI. По окончании же речи, оденут его папиной мантией, и (наденут на него) шапку. А плешивые поднимают на головы свои, и несут на его престол, и поют князь-цесарю и новоизбранному многолетие.

XII. Потом целуют его все в руку, держащую орла² також и в ее..., под лоном и пьют из десницы в знак присяги в верности закона.

XIII. Потом приносятся столы князь-цесарю и новоизбранному, також архиереям и прочим знатным; где никакая яда (то есть кушанья)

¹ Поправлено: м...

² Известно, что этим именем назван был чудовищной величины кубок, который должны были осушать сановники, а иногда и сановницы, в виде шуточного наказания за несоблюдение некоторых обычаев, например, за невнимание к князь-цесарю, к князь-папе и т. п.

не становится, токмо оные балы с их долгими и их гнездами. И тако совершившуся, посаждают новоизбранного в ковш (громادных размеров) и провождают всем собором к дому его и опускают (князь-папу) в чан (как и прежде бывало), наполненный пивом и вином¹, и пиво из одного расходятся».²

За чином избирания следовал чин поставления; это уже было как бы посвящение нового главы на поприще многотрудное, в сане высоком и знаменательном. Обряд поставления был важнее, значительнее обряда избирания, почему производился еще торжественнее; здесь было больше церемоний, одна другой своеобразнее; больше пели, больше говорили, наконец, пили, пили и пили. Некоторые места сего чина, от первого до последнего слова, составленного «протодьяконом шумного собора — Петром», блещут неподдельной веселостью.... Несмотря на чрезвычайную грубость формы, с которой волей-неволей миришься, вспоминая время сочинения, многие слова, обороты, целые речи и предписания до того остроумны, что даже и в настоящее время срывают улыбку. Справедливость наших слов вполне подтверждается текстом любопытных документов.

Чин поставления

«1) Когда все уже собраны и сядут на своих местах, тогда приходит поставляемый, пред ним же несут две фляги, одна вызолочена, другая высеребрена, и два блюда, одно с огурцами, другое с капустой.

2) Когда придет пред поставляющего, тогда поклонится, и оные дары едино по другому вручает поставляющему, говоря краткий комплект о своем поставлении; потом сядет против поставляющего».³

¹ Отдельная записка Петра, приведенная выше, заключается следующим варьянтом: «Два первые от сидящих отцов идут. И приводят нареченного пред цесаря, который поздравляет ему, також и вси. И воют многолетие князь-цесарю и новоизбранному. Потом повелит (цесарь) на особом стуле близ себя сести оному (то есть новоизбранному). И потом бывает орлочитание за радость избранного (то есть пьют). Когда же все совершится, тогда князь-цесарь повелевает новоизбранному и прочим идти к столу, где воочию поставляются яйца, бывшие на избрании, прочее же ничто (?)».

² «Чин избирания» имеется в нескольких списках. И каждый из них представляет больше или меньше варьянтов.

³ Чин поставления мало изменялся при приеме в собор жрецов и других меньших членов; переменились только некоторые слова. При представлении цесарю о поставляемых жрецах или

3) Тогда поставляющий ворощает его разные вопросы и ответы. На что избранный и отвечает. Потом поставляющий паки говорит.¹ Вопросит поставляющий: «Что убо брате пришел еси и чесого просиши от нашей немерности?»

4) Отвещает поставляемый: «Еже бытии сыном и сослужителем вашей немерности.² А ежели папа поставляется, то глаголет: «Еже бытии крайним жрецом и первым сыном отца нашего Бахуса».

5) Поставляющий глаголет: «Пьянство Бахусово да будет с тобой».³

Еще вопрошает: «Како содержиши закон Бахусов, и в оном подвижаешься?»⁴

6) Поставляемый отвечает:

«Ей орла подражательный и всепьянейший отче! Возставь поутру, еще тьме сушей и свету едва являющуся, а иногда и о полунощи, слив две или три чарки испиваю, и продолжающуся времени не туне оное, но сим же образом препровождаю. Егда же придет время обеда, пью по чашке нема-лой; такожде переменяющимся брашням всякий ряд не пусть препрово-ждаю, но каждой ряд разными питьями, паче же вином, яко лучшим и любез-нейшим Бахусовым (питьем) чрево свое, яко бочку, добре наполняю; так что иногда и ядем (кушанья), мимо рта моего носимым от дрожания моей десницы, и предстоящей во очесах моих мгле, и тако всегда творю, и учить мне врученных обещаюсь. Инако же мудрствующие отвергаю, и яко чужды творю, и... матствую всех пьяноборцев. Но яко же, выше рех, творить обе-щаюсь до скончания моей жизни, с помощью отца нашего Бахуса, в нем же живем, а иногда и с места не движемся, и есть ли мы или нет, не ведаем; еже желаю тебе, отцу моему, и всему нашему собору получитьи. Аминь».⁵

владыках говорилось «приводятся бахусолюбезнейшие избранные номинаты (имя рек) по-ставляются бахусовозлюбленным городам». Цесарь отвечал: «Сила Бахусова да будет на вас!»

¹ На одном из списков против этого пункта рукой Петра отмечено «вписать вместо сего подлинные вопросы и ответы». Те и другие, им же составленные и пронумерованные, напи-саны на особом листе, с которого мы и переносим их в соответствующее место.

² Вариант: «Еже сумаслится в бахусовозлюбленных кабаках, имерек городам».

³ В других списках вместо «пьянство» сказано «обжорство». На приведенном нами списке выставлен 1721 год. Не только точно, но и приблизительно определить время состав-ления каждого документа невозможно, так как на них время не обозначено, в печати же до сих пор ничего или почти ничего не было о предмете настоящего рассказа. Так, например, трудолюбивый Голиков всего раза два или три упоминает о Петре Бутурлине, и то сбивается и путает факты. Без сомнения, списки разбираемых нами чинов составлялись в разное вре-мя, вследствие нового избрания в жрецы или папы, подновлялись, являлись вставки и проч.

⁴ Вариант: «Како пьете? Явите своя сиршая?» и т. д.

⁵ Эта речь несколько раз и весьма старательно переделывалась Петром Великим. Укажем

7) Поставляющий глаголет: «Пьянство Бахусов да будет с тобою, затемневающее, и дрожащее, и валяющее и безумствующее ты во вся дни жизни твоея».

8) Потом поставляемый клекнув (то есть упав на колени), ляжет персями, рукам и главою на подлежащую делву; а жрецы поют песнь Бахусову».

Как кажется, песнь эта не что иное как следующее воззвание, сохранившееся в двух отдельных заметках: «О чеснейший отче Бахусе, от сожженные Семиллы рожденный и в Юпитеровом индрике возвращенный, изжателью виноградного веселия, и проведенному оное сквозь огонь и воду, ради вящяя утехы нам, возследователям вашим! Просим убо тебе со всем сим всепьянейшим собором: умножи сугубо и настави сего вселенского князь-цесаря Иоанна (Ромодановского) стоны во еже тещи вслед тебе! И не точию тещи сему, но и во власти сущих вести такоже, да вси последуют стопам твоим! И ты, всеславнейшая Венус, множа умножи от своего..... к сего заднему! Аминь!»

9) Потом поставляемый, встав, приходит к поставляющему, где облачают его архижрецы во все одежды, кроме шапки.

Облачение сопровождалось следующими возгласами архижрецов.

При возложении одежды: «Облачается в ризу неведения своего!»

Возлагая наплечники: «Возлагаю, яко жернов сельский и выи твоей!»

Флягу возлагая: «Сердце исполнь вина да будет в тебе!»

Нарукавники возлагая: «Да будут дрожащи руце твои!»

Отдая жезл: «Дубина Дидана вручается ти: да разгоняевши люди твоя!»

10) Первый жрец помазует крепким вином главу его и около очей образ круга, глаголя: «Тако да будет кружиться ум твой, и такие круги разными виды, да предстанут очесам твоим от сего во вся дни живота

на важнейшие варианты против приведенного текста двух других списков: «Ей орлоподражательный всепьянейший владыко! Вопросенное тобою, по силе моей, исправляю. Аще егда утреннее, еже выше рех, еще не минуется, а обеду уже настояшу времени, пью по чашке немалой» и т. д. После слов: «в очесах моих мгле» — чит.: «паче же тшуся, чтоб от оных питей мозг мой и ум непрестанно в густых туманах и в пьяной мгле пребывал» и т. д.

В другом списке вариант значительнее: «Еще не точию утро единое, яко же изрекохом препровождаем, но в полдни вящее испиваем; на вечер же великую смошницу употребляем. Такоже в среднощии и в первое, второе и третье кураташение творим. Яко меху или делве (то есть бочке) надутиса утробам нашим, опухлети очесам, осинети лицу, трястися рукам и прочее. Сие же обещаеся не точью самим творити, но и врученным нам стадам такоже являти; противужемудрствующих отвергаем и... матствуем».

твоего». Тако-ж (помазует) и обе длани, и четыре перста, ими же чарка приемлется образом лученки, глаголя: «Тако да будут дрожати руце твои во вся дни жизни твоей».¹

11) Потом налагают руки архиереи; первый (из них) читает: «Рукополагаю аз пьяный сего нетрезвого: во имя всех кабаков, во имя всех табаков, во имя всех водок, во имя всех вин, во имя всех каразинов, во имя всех браг, во имя всех бочек, во имя всех сидров, во имя всех ковшей, во имя всех плошек, во имя всех чарок, во имя всех стаканов; та-кож во имя вкупе собранных канарейки, синицы, жаворонка, снигиря, соловья, чайки, сойки, грача, лебедя, ворона, сокола, кречета, орла великого, корабля и кита, носящего их».²

12) Потом налагают шапку, с возгласом: «Венец мглы Бахусовой возлагаю на главу твою. Да не познаеши десницы твоей, ниже шуйцы твоей, во пьянстве твоём!» После чего поют аксиос!

13) Потом сядет на своей престол и вкушает орла, и прочим подает. И тако оканчивается».³

По желанию Петра, соизволению князь-цесаря и большинству голосов членов собора в князь-папы избран был известный уже нам Петр Иванович Бутурлин, столь долго и безупречно правивший петербургскую епархию пьяниц, обжор и шутов.

Церемония эта однако не могла быть совершена в Петербурге.

Петр спешил в Москву, в сердце России, чтоб кончить свое дело с сыном: там отрешить его от престола, там зачат его суд, там, наконец, казнить главнейших из его советников и друзей.

15 декабря 1717 года государь поскакал со своей свитой в Москву, за ним на другой день выехала государыня и двор ее. 23 числа оба они были уже в Белокаменной.

А 28 декабря со всей церемонией и точным выполнением мельчайших предписаний, данных Петром, совершено было избрание Бутурлина.⁴

¹ Вариант: Поливая вином на главу, архиерей восклицает: «Помазается помазанием пьянства. Да будет выну затемневающее, и дрожащее, и безумствующее во вся дни жизни твоей».

² Эти названия носили разнокалиберные сосуды, назначенные для питья; вероятно, они имели форму тех птиц и животных, имена которых носили. При составлении этого рукоположения Петр Великий беспрерывно вставлял новые имена, переменил порядок прежних и т. п.; это видно из черновых собственноручных его заметок.

³ Приведенный нами список поставления имеет много вставок и варьантов; на важнейшие из них мы указали.

⁴ Надо думать, что в начале подобных церемоний действующие лица пили немного; в пре-

Вскоре после избрания, а именно 10 января 1718 года, совершен был обряд поставления. Где был совершен обряд — из документов не видно, но если судить по подписи Бутурлина на письме 29 декабря «Прешбург», то надо думать, что оно было совершено близ Москвы, в Преображенском. Там развлекался государь в ожидании подвоза сына и его сторонников.

О благополучном совершении важного обряда возведено было длинной реляцией; в ней подробно изложен весь порядок церемонии. Сочинение это не было напечатано, но за то виденный нами список переписан с замечательным искусством уставцем, по линейкам, церковно-славянскими буквами, между тем как все остальные документы переписаны обыкновенной скорописью. Все заглавные литеры на этом списке тщательно разукрашены киноварью. Без всякого сомнения, такая тщательная переписка сделана была по воле Петра: в этом видна его острота и насмешка над нелюбимой им старинной орфографией.

Вот эта интересная реляция.¹

О чине князь-папы поставления в епископы в 1 неделю по крещении, января 10.

1) Повелено того дни жрецам и всем прочим неосвященного собора чинам съехатца на князь-папинской каменной двор пополудни в 3-м часу.

2) Когда все собрались в князь-папин дом, тогда в князь-папинской палате жрецы и другие достойные сели на своих местах.

Тогда посланные по новоизбранного от всего собора: ключарь старой, да кардинал протодьякон, и из уединенной его палаты, ввели его почтенно в собранную палату.

Пред ним несли две фляги, наполненные вином пьянственнейшим; едина фляга позлащенная, другая высеребрена, и два блюда: едино — с огурцами, другое — с капустой.

Поставили пред его кесарским величеством, на изрядном, постланном, аксамитном луховском ковре.

3) Архиерецы на высоком троне видели по степеням, справую и левую стороны.

тивном случае рождается вопрос: как могли говорить затверженные речи, как не путались поставляющие и поставляемые, в то время, когда язык не ворочался, и ноги плохо держали?

¹ Она имеет довольно много вариантов против приведенного нами «чина поставления». Притом, здесь сведено все в надлежащий порядок, между тем как тот список составлен нами по отдельным вставкам, дополнениям, заметкам и проч.

4) Тогда новоизбранный поклонялся его цесарскому величеству и жрецам, сидящим трижды.

И вышепомянутые дары, едино по другом, подносил поставляющему, говоря краткий комплимент о своем поставлении.

И потом сел на стуле прямо поставляющего.

5) Тогда поставляющий вопрошал его: «Что убо брате пришел еси и чесого от нашея немерности просиши?»

6) Тогда отвечал поставляемый: «Еже бытии крайним жрецом и первым сыном отца нашего Бахуса».

7) Поставляющий глаголаше: «Пьянство Бахусово да будет с тобой!»

8) Оный-же поставляющий еще вопрошал: «Како содержиши закон Бахусов и во оном подвизаешься?»

«Ей орла подражательный и всепьянейший отче! Возстав поутру, еще тме сущей и свету едва являющуся, а иногда и о полунощи, слив две или три чарки испиваю, и продолжающуся времени не туне оное, но сим же образом препровождаю; егда же придет время обеда, пью по чашке немалой, також-де переменяющимся брашном, всякой ряд не пусть препровождаю, но каждой ряд, разными питьями, паче же вином, яко лучшим и любезнейшим Бахусовым, чрево свое, яко бочку добре наполняя, так что иногда и ядем мимо рта моего носимым, от дрожания моя десницы, и предстоящей во очесах моих мгле; и тако всегда творю, и учить мне врученных обещаюсь, инако же мудрствующие отвергаю, и яко чужды и... матствую всех пьяноборцев; но яко же выше рех, творите обещаюсь до скончания моей жизни, с помощью отца нашего Бахуса, в нем же живем, а иногда и с места не движемся, и есть ли мы или нет не ведаем; еже желаю отцу моему, и всему нашему собору получитьи. Аминь».

10) Поставляющий глаголише: «Пьянство Бахусово да будет с тобой затемневающее, и дрожащее, и валяющее, и безумствующее ты во вся дни жизни твоя».

11) Потом поставляемый кленкнув на колена и лег, и преклонился персями, и руками, и главою, на подлежащую делву, и тогда жрецы пели песнь Бахусову.

12) Потом поставляемый, встав, пришел на высокий амвон к поставляющему, где облачали его архиереи во вся одежды его, кроме шапки.

13) Тогда же первый жрец помазывал его крепким вином, на главе его, и около очей, образ круга, глаголя: «Тако да будет кружиться ум твой, и такие круги, разными видами, да предстанут очесам твоим от сего

во вся дни живота твоего». Тако ж и обе длани, и четыре перста, ими же чарка приемлется образом лученки, глаголя: «Тако да будут дрожати руке твои, во вся дни жизни твоей».

14) Потом налагали руки архиереи, и первый читал речь такову: «Рукополагаю аз старый пьяный сего нетрезвого:

Во имя всех пьяниц,
Во имя всех скляниц,
Во имя всех Зернщиков,
Во имя всех дураков,
Во имя всех шутов,
Во имя всех сумасбродов,
Во имя всех лотров,
Во имя всех водок,
Во имя всех вин,
Во имя всех пив,
Во имя всех медов,
Во имя всех караинов,
Во имя всех сулов,
Во имя всех браг,
Во имя всех бочек,
Во имя всех ведр,
Во имя всех кружек,
Во имя всех стаканов,
Во имя всех чарок,
Во имя всех карт,
Во имя всех костей,
Во имя всех бирюлек,
Во имя всех табаков,
Во имя всех кабаков,
Яко жилище отца нашего Бахуса
Аминь!

15) Потом наложили на главу его шапку и пели аксиос!

16) Потом оный новопосвященный сел на свой престол, на великую покрытую бочку, и вкушал вина из великого орла и прочим всем подавал, певцы же в то время пели многолетие кесарю и новопоставленному.

И оное окончив, вси распущены в дома свои, князь-папа же, разоблачаясь от своей одежды, пошел в свои покоевы платы и остался в том доме».

По совершении чинов избрания и поставления новый князь-папа поспешил возвестить подвластных ему пьяных верноподданных о своем восшествии:

«Понеже, по изволению великого государя князь-цесаря Иоанна Ф. (И. О. Ромодановского) и соизволением всего сумасбродного собора избран есмь аз недостойный митрополит на превысочайший сей князь-папы престол, того ради ныне паки подтверждаю свое обещание, еже изрек при хиротонии моей¹, пред блаженные и вечно достойные памяти тогда отцом моим, ныне же братом, великим господином Кир-Никитою Прешбургским, Яузским и Калужским от самых м...дищих и пред всем сумасбродным собором. Ныне же к прежнему обещаю еще, обещаюсь вящее и вящее закон Бахусов не точию исполнять, но и врученное мне стадо денно и нощно тому поучать, еже да поможет мне чуднейший отец наш Бахус, предстательством антицесарев моих Милак (?) и Аникиты, дабы их дар духа был сугуб во мне. Аминь».²

Таким образом «всешутейший и всепьянейший» в одно и то же время объявлял о своем восшествии на князь-папин престол и подтверждал данный собору завет оправдать их лестный выбор и пить, пить, да смотреть, чтоб другие пили до положения риз. Но новопоставленный хотел, чтоб все ликовали по случаю его великого торжества поставления и потому спешил властной рукой рассыпать милости и возвысить в высшие звания лиц, ему подчиненных.

Одну из первых и самых лестных милостей удостоилась получить князь-игуменья:

«Всешумнейшая и всешутейшая мати, — писал в ней князь-папа, — возлюбленная о Бахусе тщи!

Объясняем вам, что сего месяца, в 28-й день, изволением вселенского князь-цесаря и всего сумасбродного собора, избран есмь я недостойный, а в 29-й день возведен на превысочайший князь-папин престол; и понеже наша неумеренность всегда паству свою добре смотрети и во оной пещися обещахся, того ради и о вас, яко древней, монах... не и великой наставнице не препомних, но его величеству князь-цесарю и всему собору предъявил ваши подвиги, чего ради его величество и собор

¹ То есть когда поставлялся в архиереи.

² Писано рукой Петра.

соизволи. Аз же, аще и телом отстоим, обаче духом присутствуя, данной мне от Бахуса властью произвожду тя от степени князь игуменьиной во архи-игумении, и яко присутствуя возглашаю: “Аксиос, аксиос, аксиос!” По учинении же сего вам возвышения, на место ваше возведена монахиня, из дальних пустынь пришедшая, Анастасия. Дан в Прешбурге. Месяца декабря в 28 день. 1717 года. Вселенский князь-папа.

Петр ...»¹

Необходимо заметить, что князь-игуменьей издавна уже была Ржевская, разбитная, смелая и угодливая старуха.² С этим титулом она несколько раз встречается в рассказе Голикова при описаниях различных церемоний. В приложениях к настоящей статье (№ III) мы приводим несколько ее писем к государю; кроме того одно из писем Ржевской, от 8 июля 1714 к Петру о Шарлоте-София напечатано Устряловым (т. VI, стр. 322). На нем так же, как и на всех письмах Ржевской, подпись: «Князь-игуменья Санкт-Петербургская, Бога молю и челом быю». Факт любопытный: шутиху бабу пьяную и грубую приставили к жене наследника престола для надзора и тайных доносов о ее поведении. Несчастная Шарлотта несколько раз заявляла свое неудовольствие, но надзирательницу не сменяли.

Впрочем, нельзя думать, чтоб новый архи-владыка был человек вполне милосердный и правитель слабый, нет: по инструкциям самого государя, он должен был тщательно наблюдать, чтоб весь его достойный штат был в сборе и славил Бахуса питием непомерным. Нарушителя сего строго наказывались; те же из его подчиненных, которые уклонялись от высоких обязанностей, тех, по особым предписаниям, вновь высылали ко двору князь-папы.

Так, например, в 1723 году всешутейший представил следующий «реэстр архиереям, которые учинились ослушны святейшему князь-папе и ныне обитают в Москве своеволием, также и прочие, а именно:

¹ Черновой список руки Петра, белой — Бутурлина.

² Князь-игуменьей, а потом архи-игуменьей была Дарья Гавриловна Ржевская, дочь Гаврилы Петровича Соковнина, пылкого сторонника царевны Софьи. Анастасия, пожалованная званием игуменьи, — есть княгиня Анастасия Петровна Голицына, дочь и наследница знаменитого боярина Петра Ивановича Прозоровского. Она родилась в 1655 году, скончалась в 1729 году, на 74 году от рождения; была статс-дамой, носила портрет Петра I и исправляла должность придворной шутихи (См. «Русскую Старину», изд. 1870 г., т. I, стр. 507; т. II, стр. 479 и 482).

Архиереи:

Федор Шереметев.
Князь Юрий Щербатов.
Матвей Колычов.
Михаил Собакин.
Князь Яков Лабанов.
Матвей Головин.
Василий Ржевской.
Антон Савелов.
Архидьякон Строев.

Ключари:

Иван Денисов, сын Субота, он же Данилов.
Федор Протасьев.

Попы:

Князь Михайла Оболенский.
Иван Стрешнев.
Василий, он же Самойла Глебов.
Дьякон Лев Воейков.

Крестова попа Ивана Чирикова. Глагтена Бунакова.

Подписал: Святейший князь-папа и патриарх Петро...»

Нечего и говорить, что представленный список был составлен и написан никем другим, как самим государем; им деланы отметки против имен послушников, по его же распоряжению писано, 23 апреля 1723 года, к московскому вице-губернатору Воейкову о немедленной высылке членов собора в Петербург.¹

Таким образом, и тут, в делах шутовского собора, железная рука Петра крепко тяготела над всеми; князь-папа распоряжался собой и своими подчиненными не иначе, как по собственноручным предписаниям и уставам своеобычного протодьякона. Зато аристократическая гордость князь-папы совершенно была удовлетворена. Вокруг него блистали представители древнейших, знатных и славнейших фамилий, некогда честь и гордость России.

Вот состав всепьянейшей коллегии по списку, далеко, впрочем, не полному:

¹ В приложениях (№ VI) приводим образчик того, как люди старого допетровского за-
ла старались уклоняться от участия в шутовских потехах.

«Архи-князь-папа.

При нем служители:

Протокопай... Муханов.

Духовник Иринар...

Архидьякон иди на... Строев.

Протодьякон Пахом пихай... Михайлов¹.

Дьякон Ион попирай... Бутурлин.

Ключари:

Почини... Апраксин.

Ери... Хилков.

Иосий... Суббота.

Ризничий изымай... Мусин-Пушкин.

Уставщик неэман... Репнин.

Поп Феофан... Шушерин.

Дьяконы:

Иосаднил... Головин.

Лови... Воейков.

Рон... Ронов.

Дунь на... Шемякин.

Иподьяконы:

Филарет ярится на... Розоровский.

Посошники: медведь... вытащи.

Благочинной: Акати... Юшков.

Грозные: Сомни... Тургенев.

Кречетник изымай... Колтовский.

Ломпатчики: Азлу... Палибин.

Звани... Губин.

Розмани... Васильев.

Возьми... Тимашев.

Комисарсуи... Ключарев.

Имай... Лихарев.

Новгородский подьячий паси... Козырев.

¹ То есть государь царь Петр Алексеевич.

Сибирской комендант Григорий Калемин.
Разломи... Траханиотов.

Дьяки:

Иван Лосев.

Осип Метлин».

Конклав, кроме непряменного заседания на всех полуторжественных и торжественных пирах, кроме участия во всех процессиях и маскарадах, имел особые занятия. Он посвящал свои досуги на наезды к разным лицам. Пред всешутейшими все и вся отворялось; хозяева и хозяйки, едва ли довольные, спешили, однако, оказать нежданым гостям всевозможное гостеприимство...

Неизвестность времени приезда членов конклавии, естественно, вводила в издержки хозяев, так как они всегда должны были быть готовыми к их встрече. Вот почему всемилостивейший князь-папа, со слов государя, обнародовал следующий указ:

«Указ всешутейшева и всепьянейшева князь-папы.

Объявляет наша немерность, что мы иногда так утруждены бываем, что с места двинутися не можем; отчего случается, что не все дома посетить можем, которые того дня обещали; а хозяева от того в убыток входят, ради другава приуготовления. Того ради, сим объявляем и накрепко заповедуем, под наказанием великого орла: дабы ядей никаких никто не готовил; но точию следующее по сем. А буде у кого соизволим трапезу снесть, и тому заранее будет указ наш объявлен.

И для вящего уверения, сей указ нашею рукой подписали и великой Гаврииловской печатью запечатать повелели».

При указе приложено объявление,¹ «что иметь в доме, в оны же входим:

Хлеб, соль, калачи, икра, сельди, окорока, сухие куры или зайцы, ежели случится; сыр, масло, колбасы, языки, огурцы, капуста, яйцы и табак.

Над всеми же сими превозлюбленные наши вины, пива и меды, сего что вящее, то нам угоднейшее будет, ибо в том живем, и не движемся. и есть мы или нет, не ведаем».

В минуты, когда превозлюбленные напитки более и более оживляли первого жреца Бахусова, когда язык его лепетал бойче, речь пересыпалась

¹ Указ и объявление написаны вчерне самим государем.

выражениями более фигурными, более пряными, нежели слова «шумного протодьякона», когда руки князь-папы двигались свободнее, в подобные минуты, казалось бы, что всешутейший и всепьянейший мог бы возжелать власти неограниченной: начать крушение зубов верноподданных ошуюю и одесную, украшать очеса фонарями неподобными, тужить спины неповинные и трепать за волосы манером, нещадно своеобычным; один словом, князь-папа мог предаться полному разгулу властителя неограниченного, простветителя самовластного, алчущего не единого назидания словом, но и делом рук своих. Но нет! Все это провидел остроумный учредитель всешутейшего собора и ограничил папскую власть даже и на время восторженного состояния достойного главы собора.

Это ограничение состояло в том, что заблаговременно отбиралась от новопоставленного следующая подписка: «Всешутейший князь-папа дает сие письмо протодьякону, что во время шумтва его оному протодьякону унимать словесно и ручно. И для того подписал сие письмо своей рукой и чинить по сему письму».¹

Все уставы шутовской конклавии пребывали в полной силе до самой смерти Петра Великого.²

Так, например, в августе 1723 года, в маскарадной компании собор занимал одно из важнейших мест в длинной шутовской процессии.

В интересном описании этого маскарада, напечатанного князем М. А. Оболенским (прилож. к 3-й части Дневн. Берхгольца, изд. 1860 г.), под № 46-м мы читаем: «Неусыпаемая обитель»: архимандрит в странном уборе, от гвардии фендрих (прапорщик) Афанасий Татишев. Князь ярославский от гвардии фендрих Василий Нелюбохтин со своей княгиней и со всей своей фамилией и синклитом.

«При оной обители служащих всякого знания в разных духовных, арликинских, в нищенских и в прочих странных уборах, как мужеска, так и женска полу.

¹ Приведенная записка Петра подписана «Smireнный Anikit» и проч.; без сомнения, такие ж подписки отбирались и от его славных приемников; впрочем, это было не более как форма. Петр, не выжидая никаких подписок, умирал как словесно, так и ручно.

² В дневнике Берхгольца 1721, 1722, 1723 и 1724 годов рассеяно множество преинтересных подробностей о князь-папе, его соборе и участиях их в пирах, всякого рода празднествах и публичных маскарадах. Мы не цитируем Берхгольца, так как дневник его напечатан на русском языке (Москва, 4 ч., 1857—1860 гг.) и известен всем любителям отечественной истории.

№ 50. В одежде царской: князь-цесарь — князь Иван Федорович Ромодановский.

№ 51. Архиереи: Ианикандр..., митрополит Санкт-Петербургской Морай..., митрополит кроншлотской и котлинской, Тарай..., митрополит великого Нова... и великих...; Ияков Прыткой..., митрополит дербенской и мидской; Гнил..., митрополит сибирской и тобольской; Бибабр, митрополит реки охтинской и седмимельницкой; М... — ... митрополит псковской и изборской, Феофан Красной..., митрополит смоленской и дорожужской; архидьякон Иди на ...строев; ключарь Формасов... Протасьев. Итого 10 человек».

В числе знатнейших дам были: ее величество государыня князь-цесарева Ромодановская; архи-игуменья — Стрешнева, заступившая место покойной Ржевской; князь-игуменья — княгиня Голицына; госпожа адмиральша красного флага — Михайлова, то есть Императрица.

В этом печатном списке мы не находим князь-папы. Ревностное служение Бахусу сломило, наконец, его здоровье; опившийся и обожравшийся сановник всешутейший слег в постель и умер в первой половине 1723 года.¹

¹ В родословной книге, изд. кн. П. В. Долгоруким (1865 г., ч. II, стр. 158, № 128), год смерти П. И. Бутурлина показан 1724 г.; но это неверно, ибо в сентябре еще месяце 1723 г. государь принял на себя заботы о передаче деревень племяннику покойного, денщику Александру Бутурлину, Петр приказал сделать справки в поместьях Петра Бутурлина: каким образом и по сколько собирают с его крестьян подати и проч. Голиков, т. IX, стр. 449, 526; т. XI, стр. 488 и проч.

² (К сноске на стр. 297.) Вот опись документов того сборника подлинных собственноручных бумаг Петра Великого в Государ. Архиве м-ства иностран. дел, в СПб., на основании которых почти исключительно составлена настоящая статья:

«Реэстр некоторым увеселительным письмам о князь-папе и собора онного, писанным рукой государя императора Петра Великого и других:

Объявление, какому быть прошению к князь-цесарю от собора отцов, о избрании им в отца князь-папу, л. 1. чин избрания и с оных списки с пополнением, лл. с 3 по 18. Обещание от князь-папы чрез баллотирование с некаким осязанием; с росписаниями рукоположения и одежды, с вопросами ко избранному, и ответами его и к тому с принадлежностями, лл. с 20 по 47. Два письма князь-папы к протодьякону Петру, писанные в июле и в сентябре месяцев без годов, на которые требовал себе ответу и уведомления в С.-Петербург, будучи и пишущий в оных митрополитом, лл. 50—52. Подписка Петра Бутурлина извинительная с написанным в оном (ежели впредь провинится) не каким закладом, л. 53. Письмо от митрополита к протодьякону Петру Михайлову, писанное с Москвы, генваря в 5 день 1709 года, л. 54. Письмо от него ж вышепомянутому ж протодьякону, л. 55. Две записки или загадки, лл. 59—60. Некоторая подписка Дмитрия Сибиряка, Автомона Дубасова, князя Дмитрия Щербатова, л. 61. Подписка князь-папы своему протодьякону, чтоб во время шумтва его, оному протодьякону унимать словесно и ручно (писано до окончания рукой государя Петра Великого), л. 62. Два указа князь-папы, всешумнейшей мати, возлюбленной о Бахусе тщи, что произведена

На вдовствующий престол был избран новый князь-папа; но еще за месяц до своей смерти Петр великий вновь был озабочен чином нового избрания. Об этом свидетельствует следующая пометка на одном из списков чина:

«Писано 19 декабря 1724 года, а с сего копия дана графу Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину в 20-й день декабря 1724 года».²

она от степени князь-игуменьи, в архи-игуменьи (из коих первой руки е. в.), писанные 1717 года, декабря в 28 день, лл. 64, 65. Два указа от всешутейшого и всепьянейшего князь-папы: к объявлению хозяевам, о пище и питьях, какие в славленьи иметь им в домах своих (первый писан а другой правлен рукой его величества), лл. 68—70. Резстр архиереям и прочим, обитающим в Мосееве, которые учинились ослушны святейшему князь-папе, 1723 года, апреля 33-го дня, л. 72. Роспись именная того собора сослужителем и ключарем, дьяконам, подьяконам, грозным, лампадчикам и другим между оными, л. 73».

Из всего сборника мы оставили без внимания две непонятные загадки, да слишком сальную росписку пьяных членов всепьянейшего собора, князя Дмитрия Сибиряка, Антамона Дубасова и кн. Дмитрия Щербатова; документы эти не важны и не имеют прямого отношения к нашему рассказу. (29 ноября 1860 г. С.-Петербург.)

Рассказ Голикова о свадьбе князь-папы*

В конце 1714 года начались приготовления к свадьбе тайного советника Никиты Моисеевича Зотова, называвшегося князь-папой.

Читатели, конечно, не поскучают, ежели я оную, яко достойную любопытства, опишу с подробностями, какие только мог я собрать, но прежде за нужное почитаю сказать, или паче повторить уже сказанное мною в разных местах истории монаршей, что все его величества забавы и шутки имели целью своей какую-нибудь пользу и намерение. Сия же забава, о которой мы говорить намерены, имела целью своей весьма важный предмет.

Мудрый государь, дабы мечтаемую папой власть над христианством и самую его особу в большее привести у подданных во их презрение, наименовал бывшего учителя своего, реченного господина Зотова, папой; наряжал его смешным образом в его папские уборы, представлял многие обряды папские в таком же смешном виде, и прочее.

Равным сему образом, приводил он мало-помалу в неуважение патриарха российского. Мы уже видели в своем месте, что великий государь, решившись от самой смерти последнего патриарха Адриана упразднить патриаршее достоинство в России, но, что, ведая привязанность народную к сей верховной главе духовенства, предоставил оное времени, пока то есть несколько предрассудки народные придут, так сказать, в ослабление, наименовав между тем рязанского митрополита Стефана блюстителем патриаршего престола.

Но, наконец, видя, что народ, дворянство и самые даже знатные особы все еще с некоторой нетерпеливостью ожидали посвящения нового патриарха: тогда-то уже монарх, а именно, в конце минувшего года, решился открыться, что ожидание их есть тщетно; он собрал первейших духовных империи своей и других знатных особ, объявил им, что он хочет быть один начальником российской церкви и предоставляет учредить духовное собрание, состоящее из просвещеннейших в государстве

* Деяние Петра Великого, М., изд. 1792, т. X, стр. 232, изд. 2-е, М., 1838, т. VI, стр. 277.

особ духовных, дабы принимать их совет в делах, до церкви касающихся, и с которым вместе будет он стараться об уничтожении вкравшихся в церковь, к великому соблазну народа, разных злоупотреблений, при-совокупя к тому, что сие собрание состоять будет под именем Святейшего Синода, и которое откроется так скоро, как окончится настоящая война, и прочее. А дабы к сему приготовить умы, то восхотел государь наперед изведать мысли своих подданных и о тех переменах, которые положил он учинить в правлении церковном. На сей-то конец того ж князь-папу преобразил в патриарха; он одевал его иногда в подобное патриаршему платье; сей последний, когда представляющий патриарха садился на лошадь, держал стремя коня его, по примеру некоторых царей российских, при восседании патриарха на коня в назначенные дни.¹ Сему же концу соответствовала и выдумка монаршая только смешной церемонии свадебной сего мнимого патриарха; и так, опишем мы оную.

Еще в минувшем году, а именно 21 сентября, дан был следующий приказ: «По указу великого государя объявить нижеписанным, чтоб быть им на свадьбе тайного советника Никиты Моисеевича Зотова, всесветного манера в платье каждого манера по три человека, и в том согласясь, и о платье, кто какое возмнит сделать, объявить государственному канцлеру и кавалеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину, сего сентября 22-го, дабы одним образцом больше трех платьев и других не было, и конечно б оное платье в готовности было сентября к 29 числу».

Сие объявление касалось до обоего пола и разослано ко всем знатым особам, гвардии офицерам и другим чиновникам, имена которых увидим мы ниже.

Все те, которым сие сообщено, должны были подписаться, какое они себе избрали платье.

Октября 6-го монарх, прочтя подписку сию, многое переменил и назначил именно кому в каком быть наряде.

Декабря 10-го того ж 1714 года его величество повелел всем сим в назначенном им уборе быть на смотр в дом секретаря Волкова на Васильевском острову. Но чтоб народ онного не видал, то покрыться им епанчами и прочее, а головные уборы, не надевая на себя, так бы привезли. Князь Меншиков, сообщая сие монаршее повеление графу Головкину,

¹ Так описывает безымянный сочинитель истории Петра Великого, в Голландии напечатанной, подобное же и служащее сему подтверждением слышал я и от стариков тогдашних времен.

заключает так: «Также при сем прилагаю роспись его царского величества собственной руки,¹ по которой извольте тем персонам объявить, чтоб каждый изготовил к тому браку сану, а именно линии такие, какова у царского величества, на которой бы можно десяти персонам сесть, а на полозья криули брать из адмиралтейства».

В силу сего повеления и по разосланным ко всем повесткам, в показанный дом явились к монарху пополудни во 2 часу, декабря 12-го.

По осмотре должны были все подписаться, в каком кто платье неотменно явится в назначенный день свадьбы.

Потом монарх дал всем следующую роспись:

Реестр, кому господам на свадьбе тайного советника Никиты Моисеевича Зотова быть в каком платье и с какими играми.

Жених в кардинальском.

Кесарь в царе-давидовском.

Платье гамбургских бурмистров. Светлейший князь (Меншиков). Адмирал граф Апраксин. Генерал Брюс. Генерал Вейде. Граф Фицтум. (Игра рыле).

Разной манеры. Господин вице-адмирал. Господин генерал-лейтенант Бутурлин. Господин Трубецкой. Господин Скляев (Барабаны).

В китайском. Граф Головкин. Князь Яков, князь Григорий Долгорукие. Князь Петр, князь Дмитрий Голицыны. (Дудочки).

В венецком. Граф Мусин-Пушкин. Генерал князь Репнин. Князь Василий, князь Михайло Долгорукие. Савва Рагузинский. (Черные дудочки)².

Скороходское. Барон Шафиров. Барон Левольд. Комендант Чемесов. Князь Григорий Прохорович Долгорукий. (Палки скороходские).

Арцибискупское. Алексей Петрович Салтыков. Тихон Никитич. Боярин Бутурлин. Окольничий Бутурлин. Андрей Корсаков. (Роги большие).

Турское. Господин Толстой. Господин Бестужев. (Тарелки медные).

Рудоконное. Барон Лось. Фалк. Егуженский. Макаров. (Цытра. Скрипицы).

¹ Роспись сия такова: «Реестр линиям: жениховы, царского величества, господина губернатора князя Меншикова, господина адмирала графа Апраксина, господина графа Головкина, господина графа Мусина-Пушкина, князя Якова Федоровича Долгорукова, князя Григорья Федоровича Долгорукова, митрополита новгородского, господина генерала Брюса, господина генерала Вейде». Г. (1700 г.).

² По списку архивскому показано по паре свирелей.

Немецкое пастушье. Цесарский резидент Блеэр. Господин Вебер¹. Господин Ахенбах. Голландский резидент. (Флейты).

Ассесорское. Генерал Чернышев. Князь Алексей Черкасской. Василий Зотов. Иван Зотов. Конон Зотов. (С соловьями).

В золоте. Князь Петр Иванович Прозоровский, яко маршал со штатом.

В терликах. Алексей Тимофеевич Лихарев. Михайло Иванович Глебов. Князь Петр Лукич Львов. Петр да Никита Хитровы. Борис Иванович Лихарев. Андрей Крефт.

Сии без игр для того, что от старости своей не могут ничего в руках держать.

В веницейском. Господин Цукин Иван Чередеев. Иван Губин. (С урны).

Американское. Кзянь Осип Цербатой. Алексей Волков. Авраам Веселовской. Левольд молодой. Лефорт. (Вилы деревянные).

Лифляндское старорыцарское. Господин Шлипенбах. Господин Нирот. (Верхи от флейт).

Офицеры.

Однорядки. Лутковский. Киселев. Федор Синявин. (Гудки).

Докторы.

Докторское. Красные епанчи как в процессиях живет. Арескин, Блюменторс, Поликола. (Книги).

Матросское. Матвей Олсуфьев, Василий Олсуфьев. Ян Кох. Данило Чевкин. Родион Кошелев. Дмитрий Шепелев. (Трещотки).

Охабни. Царевич Сибирской. Князь Федор Голицын. Панкратий Сумароков. Алексей Юшков. (Тулумбасы).

В охабнях. Михайло Самарин. Князь Юрья Хилков, Степан Нелединский. (Набаты).

Венгерское. Касимовской царевич. Иван Родионович Стрешнев. Василий Глебов. Иван Пушкин. Князь Федор Волконский. (Сковороды).

Польское. Федор Бутурлин. Иван Потемкин. Федосей Мануков. Петр Тарбеев. (Скрыпицы).

Норвежских мужиков. Маршал Биберштейн. Циэзер. Будберх. Михайло Бестужев.

Калмыцкое. Иван Строев. Иван И. Стрешнев. Князь Оболенский. Михайло Голенищев. (Балалайки).

¹ Ганноверский министр.

В шубах. Князь Засекин. Семен Чебышев. (Тазы).

Секретари.

Пасторское Лютерское. Василий Степанов. Петр Курбатов. Андрей Остерман. Капитан Роде. Капитан Кнутов. (С перепелочными дудками).

Китоловное. Барон Гизен. Секретарь Григорий Волков. (Пикульки).

Шипорское. Генерал-майор Головин.

Корабельные мастера: Козенц. Броун. Най. Гаврило Меншиков. (собачьи свисты).

Поповское. Князь Юрья Щербатой. Иван Ржевской. Князь Михайло Шаховской. (Пастушьи рога).

Дьяки.

В армянском. Иван Молчанов. Иван Позняков. (Флейты).

В японском. Александр Докодовский. Василий Казаринов, Иван Ларионов. (Флейты).

Почталионское прусское. Семен Васильев. Лука Тареуков. (Почтовые рожки).

Егерское. Государь царевич. Федор Глебов. Михайло Матюшкин. Князь Григорий Юсупов. Герасим Кошелев. (Егерские рога).

В Никонском. Семен Салтыков. Князь Григорий Долгорукой. Князь Михайло Щербатов. (Габон).

В Немецких кирейках. Капитан Соловой. Капитан Маврин. Капитан Тишин. (С трубами).

В Тунгусском. Григорий Писарев. Богдан Писарев. Петр Татаринов. (Колокольчики).

Турецких дровосеков. Илья Орлов. Василий Парсуков. Семен Пискарской. (Варганы).

Офицеры морские.

Трелемарских мужиков. Шхелтин. Сиверс. Змаевич. (Артиллерийские рога).

Гондулярские. Василий Салтыков. Егор Пашков. Александр Лукин. Алексей Леонтьев. (Новгородские трещотки).

Баурское. Капитан Лихарев. Князь г. Урусов. Капитан Сухотин. (Ложки с колокольчиками).

Македонское. Капитан Федоров. Капитан Измайлов¹. Капитан Бредихин. (Свирели черные).

¹ По другому списку — Румянцев.

В серых кирейках. Капитан Бахтионов. Василий Головин. Алексей Бибилов. (Пузыри с горохом).

В бернардинском. Авраам Бухольц. Феодор Митрофанов. Капитан Карпов. (Дудочки гланяные).

Лопарское. Подполковник Савенков. Майор Аничков. Капитан-поручик Синявин. (Горшки хивинские).

Шубы короткие на выворот. Ермолай Скворцов. Капитан-поручик Гослер. (Синовки старинные).

В матросском. Иван Кочет. Филип Пальчиков. Василий Шипилов. (Волянки).

В рудоконном. Анисим Моляров. Шпаковской. Франц Кичил. (Органные трубы).

Рыболовское. Майор Заборовской. Капитан Дмитрий Лихарев. Капитан Никита Бегичев. (Одни литавры. Двое накрыв)¹.

Дамские особы.

Ее величество, *в фрисландском*, при ней восемь персон, Царица Марфа Матвеевна, *в польском*. Царица Праскевия Федоровна, *в польском*. Принцессы дети ее, *в шпанском*. Пять девиц (фрейлин), *в шубах*, *в летниках и в шубах нагольных*. Государыня царевна, *в польском*, при ней три дамы. Государыня крон-принцесса, принцесса Фрисландская, гофф-дама фон-Брисениен, все *в старонемецком платье*, при них три дамы *в страбургском*. Княгиня Меншикова, генеральша Брюсса, *в испанском*. Графиня Мусина-Пушкина, госпожа Головкина и госпожа Неронова, *в китайском*.

Супруги царевича Сибирского, Головина, Чернышева и Пушкина, *в польском*.

Госпожа архиерейша (Бутурлина), княгиня Оболенская и Хилкова, Суморокова и Чебышева, *в шубах и летниках*.

Госпожа князь-игуменья (Ржевская) и госпожи Бутурлина и Глебова, *в шубах и телогреях*.

Госпожи Стрешнева, Бутурлина, Волконская и Потемкина, *в венгерском*.

Голенищева и Юшкова, *в новгородском*.

¹ Я имею у себя список оригинальный; разрядкой означенные слова писаны, кажется, собственной его величества рукой. Я говорю «кажется», ибо не смею заподлинно утвердить, но весьма, однако же, на его руку похоже; оный сообщен мне от господина Курбатова. Г. (1790 г.).

В архиве коллегии иностранных дел находится позывная к сей свадьбе бумага; я оную здесь также помещаю, яко показывающую, что монарх иногда любил шутить, и что в самых сих шутках усматривается намерение; вот она:

«Позвать вежливо, особливым штилем, не топопаясь, тово, кто фамилией своей гораздо старше чорта» (то есть обер-корсицкого Маразина).

«Лучшего из пустых хвастунов Белохвастова, который, кроме души, весь в заплатах».

«Тово, кто с похмелья гораздо прыток... и белая дорогая».

«Тово, кто всех обидит смехами и хохотаньем».

«Сумосбродных и спорливых по именам, и немного их и все в лицах».

«Древнего старинного архимастера; тово, кто немного учился и ничего не ведает; тово, кто не любит сидеть, а все похаживает».

«Соседов тех, которые по глазам и по платью не затейного содружества и соседства, над всеми бочками коменданта, и пьяницу, и едуна, старова обер-боярина, старова князь-дворянина».

«Тово бы не забыть, кто пятнадцать дней чижики приискивал, да не сыскал; не знаю о том, может ли он и то сыскать, куда он устремляется и куда гости призываются, и торжество готовится; тово человека, кто в Алепе родился; тово, кто кушать приуготовить умеет; тово, кто не по силе борца сыскал».

«К тому брачному торжеству гости: полковник Преображенской, полковница Преображенская, дети их величеств, великого и великие, и со внучаты немалыми».

К тому ж звать:

«Государя князь-кесаря».

«Всепренеосвященнейшего князь-папу¹ архиобер-скосыря».

«Тово, кто именует гостей, благородного Толстого, благородных Кантемиров».

«Тово, кто неусыпаемого сумасбродства президент; тех, которым со двора отлучиться нельзя (то есть денщиков)».

¹ Не должно сего князь-папу принимать за г. Зотова; сей другой был, и также именовался, по уверению неких писателей, г. Бутурлин. сие последнее подтверждается и хранящеюся в собственном его величества кабинете запиской. В реестре дел оного записка сия внесена так: Некому сержанту гвардии в подтверждение, каким образом пожитки князь-папы Петра Ивановича Бутурлина описать и отдать.

«Тово, ково князь чорт смоленской из яйца вынял хуже прежнего, а и до того была Шпанская мушка, ни яман, ни якши средней руки».

Чаятельно таковую насмешку все те разумели, до кого она касалась. К позыву определены четыре человека, которые были великие заики.

15 января повешено всем, чтоб по утру 16 числа по выстрелении из трех пушек съехались мушины в дом графа Головкина, а женщины в дом князь-игуменьи, в платье, изготовленном на брак для смотра.

А линейя и сани большие, в чем дамам ехать, были бы в то же время к тем домам, и стали на Неве против оных, и чтоб каждый был с назначенным всякому инструментом, а женскому полу иметь дудочки красные.

В день свадьбы весь сей кортеж, в предшестве жениха, шествовал в дом канцелярский со своей музыкой. Знатные ехали в больших линейях, каждая о шести лошадях; таких же было 16 линей для поезжан. Из одного с невестой шествовали в церковь. четыре престарелые человека (придают к сему иностранные писатели) вели обрученную чету, и которые заступали место церемониймейстеров; пред ними шли в скороходском платье четыре же претолстые мужика, и которые были столь тучны и тяжелы, что имели нужду, чтоб их самих вели, нежели чтоб бежать им пред мнимым патриархом и его невестой. Сам монарх между поезжанами находился в матросском платье. Собора Архангельского священник, венчавший обрученных, имел более 90 лет. Из церкви тем же порядком весь кортеж сей следовал, с той же музыкой и тем же порядком,¹ в дом новообвенчавшегося мнимого патриарха, где имели и обеденный стол; молодые² в продолжение одного непрестанно потчивали гостей своих разными напитками. На другой день поутру тем же порядком, в тех же уборах и с такой же смешной музыкой весь кортеж сей шествовал в дом сего князь-папы или, как на то время называли его, князь-патриарха; и с пресмешными обрядами подняв их, следовали в дом адмирала Апраксина, а по другому списку вице-адмирала, в котором отобедав, возили молодых, в предшестве всего же кортежа, по всему городу.

В первый день брака угощен был и весь народ, стечение которого было бесчисленно; для него выставлены были многие бадьи с вином

¹ Иностранные писатели, в числе коих и сам бывший в сем празднестве г. Блеер, к сему придают, что во время шествия кортежа, в чрезвычайному шуму толь смешных орудий присоединился и колокольный в церквах звон.

² Из коих первому полагают около 70 лет.

и пивом и разные яства. Сей народ, толико уважавший достоинство патриаршее, в сии дни с великим смехом забавлялся на счет оног¹.

Забавы си продолжались по самый февраль месяц.

Читатели не оставят, надеюсь, сделать заключение обо всей забаве сей монарха, толико впрочем исполненного твердости и благоговения к закону; а я со своей стороны в забаве сей ощущаю еще и последний, так сказать, удар остаточному предрассудку, какой еще имели к старинному местничеству.

Ив. Голиков. 1879 год

Удостоверение в годности папы в IX—XII веках

При разборе библиотеки виленского Музея, между сваленным в угол разным печатным хламом, найдена в 1867 году латинская книга, весьма любопытная по своему содержанию, под заглавием «Roma Triumphans», об избрании и посвящении римских пап и в особенности Климента X. Книга печатана в 1645 году и иллюстрирована многими рисунками. В числе других обрядов и церемоний выбора и посвящения главы римской церкви, описывается здесь и та сцена, где римский конклав удостоверяется в годности избранного на папство. На приложенной к тексту картинке² представлен новоизбранный папа, уже в тройственной тиаре, стоящим в «прорезном мраморном седалище», около его по обе стороны кардиналы; один из них, стоя на коленях около седалища, всунул руку в сделанное с боку отверстие; ото рта его идут слова: «Pontificalia habet» (первосвященническое имеет). Приводим целиком латинский текст книги об этом обряде с русским переводом.

«После сего (вручения папе ключей и целования ног) его понесли к мраморному седалищу с отверстием, находившемуся не в дальнем расстоянии, чтобы, поставивши его в нем, осмотреть его половые органы, как об этом я упоминал уже на стр. 91. Никто да не сомневается в этом: известно достоверно, что мраморное седалище с отверстием находилось

¹ Народ говорил тогда с великим смехом: «Патриарх женился! Патриарх женился!» Другие с ковшиком вина или пива кричали: «Да здравствует патриарх с патриаршею!» и проч.

² Фотографический снимок с этой любопытной картинки, снятый в величину подлинника, подарен в нашу библиотеку в 1807 году бывшим попечителем виленского учебного округа, тайн. сов. Иваном Петровичем Корниловым. (М.С.)

в латеранской базилике, и мы сами многократно видели оное; также достоверно известно, что новоизбранные папы, прежде чем допускались до светской власти, были поставляемы в этом седалище, как о том свидетельствуют, между прочим, и сами католики: *Platin & Sab. in. vit. Joh. VIII. Stella sacerdot. Venetini ejusdem vit. Marian. Schot qui vixit circa annum 1000. Raph. volater. Anthropol. lib. 22 pag. mihi 794. Balaeus in vita Pontific. Petr. Greg. Tholos. syntagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23*».¹

«Девушка из Майнца, по имени Ангелика, скрывшая свой пол, за свою необыкновенную ученость и способности ума, по смерти Леона IV, была избрана папой римским и названа Иоанном VIII. Потом, отправившись однажды в латеранскую базилику, между театром, называемым Колизеем, от колоссальной статуи Нерона, и церковью св. Климента, родила и на том же месте умерла от родов, на втором году своего папства, 1-го месяца 4-го дня, около 857 года по Р. Х. *Platin in ejus vita Raph. Volat. anthropol. lib. 22 pag. m. 794. Balaeus in vita Pontific. Joann. Stell. in Joann. VIII Tholos. syntagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23. Sabell. in ejus vita*. Потому на этом месте даже до нашего времени находилась ее статуя с младенцем на руках, и по этой дороге к базилике намеренно никогда не ходят папы, хотя она короче других и столь же удобна. И после ее смерти определено было, как свидетельствуют об этом многие, не возводить папу на первосвященническую кафедру, пока в седалище с отверстием, нарочно для сего приготовленном, не ощупают его половых органов. *Platin & Sabel. dict. loc. & post cos Tholos. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23*».²

¹ Стр. 387. «Postea, ab usdem ad sedem Marmoream perforatam, quae non procul inde collocata fuit, portatus ut super eadem positus, ejus virilia attrectarentur, veluti supra pag. 91 notavi. Nec dubitandum quin res ita habeat; etenim certissimum est, sellam illam marmoream & perforatam in eadem Basilica Lateranensi servati, quam multoties nos ipsi vidimus. Certissimum quoque est, noviter creatos Pontifices ante, quam ad seculare regimen Lateranense admittantur, super eadem sella reponi & collocari, veluti salis probant inter alios, ipsi quoque Catholici. *Platin & Sabell. in vit. Joh. VIII. Stella sacerdos venetus, in ejusdem vita. Varianus Schotus, qui vixit circa annum 1000. Raphael. Volaterranus Anthropol. lib. 22, pag. mihi 794. Balaeus in vita Pontific. Petrus Gregorius Tholos. Syntagm. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23*».

² Стр. 90—91. «Moguntina puella, Angelica nomine, sexum ementita, ob doctrinam singularem & alias ingenii dotes, mortuo Leone IV summus Pontifex Romanus est facta, & Joannes VIII nominata. Post modum vero compressa, dum ad Lateranensem Basilicam proficiscitur, inter Theatrum quod colosseum nominant a Neronis colosso, & S. Clementem peperit, eoque loco mortua est, pontificatus sui anno 2, mense 1, die 4, circa annum Christi 857. *Platin in ejus vita. Raph. Volater. Anthropol. lib. 22 pag. m. 794. Balaeus in vit. Pontific. Joann. Stell. in Joann. VIII. Tholos. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23. Sabell. in ejus vita*.

**Письма архи-игуменьи Ржевской.
1708—1717 годы**

1

«Всемиловитейший государь полковник, поздравляем вас с полученной вашей викторией, о которой уведомясь от нас здесь, воздав хвалу Вышнему, с удовольствием веселились, а чем наипаче желаем доброго окончания слышать, а по добром окончании ее желаю душевно очи ваши видать в своей святой обители в Санкт-Петербургской.

Также прошу об отдании моего нижайшего поклона его сиятельству принцу Меншикову и с княгиней; а я к вам другое письмо пишу, а от вас к себе ни одного не получу.

Многогрешная Санкт-Петербургская игуменья с сестрами Бога молю и челом бью».

«От Санктпетербурга, октября 2-го дня 1708 года».

На обороте: «Всемиловитейшему государю».

2

«Дорогой наш батюшка господин, господин полковник. Поздравляю вас с преизрядной викторией, какую ни праотцы наши не слыхали, а ныне за помощью великого Бога и вашей премной службой мы сподобились слышать.

И за такую нечаянную радость хвалу Богу воздали, и за ваше здорovie ей-ей изрядно веселились с великим громом пушечным.

Дай, дай Боже, нам очи ваши видеть во твердом камени в Сакнт-Петербурге и также при вас веселиться.

Ей государь, вельми печальна, что я не порадована от вас на письма, только за нынешние труды служивые Бог простит.

Hanc eo loco, ad nostra usquae tempora fuet ejus statua cum puero, & viam hanc, ad eam Basilicam tendentes cionsulto praetereunt & declinant tífes, licet ea brevior sit, nec minus commoda, quam aliae. Post ejus vero mortem, cautum est, veluti plerique scribunt, ne post ellu n tempus, summus Pontifex, in Pontificalem proveherunt cathedram, neve confirmaretur, quin prius in sella, ad id parata & perforate, existens, positusve, ejus virilia perspicerentur & attrearentur. Platin & Sabell. dect. loc. & post eos Tholoss. syntag. jur. univers. lib. 15, cap. 3, num. 23». Sabell.

Также поздравляю светлейшего князя господина, господина Меншикова, с той же вышеписанной викторией, которую получили июня 27-го.

Грешная игуменья Санкт-Петербургская с сестрами Бога молю и челом бью».

«От Санктпетербурга, июля 17-го дня 1709 года».

3

«Всемиловитейший государь! У нас в царствующем Санкт-Петербурге, слава Богу, все благополучно. Истинно, всемиловитый государь, великую печаль имею, что отлучены от вашего величества и непрестанно прошу: Боже! дай ваше величество нам видеть в добром здравьи и во всяком счастливом случае.

Доношу вашему величеству о доме своем старом разорила, а новый не зачинала за малолюдством работных людей, и если, государь, вы меня в своей милости в том моем строении оставите, и я совсем приду в скудость.

Денег на палаты собрано семьсот восемьдесят рублей. Племянников подписал девяносто рублей, не дал ни копейки и неколи ему были считать: по отъезде вашем скоро побежал к Москве, и я чаю, что он в таком мнении, что ему вишь не быть в Санкт-Петербурге.

Немало печалюсь, что при нынешнем случае не имею у себя мужа своего Ивана Ивановича; он бы управил лучше меня.

Грешная монахиня Санкт-Петербургская, князь-игуменья, Бога молю и челом бью.

Пожалуй, всемиловитейший государь, заступи светлейшему князю, чтобы пожаловал на строение палат, что воля его надлежит».

«От Санктпетербурга, июня 20-го дня 1712 года».

4

«Всемиловитейший государь! Иного к доношению не имею то, что у нас в царствующем Санкт-Петербурге все благополучно состоит.

Ваши государские дети и внучата, а наши государи, слава Богу, в добром здравьи.

От сердца желаю и прошу, дабы я не оставлена была милостивым вашим письмом властной вашей руки, в чем бы имела в болезни своей великую радость.

Доношу о себе, для великой болезни мужа моего, с благословения отца нашего князь-папы дерзнула из обители своей отъехать к мужу своему и с проездом в пути была два месяца и в том прошу прощенья.

А мужу моему учинился паралич и в памяти помешание есть. Прошу милости, поблагодари светлейшего князя в письме, что ко мне добр.

Грешная Санкт-Петербургская князь-игуменья. Бога молю и челом бью».

«От Санктпетербурга, февраля 18-го дня 1717 года».

5

«Всемилоостивейший государь! У вас в царствующем Санкт-Петербурге, слава Богу, все благополучно. Всемилоостивейшая наша государыня царица Екатерина Алексеевна в добром здоровьи, изволила пойтить в Сарскую мызу.

Поздравляю вас с новополученным чином, которого воистину с немалым трудом восприяли; дай Боже и выше воспрять. Пожалуй, отдай услужливый мой поклон вашему флагману, изволь ему попенять, что к нам не пишет, воистину не диво в дальнем расстоянии можно уничтожить.

Санктпетербургская князь-игуменья. Бога молю и челом бью».

«Августа 20-го дня».

«И, если изволишь видеть сиятельнейшего адмирала, изволь, по своей ко мне милости, ему попенять, что к нам не пишет и в том нам печаль приносит!»

Просьба дьяка Протопопова о небытии в машкараде.

1722 год

Императорского величества в кабинет. Доношение дьяка Алексея Протопопова.

Написан я в машкарад, а по указу из государственной юстиц-коллегии, президент спрашивает многих дел и репортов, да к тому ж многих

прибудущих господ и царедворцев против прошлых лет, в Москву не-престанные сделки и прочие крепости, по которым много пишущих крепостей, а у того дела я один, а великие крепости без подписки моей быть не могут, от чего я опасен, чтобы от того пошлинам утраты и в делах бы остановки и требующим писать волокиты не было. О сем требую его Императорского Величества указу. Дьяк Алексей Протопопов.

Петр Великий о ханженстве и лицемерии

Неоспоримо, что под формой насмешки над князь-папой и его конклавом Император Петр бичевал и темные стороны быта, современного ему духовенства, как белого, так, в особенности, черного. Положение того и другого было завещано древней Русью в самом неудовлетворительном состоянии, резко засвидетельствованном церковным и гражданским правительствами. «Меры, принятые преобразователем, — пишет историк Сергей Мих. Соловьев (т. XVIII, стр. 200—201), — для исправления зла не имели успеха». Возгорелась вражда против него духовного чина, царь отвечал тем же чувством.

«От 1722 года осталось написанное рукой Петра толкование заповедей; на одной стороне написаны заповеди, на другой — какие грехи противны тому. Против 1-й заповеди написано: «Идолопоклонники и атеисты». Против 2-й: «Кто страха Божия не имеет и все почитает легко, другие от незнания учения». Против 3-й: «Те ж, о которых во втором пункте писано, и презорцы и ленивые». Против 4-й — то ж, что во 2-м и 3-м. 5 — Разбойники и им подобные. 6 — Есть от тех же страха Божия неимущих, есть от нужды, есть от великого вожделения. 7 — Та-ти. 8 — Бездушники. 9 — Ябедники. 10 — Они ж. Описав все грехи против заповедей, един токмо нахожу грех лицемерия или ханженства необретающийся — чего для? Того ради, понеже заповеди суть разны и преступления разны против каждой, сей же грех все вышеписанные в себе содержит. Против первое: грех есть атеизм (атеизм), который в ханжах есть фундаментом, ибо первое их долг сказывать видения, повеления от Бога и чудеса все вымышленные; и когда сами они вымыслили, то ведают уже, что не Бог то делал, но они; какая же вера в оных, а когда оной нет, то суть истинные атеисты. Против второй: страха Божия неимущее, понеже когда лгут на Бога, какой уже страх Божий в них

обрестися может? Против третьей: сия равна второй, к тому ж прилагается: святы его, сиречь молися; молитва же от ханжей приятна ли Богу, которая во лживых чудесах и фарисейских местах и атеистовской совестью исполнена. Против четвертой: может быть, что натуральных отцов некоторые и почитают, но сие — на удачу, но пастырей, иже суть вторые по натуральным отцы от Бога определены, как почитают? Когда первое их мастерство в том, чтобы по последней мере их обманут, а вяще тщатся бедство им приключить и подчиненных пастырей оболганием у вышних, и вышних всеянием в народ хульных про оных слов, подвигая их к бунту, как многих головы на кольях свидетельствуют. Против пятой: который на свете разбойник только может людей погубить как заводчик бунта, и все то чинят образом святыни, под видом агнца, прикрытые его кожей. На шестую: как бы мог муж незнакомого человека и под руку приняв, отведет для благословения и пророчеств, и, провожая назад, руки выцелует и наклоняется, считая за великую себе добродетель, что такого адского сына в свояки себе принял. На седьмую: не токмо одной рукой, но духом и обоими все крадут. На восьмую: в сем их и мастерство состоит, как выше писано. На девятую и десятую: сие все без разбору, понеже чем бы им питаться как следует? Скажут, что явилась икона где в лесу или на ином месте и явление было, чтоб на том месте монастырь сделать или пустыню, а монастырю без деревень быть нельзя, как недавно такое дело было в Преображенском, что два крестьянина пришли и сказали такое явление, чтоб построить монастырь и господина их деревню тут отдать. И тако сей грех все в себе содержит, а из грехов прочих не каждый может, например, коли б разбойник стал ханжить, кто б его в артель принял? Когда б из шумниц (пьяниц) кто пришел на кабак святым образом и не стал бы пить и шалить с ними, все б от него побежали; когда б охотник молодой до Венуса пришел бы в компанию девиц в ханжеском образе, то ни у одной бы дружбы не сыскал. Когда б тат так себя учинил, товарищей бы не нашел, понеже чаяли б, что их искушает. Наконец, Христос Спаситель ничего апостолам своим бояться не велел, а сего весьма велел: блюдитесь, рече, от кваса фарисейского, еже есть лицемерие».¹

¹ Государ. архив. мин. ин. дел, кабинет перв. половина, кн. № 31.

VI.

**ПОКУШЕНИЕ НА ЖИЗНЬ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО.**

1720 год

На той самой стороне Летнего сада, на которой сделано было преступное покушение 4 апреля 1866 года почти полтора года тому назад совершено было покушение на жизнь Императора Петра Великого... Так как эпизод этот едва ли многим известен, то мы считаем небезынтересным привести о нем некоторые, к сожалению, впрочем, довольно неполные сведения. В углу Летнего сада, при отделении Фонтанки из Невы, стоит и до сих пор небольшой дворец. Он выстроен Петром Великим в 1711 году и известен был всегда под названием «Летнего». Великий Петр любил этот домик, для своего времени и красивый, и удобный, и здесь проводил весну и лето, когда только был в своем неоцененном «парадизе», как он обыкновенно называл Петербург. В этом же Летнем дворце Император Петр Великий работал с своими министрами, здесь составлял он регламенты, отсюда рассылались его указы. Доступ к государю, как известно, всегда был чрезвычайно легок, хотя, впрочем, Петр I в последнюю половину своего царствования неоднократно издавал строжайшие указы о том, чтобы никто не дерзал подавать ему челобитные, а представлял бы их в подлежащие и им учрежденные коллегии и другие места. Как бы то ни было, но, независимо от подачи челобитен, доступ к государю был легок. Этим и воспользовался злодей.

В 1720 году, однажды вечером, — так рассказывал профессору Штелину уже после смерти Петра I бывший его денщик, по нынешнему — флигель-адъютант, граф Александр Борисович Бутурлин, — у государя в Летнем дворце собрались на совет министры. В это время, пользуясь темнотой и невниманием слуг и денщиков, в переднюю прокрался какой-то незнакомец; под пазухой у него виднелась киса, сшитая из разных лоскутков. Киса та была в роде тех, в каких секретари и писцы того времени приносили к рассмотрению или подписи своим начальникам различные дела. Никто из денщиков и слуг, бывших в то время во дворце, не обратил внимания на незнакомца; вероятно, они приняли его за подъячего или писца из какой-нибудь коллегии, явившегося к государю с делами; незнакомец тем скорее не обращал на себя внимание служителей, что стоял совершенно равнодушно и покойно, и в течение нескольких часов с кисой под мышкой терпеливо ждал выхода государя. Наконец совет кончился. Царь Петр I, по обыкновению, пошел проводить своих министров в прихожую.

В это мгновение незнакомец обернулся к стене и незаметно вынул что-то из кисы и вынутую вещь завернул в кису... Государь, между тем, обернулся и пошел было уже назад к себе в комнаты; незнакомец так смело и решительно последовал за ним, что окружающие могли подумать, будто бы сам государь приказал ему идти за собой; но так как подобного приказа никто не слышал, то один из служителей побежал за незнакомцем и в дверях передней загородил ему дорогу. Когда же последний стал проталкиваться, служитель толкнул его и спросил: «Кто ты такой, и что тебе надобно?». Тот, не отвечая, продолжал проталкиваться вслед за государем. Петр услышал шум и, обратясь, спросил: «Что там?».

Должно быть, могучий голос и грозный вид Петра испугали злодея: у него вывалилась из-под пазухи киса, а из-под нее выскочил «превеликий нож». Преступник пал на колени и признался в своем умысле.

Государь сам схватил его и спросил:

— Что ты хотел с ножом сделать?

— Тебя зарезать, — отвечал преступник.

— За что? — продолжал спрашивать Петр с совершенно спокойным духом. — Разве я тебя чем обидел?

— Нет, — отвечал злодей, оказавшийся раскольников, — ты мне никакого зла не сделал, но сделал нашей братии и нашей вере...

— Хорошо, — отвечал Петр, — рассмотрим это.

Государь велел взять преступника под караул и ничего с ним не делать, пока он его завтра сам обстоятельно не расспросит...

К сожалению, ни профессор Штелин, поселившийся в Санкт-Петербурге в 1735 году и, следовательно, знавший, и притом весьма многих, «птенцов Петра Великого», от которых, большей частью, и слышал все рассказы, внесенные им в его книгу «Любопытные и достопамятные сказания об Императоре Петре Великом», ни Голиков, повторивший, со слов Штелина, это же сказание, — ни один из них не говорит о дальнейшей судьбе дерзкого преступника, не называет его даже и по имени. Между тем, это тем более было бы интересно, что в действительности события едва ли можно усомниться, так как Штелин прямо ссылается на то, что событие передано было ему «фельдмаршалом графом Бутурлиным, который при Петре Великом был денщиком»; делать же ложную ссылку на лицо, сын и ближайшие родственники которого были еще живы в то время, когда книга Штелина была напечатана, автор «Сказаний» едва ли бы решился.

4 апреля 1866 года

Батоги и виска на дыбе

Пытки в России в XVIII веке

Два рисунка, приложенные к настоящей книге, составляют вполне точное воспроизведение гравюр из известного сочинения «*Voyage en Siberie*», совершенного в этот край чрез Европейскую Россию в 1761 г. par M. l'Abbe Chappe d'Auterroche, de l'Academie royale des Sciences. Paris, 1768, tome premier, стр. 224, грав. № 12 и стр. 227, гравюра № 14. Рисунки исполнены тогда же с натуры в России, художником M. le Prince.

Первый из воспроизведенных нами, в гравюрах художника И. И. Матюшина, рисунок представляет весьма обычную сцену на Руси в XVIII веке: это *supplice des batogues* — наказание батогами или палками — самое обыкновенное, самое обыденное в то суровое время, исправительное, хотя зачастую и полное самой свирепой жестокости наказание.

Незабвенный царь-освободитель Александр II, державной волей своей разбив цепи крепостного ига, снял позор и палочного избиения русского человека.

Другой рисунок, который читатель находит в этой же книге, это *supplice du grand knout*, — так называет этот вид истязания ученый-путешественник. Но в действительности это не казнь, лишь подготовка к казни; это тот допрос с пристрастием в России XVIII века, эта та виска или дыба, на которой, кроме массы лиц, были истязан до смерти царевич Алексей Петрович, которую старался уничтожить Петр III, против которой была Екатерина II, но окончательно уничтожил лишь Александр I в 1801 году. С того времени если в нашем отечестве и истязывали кой-кого при допросах, то уже это было увлечение не только незаконное, но и преступное, преследуемое, по обнаружении его, законом, — увлечение мелких властей при разных дознаниях и допросах.

Это также вычеркнуто и смыто со страниц истории России тем Державным вождем русского народа, кто даровал ему «Судебные уставы» 1862—1864 годов.

Михаил Семевский

Содержание

Предисловие	7
I. Тайная канцелярия	
при Петре Великом в 1720—1725 годах	9
Введение.....	10
Цесарские корабли	16
Необычный поклон	18
Новый титул	23
Волокитство полицейского	25
Нежная укоризна	27
Царев указ.....	29
Холоп царевича Алексея	31
Непристойное желание	34
Таинственные литеры	37
Небесное видение	41
Кликуши	47
Прапорщик Скобеев	51
На дворянской пирушке	54
Портной царевича Алексея	56
Школяры.....	58
Двойни царицы Натальи	67
Многолетие царице Екатерине Алексеевне	78
Богохульник	81
Кикимора.....	87

Швед-ведун	90
Колодник	95
Боярская толща	98
Антихрис	106

II. Самуил Выморков,

проповедник явления антихриста в 1722—1725 годах

I	124
II	132
III	134
IV	138
V	142
VI	145
VII	149
VIII	153
IX	156
X	162
XI	168

III. Фрейлина Гамильтон. 1719 год

I	178
II	204
III	212
IV	219
V	226
VI	231
VII	237
VIII	240
IX	244
X	247

IV. Сны Петра Великого. 1714—1719 годы

V. Петр Великий как юморист. 1682—1725 годы

Всеппянейший собор	263
Чин избирания	278
Чин поставления	284

Приложения	298
Рассказ Голикова о свадьбе князь-папы	298
Удостоверение в годности папы в IX—XII веках	306
Письма архи-игумены Ржевской. 1708—1717 годы	308
1	308
2	308
3	309
4	309
5	310
Просьба дьяка Протопопова о небытии в машкараде. 1722 год	310
Петр Великий о ханженстве и лицемерии	311
 VI. Покушение на жизнь Петра Великого. 1720 год	313
 Батоги и виска на дыбе (Комментарии к рисункам)	316

Серия «Книжные памятники из фондов БАН»

Выпуск 12

Семевский М. И.

Слово и Дело! (1700—1725)

Перепечатка с издания 1885 года, с исправлениями

Главный редактор С. В. Харитонов

Художественный редактор В. Т. Курнос

Технический редактор А. С. Апельчугин

Корректор Т. П. Рындак

Набор Н. П. Матусевич

Верстка В. А. Рахманов

Подписано в печать 21.09.06. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,5.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3583

Издательство «Русская симфония»
199106, Санкт-Петербург, В. О., 20-я линия, д. 1, оф. 1
тел./факс: (812) 327-61-25, 321-87-98
<http://www.rusimfonia.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, д. 12

Книга о святыне

К возвращению в Россию **Тихвинской иконы Богоматери** издательство «Русская симфония» ограниченным тиражом факсимильно воспроизвело хранящуюся в Российской национальной библиотеке **рукопись XVII века** (РНБ, ОЛДП F38) — свод сказаний о чудотворной иконе Богоматери и Тихвинском Успенском монастыре. Рукопись представляет собой фолиант размером 203х325 мм объемом 374 страницы и содержит 124 цветных миниатюры. Фолиант и прилагаемый в виде отдельной книги научный комментарий помещены в специальную коробку.

В рамках конкурса Ассоциации книгоиздателей России «**Лучшая книга 2004 года**» данное издание было удостоено **диплома ЮНЕСКО** за значительный вклад в программу «Культурное общение для диалога и развития».

Массовым тиражом выпущена книга, содержащая **перевод рукописи** на современный русский язык и расширенные примечания.

В серии «Книжные памятники» вышли в свет следующие издания:

- **Н. Ф. Дубровин** 349-дневная защита Севастополя (1873);
- **И. Е. Забелин** Минин и Пожарский: «прямые» и «кривые» в Смутное время (1901);
- **А. Ф. Петрушевский** Генералиссимус князь Суворов (1901);
- **И. Г. Георги** Описание всех обитающих в Российском государстве народов (1799);
- **Г. Александровский** Цусимский бой (1956);
- **К. П. Победоносцев** История Православной Церкви (1905);
- **Св. Иннокений Херсонский** Избранные сочинения;
- **Н. Ю. Бубнов** «Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов;
- **Н. Ю. Бубнов** Памятники старообрядческой письменности;
- **Н. В. Гоголь** Размышления о Божественной Литургии.

Тексты книг приведены в соответствие с требованиями современного русского языка.

Книга почетного академика Российской Императорской академии наук **И. Е. Забелина** (1820—1908) «Минин и Пожарский: прямые и кривые в Смутное время» ярко и всесторонне раскрывает образы русских национальных героев Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, условия и обстоятельства их деятельности по преодолению Смуты. Не дворцовые интриги, не революции, а нравственный и гражданский поворот общества с «кривых дорог на прямой путь», по мнению автора, позволили установить «покой и тишину, и соединение государству, как было доселе, как было при прежних государях».

Книга академика Петербургской Императорской академии наук **Н. Ф. Дубровина** «349-дневная защита Севастополя» (1837—1904) возвращает нас к самой героической странице войны России с европейской коалицией 1853—1856 годов. Эта война, вошедшая в историю под названием Крымской, была, по сути, первой в Новое время попыткой насильственного расчленения нашей страны.

Мужество и готовность к подвигу, вера и доброта русских людей с восхищением и любовью описаны на фоне реальных картин обороны Севастополя. Взгляды автора на причины, ход и итоги войны, долгое время

искажавшиеся в угоду политическим интересам, несомненно, заинтересуют современного читателя, который задумывается над судьбами Отечества. Книга дополнена текстом Парижского трактата 1856 года с комментарием академика М. П. Погодина и портретами участников войны.

И. Г. Георги свой энциклопедический труд «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» подготовил в 1776—1780 годах, опираясь на собственные наблюдения и используя результаты работ известных российских исследователей С. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, И. И. Лепехина, Г. Ф. Миллера, П. И. Рачкова и других. Впервые в одной книге были собраны и систематизированы в соответствии с современными автору научными концепциями сведения о различных сторонах культуры и быта народов России. Высокой ценностью являются как сами этнографические описания, так и иллюстрации (около 100 гравюр), дающие полное представление об облике и национальном костюме народов России. Эта работа по праву признана мировым эталоном этнографического исследования.

Все четыре части изданной в 1799 году книги включены в один том объемом около 800 страниц и снабжены научным комментарием и примечаниями главного научного сотрудника Российского этнографического музея В. А. Дмитриева.

Книга **А. Петрушевского** «Генералиссимус князь Суворов» является фундаментальным трудом, посвященным жизни и деятельности великого русского полководца. На основе богатого документального материала автор подробно описывает условия формирования характера и полководческого гения своего героя, позволяя читателю ощутить непередаваемый суворовский дух. Несмотря на то, что этой теме уделялось большое внимание в литературе советского и постсоветского периодов, книга А. Петрушевского дает возможность современному читателю заново открыть для себя А. В. Суворова.

Переиздавая книгу **Г. Александровского** «Цусимский бой», выпущенную в свет в Нью-Йорке к 50-летию события, издатель делает попытку дать читателю возможность познакомиться с непредвзятым взглядом на трагический эпизод великой российской истории. Кто-то может спросить: зачем вспоминать Цусиму, ведь это наш позор, слабость, поражение? На этот вопрос хочется ответить словами автора книги: «Нам нечего бояться вспоминать Цусиму. Правде надо смотреть прямо в глаза. Одной правдой является.

что нас побили за нашу техническую отсталость. Постараемся никогда об этом не забывать и в будущем не отставать от технического прогресса.

Но в Цусиме есть еще другая правда. Правда, которой мы должны гордиться. Правда, которая показала, что русский народ не потерял своего героического духа. Эта правда — доблестное поведение подавляющей части личного состава Второй Тихоокеанской эскадры. На этой правде мы должны воспитывать нашу смену. Повествование о Цусимском бое должно стать современной версией «Слова о полку Игореве». Эта правда уже в течение тысячи лет является движущей силой русского народа, той живой водой, которая соединяет снова вместе временно разрозненные части русского государства и поднимает страну с одра смертельной болезни, воскрешая ее к новой жизни».

Издатель надеется, что книга Г. Александровского «Цусимский бой» вызовет интерес не только у специалистов-историков, но и у читателей, которые гордятся историей своего Отечества.

В книге **К. П. Победоносцева** «История Православной Церкви» простыми и понятными словами рассказывается о зачастую сокровенных, таинственных событиях — о зарождении и становлении Христовой Церкви, о ее жизни в период единства в течение I тысячелетия по Р. Х. Книга, задуманная автором как учебное пособие, сегодня может быть интересна и полезна читателю любого возраста для получения систематизированных знаний по церковной истории.

Книга **Н. Ю. Бубнова** «“Слово о полку Игореве” и поэзия скальдов» является попыткой нового осмысления великого памятника древнерусской литературы как сочинения, тесно связанного с общеевропейской художественной традицией своего времени. В ходе исследования автору удалось установить, что литературным образцом для анонимного автора «Слова» стала древняя поэзия скандинавских скальдов.

Скандинавская ориентация автора «Слова о полку Игореве» и его двуязычие явились своеобразным ключом для нового прочтения замечательного литературного творения Древней Руси.

Первая часть книги **Н. Ю. Бубнова** «Памятники старообрядческой письменности» посвящена исследованию творческого наследия писателя-богослова 2-й половины XVII века иеромонаха Геронтия Соловецкого. Публикуемые

сочинения содержат развернутую критику церковной реформы патриарха Никона 1653—1658 годов.

Во второй части — старообрядческой «Истории о патриархе Никоне» — представлены частная жизнь и реформаторская деятельность Патриарха, рассматриваемые со старообрядческой позиции.

Тексты снабжены комментариями и иллюстрированы миниатюрами из старообрядческих рукописей. Книга предназначена как для профессиональных историков, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей Русской Православной Церкви и желающих лучше понять причины трагического церковного раскола, в XVII веке разделившего Россию на два непримиримых лагеря.

«Размышления о Божественной Литургии» — последнее произведение **Н. В. Гоголя** (1809—1852), увидевшее свет уже после кончины писателя. Оно неоднократно и большими тиражами переиздавалось в дореволюционной России и было настольной книгой для многих православных людей.

Небольшая по объему книжка — это сплав искреннего религиозного чувства и писательского гения. Появление этого очерка было вызвано заботой Гоголя о духовном просвящении молодых людей, которые начали подвергаться искушению индивидуализмом либеральных идей.

Книга будет интересна людям верующим и только вступающим на путь веры, которые хотят понять ход Божественной Литургии и осмысленно участвовать в главной церковной службе. Также в издание включены комментарии и примечания ведущих специалистов-гоголеведов академика Н. С. Тихонравова (1832—1893) и профессора МГУ В. А. Воропаева, что делает книгу полезной для всех интересующихся творчеством Н. В. Гоголя.

Также издательство «Русская симфония» предлагает читателю:

• **Св. Иннокентий Херсонский** О великих Господских и Богородичных праздниках.

Настоящее издание содержит описание пятнадцати главных праздников Православной церкви, посвященных Господу Иисусу Христу и Пресвятой Богородице. В нем подробно изложено догматическое обоснование праздников, описана их история и особенности, церковные службы, а также связанные с праздниками церковные и народные обычаи.

Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся историей и богослужебной практикой Православной церкви, а также призвано пробудить интерес к личности и творчеству святителя Иннокентия Херсонского.

• **Ю. В. Базулин** Двойственная природа денег. Монография посвящена одной из важнейших проблем экономической теории, отраженной в названии книги. Эта проблема освещается на базе трудов известных российских ученых: С. Ф. Шарапова, М. И. Туган-Барановского и И. И. Кауфмана. В монографии обращается особое внимание на значение их научных исследований, в которых впервые зафиксированы и обоснованы объективная и субъективная стороны денег. На основе теоретических исследований ими даны практические рекомендации по организации финансирования народного хозяйства страны и поддержанию стабильной покупательной способности рубля. Автор монографии обоснованно утверждает о практической ценности указанных рекомендаций, использованных в процессе проведения кредитной реформы 1929—1930 годов и сохраняющих актуальность до настоящего времени.

В монографии содержится полная библиография трудов Шарапова, Туган-Барановского и Кауфмана, а также подобранные автором выдержки из их публикаций.

Книга предназначена для научных работников, студентов и аспирантов экономических, социологических и политологических факультетов высших учебных заведений. Кроме того, книга может привлечь читателей, интересующихся историей развития социально-экономической мысли в России.

Издательство «Русская симфония» и Библиотека Академии наук РФ готовят к выходу в свет в 2006 году следующие издания:

- ***Р. Скаловский*** Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова (1856)
- ***Н. Н. Пекарский*** Михаил Васильевич Ломоносов (из книги «История Академии наук в Петербурге», 1870).
- ***Д. Н. Бантыш-Каменский*** Словарь достопамятных людей Русской земли.
- ***Жак Иоахим Шетарди*** Маркиз дн ла Шетарди в России (1862).
- ***Генерал А. П. Ермолов*** Записки (1798—1826).
- ***Н. Полевой*** Русские полководцы (жизнь и подвиги российских полководцев от времен Императора Петра Великого до царствования Николая I) (1845).
- ***Священник Василий Гречулевич*** Толкование Четвероевангелия (1859).
- ***Ф. Синельников*** Жизнь, военные и политические деяния генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова (1813).
- ***Н. Левитский*** Житие, подвиги, чудеса и прославление преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского Чудотворца (1905).
- ***Д. Б. Мертваго*** Записки (1857).

Отзывы о наших книгах просим направлять по адресу:

Издательство «Русская симфония»

199106, С.-Петербург,

20-я линия В. О., д. 1, оф. 1

тел./факс: (812) 327-61-25, 321-87-98

e-mail: rs@rusimfonia.ru

